

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

А. С. ПУШКИНА.

Владимир Г. Пушкин

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНІЙ

А. С. ПУШКИНА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

(СЪ ДВУМЯ ПОРТРЕТАМИ АВТОРА.)

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Г. Н. ГЕННАДИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА Я. А. ИСАКОВА.

1870.

Въ типографіи Гогенфельдена и Ко. (Вас. Остр., 3 л., № 44).

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Представляя публикѣ новое изданіе полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина, издатель долгомъ считаетъ сказать нѣсколько словъ собственно о настоящемъ своемъ второмъ изданіи, чтобы показать чѣмъ оно отличается отъ его же перваго изданія.

Что касается до поэмъ, драматическихъ и прозаическихъ сочиненій Пушкина (Томъ II — VI), то не требовалось особеннаго измѣненія въ расположеніи ихъ; пополненій представлялось немного, почему мы ограничились почти только тѣмъ, что помѣстили при каждомъ томѣ и слѣдующія къ нему примѣчанія Г. Н. Геннади, тогда какъ при первомъ нашемъ

изданіи примѣчанія эти были изданы отдѣльно и сами по себѣ составляли особый томъ. Но особеннаго вниманія требоваль первый томъ, заключающій въ себѣ лирическія стихотворенія. Редакція озаботилась болѣе точнымъ расположеніемъ ихъ по годамъ и помѣщеніемъ всего, что появилось въ печати изъ мелкихъ стихотвореній Пушкина послѣ нашего перваго изданія. Гораздо же важнѣе этихъ пополненій мы считаемъ то, что въ выходящемъ нынѣ томѣ лирическихъ стихотвореній Пушкина многія пьесы являются напечатанными почти вполнѣ, какъ вышли онѣ изъ-подъ пера великаго поэта, и въ томъ числѣ нѣкоторыя капитальныя по содержанію и по красотѣ формы произведенія. Со стороны издателя было-бы непростительно не воспользоваться нынѣ дѣйствующими законами о печати для возможно полной передачи твореній величайшаго поэта Россіи. На сколько можно было, мы пропечатали стихи, обозначавшіеся прежде точками. Къ сожалѣнію, нѣкоторыхъ пропусковъ мы не могли отыскать, какъ напр. въ стихотвореніи:

„Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ“.

Не перечисляя всѣхъ сдѣланныхъ нами до-

полней, укажемъ въ особенности на двѣ пьесы, которыя только теперь можетъ вполне оцѣнить читатель. Одна изъ нихъ „Андрей Шенье“; здѣсь въ первый разъ явилась въ печати та часть стихотворенія, которая, можно сказать, составляетъ его душу, и безъ котораго образъ Андрея Шенье оставался неполнымъ и неяснымъ; Пушкинъ влагаетъ ему въ уста полную его политическую исповѣдь: упоеніе первыми успѣхами революціи, великія отъ нея ожиданія въ эпоху взятія Бастиліи и клятвы въ Jeu de Romme, и потомъ глубокое разочарованіе, когда оказалось, что всѣ усилія первыхъ бойцовъ новыхъ идей привели къ господству гильотины и владычеству террора. Другая пьеса, для насъ болѣе близкая и болѣе знаменательная по отношенію къ настоящему времени — „Уединеніе;“ до-сихъ-поръ печаталась только первая половина этого стихотворенія, но въ цѣломъ оно припомнилось и повторилось всѣми образованными людьми на Руси, послѣ великой реформы 19-го февраля 1861 года; вдохновенный провидѣцъ-поэтъ вздыхалъ о ней, предсказалъ ее и предсказалъ ту самую форму, въ которой только она могла и

должна была осуществиться на Руси: „увижу-ль я“, восклицалъ онъ.

....Народъ неугнетенный

И рабство надшее по манію Царя!“

Въ этихъ стихахъ не звучитъ-ли намъ теперь загробный голосъ перваго русскаго поэта, присоединяющійся къ благословіямъ русскаго народа Державному Влаовнику обновленія его жизни?

За симъ издатель долгомъ считаетъ сказать, что настоящимъ изданіемъ сочиненій Пушкина онъ не считаетъ свое дѣло оконченнымъ.

Во-первыхъ, при всѣхъ нашихъ стараніяхъ собрать въ нашемъ изданіи все, чтó было доселѣ напечатано изъ произведеній Пушкина, мы могли сдѣлать какой-либо невольный пропускъ. Во-вторыхъ, появленіе отъ времени до времени неизвѣстныхъ доселѣ стихотвореній Пушкина въ разныхъ, періодическихъ изданіяхъ доказываетъ, что не изчерпаны еще всѣ драгоцѣнности, вышедшія изъ-подъ его пера. Поэтому издатель, имѣя въ виду свое право литературной собственности на всѣ появившіяся хоть разъ въ печати сочиненія Пушкина, и желая этимъ правомъ воспользоваться въ интересѣ читателей, — по-

корнѣйше просить какъ родственниковъ поэта, такъ и всѣхъ лицъ, обладающихъ какими-либо драгоценными для насъ памятниками Пушкинской музы, — помѣщать въ журналахъ или сообщать ему свои сокровища. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просить всѣхъ интересующихся дѣломъ изданія сочиненій нашего поэта въ возможно лучшемъ и полномъ видѣ — сообщать ему указанія на недостатки, погрѣшности, и буде есть какіе пропуски настоящаго изданія. Только при такомъ просвѣщенномъ и доброжелательномъ содѣйствіи всѣхъ дорожмцихъ дѣломъ изданія Пушкина, и возможно оно въ надлежащемъ видѣ. Но и прежде, чѣмъ мы будемъ имѣть возможность приступить къ третьему изданію, всѣ имѣющія такимъ образомъ явиться въ печати неизвѣстныя произведенія Пушкина, а равно и тѣ, которыя нами пропущены, — издатель предполагаетъ выпустить себою брошюрой, которую получить бесплатно всякій по приложенному къ сему тому билету.

Къ настоящему изданію прилагается два портрета Пушкина: одинъ, составляющій копію съ гравюры, приложенной къ Кавказскому Плѣннику, когда онъ былъ изданъ въ первый

разъ въ 1822 году и изображающій Пушкина въ юношескомъ возрастѣ; эта рѣдкая нынѣ гравюра, на которой означено что портретъ рисованъ Е. Гейтманомъ, была обязательно сообщена намъ для копіи П. А. Ефремовымъ; другой портретъ есть копія съ гравюры Н. И. Уткина, сдѣланной съ извѣстнаго портрета, писаннаго масляными красками О. А. Кипренскимъ.

Ноября 18
1870 года.

● Я. Исаковъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1812 г.

КЪ ДЕЛІИ.

О Делія драгая!
Спѣши, моя краса!
Звѣзда любви золотая
Взошла на небеса,
Безмолвно мѣсяцъ покотился;
Спѣши: твой Аргусъ удалился,
И тронулъ сонъ его глаза.

Подъ сѣнью потаенной
Дубравной тишины,
Гдѣ токъ уединенной
Сребристыя волны
Журчатъ съ унылой Филомелой,
Готовъ пріютъ любви веселой,
И блескомъ освѣщенъ луны.

Накинуть ночи тѣни
Покровы намъ свои,
И дремлютъ рощей сѣни
И быстро часъ любви
Летитъ — я весь горю желаньемъ!
Спѣши, о Делія, свиданьемъ,
Пади въ объятія мои!

ПЭМЪНЫ.

«Все миновалось!
Мимо промчалось
Время любви.
Страсти мученья!
Въ мракъ забвенья
Скрылися вы.
Такъ, я премъны
Сладость вкусилъ;
Гордой Елены
Цѣпи забылъ.
Сердце, ты въ волъ!
Всѣ позабудь;
Въ новой сей долъ
Счастливо будь.
Только весною
Зефиръ младою
Розой плѣненъ;
Въ юности страстной
Былъ я прекрасной
Въ сѣть увлеченъ.
Нѣтъ, я не буду
Впредь воздыхать,
Страсть позабуду;
Полно страдать!
Скоро печали
Встрѣчу конецъ.
Ахъ, для тебя-ли
Юный пѣвецъ,
Прелесть Елены
Розой цвѣтетъ?...
Пусть весь народъ,
Ею прельщенный,

Вслѣдъ за мечтой
Мчится толпой;
Въ мирномъ жилищѣ,
На пепелищѣ,
Въ чашѣ простой
Стану въ смиреньи
Черпать забвенье,
И — для друзей
Рѣзвой рукою
Двигать струною
Арфы моей.»

Въ скучной разлукѣ
Такъ я мечталъ,
Въ горести, въ мукахъ
Себя услаждалъ,
Въ сердцѣ воженный
Образъ Елены
Мнилъ истребить.
Прошлой весною
Юную Хлою
Вздумалъ любить.
Какъ вѣтерочикъ
Ранней порой
Гонить листочикъ
Съ рѣзвой волной, —
Такъ непрестанно
Непостоянной
Страстью игралъ.
Лилу, Темиру,
Всѣхъ обожалъ;
Сердце и лиру
Всѣмъ посвящалъ.
Что-же? — Напрасно
Съ груди прекрасной

Шаль я срывалъ.
Тщетны измѣны!
Образъ Елены
Въ сердцѣ пылалъ!
Ахъ, возвратися
Радость очей,
Хладно тронися
Грустью моею!
Тщетно зываешь
Бѣдный пѣвецъ;
Нѣтъ, не встрѣчаешь
Мукамъ конецъ....
Такъ, до могилы
Грустенъ, унылый,
Крова ищи!
Всѣми забытый,
Терномъ увитый
Цѣпи влачи....

~~~~~

1814 г.

КЪ СЕСТРѢ.

Ты хочешь, другъ безцѣнной,
Чтобъ я, поэтъ молодой,
Бесѣдовалъ съ тобой, —
И съ лирою забвенной,
Мечтами окрыленной,
Оставилъ монастырь
И край уединенный,
Гдѣ непрерывный миръ
Во мракъ опустился,
И въ пѹстынѣ глухой
Безмолвно воцарился
Съ угрюмой тишиной!...

. . . . .
И быстрою стрѣлой
На Невскій брегъ примчуся,
Съ подругой обнимуся
Весны моей златой,
И какъ пѣвецъ Людмилы,
Мечты невольникъ милый,
Взошедъ подъ отчій кровъ,
Несу тебѣ не злато —
Чернецъ я не богатый —
Въ подарокъ *тукъ стиховъ*.
Тайкомъ взошедъ въ диванну,
Хоть помощью пера,

О, какъ тебя застаю,
Любезная сестра!
Чѣмъ сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жанъ-Жака ли читаешь?
Жанлисъ ли предъ тобой?
Иль съ рѣзвымъ Гамильтономъ
Смѣешься всей душой?
Иль съ Греемъ и Томсономъ
Ты пренеслась мечтой
Въ поля, гдѣ отъ дубравы
Вдоль вѣтъ вѣтерокъ,
И шепчетъ лѣсъ кудрявый,
И мчится величавый
Съ вершины горъ потокъ?
Иль моську престарѣлу,
Въ подушкахъ посѣдѣлу,
Окутавъ въ длинну шаль,
И съ нѣжностью лелѣя
Ты къ ней зовешь Морфея?
Иль смотришь въ темну даль
Задумчивой Свѣтланой,
Надъ шумною Невой?
Иль звучнымъ фортепяно,
Подъ бѣглою рукой,
Моцарта оживляешь?
Иль тоны повторяешь
Пиччини иль Рамо?

Но вотъ, ужъ я съ тобою!
И въ радости нѣмой
Твой другъ разцвелъ душою,
Какъ ясный вешній день.
Забыты дни разлуки,
Дни горести и скуки,

Исчезла грусти тѣнь.
Но это лишь мечтанье!
Увы, въ монастырѣ,
При блѣдномъ свѣчѣ сіяньѣ,
Одинъ пишу къ сестрѣ.
Все тихо въ мрачной кельѣ;
Защелка на дверяхъ,
Молчанье — врагъ веселья
И скука на часахъ!
Стулъ ветхій, необитый
И шаткая постель,
Сосудъ водой налитый,
Соломянна свирѣль —
Вотъ все, что предъ собою
Я вижу пробужденъ.
Фантазія, тобою
Одной я награжденъ!
Тобою пренесенный
Къ волшебной Ипокренѣ
И въ кельѣ я блаженъ!
Что было-бы со мною,
Богиня, безъ тебя?
Знакомый съ суетою
Пріятной для меня,
Увлечшись въ даль судьбою,
Я вдругъ, въ глухихъ стѣнахъ,
Какъ Леты на берегахъ,
Явился заключеннымъ,
На вѣки погребеннымъ —
И скрипнули врата
Сомкнувшися за мною;
И міра красота
Одѣлась черной мглою!...
Съ тѣхъ-поръ гляжу на свѣтъ,
Какъ узникъ изъ темницы,

На яркій блескъ денницы.
Свѣтило дня взойдетъ,
Лучь кинувъ позлащенной
Сквозь узкое окно;
Но сердце омрачено
Не радуется оно.
Иль позднею зарею,
Какъ ночь на небесахъ,
Покрытыхъ темнотою,
Чернѣетъ въ облакахъ —
Близъ келии встрѣчаю
Я сумрачную тѣнь....
И вздохомъ провожаю
Скрывающійся день!

Но время протечетъ,
И съ каменныхъ воротъ
Падутъ, падутъ запоры,
И въ пышный Петроградъ
Черезъ долины, горы
Ретивые примчатъ,
Спѣша на новоселье....
Оставлю темну келью,
Поля, сады свои;
Подъ столъ — клубукъ съ веригой,
И прилету разстригой
Въ объятія твои!

КЪ ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ.

Аристъ! и ты въ толпѣ служителей Парнасса!
Ты хочешь осѣдлатъ упрямаго Пегаса;
За лаврами спѣшишь опасною стезей,
И съ строгой критикой вступаешь смѣло въ бой!

Аристъ, повѣрь ты мнѣ, оставь перо, чернилы,
 Забудь ручки, лѣса, унылыя могилы,
 Въ холодныхъ пѣсенкахъ любовью не пылай;
 Чтобъ не слетѣть съ горы, скорѣе внизъ ступай!
 Довольно безъ тебя поэтовъ есть и будетъ;
 Ихъ напечатаютъ — и цѣлый свѣтъ забудетъ.
 Быть можетъ и теперь, отъ шума удалясь
 И съ глупой музою на вѣкъ соединишь,
 Подъ сѣнью мирною Минервиной эгиды
 Сокрывать другой отецъ второй Телемахиды.
 Страшися участи безсмысленныхъ пѣвцовъ,
 Насъ убивающихъ громадою стиховъ!
 Потомковъ позднихъ дань поэтамъ справедлива:
 На Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и крапива.
 Страшися безславія! Что если Аполлонъ
 Услышавъ, что и ты полезъ на Геликонъ,
 Съ презрѣньемъ покачавъ кудрявой головою,
 Твой геній наградитъ — спасительной дозою?

Но что? ты хмуришься и отвѣчать готовъ:
 «Пожалуй,» скажешь мнѣ, «не трать излишнихъ словъ;
 Когда на что рѣшусь, ужъ я не отступаю,
 И знай, мой жребій палъ, я лиру избираю.
 Пусть судить обо мнѣ, какъ хочетъ, цѣлый свѣтъ,
 Сердись, кричи, бранись, — а я таки поэтъ.»

Аристъ, не тотъ поэтъ, кто рифмы плестъ умѣетъ,
 И перьями скрипя, бумаги не жалѣетъ.
 Хорошіе стихи не такъ легко писать,
 Какъ Витгенштейну Французовъ побѣждать.
 Межъ-тѣмъ какъ Дмитріевъ, Державинъ, Ломоносовъ,
 Пѣвцы безсмертныя, и честь, и слава Россовъ,
 Питаютъ здравый умъ и вмѣстѣ учатъ насъ,
 Сколь много гибнетъ книгъ, на свѣтъ едва родясь!
 Творенья громкія Риематова, Графова,
 Съ тяжелымъ Бибрусомъ гниютъ у Глазунова;

Никто не вспомнить ихъ, не станетъ вздоръ читать,
И Фебова на нихъ проклятiя печать.

Положимъ, что на Пиндъ взобравшись счастливо,
Поэтомъ можешь ты назваться справедливо:
Всѣ съ удовольствiемъ тогда тебя прочтутъ,
Но мнишь-ли что къ тебѣ рѣкой уже текутъ,
За то, что ты поэтъ, несмѣтныя богатства,
Что ты уже берешь на откупъ государства,
Въ желѣзныхъ сундукахъ червонцы хоронишь,
И лежа на боку покойно ѣшь и спишь?
Не такъ, любезный другъ, писатели богаты.
Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
Лачужка подъ землей, высоки чердаки —
Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы.
Поэтовъ хвалятъ всѣ, читаютъ лишь журналы;
Катится мимо ихъ фортуны колесо;
Родился нагъ и нагъ вступаетъ въ гробъ Руссо,
Камоэнсъ съ нищими постелю раздѣляетъ,
Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ,
Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ;
Ихъ жизнь — рядъ горестей, гремяща слава — сонъ.

Ты кажется, теперь задумался немного.
«Да что-же, говоришь, судя о всѣхъ такъ строго,
Перебирая все, какъ новый Ювеналь,
Ты о поэзiи со мною толковалъ,
А самъ поссорившись съ Парнасскими сестрами,
Мнѣ проповѣдовать пришелъ сюда стихами?
Что сдѣлалось съ тобой? въ умѣ-ли ты иль нѣтъ?»

Аристъ, безъ дальнихъ словъ, вотъ мой те бѣотвѣтъ:
Въ деревнѣ, помнится, съ мирянами простыми,
Отшельникъ пожилой и съ кудрями сѣдыми
Въ миру съ сосѣдами, въ чести, довольствѣ жилъ —

И первымъ мудрецомъ у всѣхъ пздавна слышь.
 Однажды, осушивъ бутылки и стаканы,
 Со свадьбы, подъ вечеръ, онъ шелъ немного пьяный;
 Попалися ему на встрѣчу мужики:
 «Послушай, Батюшка», сказали протяки:
 «Настави грѣшныхъ насъ—ты пить вѣдь запрещаешь,
 «Быть трезвымъ всякому всегда повелѣваешь,
 «И вѣримъ мы тебѣ, да что-жъ сегодня самъ?...
 «Послушайте,» сказалъ Отцельникъ мужикамъ,
 «Какъ.... васъ учу, такъ вы и поступайте.
 «Живите хорошо, а мнѣ не подражайте.»

И мнѣ то самое пришлось отвѣчать;
 Я не хочу себя ни мало оправдать:
 Счастливъ, кто ко стихамъ не чувствуя охоты,
 Проводить тихій вѣкъ безъ горя, безъ заботы,
 Своими одами журналовъ не тягчить,
 И надъ экспромтами недѣли не сидить:
 Не любить онъ гулять по высотамъ Парнасса,
 Не ищетъ чистыхъ Музъ, ни пылкаго Пегаса;
 Его съ перомъ въ рукахъ Рамаковъ не страшить;
 Спокоенъ, веселъ онъ. Аристъ, онъ не пить!

Но полно разсуждать — боюсь тебѣ наскучить,
 И сатирическимъ перомъ тебя замучить.
 Теперь, любезный другъ, я далъ тебѣ совѣтъ.
 Оставишь-ли свирѣль, умолкнешь или нѣтъ?
 Подумай обо всемъ и выбери любое:
 Быть славнымъ — хорошо, спокойнымъ — лучше
 вдвое.

КОЛЬНА.

(ПОДРАЖАНІЕ ОССИАНУ).

(Фингалъ послалъ Тоскара воздвигнуть на берегахъ источника Кроны памятникъ побѣды, одержан-

ной имъ нѣкогда на семь мѣстѣ. Между тѣмъ какъ онъ занимался симъ трудомъ, Карулъ, сосѣдственный государь, пригласилъ его къ пиршеству. Тоскаръ влюбился въ дочь его Кольну; нечаянный случай открылъ взаимныя ихъ чувства и осчастливилъ Тоскара).

Источникъ быстрый Каломоны,
 Бѣгущій къ дальнимъ берегамъ!
 Я зрю: твои взмущенны волны
 Потокомъ мутнымъ по скаламъ,
 При блескѣ звѣздъ ночныхъ сверкаютъ
 Сквозь дремлющій, пустынный лѣсъ,
 Шумять и корни орошаютъ
 Сплетенныхъ въ темный кровъ древесъ.
 Твой мшистый брегъ любила Кольна,
 Когда по небу тѣнь лилась;
 Ты зрѣлъ, когда въ любви невольной
 Здѣсь другу Кольна отдалась.

Въ чертогахъ Сельмы царь могучихъ
 Тоскару юному вѣщалъ:
 «Гряди во мракъ лѣсовъ дремучихъ,
 Гдѣ Крона катитъ черный валъ;
 Шумящей прохлажденъ осиною,
 Тамъ рядъ является могилъ;
 Тамъ съ вѣрною, храброю дружиной
 Полки враговъ я расточилъ.
 И много, много сильныхъ пало;
 Ихъ гробы черный вранъ стрежетъ.
 Гряди — и тамъ гдѣ ихъ не стало,
 Воздвигни памятникъ побѣдъ.»
 Онъ рекъ и въ путь безвѣстный, дальней
 Пустился съ Бардами Тоскаръ;
 Идетъ во мглѣ ночи печальной;

Въ вечерній хладъ, въ полдневный жаръ.
Денница красная выводитъ
Златое утро въ небеса,
И вотъ уже Тоскаръ подходитъ
Къ мѣстамъ, гдѣ въ темные лѣса
Бѣжитъ съдой источникъ Кроны
И кроется въ долины сонны.
Воспѣли Барды гимнъ святой;
Тоскаръ обломокъ горъ кремнистыхъ
Усильно мощною рукой
Влечетъ изъ бездны волнъ сребристыхъ,
И съ шумомъ на высокій брегъ
Въ густой и дикій злакъ повергъ;
На немъ повѣсилъ черны латы,
Покрытый кровью предковъ мечъ,
И круглый щитъ, и шлемъ пернатый,
И обратилъ онъ къ камню рѣчь:
«Вѣщай, сынъ шумнаго потока,
О храбрыхъ поздимъ временамъ!
Да въ страшный часъ, какъ ночь глубока
Въ туманѣ ляжетъ по лѣсамъ,
Пришлецъ, дорогой утомленный,
Возлегли подъ надежный кровъ,
Вспомнитъ вѣки отдаленны
Въ мечтаньи сладкомъ легкихъ сновъ!
Съ разсвѣтомъ алыя денницы
Лучами солнца пробужденъ,
Онъ узритъ мрачныя гробницы....
И грознымъ видомъ пораженъ
Вопроситъ сынъ иноплеменный:
Кто памятникъ воздвигъ надменный?
И старецъ лѣтами согбенъ,
Речеть: Тоскаръ напгъ незабвенный,
Герой умчавшихся временъ!»

Небесъ сокрылся вѣчный житель,
 Заря потухла въ небесахъ;
 Луна въ воздушную обитель
 Спѣшитъ на темныхъ облакахъ.
 Ужъ ночь на холмѣ. Берегъ Кроны
 Съ окрестной рощею заснулъ.
 Владыка сильный Каломоны,
 Иноплеменныхъ другъ, Карулъ
 Призвалъ Морвенскаго героя
 Въ жилищѣ Кольны молодой,
 Вкусить пріятности покоя
 И пить изъ чаши круговой.

Близъ пепелища всѣ возсѣли;
 Веселья Барды пѣснь воспѣли;
 И въ пѣнѣ кубокъ золотой
 Кругомъ несется чередой.
 Печаленъ лишь пришелецъ Лоры,
 Главу ко груди преклонилъ:
 Задумчиво онъ страстны взоры
 На нѣжну Кольну устремилъ —
 И тяжело грудь его вздыхаетъ,
 Въ очахъ веселья блескъ потухъ,
 То огонь по членамъ пробѣгаетъ,
 То нѣгою томится духъ;
 Тоскуетъ, втайнѣ ощущая
 Волненье сильное въ крови;
 На юны прелести взирая,
 Онъ полную чашу пьетъ любви.
 Но вотъ ужъ дубъ престалъ дымиться,
 И тѣнь мрачнѣе становится,
 Чернѣетъ тусклый небосклонъ,
 И царствуетъ въ чертогахъ сонъ.

Рѣдѣтъ ночь — заря багряна
 Лучами солнца вожжена;
 Предъ ней златится твердь румяна:
 Тоскаръ покинулъ ложе сна.
 Быстротекущей Каломоны
 Идетъ по влажнымъ берегамъ,
 Спѣшитъ узрѣть долины Броны
 И внемлетъ плещущимъ волнамъ.
 И вдругъ изъ сѣни темной рощи,
 Какъ въ часъ весенней полунощи
 Изъ облакъ мѣсяць золотой,
 Выходитъ ратникъ молодой.
 Мечъ острый на бедрѣ сіяетъ,
 Копье десницу вооружаетъ,
 Надвинуть на чело шлемомъ,
 И гибкій станъ покрыть щитомъ;
 Зарю латы серебрятся
 Сквозь утренній въ долину паръ.

«О юный ратникъ!» рекъ Тоскаръ:
 «Съ какимъ врагомъ тебѣ сражаться?
 Уже-ль и въ сей странѣ война
 Багрить ручьевъ струисты волны?
 Но все спокойно — тишина
 Окрестъ жилища нѣжной Кольны.» —
 — «Спокойны дѣбри Каломоны,
 Цвѣтетъ отчизны край златой;
 Но Кольна тамъ не обитаетъ; —
 И нынѣ по стезѣ глухой
 Пустыню съ милымъ протекаетъ,
 Плѣнившимъ сердце красотой!» —
 — «Что рекъ ты мнѣ, молодой воитель?
 Куда сокрылся похититель?
 Подай мнѣ щитъ твой!» И Тоскаръ
 Приемлетъ щитъ, пылая мщеньемъ.

Но вдругъ исчезъ геройства жаръ:
 Что зрить онъ съ сладкимъ восхищеньемъ?
 Не въ силахъ въ страсти воздохнуть,
 Пылая вдругъ восторгомъ новымъ....
 Лилейна обнажилась грудь
 Подъ грознымъ дышуща покровомъ....
 «Ты-ль это?» возопилъ герой,
 И трепетно рукой дрожащей
 Съ главы снимаетъ шлемъ блестящій,
 И Кольну видитъ предъ собой. —

БЛАЖЕНСТВО.

Въ рождѣ сумрачной, тѣнистой,
 Гдѣ журча въ травѣ душистой,
 Свѣтлый бродитъ ручеекъ,
 Ночью, на простой свирѣли
 Пѣлъ влюбленный пастушокъ;
 Томный гулъ, унылы трели
 Повторялъ въ глуши долинь....

• Вдругъ изъ глубины пещеры
 Читатель Вакха и Венеры,
 Рѣзвыхъ Фавновъ господинъ,
 Выбѣжалъ Эрміевъ сынъ:
 Розами рога обвиты,
 Плющъ на черныхъ волосахъ,
 Козій мѣхъ виномъ налитый
 У Сатира на плечахъ.
 Богъ лѣсовъ въ дугу склонившись
 Надъ искривленной елюкой,
 За кустами притаившись,
 Слушалъ пѣсенки ночной,

Въ ладъ качая головой. —
 — «Дни, протекшіе въ весельи!
 (Пѣлъ въ тоскѣ пастухъ молодой)
 Отчего, явясь мечтой,
 Вы какъ тѣнь отъ глазъ исчезли,
 И покрылись вѣчной тьмой?
 Ахъ! когда я въ мракѣ нощи,
 При таинственной лунѣ,
 Въ темну сѣнь прохладной рощи,
 Сладко спящей въ тишинѣ,
 Медленно, рука съ рукою,
 Съ нѣжной Хлоей приходилъ,
 Кто сравниться могъ со мною?
 Хлоѣ былъ тогда я милъ!»

«А теперь мнѣ жизнь — могила
 Бѣлый свѣтъ душѣ постылъ,
 Грустенъ лѣсъ, потокъ унылъ....
 Хлоя другу измѣнила!...
 Я для милой.... ужъ не милъ!...»

Звукъ исчезъ свирѣли тихой;
 Смолкъ пѣвецъ — и тишина
 Воцарилась въ роцѣ дикой;
 Слышно, плещетъ лишь волна
 И колышитъ павиликой
 Тихо-вѣющій Зефиръ.
 Древь оставя сѣнь густую,
 Вдругъ является Сатиръ.
 Чашу дружбы круговую
 Пѣнистымъ сребра виномъ,
 Рекъ съ ослабленнымъ лицомъ:
 «Ты унылъ, ты сердцемъ мраченъ;
 Посмотри-жъ какъ сокъ прозраченъ
 Блещетъ, освѣтятся луной!

Выпей чашу — и душой
Будешь такъ-же чистъ и ясенъ.
Вѣрь мнѣ: — стонъ въ бѣдахъ напрасенъ.
Лучше, лучше веселись,
Въ горѣ съ Бахусомъ дружись! »
— И пастухъ, взявъ чашу въ руки,
Скоро выпилъ все до дна.
О могущество вина!
Вдругъ сокрылись скорби, муки,
Мракъ душевный вмигъ исчезъ!
Лишь фіалъ къ устамъ поднесъ,
Все мгновенно премѣнилось,
Вся природа оживилась:
Счастливъ юноша въ мечтахъ!
Выпивъ чашу золотую,
Наливаетъ онъ другую;
Пьетъ ужъ третью.... но въ глазахъ
Видъ окрестный потемнися —
И несчастный.... утомился.
Томну голову склоня,
«Научи, Сатиръ, меня, »
Говоритъ пастухъ со вздохомъ,
«Какъ могу бороться съ рокомъ!
Какъ могу счастливымъ быть?
Я не въ силахъ вѣчно пить.»
— Слушай, юноша любезный,
Вотъ тебѣ совѣтъ полезный:
Мигъ блаженства вѣкъ лови;
Помни дружбы наставленья:
Безъ вина здѣсь нѣтъ веселья,
Нѣтъ и счастья безъ любви;
Такъ поди-жь теперь съ похмѣлья
Съ Купидономъ помирись;
Позабудь его обиды,

И въ сбѣятіяхъ Дориды
Снова счастьемъ насладись!

ОПЫТНОСТЬ.

Кто съ минуту переможетъ
Хладнымъ разумомъ любовь,
Бремя тягостныхъ оковъ
Ей на крылья не возложитъ, —
Тотъ не смѣйся, не рѣзвись,
Съ строгой мудростью дружись;
Но съ разсудкомъ вновь заспоришь, —
Радъ не радъ, а дверь отворишь,
Какъ проказливый Эроть
Постучится у воротъ.

Испыталъ я самъ собою
Истину сихъ правыхъ словъ.
«Добрый путь! прости любовь!
За богинею слѣпою,
Не за Хлоей полечу,
Счастье, счастье ухвачу!»
Мнилъ я въ гордости безумной.
Вдругъ услышалъ хохотъ шумной
Оглянулся... и Эроть
Постучался у воротъ.

Нѣтъ! мнѣ видно, не прійдется
Съ богомъ симъ въ размолвкѣ жить,
И покамѣсть жизни нить
Старой Паркой тамъ прядется,
Пусть владѣетъ мною онъ!
Веселиться — мой законъ.

Смерть откроетъ гробъ ужасный,
 Потемнѣють взоры ясны,
 И не стукнется Эроть
 У могильныхъ ужъ воротъ.

ВЕНЕРЪ ОТЪ ЛАПСЫ.

ПРИ ПОСВЯЩЕНІИ ЕЙ ЗЕРКАЛА.

Вотъ зеркало мое — прими его, Киприда!
 Богиня красоты прекрасна будетъ ввѣкъ;
 Сѣдова времени ей не ѣстрашна обида:
 Она не смертный человѣкъ;
 Но я покорствую судьбинѣ,
 Не въ силахъ зрѣть себя въ прозрачности стекла,
     Ни той, которой я была,
     Ни той, которой нынѣ.

КРАСАВИЦЪ,

КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАКЪ.

Возможно-ль, вмѣсто розъ, Амуромъ насажденныхъ,
 Тюльпановъ гордо наклоненныхъ,
 Душистыхъ ландышей, ясиновъ и лилей,
 Которыхъ ты всегда любила,
 И прежде всякій день носила
 На мраморной груди своей —
 Возможно-ль, — милая Климена —
 Какая странная во вкусъ перемѣна!
 Ты любишь обонять не утренній цвѣтокъ,

А вредную траву зелену,
 Искусствомъ превращенну
 Въ пушистый порошокъ!
 Пускай уже съдой профессоръ Геттингена,
 На старой кафедрѣ согнувшись дугой,
 Вперивъ въ латинщину глубокий разумъ свой,
     Раскашлавшись, табакъ толченый
 Пихаетъ въ длинный носъ изсохшею рукой;
     Пускай молодой драгунъ усадый,
     Поутру сидя у окна,
     Стаканы сушить всё до дна,
     И чтобъ прогнать остатокъ сна,
 Изъ трубки пенковой дымъ гонить сѣроватый;
 Пускай красавица шестидесяти лѣтъ,
 У коей держится вся прелестъ на подставкѣ,
 У коей безъ морщинъ на тѣлѣ мѣста нѣтъ;
     Чайкъ въ-прикуску попиваетъ,
 Съ Сарептскимъ табакомъ печали забываетъ....
 А ты, прелестная! Но если ужъ табакъ
 Столь нравится тебѣ.... о пылъ воображенья!
     Ахъ, если-бъ, превращенный въ прахъ,
     И въ табакеркѣ, въ заточеньи,
 Я въ персты нѣжные твои попасться могъ;
     Тогда-бъ, въ сердечномъ восхищеньи,
     Разсыпался на грудь....
     Но, что? мечта, мечта пустая!
     Не будетъ этого никакъ!
     О доля человекъ злая!
     Ахъ!... отчего—я не.... табакъ!

ИПРУЮЩИЕ СТУДЕНТЫ.

Друзья! досужій часъ насталь,
 Все тихо, все въ покоѣ:

Скорѣ скатерть и бокаль!
 Сюда вино златое!
 Шипи шампанское въ стеклѣ!
 Друзья! почто-же съ Кантомъ
 Сенека, Тацитъ на столѣ
 Фольянтъ надъ фоліантомъ?
 Подъ столъ холодныхъ мудрецовъ!
 Мы подемъ овладѣемъ!
 Подъ столъ ученыхъ дураковъ —
 Безъ нихъ мы пить умѣемъ!
 Ужели трезваго найдемъ
 За скатертью студента?
 На всякій случай изберемъ
 Скорѣ президента.
 Въ награду пьянымъ онъ нальетъ
 И пуншъ, и грогъ душистой;
 А вамъ, Спартанцы, поднесетъ
 Воды въ стаканѣ чистой.
 Защитникъ нѣги и прохладъ,
 Мой добрый Галичъ, vale!
 Ты Эпикуровъ младшій братъ,
 Душа твоя въ бокалѣ.
 Главу вѣнками уברי —
 Будь нашимъ президентомъ. .
 Дай руку, Дельвигъ! Что ты спишь?
 Проснись, лѣнивецъ сонный,
 Ты не подъ каедрой сидишь,
 Латинью усыпленный.
 Взгляни? Здѣсь кругъ твоихъ друзей,
 Бутыль виномъ налита.
 За здравье нашей Музы пей,
 Парнасскій волокита!
 Острякъ любезный! По рукамъ!
 Полиѣй бокаль досуга

И вылей сотню эпиграммъ
На недруга и друга!
А ты, красавецъ молодой,
Сіятельный повѣса!
Ты будешь Вакха жрецъ лихой,
На прочее — завѣса!
Хотя студентъ, хотя я пьянъ,
Но скромность почитаю;
Придвинь-же пѣнистый стаканъ:
На брань благословляю.

Товарищъ милый! Другъ прямой!
Тряхнемъ рукою руку,
Оставимъ въ чашѣ круговой
Педантамъ сродну скуку.
Не въ первый разъ мы вмѣстѣ пьемъ,
Нерѣдко и бранимся,
Но чашу дружества нальемъ
И тотчасъ помиримся.

О ты, который съ дѣтскихъ лѣтъ
Однимъ весельемъ дышешь!
Забавный, право, ты поэтъ,
Хоть плохо басни пишешь.
Съ тобой тостуюсь безъ чиновъ,
Люблю тебя душою,
Наполни кружку до краевъ;
Разсудокъ, Богъ съ тобою!

А ты, повѣса изъ повѣсь,
На шалости рожденный,
Удалый хватъ, головорѣзъ,
Пріятель неизмѣнный!
Бутылки, рюмки разобьемъ
За здравіе Платова,
Въ казачью шапку пуншъ нальемъ —
И пить давайте снова.

Приблизься, милый нашъ пѣвецъ,
 Любимый Аполлономъ,
 Воспой властителя сердець
 Гитары тихимъ звономъ:
 Какъ сладостно въ стѣсненну грудь
 Томленье звуковъ льется;
 Но мнѣ-ли страстью воздохнуть?
 Нѣтъ, пьяный лишь смѣется.

Не лучше-ль, Роде записной,
 Въ честь Вакховой станицы,
 Теперь скрипѣть тебѣ струной
 Разстроенной скрипицы?
 Запойте хоромъ, господа!
 Нѣтъ нужды, что нескладно;
 Охрипли?... Это не бѣда:
 Для пьяныхъ все вѣдь ладно.

Но что, я вижу все вдвоемъ:
 Двоится штофъ съ аракомъ,
 Вся комната пошла кругомъ,
 Покрылись очи мракомъ....
 Гдѣ вы, товарищи, гдѣ я?
 Скажите Вакха ради,
 Вы дремлете, мои друзья,
 Склонившись на тетради.
 Писатель! за свои грѣхи
 Ты съ виду всѣхъ трезвѣ:
 Вильгельмъ, прочти свои стихи —
 Чтобъ мнѣ уснуть скорѣе.

КЪ Н. Г. ЛОМОНОСОВУ.

И ты, любезный другъ, оставилъ
 Надежну пристань тишины,

Челнокъ свой весело направилъ
По влагѣ бурной глубины;
Судьба на руль уже склонилась,
Спокойно свѣтятъ небеса,
Ладья крылатая пустилась —
Расправить *счастье* паруса.
Дай Богъ, чтобъ грозной непогоды
Вблизи ты ужасъ не видалъ,
Чтобъ бурный вихорь не вздувалъ
Предъ челнокомъ шумящи воды!
Дай Богъ, подъ вечеръ, къ берегамъ
Тебѣ пристать благополучно,
И отдохнуть спокойно тамъ
Съ *любовью, дружбой* неразлучно!
Нѣтъ, ты не можешь ихъ забыть!
Но что! не скоро, можетъ быть,
Увижусь я, мой другъ, съ тобою
Укромной хаты въ тишинѣ?
За чашей пунша круговою
Подъ часъ вспомнишь обо мнѣ;
Когда-жъ пойду на новоселье
(Заснуть вѣдь общій всѣмъ удѣлъ),
Скажи: дай Богъ ему веселье!
Онъ въ жизни хотъ любить умѣлъ.

РОМАНСЪ.

Подъ вечеръ, осенью ненастной,
Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ,
И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ трепетныхъ рукахъ.
Все было тихо: лѣсъ и горы,
Все спало въ сумракѣ nocturno;

Она внимательные взоры
Водила съ ужасомъ кругомъ.

И на невинномъ семъ твореньѣ,
Вздохнувъ, остановила ихъ....
Ты спишь, дитя, мое мученье....
Не знаешь горестей моихъ!
Откроешь очи и, тоскуя,
Ты къ груди не прильнешь моей.
Не встрѣтишь завтра поцѣлуя
Несчастной матери твоей!

Ее манить напрасно будешь!
Мнѣ вѣчный стыдъ вина моя!
Меня на вѣки ты забудешь....
Но не забуду я тебя.
Дадутъ покровъ тебѣ чужіе,
И скажутъ: ты для насъ чужой!
Ты спросишь: гдѣ мои родные?
И не найдешь семьи родной!

Несчастный! Будешь грустной думой
Томиться межъ другихъ дѣтей,
И до конца съ душой угрюмой
Взирать на ласки матерей.
Повсюду странникъ одинокій,
Всегда судьбу свою кляня,
Услышишь ты упрекъ жестокой....
Прости, прости тогда меня!

Ты спишь!... Позволь себя, несчастный,
Прижать къ груди въ послѣдній разъ.
Проступокъ мой, твой рокъ ужасный,
Къ страданью осуждаетъ насъ.
Пока лѣта не отогнали

Невинной радости твоей,
 Спи, милый! Горькія печали
 Не тронуть дѣтства тихихъ дней.

Но вдругъ за рощей освѣтила,
 Вблизи ей, хижину луна.
 Блѣдна, трепещуща, уныла,
 Съ волненьемъ сына ухватила,
 Къ дверямъ приблизилась она,
 Склонилась, тихо положила
 Младенца на порогъ чужой;
 Со страхомъ очи отвратила —
 И скрылась въ темнотѣ ночной.

КЪ БАТЮШКОВУ.

Философъ рѣзвый и пѣтъ,
 Парнасскій счастливый лѣнивѣць,
 Харитъ изнѣженный любимѣць,
 Наперсникъ милыхъ Аонидъ!
 Почто на арфѣ златострунной
 Умолкнулъ радости пѣвецъ?
 Уже-ль и ты, мечтатель юной,
 Разстался съ Фебомъ наконецъ?

Уже съ вѣнкомъ изъ розъ душистыхъ,
 Межъ кудрей вьющихся златыхъ,
 Подъ тѣнью тополей вѣтвистыхъ,
 Въ кругу красавицъ молодыхъ,
 Заздравнымъ не стучишь фіаломъ,
 Любовь и Вакха не поешь;
 Довольный, счастливый началомъ,

Цвѣтовъ Парнасскихъ вновь не рвешь;
 Не слышенъ нашъ Парни Россійскій.
 Пой, юноша! Пѣвецъ Тисскій
 Въ тебя вліялъ свой нѣжный духъ.
 Съ тобою твой прелестный другъ,
 Лилета, красныхъ дней отрада:
 Пѣвцу любви любовь награда.
 Настрой-же лиру, по струнамъ
 Летай игривыми перстами,
 Какъ вешній зефиръ по цвѣтамъ,
 И сладострастными стихами,
 И тихимъ шепотомъ любви
 Лилету въ свой шалашъ зови.
 И звѣздъ ночныхъ при блѣдномъ свѣтѣ,
 Плывающихъ въ дальней вышинѣ,
 Въ уединенномъ кабинетѣ,
 Волшебной внемя тишинѣ,
 Слезами счастья грудь прекрасной,
 Счастливецъ милый, орошай;
 Но, упоенъ любовью страстной,
 И нѣжныхъ Музъ не забывай!
 Любви нѣтъ болѣ счастья въ мірѣ;
 Люби — и пой ее на лирѣ.

Когда-жъ къ тебѣ въ досужій часъ
 Друзья, знакомые сберутся,
 И вина пѣнныя польются,
 Отъ плѣна съ трескомъ свободясь,
 Описывай въ стихахъ игривыхъ
 • Веселье, шумъ гостей болтливыхъ
 Вокругъ накрытаго стола,
 Стаканъ, кипящій пѣной бѣлой,
 И стукъ блестящаго стекла;
 И гости дружно етихъ веселой,
 Бокаль въ бокаль удара въ ладъ,

Нестройнымъ хоромъ повторять.
Поэтъ! Въ твоей предметы волѣ!
Во звучны струны смѣло грянь,
Съ Жуковскимъ пой кроваву брань,
И грозну смерть на ратномъ полѣ.
И ты въ строяхъ ее встрѣчалъ,
И ты, постигнутый судьбою,
Какъ Россъ, питомецъ славы, палъ!
Ты палъ, и хладною косою
Едва скошенный, не увялъ!

Иль вдохновенный Ювеналомъ,
Вооружись сатиры жаломъ;
Подъ часъ прими ея свистокъ,
Рази, осмѣивай пороки,
Шутя показывай смѣшное,
И, если можно, насъ исправь;
Но Тредьяковскаго оставь
Въ столь часто рушимомъ покоѣ.
Увы! довольно безъ него
Найдемъ безчисленныхъ поэтовъ;
Довольно въ мѣрѣ есть предметовъ,
Пера достойныхъ твоего!

Скажи, по милости, Грифону,
Ползкомъ ползушу къ Геликону,
Чтобъ пересталъ совсѣмъ писать
И бѣдныхъ насъ морить со скуки;
Скажи ему, что наши внуки
Не стануть вздоръ его читать....
Все, все позволено поэту!
Скажи всему, коль хочешь, свѣту
Что Висковатовъ не вѣонадъ
Уродовъ выставилъ на сцену,
Визжать заставилъ Мельпомену,

Что Клитъ былъ добрый человѣкъ,
 Тихонько проводилъ свой вѣкъ,
 Своимъ домкомъ тихонько правилъ,
 И жилъ безъ горя, безъ заботъ
 Покамѣстъ не печаталъ одъ,
 Гдѣ здравый смыслъ вверхъ дномъ поставилъ,
 Гдѣ мы навидѣлись всего,
 «Гдѣ всѣ чудовища геены —
 На жертву агнцы обреченны»,
 Гдѣ нѣтъ лишь смысла одного.

Но что? цѣвницею моею,
 Безвѣстный въ мірѣ семъ поэтъ,
 Я пѣсни продолжать не смѣю.
 Прости — но помни мой совѣтъ:
 Доколь Музами любимый,
 Ты Піэридъ горишь огнемъ,
 Доколь сраженъ стрѣлой незримой,
 Въ подземный ты не снидешь домъ,
 Мірскія забывай печали,
 Играй: тебя молодой Назонъ,
 Эротъ и Граціи вѣнчали,
 А лиру строилъ Аполлонъ!

ГОРОДОКЪ.

(къ * * *).

Прости мнѣ, милый другъ,
 Двухъ-лѣтнее молчанье;
 Писать тебѣ посланье
 Мнѣ было недосугъ.
 На тройкѣ принесенный

Изъ родины смиренной
Въ великій градъ Петра,
Отъ утра до утра
Два года все кружился
Безъ дѣла въ хлопотахъ,
Зѣвалъ и веселился
Въ театрѣ, на пирахъ;
Не вѣдалъ я покоя,
Увы! ни на часокъ,
* Но слава, слава Богу!
На ровную дорогу
Я выѣхалъ теперь,
Ужъ вытолкалъ за дверь
Заботы и печали,
Которыя играли —
Стыжусь — столь долго мной,
И въ тишинѣ святой
Философомъ лѣнливымъ,
Отъ шуму вдаль,
Живу я въ городкѣ
Безвѣстностью счастливомъ.
Я нанялъ свѣтлый домъ
Съ диваномъ, съ камелькомъ;
Три комнатки простыя —
Въ нихъ злата, бронзы нѣтъ,
И ткани выписныя
Не кроютъ ихъ паркетъ.
Окошки въ садъ веселый,
Гдѣ липы престарѣлы
Съ черемухой цвѣтуть;
Гдѣ мнѣ въ часы полдневны
Березокъ своды темны
Прохладу сѣнь даютъ;
Гдѣ ландышъ бѣлоснѣжной
Сплелся съ фіалкой нѣжной,

И быстрый ручеекъ,
 Въ струяхъ неся цвѣтокъ,
 Невидимый для взора,
 Лепечеть у забора.
 Здѣсь добрый твой поэтъ
 Живеть благополучно;
 Не ходитъ въ модный свѣтъ;
 На улицѣ каретъ
 Не слышенъ стукъ докучной;
 Здѣсь грома вовсе нѣтъ;
 Лишь изрѣдка телѣга
 Скрипитъ по мостовой,
 Иль путникъ, въ домигъ мой
 Пришедъ искать ночлега,
 Дорожною клюкой
 Въ калитку постучится....

Блаженъ, кто веселится
 Въ покоѣ, безъ заботъ,
 Съ кѣмъ втайнѣ Фебъ дружится
 И маленькій Эроть:
 Блаженъ, кто на просторѣ
 Въ укромномъ уголкѣ,
 Не думаетъ о горѣ,
 Гуляетъ въ колпакѣ,
 Пьетъ, ѣстъ, когда захочетъ,
 О гостѣ не хлопочетъ!
 Никто, никто ему
 Лѣнится одному
 Въ постелѣ не мѣшаетъ;
 Захочетъ — Аонидъ
 Толпу къ себѣ сзываетъ;
 Захочетъ — сладко спитъ,
 На Рифмова склоняясь
 И тихо забываясь.

Такъ я, мой милый другъ,
Теперь расположился;
Съ толпой безстыдныхъ слугъ
На вѣки распростился;
Укрывшись въ кабинетъ,
Одинъ я не скучаю,
И часто цѣлый свѣтъ
Съ восторгомъ забываю.
Друзья мнѣ — мертвецы,
Парнасскіе жрецы.
Надъ полкою простою,
Подъ тонкою тафтою,
Со мной они живутъ.
Пѣвцы краснорѣчивы,
Прозаики шутливы,
Въ порядкѣ стали тутъ.
Сынъ Мома и Минервы,
Фернейскій злой крикунъ,
Поэтъ въ поэтахъ первый,
Ты здѣсь, сѣдой шалунъ!
Онъ Фебомъ былъ воспитанъ,
Издѣтства сталъ пить;
Всѣхъ больше перечитанъ,
Всѣхъ менѣе томить;
Соперникъ Эврипида,
Эраты нѣжный другъ,
Арьоста, Тасса внукъ —
Скажу-ль?... Отецъ Кандида!
Онъ все: вездѣ великъ
Единственный старикъ!
На полкѣ за Вольтеромъ
Виргилій, Тассъ съ Гомеромъ,
Всѣ вмѣстѣ предстоятъ.
Въ часъ утренній досуга
Я часто другъ отъ друга

Люблю ихъ отрывать.
Питомцы юныхъ Грацій —
Съ Державинымъ потомъ
Чувствительный Горацій
Является вдвоемъ.
И ты, пѣвецъ любезной,
Позіей прелестной
Сердца привлекшій въ плѣнъ,
Ты здѣсь, лѣнтяй безпечный,
Мудрецъ простосердечный,
Ванюша Лафонтенъ!
Ты здѣсь — и Дмитрѣвъ нѣжный,
Твой вымыселъ любя,
Нашелъ пріютъ надежный
Съ Крыловымъ близъ тебя.
Но вотъ наперсникъ милой
Психеи златокрылой!
О добрый Лафонтенъ,
Съ тобой онъ смѣлъ сразиться....
Коль можешь ты дивиться,
Дивись: ты побѣжденъ!
Воспитанны Амуромъ
Вержье, Парни съ Грекуромъ
Укрылись въ уголокъ,
(Не разъ они выходятъ
И сонъ отъ глазъ отводятъ
Подъ зимній вечерокъ).
Здѣсь Озеровъ съ Расиномъ,
Руссо и Карамзинъ;
Съ Мольеромъ-исполиномъ
Фонвизинъ и Княжнинъ.
За ними, хмурясь важно,
Ихъ грозный Аристархъ
Является отвожнъ
Въ шестнадцати томахъ.

Хоть страшно стихоткачу
Лагарпа видѣть вкусъ,
Но часто, признаюсь,
Надъ нимъ я время трачу.

Кладбище обрѣли
На самой нижней полкѣ
Всѣ школьнически толки,
Лежащiе въ пыли:
Визгова сочиненья,
Глугона псалмопѣнья,
Извѣстныя творенья,
Увы, однимъ мышамъ!
Миръ вѣчный и забвенье
И прозѣ и стихамъ!
Но ими огражденну,
(Ты долженъ это знать)
Я спряталъ потаенну
Сафьянную тетрадь.
Сей свитокъ драгоцѣнный,
Вѣками сбереженный,
Отъ члена Русскихъ силъ,
Двоюроднаго брата,
Драгунскаго солдата
Я даромъ получилъ.
Ты, кажется, въ сомнѣннiи....
Не трудно отгадать;
Такъ, это сочиненнiи,
Презрѣвшiя печать.
Хвала вамъ, чада славы,
Враги Парнасскихъ узъ!
О князь, наперстникъ Музъ,
Люблю твои забавы;
Люблю твой колкiй стихъ
Въ посланiяхъ твоихъ;

Въ сатирѣ — знанье свѣта
И слога чистоту,
И въ рѣзвости куплета
Игриву остроуту —
И ты, насмѣшникъ смѣлый,
Въ ней мѣсто получилъ,
Чей въ Адѣ стихъ веселый
Поэтовъ раздражилъ,
Какъ, въ юношески лѣты,
Въ волнахъ туманной Леты
Ихъ гуртомъ потопилъ;
И ты, замысловатый
Буянова пѣвецъ,
Въ картинахъ столь богатый
И вкуса образецъ;
И ты, шутникъ безцѣнный,
Который Мельпомены
Котурны и кинжалъ
Игривой Талы далъ!
Чья кисть мнѣ нарисуетъ,
Чья кисть скомпанируетъ
Такой оригиналь!
Тутъ вижу я съ Чернавкой
Подщипа слезы льетъ.
Здѣсь князь дрожитъ подъ лавкой,
Тамъ дремлетъ весь совѣтъ;
Въ трагическомъ смятеньи
Плѣненные цари,
Забывъ войну, сраженьи,
Играютъ въ кубари.
Но назову-ль дѣтину,
Что доброю порой
Тетради половину
Наполнилъ лишь собой!
О ты, высотъ Парнасса

Бояринъ небольшой,
Но пылкаго Пегаса
Наѣздникъ удалой!
Намаранныя оды
Убранство чердаковъ,
Гласятъ изъ рода въ роды:
Великъ, великъ — Свистовъ!
Твой даръ цѣнить умѣю,
Хоть право не знатокъ;
Но здѣсь тебѣ не смѣю
Хвалы сплетать вѣнокъ:
Свистовскимъ должно слогомъ
Свистова воспѣвать;
Но убирайся съ Богомъ!
Какъ ты, въ томъ клясться радъ,
Не стану я писать.

О вы, въ моей пустынѣ
Любимые творцы!
Займите-же отнынѣ
Безпечности часы.
Мой другъ! Весь день я съ ними,
То въ думу углубленъ,
То мыслями своими
Въ Элизій пренесенъ.
Когда-же на закатѣ
Послѣдній лучъ зари
Потонетъ въ яркомъ златѣ,
И свѣтлые цари
Смеркающейся ночи
Плывутъ по небесамъ,
И тихо дремлютъ рощи,
И шорохъ по лѣсамъ, —
Мой геній невидимкой
Летаетъ надо мной,

И я въ тиши ночной
 Сливаю голосъ свой
 Съ пастушьею волынкой.
 Ахъ, счастливъ, счастливъ тотъ,
 Кто лиру въ даръ отъ Феба
 Во цвѣтѣ дней возьмётъ!
 Какъ смѣлый житель неба,
 Онъ къ солнцу воспаритъ,
 Превыше смертныхъ станеть,
 И слава громко грянетъ:
 «Безсмертенъ ввѣкъ пѣтъ!»

Но ею мнѣ-ль гордиться?...
 «Но мнѣ-ль безсмертьемъ льститься?»
 До слезъ я спорить радъ,
 Не бьюсь лишь объ закладъ....
 Какъ знать, и мнѣ быть можетъ,
 Печать свою наложитъ
 Небесный Аполлонъ;
 Сіяя горнимъ свѣтомъ,
 Безтрепетнымъ полетомъ
 Взлечу на Геликонъ.
 Не весь я преданъ тлѣнью:
 Съ моей, быть можетъ, тѣнью,
 Полуночной порой,
 Сынъ Феба молодой,
 Мой правнукъ просвѣщенный,
 Бесѣдовать прійдетъ
 И, мною вдохновенный,
 На лирѣ воздохнетъ.

Покамѣстъ, другъ безцѣнный,
 Каминомъ освѣщенный,
 Сижу я подъ окномъ
 Съ бумагой и перомъ.

Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я нынѣ вдохновенъ.
Мой другъ, я счастливъ ею;
Почто-жъ ея сестрой,
Любовію молодой,
Напрасно пламенѣю?
Иль юности златой
Вотще даны мнѣ розы,
И лить на вѣки слезы
Въ юдоли, гдѣ расцвѣлъ,
Мой горестный удѣлъ?...
Пѣвца сопутникъ милой,
Мечтанье легкокрыло!
О, будь-же ты со мной!
Дай руку сладострастью,
И съ чашей круговой
Веди меня ко счастью
Забвенія тропой;
И въ часъ безмолвной ночи,
Когда лѣнивый макъ
Покроетъ томны очи,
На вѣтряныхъ крылахъ
Примчись въ мой домикъ тѣсной,
Тихонько постучись,
И въ тишинѣ прелестной
Съ любимцемъ обнимись!
Мечта! Въ волшебной снѣи
Мнѣ милую яви,
Мой свѣтъ, мой добрый геній,
Предметъ моей любви!
И блескъ очей небесный,
Ліющихъ огонь въ сердца,
И Грацій станъ прелестный,
И снѣгъ ея лица;

Представь, что на колы́няхъ
Покоясь у меня,
Въ порывистыхъ томленьяхъ
Склонилася она
Ко груди грудью страстной,
Устами на устахъ;
Горитъ лицо прекрасной
И слезы на глазахъ!...
Почто стрѣлой незримой
Уже летишь ты вдаль?
Обманеть — и пропасть
Бѣглець невозвратимой!
Не слышитъ плачь и стонъ,
И гдѣ крылатый сонъ?
Исчезнетъ обольститель,
И въ сердцѣ грусть-мучитель!

Но все-ли, милый другъ,
Быть счастья въ упоеньѣ?
И въ грусти томный духъ
Находитъ наслажденье:
Люблю я въ лѣтній день
Бродить одинъ съ тоскою,
Встрѣчать вечерню тѣнь
Надъ тихою рѣкою,
И съ сладостной слезою
Въ даль сумрачну смотрѣть;
Люблю съ моимъ Марономъ,
Подъ яснымъ небосклономъ,
Близъ озера сидѣть,
Гдѣ лебедь бѣлоснѣжной
Оставляя знакъ прибрежной,
Любви и нѣги полнъ,
Съ подругою своею,
Закинувъ гордо шею,

Плыветъ во златѣ волнѣ;
Или, для развлеченья,
Оставя книгъ ученья,
Въ досужій мнѣ часокъ
У добренькой старушки
Душистый пью чаёкъ;
Не подхожу я къ ручкѣ,
Не шаркаю предъ ней,
Она не присѣдаетъ,
Но тотчасъ же вѣстей
Мнѣ пропасть наболтаетъ.
Газетѣ собираетъ
Со всѣхъ она сторонѣ,
Все свѣдаетъ, узнаетъ:
Кто умеръ, кто влюбленъ,
Кого жена по модѣ
Рогами убрала,
Въ которомъ огородѣ
Капуста цвѣтъ дала;
Ома свою хозяйку
Ни за-что наказалъ,
Антошка балалайку,
Играя, разломалъ —
Старушка все расскажетъ.
Межъ-тѣмъ какъ юпку вяжетъ,
Болтаетъ все свое,
А я сижу смиренно
Въ мечтаньяхъ углубленный,
Не слушая ея,
Ни рифмы Удалова.
Такъ нѣкогда Свистова
Въ столицѣ я внималъ,
Когда свои творенья
Онъ съ жаромъ мнѣ читалъ.

Ахъ, видно Богъ пыталъ
Тогда мое терпѣнье!

Иль добрый мой сосѣдъ,
Семидесяти лѣтъ,
Уволенный отъ службы
Маіоромъ отставнымъ,
Зоветъ меня изъ дружбы
Хлѣбъ-соль откушать съ нимъ.
Вечернею пирушкой
Старикъ, развеселясь,
За дѣдовскою кружкой
Въ прошедшемъ углубясь,
Съ Очаковской медалью
На раненой груди,
Вспомнить ту баталью,
Гдѣ, роты впереди,
Летѣлъ навстрѣчу славы,
Но встрѣтился съ ядромъ,
И палъ на долъ кровавый
Съ булатнымъ палашемъ.
Всегда я радъ душою
Съ нимъ время проводить,
Но, Боже, виновать!
Я каюсь предъ Тобою,

Какъ папа, Гудеевъ
Я вовсе не люблю,

А съ ними крючковатый
Подъяческій народъ,
Лишь взятками богатый
И ябеды оплотъ.
Но, другъ мой, если вскорѣ

Увижусь я съ тобой,
То мы уходимъ горе
За чашей круговой.

ОСГАРЪ.

По камнямъ гробовымъ, въ туманахъ полуночи,
Ступая трепетно усталою ногой,
По Лоръ путникъ шель; напрасно очи
Ночлега мирнаго искали въ тьмѣ густой.
Пещеры нѣтъ предъ нимъ на берегъ угрюмомъ;
Не видитъ хижины, наследья рыбаля;
Въ дали дремучій боръ качаютъ вѣтры съ шумомъ,
Луна за тучами и въ морѣ спитъ заря.

Идетъ, и на скалѣ, обросшей влажнымъ мохомъ,
Зритъ Барда стараго — веселье прошлыхъ лѣтъ:
Склонясь съдымъ челомъ надъ воющимъ потокомъ,
Въ безмолвіи, время онъ созерцалъ полетъ.
Зубчатый мечъ висѣлъ на вѣтви мрачной ивы.
Задумчивый пѣвецъ взоръ тихій обратилъ
На сына чуждыхъ странъ, и путникъ боязливый
Содрогся въ ужасѣ и мимо поспѣшилъ.

«Стой, путникъ, стой! вѣщалъ пѣвецъ вѣковъ ми-
нувшихъ:

Здѣсь пали храбрые; почти ихъ бранный прахъ,
Почти геройство чадъ, могилы сномъ уснувшихъ!»
Пришлецъ главой поникъ — и, мнилось, на холмахъ
Возставшій рядъ тѣней, главы окровавленны,
Съ улыбкой гордою на странника склонялъ.

— Чей гробъ я вижу тамъ? вѣщаль иноплеменный,
И Барду посохомъ на берегъ указаль.

Колчанъ и шлемъ стальной, къ утесу пригвож-
денный,
Бросали тусклый лучъ, луною озлатясь.
Увы, здѣсь палъ Осгаръ! рекъ старецъ вдохно-
венный.

О, рано юношѣ насталь послѣдній часъ!
Но онъ искаль его: я зрѣль, какъ въ ратномъ строѣ
Онъ первая стрѣлы съ весельемъ ожидаль,
И рвался изъ рядовъ, и палъ въ кипящемъ боѣ.
Покойся, юноша, ты въ брани славной палъ!

Во цвѣтѣ нѣжныхъ лѣтъ любилъ Осгаръ Маль-
вину;
Не разъ онъ въ радости съ подругою встрѣчалъ
Вечерній свѣтъ луны, скользящій на долину,
И тѣнь упадшую съ приморскихъ грозныхъ скалъ.
Казалось, ихъ сердца другъ къ другу пламенѣли:
Одной, одной Осгаръ Мальвиною дышалъ!...
Но быстро дни любви и счастья пролетѣли,
И вечеръ горести для юноши насталь!...

Однажды, въ темну ночь зимы порой унылой,
Осгаръ стучится въ дверь красавицы молодой,
И шепчетъ: «юный другъ, немедли, здѣсь твой ми-
лой!»
Но тихо въ хижинѣ. Вновь робкою рукой
Стучить и слушаетъ: лишь вѣтры съ свистомъ вѣ-
ютъ —

«Уже-ли спишь теперь, Мальвина?» Мгла вокругъ,
Валится снѣгъ, волосы въ туманѣ леденѣютъ:
«Услышь, услышь меня, Мальвина, милый другъ!»

Покрытый ранами, здѣсь палъ на груди тѣлѣ;
Онъ палъ; еще рука меча кругомъ искала,
И крѣпкій сонъ вѣковъ на сильнаго слетѣлъ!

Побѣгли вспять враги — и тихій миръ герою!
И тихо все вокругъ могильнаго холма!
Лишь въ осень хладную, безмѣсячной порою,
Когда вершины горъ тягчитъ сырая тьма,
Въ багровомъ облакѣ, одѣяна туманомъ,
На камнѣ гробовомъ уныла тѣнь сидитъ,
И стрѣлы дребезжатъ, стучитъ броня съ колчаномъ,
И кленъ, зашевелись, таинственно шумитъ.

ЭВЛЕГА.

Вдали ты зришь утесъ уединенный?
Пещеры въ немъ изрылась глубина;
Темнѣетъ входъ, кустами окруженный;
Вблизи шумитъ и пѣнится волна.
Вечоръ, когда туманилась луна,
Здѣсь милаго Эвлега призывала;
Здѣсь тихій гласъ горамъ передавала
Во тьмѣ ночной, печальна и одна:

«Прійди, Одульфъ! Ужъ роца поблѣднѣла;
На дикій мохъ Одульфа ждать я сѣла,
Пылаетъ грудь, за вздохомъ вздохъ летитъ.
О, сладко жить, мой другъ, душа съ душою!
Прійди, Одульфъ, забудусь я съ тобою,
И поцѣлуй любовью возгоритъ!

Бѣги, Осгаръ! Твои мнѣ страшны взоры,
Твой грозенъ видъ и хладны разговоры!

Оставь меня, не мною торжествуй!
 Уже другой въ ночи со мною дремлетъ,
 Ужъ на зарѣ другой меня объемлетъ,
 И сладостенъ его мнѣ поцѣлуй!

Что-жъ медлить онъ свершить мои надежды?
 Для милаго я сбросила одежды,
 Завистливый покровъ у ногъ лежитъ.
 Но, чу.... идутъ — такъ, это другъ надежный!
 Ужъ начались восторги страсти нѣжной,
 И поцѣлуй любовью возгоритъ.»

Идетъ Одульфъ, во взорахъ упоенье,
 Въ груди любовь, и прочь бѣжитъ печаль,
 Но близъ него во тьмѣ сверкнула сталь,
 И вздрогнулъ онъ — родилось подозрѣнье:
 «Кто ты? спросилъ, почто ты здѣсь, вѣщай!
 Отвѣтствуй мнѣ, о сынъ угрюмой ночи!»

— «Безсильный врагъ, Осгара убѣгай!
 Въ пустынной тьмѣ что ищутъ робки очи?
 Страхись меня: я страстью воспаленъ;
 Въ пещерѣ здѣсь Эвлега ждетъ Осгара.» —
 Булатный мечъ въ минуту обнаженъ,
 Огонь летитъ струями отъ удара.

Услышала Эвлега стукъ мечей,
 И бросила со страхомъ хладъ пещерной.
 «Прийди узрѣть предметъ любви твоей!»
 Вскричалъ Одульфъ подругѣ нѣжной, вѣрной.
 «Измѣнница! Ты здѣсь его зовешь?
 Во тьмѣ ночной васъ услаждаетъ нѣга:
 Но дерзкаго въ Валгалѣ ты найдешь.»

Онъ поднялъ мечъ, и съ трепетомъ Эвлега
 Падетъ на дернъ, какъ комъ летучей снѣга,

Мятелицей отторженный отъ скаль!
 Другъ на друга соперники стремятся,
 Кровавый токъ по камнямъ побѣжалъ:
 Въ кустарники съ отчаяньемъ катятся.
 Послѣдній гласъ Эвлегу призывалъ —
 И смерти хладъ ихъ ярость оковалъ!

ЛЕДА.

(КАНТАТА).

Средь темной рощицы, подъ тѣнью липъ душистыхъ,
 Въ высокомъ тростникѣ, гдѣ чистымъ жемчугомъ
 Вдувалась пѣна водъ сребристыхъ,
 Колебясь тихимъ вѣтеркомъ,
 Покровъ красавицы стыдливой,
 Небрежно кинутый, у берега лежалъ —
 И прелести ея потокъ волной игривой
 Съ весельемъ орошалъ.

Житель рощи, торопливый,
 Будь-же скромень, о ручей!
 Тише, струйки говорливы!
 Измѣнить страшитесь ей!

Леда робостью трепещетъ,
 Тихо дышитъ снѣжна грудь,
 Ни волна вокругъ не плещетъ,
 Ни зефиръ не смѣетъ дуть.

Въ рощѣ шорохъ утихаетъ,
 Все въ прелестной тишинѣ;
 Нимфа далѣе ступаетъ,
 Робкой ввѣрившись волнѣ.

Но что-то межъ кустовъ прибрежныхъ восшумѣло,
 И чувство робости прекрасной овладѣло;
 Невольно вздрогнула, не въ силахъ воздохнуть;
 И вотъ пернатыхъ царь изъ-подъ склоненной ивы,
     Расправя крылья горделивы,
 Къ красавицѣ плыветъ: веселья полна грудь;
 Съ шумящей пѣною отважно волны гонить,
     Крылами воздухъ бьетъ,
     То въ кольца шею вьетъ,
 То гордую главу, смирясь предъ Ледой, клонить....

Леда смѣется,
 Вдругъ раздается
 Радости кликъ....
 Видъ сладострастный:
 Къ Ледѣ прекрасной
 Лебедь приникъ,
 Слышно стенанье;
 Нимфа лѣсовъ
 Съ нѣгою сладкой
 Видитъ украдкой
 Тайну боговъ.

Опомнись, наконецъ, красавица младая
 Открыла тихій взоръ, въ томленьяхъ воздыхая.
 И что-жъ увидѣла? На ложѣ изъ цвѣтовъ
 Она покоится въ объятіяхъ Зевеса;
     Межъ ними юная любовь, —
 И пала тайнства прелестнаго завѣса!

Симъ примѣромъ научитесь
 Розы-дѣвы красоты;
 Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
 Въ темной рощицѣ воды:
 Въ темной рощицѣ таится
 Часто пламенный Эротъ;

Съ хладной струйкою катится,
Стрѣлы прячетъ въ пѣнѣ водѣ.
Симъ примѣромъ научитесь,
Розы-дѣвы красоты;
Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
Въ темной рошицѣ воды.

КЪ НАТАЛЬѢ.

Такъ, и мнѣ узнать случилось,
Что за птица Купидонъ;
Сердце страстное плѣнилось,
Признаюсь: и я влюбленъ!
Пролетѣло счастья время,
Какъ, любви не зная бремя,
Я живалъ, да попѣвалъ;
Какъ въ театрѣ, и на балахъ,
На гуляньяхъ, иль въ воксалахъ
Легкимъ зефиромъ леталъ;
Какъ, смѣясь, во зло Амуру
Я писалъ карикатуру
На любезный женскій полъ.
Но напрасно я смѣялся;
Наконецъ и самъ попался:
Самъ, увы, съ ума сошелъ.
Смѣхи, вольность, все подъ лавку,
Изъ Катоновъ я въ отставку,
И теперь я — Селадонъ!
Милovidной жрицы Тальи,
Видѣлъ прелести Натальи,
И ужъ въ сердцѣ Купидонъ!

Такъ, Наталья, признаюся:
 Я тобою полонень;
 Въ первый разъ еще (стыжуся)
 Въ женски прелести влюбленъ;
 Цѣлый день, какъ ни верчуся,
 Лишь тобою занять я;
 Ночь прійдетъ — и лишь тебя
 Вижу я въ пустомъ мечтаньѣ.
 Вижу, въ легкомъ одѣянъѣ,
 Будто милая со мной:
 Робко сладостно дыханье,
 Бѣлой груди колебанье,
 Снѣгъ затмившей бѣлизной!
 И полуотверзты очи,
 Скромный мракъ безмолвной ночи
 Духъ въ восторгъ приводятъ мой!...
 Я одинъ въ бесѣдѣ съ нею;
 Вижу дѣвственну лилею,
 Трепещу, томлюсь, нѣмѣю....
 А проснулся,—вижу мракъ
 Вкругъ постели одинокой.
 Испускаю вздохъ глубокой;
 Сонъ лѣнивый, томноокой
 Отлетаетъ на крылахъ;
 Страсть сильнѣе становится;
 И, любовью утомясь,
 Я слабѣю каждый часъ —
 Все къ чему-то умъ стремится.

Но, Наталья, ты не знаешь,
 Кто твой нѣжный Селадонъ?
 Ты еще не понимаешь,
 Отчего не смѣетъ онъ
 И надѣяться? — Наталья!
 Выслушай еще меня:

Не владѣтель я серая,
 Не Арабъ, не Турокъ я;
 За учтиваго Китайца,
 Грубаго Американца
 Почитать меня нельзя;
 Не представъ и Нѣмчурою,
 Съ колпакомъ на волосахъ,
 Съ кружкой пивомъ налитюю
 И съ цыгаркою въ зубахъ;
 Не представъ кавалергарда
 Въ каскѣ, съ длиннымъ палашомъ —
 Не люблю я бранный громъ:
 Шпага, сабля, алебарда
 Не тягчать моей руки.

Кто-же ты, болтунъ влюбленный?...

КЪ МОЛОДОЙ АКТРИСѢ.

Ты не наслѣдница Клероны;
 Не для тебя свои законы
 Владѣлецъ Пинда начерталъ;
 Тебѣ немного Богъ послалъ;
 Твой голосокъ, тѣлодвиженья,
 Нѣмыя взоровъ обращенья
 Не стоять, признаюсь, похвалъ
 И шумныхъ плесковъ удивленья.
 Жестокой суждено судьбой
 Тебѣ актрисой быть дурной;
 Но, Хлоя, ты мила собой.
 Тебѣ во слѣдъ толпятся смѣхи,
 Сулятъ любовникамъ утѣхи —

И такъ, вѣнцы передъ тобой,
И несомнительны успѣхи.

Ты плѣннымъ зрителя ведешь,
Когда безъ такта ты поешь;
Недвижно стоя передъ нами,
Поешь, и часто, не впопадъ;
А мы усердными руками
Всѣ громко хлопаемъ, кричатъ:
Bravo! bravissimo! чудесно!
Свистки сатириковъ молчатъ,
И всѣ покорствуютъ прелестной.

Когда, въ неловкости своей,
Ты сложишь руки у груди.
Или поднимешь ихъ, и снова
На грудь положишь, застыдясъ;
Когда Милона молодого,
Лепеча что-то не для насъ,
Въ любви, безъ чувства, увѣряешь,
Или безъ памяти, въ слезахъ,
Холодный испуская: ахъ,
Спокойно въ кресла упадаешь,
Краснѣя и чуть-чуть дыша;
Всѣ шепчутъ: ахъ, какъ хороша!
Увы, другую-бъ освистали!
Велико дѣло красота!
О Хлоя, мудрые солгали:
Не все на свѣтѣ суета.

Плѣнный-же, Хлоя, красотою!
Стократъ блаженъ любовникъ тотъ,
Который нѣжно предъ тобою,
Осмѣлясь, о любви поетъ
Въ стихахъ и прозою, на сценѣ

Тебя клянется обожать,
 Кому ты можешь отвѣчать,
 Не смѣя молвить объ измѣнѣ;
 Блаженъ, кто можетъ роль забыть
 На сценѣ съ миленькой актрисой,
 Жать руку ей, надѣясь быть
 Еще блаженнѣй за кулисой!

MON PORTRAIT.

(БАРОНУ П. О. ГРЕВЕНИЦУ).

Vous me demandez mon portrait,
 Mais peint d'après nature;
 Mon cher, il sera bientôt fait,
 Quoique en miniature.

Je suis un jeune polisson
 Encore dans les classes;
 Point sot, je le dis sans façon
 Et sans fades grimaces.

Oui! il ne fut de babillard,
 Ni docteur de Sorbonne
 Plus ennuyeux et plus braillard
 Que moi-même en personne.

Ma taille à celle des plus longs
 Ne peut être égalée;
 J'ai le teint frais, les cheveux blonds
 Et la tête bouclée.

J'aime et le monde, et son fracas,
 Je hais la solitude;

J'abhorre et noises et débats,
Et tant soit peu l'étude.

Spectacles, bals me plaisent fort,
Et d'après ma pensée,
Je dirais ce que j'aime encor...
Si je n'étais au Lycée.

Après cela, mon cher ami,
L'on peut me reconnaître:
Oui! tel que le bon Dieu me fit,
Je veux toujours paraître.

Vrai démon pour l'espièglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie, —
Ma foi — voilà Pouchkine.

STANCES.

(КНЯЖИЦЪ А. М. ГОРЧАКОВОЙ *).

Avez-vous vu la tendre Rose,
L'aimable fille d'un beau jour,
Quand au printemps à peine éclore,
Elle est l'image de l'amour?
Telle à nos yeux, plus belle encore,
Parut Eudoxie aujourd'hui;
Plus d'un printemps la vit éclore,
Charmante et jeune comme lui.

---

*) Впоследствии княгиня Кантакузенъ.

Mais, hélas! les vents, les tempêtes,
Ces fougueux enfants de l'hiver,
Bientôt vont gronder sur nos têtes,
Enchaîner l'eau, la terre et l'air.

Et plus de fleurs, et plus de Rose,
L'aimable fille des amours
Tombe fanée à peine éclosel

Il fuit le temps des beaux jours!
Eudoxie! aimez! le temps presse;
Profitez de vos jours heureux!
Est-ce dans la froide vieillesse
Que de l'amour on sent les feux?

1815 г.

КЪ ПУЩИНУ.

Любезный имянинникъ,
О Пущинъ дорогой!
Прибрелъ къ тебѣ пустынный
Съ открытою душой,
Съ пришельцемъ обнимися,
Но добраго пѣвца
Встрѣчать не суетися
Съ параднаго крыльца:
Онъ гость безъ этикета,
Не требуетъ привѣта
Лукавой суеты.
Прими-жь его лобзанья
И чистыя желанья
Сердечной простоты!
Устрой гостямъ пирушку.
На столикъ вощаной
Поставь пивную кружку
И кубокъ пуншевой.
Старинный собутыльникъ,
Забудемся на часъ!
Пускай ума свѣтильникъ
Погаснетъ нынѣ въ насъ,
Пускай старикъ крылатый
Летитъ на почтовыхъ!
Намъ дорогъ мигъ утраты
Въ забавахъ лишь однихъ.

Ты счастливъ, другъ сердечный!
 Въ спокойствіи златомъ
 Течетъ твой вѣкъ безпечный,
 Проходитъ день за днемъ,
 И ты въ бесѣдѣ Грацій,
 Не зная черныхъ бѣдъ,
 Живешь какъ жилъ Гораций,
 Хотя и не поэтъ.
 Подъ кровомъ небогатымъ
 Ты вовсе незнакомъ
 Съ зловѣщимъ Иппократомъ,
 Съ нахмуреннымъ жрецомъ;
 Не видишь у порогу
 Толпящихся заботъ;
 Нашли къ тебѣ дорогу
 Веселость и Эротъ;
 Ты любишь звонъ стакановъ
 И трубки дымъ густой,
 И демонъ метромановъ
 Не властвуетъ тобой.
 Ты счастливъ въ этой долѣ —
 Скажи, чего-же болѣ
 Мнѣ другу пожелать?
 Придется замолчать. . . .

Дай Богъ, чтобъ я, съ друзьями
 Встрѣчая сотый май,
 Покрытый сѣдинами,
 Сказалъ тебѣ стихами:
 «Вотъ кубокъ, наливай!
 Веселье, будь до гроба
 Сопутникъ вѣрный нашъ,
 И пусть умремъ мы оба
 При стукѣ полныхъ чашъ!»

4 мая 1815.

КЪ ГАЛИЧУ.

Пускай угрюмый рифмотворъ,
Повитый макомъ и крапивою,
Холодныхъ одъ творецъ ретивой,
На скучный ладъ сплетая вздоръ,
Зоветь обѣдать генерала;
О Галичъ, вѣрный другъ бокала
И жирныхъ утреннихъ пировъ,
Тебя зову, мудрецъ лѣнливой,
Въ пріютъ поэзіи счастливой,
Подъ отдаленный нѣги кровъ!
Давно въ моемъ уединеніи,
Въ кругу бутылокъ и друзей,
Не зрѣли кружки мы твоей,
Подруги долгихъ наслажденій,
Остротъ и хохота гостей.
Въ тебѣ трудиться нѣтъ охоты:
Садись на тройку злыхъ коней,
Оставь Петрополь и заботы,
Лети въ счастливый городокъ,
Зайди къ Жиду З—еву,
Въ его всѣмъ общій уголокъ;
Мы тамъ, собравшись въ кружокъ,
Прольемъ вина струю багрову,
И съ громомъ двери на замокъ
Запретъ веселье молодое.
И хлынетъ пиво золотое,
И гордый на столъ пирогъ
Друзей стѣсненными рядами,
Сверкая свѣтлыми ножами,
Съ тобою храбро осадимъ,

И мигомъ стѣны разгромимъ;
 Когда-жъ, виномъ отягощенный,
 Съ главой въ колѣни преклоненный,
 Захочешь въ мирѣ отдохнуть,
 И вдругъ, спускаясь на подушку,
 Дабы покойнѣе заснуть,
 Уронишь налитую кружку
 На старый, бархатный диванъ,
 Тогда посланія, куплеты,
 Баллады, басенки, сонеты
 Покинуть скромный нашъ карманъ,
 И крѣпокъ сонъ лѣнивца будетъ!
 Но рюмокъ звонъ тебя разбудить,
 Ты вскочишь съ бодрой головой,
 Оставишь смятую подушку,
 Подымешь милую подружку —
 И въ кельѣ снова пиръ горой.

О Галичъ! время невозвратно,
 И близокъ, близокъ грозный часъ!
 Когда, слыша славы гласъ,
 Покину кельи кровь пріятной,
 Татарскій сброшу свой халатъ.
 Простите, дѣвственныя Музы!
 Прости, приютъ младыхъ отрадъ!
 Надѣну узкія рейтузы,
 Завью въ колечки гордый усъ,
 Заблещетъ пара эпюлетовъ,
 И я, питомецъ важныхъ Музъ,
 Въ числѣ воюющихъ корнетовъ!
 О Галичъ, Галичъ, поспѣшай!
 Тебя зовутъ и сонъ лѣнивый,
 И другъ ни скромный, ни спѣсивый,
 И кубокъ, полный черезъ край!

ПОСЛАНИЕ КЪ ГАЛИЧУ.

Гдѣ ты, лѣнивѣцъ мой,
Любовникъ наслажденья?
Уже-ль уединенья
Не миль тебѣ покой?
Уже-ли мнѣ съ тобой
Лишь помощью бумаги
Минуты провождать,
И больше не видать
Парнаскаго бродяги?
На Пиндѣ, мой сосѣдъ,
И ты отъ Музъ укрылся;
Минутный домосѣдъ,
Съ пенатами простился.
Ужъ темный уголокъ
И садикъ опустѣли,
Гдѣ мы подъ вечерокъ
За рюмками шумѣли,
Гдѣ Комъ насъ угощаль
Форелью, пирогами,
И пѣнистый бокаль
Намъ Бахусъ подаваль.
Бѣгутъ за днями дни
Безъ дружескихъ собраній;
Веселыхъ пированій
Веселые сыны
Съ тобой разлучены;
И шумныя бесѣды
И долгіе обѣды
Не столь оживлены.

Одинъ въ каморкѣ тѣсной,
Вечерней тишиной,

Хочу, мудрецъ любезной,
Бесѣдовать съ тобой.
Ужъ темна ночь объемлетъ
Брега спокойныхъ водъ,
Мурлыча въ кельѣ дремлетъ
Спѣсивый, старый котъ.
Покамѣстъ сонъ предестной,
Подъ сѣнью тихихъ крылъ,
Въ обители безвѣстной
Меня не усыпилъ,
Морфея въ ожиданьи
Въ постелѣ я лежу,
И бѣглое посланье,
Безъ строгаго старанья,
Предателю пишу.
Далече той станицы,
Гдѣ Фебовы сестрицы,
Мнѣ съ нѣгой вьютъ досугъ, —
Скажи, среди столицы
Чѣмъ занять ты, мой другъ?
Уже-ль пріютъ поэта
Теперь средь вихря свѣта,
Вдали родныхъ полей,
И ближнихъ, и друзей?
Уже-ль въ театрѣ шумномъ,
Гдѣ джужій Аполлонъ
Партеромъ полуумнымъ
Прославленъ, оглушенъ,
Измученный напѣвомъ
Безсмысленныхъ стиховъ,
Ты спишь подъ страшнымъ ревомъ
Актеровъ и смычковъ?
Или мудрецъ придворный,
Съ улыбкою притворной
Предъ лентою цвѣтной

Поникнувъ головой,
Съ вертушкою слѣпой
Знакомиться желаешь?
Иль Креза за столомъ
Въ куплетѣ заказномъ
Трусливо величаешь?...
Нѣтъ, добрый Галичъ мой!
Поклону ты не сроденъ.
Другъ мудрости прямой,
Правдивъ и благороденъ,
Онъ любитъ тишину;
Судьбѣ своей послушный,
На барскую казну
Взираетъ равнодушно.
Рублямъ откупщика,
Смѣясь веселымъ часомъ,
Не сниметъ колпака
Философъ предъ Мидасомъ.
Пускай не друженъ онъ
Съ фортуною коварной,
Но Вакхомъ награжденъ
Философъ благодарной,
Когда сей богъ молодой
Вечернею порой,
Ласить и грогъ янтарный
Съ улыбкой на устахъ,
Въ стеклѣ ему подносить
И каплю выпить просить,
Качаясь на ногахъ.
Мечтанье обнимая
Любовь его ведетъ,
И дружба молодая
Вѣнки ему плететь.
И счастливъ онъ, признаться,
На дѣлѣ, не въ мечтахъ,

Когда минуты мчатся
Веселья на крылахъ,
Когда друзья-поэты
Съ утра до ночи съ нимъ
Шумятъ, поютъ куплеты,
Пьютъ *мосель* разогрѣтый,
Пріятелямъ своимъ
Посланія читаютъ,
И трубку разжигаютъ
Безрифминымъ лихимъ!

Оставь же городъ скучной,
Съ друзьями съединись,
И съ ними неразлучно
Въ пустынь оживись,
Бѣги, бѣги столицы.
О Галичъ мой, сюда!
Гдѣ розовой денницы
Не видя никогда,
Лѣнясь подъ одѣломъ,
Съ Тибурскимъ мудрецомъ
Мы часто за бокаломъ
Проснемся — и заснемъ;
Смотри, тебѣ въ награду
Нашъ Дельвигъ, нашъ поэтъ,
Несетъ свою балладу,
И стансы винограду,
И къ Лилии куплетъ, —
И полонъ становится
Твой малый, тѣсный домъ;
Вотъ съ милымъ острякомъ
Нашъ пѣсельникъ тащится
По лѣстницѣ съ гудкомъ,
И всѣ къ тебѣ нагрянемъ —
И снова каждый день

Стихами, прозой станемъ
 Мы гнать печали тѣнь.
 Подруги молодыя
 Насъ будутъ посѣщать;
 Намъ жизни дни златыя
 Не страшно расточать.
 Подѣлимся съ забавой
 Мы вѣкомъ остальнымъ,
 Съ волшебницею — славой
 И съ Вакхомъ молодымъ.

КЪ ДЕЛЪВИГУ.

Послушай, Музъ невинныхъ
 Лукавый духовникъ,
 Жилецъ полей пустынныхъ!
 Поэтовъ грѣшный ликъ
 Умножилъ я собою,
 И я главой поникъ
 Предъ милою мечтою.
 Мой дядюшка-поэтъ
 На то мнѣ далъ совѣтъ
 И съ музами сосваталъ;
 Сначала я шалилъ,
 Шутя стихи кроилъ,
 А тамъ ихъ напечаталъ —
 И вотъ теперь я братъ
 Тому, сему, другому,
 Безтолкову, Пустому.
 Да я жъ и виновать,
 Да ты же мнѣ въ досаду
 (Что скажетъ бѣлый свѣтъ?)

Стихами до надсаду
Жужжишь Икару вслѣдъ:
«Смотрите — вотъ поэтъ!»
Спасибо за посланье;
Но что мнѣ пользы въ немъ?
На грѣшника потомъ
Вѣдь стануть, въ посмѣянье,
Указывать перстомъ.
Измѣнникъ, съ Аполлономъ
Ты, видно, за одно;
И мнѣ прослыть Прадономъ
Отнынѣ суждено,
Увы, мнѣ, метроману!
Куда сокроюсь я?
Вездѣ бѣды застану.
Предатели-друзья,
Невинное творенье
Украдкой въ городъ шлютъ,
И плодъ уединенья
Тисненью предають —
Бумагу убивають.
Поэта окружають
Съ улыбкой остряки.
«Ахъ сударь! мнѣ сказали,
Вы пишете стишки?
Увидѣть ихъ нельзя ли?
Вы въ нихъ изображали,
Конечно, ручейки,
Иль тихій вечерочекъ
И рощи, и цвѣтви....»
О Дельвигъ! Начертали
Мнѣ Музы мой удѣлъ;
Но ты ль мои печали
Умножить захотѣлъ?
Въ объятіяхъ Морфея

Безпечный духъ лелѣя,
Еще хотъ годъ одинъ
Позволь мнѣ полѣниться
И нѣгой насладиться:
Я право нѣги сынъ!
А тамъ хотъ нѣтъ охоты,
Но прійдутъ ужъ заботы
Со всѣхъ ко мнѣ сторонъ:
Я буду принужденъ
Съ журналами сражаться,
Съ газетой торговаться,
Съ Графовымъ восхищаться....
Помилуй, Аполлонъ!

КЪ БАТЮШКОВУ.

Въ пещерахъ Геликона
Я нѣкогда рожденъ;
Во имя Аполлона
Тибулломъ окрещенъ,
И свѣтлой Иппокреной
Съ издѣтства напоенный,
Подъ кровомъ вешнихъ розъ
Поэтомъ я возросъ.

Веселый сынъ Эрмія
Ребенка полюбилъ,
Въ дни рѣзвости златые
Мнѣ дудку подарилъ.
Знакомясь съ нею, рано
Дудилъ я безпрестанно;
Нескладно хотъ игралъ,
Но Музамъ не скучалъ.

А ты, пѣвецъ забавы,
 И другъ Пермесскихъ дѣвъ,
 Ты хочешь, чтобы славы
 Стезею полетѣвъ,
 Простясь съ Анакреономъ,
 Спѣшилъ я за Марономъ,
 И пѣлъ при звукахъ лиръ
 Войны кровавый пиръ.

Дано мнѣ мало Фебомъ:
 Охота, скудный даръ
 Пою подъ чуждымъ небомъ,
 Вдали домашнихъ Ларъ,
 И съ дерзостнымъ Икаромъ
 Страшась летать не даромъ,
 Бреду своимъ путемъ:
Будь всякій при своемъ.

КАЗАКЪ.

Разъ полунощной порою,
 Сквозь туманъ и мракъ,
 Ъхалъ тихо надъ рѣкою
 Удалой казакъ.

Черна шапка на бекренѣ,
 Весь жупанъ въ пыли,
 Пистолеты при колѣнѣ,
 Сабля до земли.

Вѣрный конь, узды не чуя,
 Шагомъ выступалъ,

Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вотъ предъ нимъ двѣ, три избушки,
Выломанъ заборъ;
Здѣсь — дорога къ деревушкѣ,
Тамъ — въ дремучій боръ.

«Не найду въ лѣсу дѣвицы»
Думалъ хватъ Денисъ;
«Ужъ красавицы въ свѣтлицы
На ночь убрались.»

Шевельнулъ Донецъ уздою,
Шпорой прикольнулъ,
И помчался конь стрѣлою, —
Къ избамъ завернулъ,

Въ облакахъ луна серебрила
Дальни небеса;
Подъ окномъ сидитъ уныла
Дѣвица-краса.

Храбрый видитъ красну дѣву,
Сердце бьется въ немъ,
Конь тихонько къ лѣву, къ лѣву —
Вотъ ужъ подъ окномъ.

«Ночь становится темнѣе,
Скрылася луна.
Выйдъ, коханочка, скорѣе,
Напой коня.»

— Нѣтъ! Къ мужчинѣ молодому
Страшно подойти,

Страшно выйти мнѣ изъ дому,
Коню дать воды. —

«Ахъ, небось, дѣвица красна,
Съ милымъ подружись!»
— Ночь красавицамъ опасна. —
«Радость, не страшись!»

«Вѣрь, коханочка, пустое,
Ложный страхъ отбрось!
Тратишь время золотое,
Милая, небось!»

«Сядь на борзаго: съ тобою
Въ дальній ѣду край;
Будешь счастлива со мною:
Съ другомъ всюду рай!»

Что же дѣвица? Склонилась,
Побѣдила страхъ,
Робко вхвать согласилась,
Счастливъ сталъ казакъ!

Поскакали, полетѣли,
Дружку другъ любилъ:
Былъ ей вѣренъ двѣ недѣли,
Въ третью измѣнилъ.

В О Д А И В И Н О .

Люблю я въ полдень воспаленной
Прохладу черпать изъ ручья,
И въ роцѣ тихой, отдаленной

Смотрѣть, какъ плещеть въ брегъ струя.
 Когда жъ вино въ края поскачетъ,
 Напѣнясь въ чашѣ круговой,
 Друзья, скажите — кто не плачетъ,
 Заранѣ радуясь душой?

Да будетъ проклять дерзновенный,
 Кто первый грѣшною рукой,
 Нечестьемъ буйнымъ ослѣпленный,
 О страхъ, смѣсилъ вино съ водой!
 Да будетъ проклять родъ злодѣя!
 Пускай не въ силахъ будетъ пить,
 Или, стаканами владѣя,
 Лафить съ Цымлянскимъ различить.

Э П И Г Р А М М Ы.

1.

Аристъ намъ обѣщаль трагедію такую,
 Что всѣ отъ жалости въ театрѣ заревутъ,
 Что слезы зрителей рѣкою потекутъ....

Мы ждали драму золотую.

И что же? Дождались — и нечего сказать,
 Достоинству ея нельзя убавить вѣсу,
 Ну, право, удалось Аристу написать
Прежалостну піесу.

2.

(ПОДРАЖАНІЕ ФРАНЦУЗСКОМУ.)

Супругою твоей я такъ плѣнился,
 Что если бъ три въ удѣлъ достались мнѣ,
 lib.pushkinskijdom.ru

Подобныя во всемъ твоей женѣ,
 То даромъ двухъ я бѣ отдалъ сатанѣ,
 Чтобъ третью лишь принять онъ согласился.

3.

Бывало прежнихъ лѣтъ герой
 Окончивъ славну брань съ противной стороной,
 Повѣситъ мечъ войны средь отческія кущи;
 А трагикъ нашъ Бурунъ, скончавъ чернильный бой,
 Повѣсилъ уши.

МОЯ ЭПИТАФІЯ.

Здѣсь Пушкинъ погребенъ, онъ съ Музой молодою,
 Съ любовью, лѣнностью провелъ веселый вѣкъ, —
 Не дѣлалъ добраго, — однако жъ былъ душою
 Ей Богу, добрый человекъ.

МОЕ ЗАВѢЩАНІЕ ДРУЗЬЯМЪ.

Хочу я завтра умереть,
 И въ міръ волшебный наслажденья,
 На тихій берегъ водъ забвенья,
 Веселой тѣнью полетѣть.
 Прости на вѣкъ очарованье,
 Отрада жизни и любви!
 Приблизьтесь, о друзья мои!
 Благоговѣнье и вниманье!

Пѣвецъ рѣшился умереть.
И такъ, съ вечернею луною,
Въ саду нельзя ли дернъ одѣть
Узорной, бѣлой пеленою?
На темный берегъ сонныхъ водъ,
Гдѣ мы вели бесѣды наши,
Нельзя ль, устроив длинный ходъ,
Нести наполненныя чаши?
Зовите на послѣдній пиръ
Спѣсивой Семелеи сына,
Эрота, друга нашихъ лиръ,
Боговъ и смертныхъ властелина.
Пускай веселье прибѣжить,
Махая рѣзвою гремушкой,
И насъ отъ сердца размѣшитъ
За полной, пѣнистою кружкой;
Пускай игривою толпой
Слетятъ родныя наши Музы;
Имъ первый кубокъ круговой:
Друзья, священны намъ ихъ узы!
До ранней утренней звѣзды,
До тихаго лучей разсвѣта,
Не выйдутъ изъ руки поэта
Фіалы братской череды.
Въ послѣдній разъ мою цѣвницу,
Мечтаній сладостныхъ пѣвицу,
Прижму къ восторженной груди;
Въ послѣдній разъ, томимый нѣжно,
Не вспомню вѣчность и друзей;
Въ послѣдній разъ на груди снѣжной
Упьюсь отрадой юныхъ дней!
Когда жъ востокъ озолотится
Во тмѣ денницей молодой,
И бѣлый тополь озарится,
Покрытый утренней росой —

Подайте гроздь Анакреона:
Онъ былъ учителемъ моимъ,
И я сойду путемъ однимъ
На грустный берегъ Ахерона.
Простите, милые друзья!
Подайте руку до свиданья,
И дайте, дайте обѣщанье,
Когда на вѣкъ укроюсь я,
Мое исполнить завѣщанье,
Прійди, пѣвецъ мой дорогой,
Воспѣвший Вахха и Темиру!
Тебѣ дарю и лѣвъ и лиру:
Да будутъ Музы надъ тобой!
Ты не забудешь дружбы нашей
О Пущинѣ, вѣтряный мудрецъ!
Прими съ моей глубокой чашей
Увядшій миртовый вѣнецъ.
Друзья! Вамъ сердце оставляю
И память прошлыхъ красныхъ дней,
Окованныхъ счастливой лѣнью
На ложѣ маковъ и лилей.
Мои стихи дарю забвенью.
Послѣдній вздохъ, о други, — ей!...
На тихій праздникъ погребенья,
Я васъ обязанъ пригласить.
Веселость, другъ уединенья,
Билеты будетъ разносить.
Стекитесь рѣзвою толпою,¹
Главы въ вѣнкахъ, рука съ рукою;
П пусть на гробъ, гдѣ пѣвецъ
Исчезнетъ въ рощахъ Геликона,
Напишетъ бѣглый вашъ резецъ:
Здѣсь дремлетъ юноша-мудрецъ,
Питомецъ нѣгъ и Аполлона.»

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ.

Послѣднимъ сіяньемъ за лѣсомъ горя,
Вечерняя тихо потухла заря;
Безмолвна долина глухая.
Въ туманѣ пустынномъ клубится рѣка,
Лѣнивой грядою идутъ облака;
Межъ ними луна золотая.

Чугунныя латы на холмѣ лежатъ,
Копье раздробленно, въ перчаткѣ булатъ,
И щитъ подъ шоломомъ заржавымъ
(Вонзилися шпоры въ увлаженный мохъ)
Лежатъ неподвижно — и мѣсяца рогъ
Надъ ними въ блистаньи кровавомъ.

Вкругъ холма обходитъ другъ сильнаго, конь.
Въ очахъ горделивыхъ померкнулъ огонь:
Онъ бранную голову клонить.
Безпечнымъ копытомъ бьетъ камень долинъ,
И смотритъ на латы конь вѣрный одинъ,
И дико трепещетъ и стонетъ.

Во тмѣ заблудившись, пришелецъ идетъ:
Съ надеждою робость онъ въ сердцѣ несетъ,
Склонясь надъ дорожной клюкою.
На холмъ онъ взобрался, и въ тусклую даль
Онъ смотритъ, и сходить, и звонкую сталь
Толкаетъ усталой ногою.

Хладѣетъ пришелецъ: кольчуги звучать,
Погибшаго грозно въ нихъ кости стучать,
По камнямъ шоломъ покатился,

Скрывался въ немъ черепъ.... При звукѣ глухомъ
Заржалъ конь ретивый; скокъ лѣтомъ на холмъ
Взглянулъ — и главою склонился!

Ужъ путникъ далече въ тмѣ бродитъ ночной,
Все мнится, что кости хрустятъ подъ ногой,
Но утро денница выводитъ.
Сраженной во брани на холмѣ лежитъ,
И латы недвижны, и шлемъ не стучитъ,
И конь вокругъ погибшаго ходитъ.

С Л Е З А .

Вчера за чашей пуншевою
Съ гусаромъ я сидѣлъ,
И молча съ мрачною душою
На дальній путь глядѣлъ.

«Скажи, что смотришь на дорогу?»
Мой храбрый спросилъ:
«Еще по ней ты, слава Богу,
Друзей не проводишь.»

Къ груди поникнувъ головою,
Я скоро прошепталъ:
«Гусаръ, ужъ нѣтъ ее со мною!...»
Вздохнулъ и замолчалъ.

Слеза повисла на рѣсницѣ
И капнула въ бокалъ.
«Дитя! Ты плачешь о дѣвицѣ,
Стыдись!» — онъ закричалъ.

«Оставь, гусаръ! Ахъ, сердцу больно!...
Ты, знать, нѣ гореваль!
Увы! одной слезы довольно,
Чтобъ отравить бокаль!»

КЪ ЖИВОПИСЦУ.

Дитя Харитъ, воображенье!
Въ порывѣ пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья,
Мнѣ друга сердца напиши:

Красу невинности прелестной,
Надежды милыя черты,
Улыбку радости небесной —
И взоры самой красоты.

Вкругъ тонкаго Гебеи стана
Венеринъ поясъ повяжи;
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи;

Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь,
Чтобъ и подъ нимъ она дышала,
Хотѣла тайно бы вздохнуть;

Представь мечту любви стыдливой —
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя напишу.

Р О З А.

Гдѣ наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Такъ вянетъ младость!
Не говори:
Вотъ жизни радость!
Цвѣтку скажи:
Прости, жалѣю!
И на лилею
Намъ укажи.

С Т А Р И К Ъ.

(изъ магога.)

Ужъ я не тотъ любовникъ страстной,
Кому дивился прежде свѣтъ:
Моя весна и лѣто красно
Навѣкъ прошли, пропалъ и слѣдъ.
Амуръ, богъ возраста младаго!
Я твой служитель вѣрный былъ;
Ахъ, если бъ могъ родиться снова,
Ужъ такъ ли бъ я тебѣ служилъ!

МЕЧТАТЕЛЬ.

По небу крадется луна,
На холмѣ тма сѣдѣтъ,
На воды пала тишина,
Съ долины вѣтеръ вѣтъ;
Молчить пѣвица вешнихъ дней
Въ пустынь темной рощи,
Стада почили средь полей
И тихъ полетъ полнощи.

И мирной нѣги уголокъ
Ночь сумракомъ одѣла,
Въ каминѣ гаснетъ огонекъ
И свѣчка нагорѣла;
Стоитъ боговъ домашнихъ лицъ
Въ кивотѣ небогатомъ,
И блѣдный теплится ночникъ
Предъ глинянымъ пенатомъ.

Главою на руку склоненъ,
Въ забвеніи глубокомъ,
Я въ сладки думы погруженъ
На ложѣ одинокомъ;
Съ волшебной ночи темнотой,
При мѣсячномъ сіяньи,
Слетаютъ рѣзвою толпой
Крылатыя мечтанья.

И тихій, тихій льется гласъ,
Дрожатъ златыя струны.
Въ глухой, безмолвный мрака часъ
Поетъ мечтатель юный;

Исполненъ тайною тоской
Мечтаньемъ вдохновенной,
Летаетъ рѣзвою рукой
На лирѣ оживленной.

Блаженъ, кто въ низкій свой шалашъ
Въ мольбахъ не просить счастья!
Ему Зевесъ надежный стражъ
Отъ грознаго ненастья;
На макахъ лѣни, въ тихій часъ,
Онъ сладко засыпаетъ,
И бранныхъ трубъ ужасный гласъ
Его не пробуждаетъ.

Пускай, ударя въ звучный щитъ
И съ видомъ дерзновеннымъ,
Мнѣ слава издали грозитъ
Перстомъ окровавленнымъ,
И бранны вьются знамена,
И пышитъ бой кровавый —
Прелестна сердцу тишина;
Нейду, нейду за славой.

Нашелъ въ глуши я мирный кровъ,
И дни веду смиренно;
Дана мнѣ лира отъ боговъ,
Поэту даръ безцѣнной;
И Муза вѣрная со мной:
Хвала тебѣ, богиня!
Тобою красенъ домикъ мой
И дикая пустыня.

На слабомъ утрѣ дней златыхъ
Пѣвца ты осѣнила,
Вѣнкомъ изъ миртовъ молодыхъ

Чело его покрыла,
 И горнимъ свѣтомъ озарясь,
 Влетала въ скромну келью,
 И чуть дышала преклонясь
 Надъ дѣтской колыбелью.

О, будь мнѣ спутницей молодой
 До самыхъ вратъ могилы!
 Летай съ мечтаньемъ надо мной,
 Расправля легки крылы;
 Гоните мрачную печаль,
 Плѣняйте умъ.... обманомъ,
 И милой жизни свѣтлу даль
 Кажите за туманомъ!

И тихъ мой будѣтъ поздній часъ;
 И смерти добрый геній
 Шепнетъ у двери постучась:
 «Пора въ жилище тѣней!...»
 Такъ въ зимній вечеръ сладкій сонъ
 Приходитъ къ мирной сѣни,
 Вѣнчанный макомъ, и склоненъ
 На посохъ томной лѣни....

ГРѢБЪ АНАКРЕОНА.

Все въ таинственномъ молчаньи;
 Холмъ одѣлся темнотой;
 Ходитъ въ облачномъ сіяньи
 Полумѣсяцъ молодой.
 Вижу: лира надъ могилой
 Дремлетъ въ сладкой тишинѣ;
 Лишь порою звонъ унылый,

Будто лѣни голосъ милый,
Въ мертвой слышится струнѣ.
Вижу: горлица на лирѣ,
Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ....
Други, здѣсь почіетъ въ мирѣ
Сладострастія мудрецъ.
Посмотрите: на порфирѣ
Оживилъ его рѣзецъ!
Здѣсь онъ въ зеркало глядится,
Говоря: я сѣдъ и старъ,
Жизнью дайте жъ насладиться;
Жизнь, увы, не вѣчный даръ!
Здѣсь, поднявъ на лиру длани
И нахмурия важно бровь,
Хочетъ пѣть онъ бога брани,
Но поетъ одну любовь.
Здѣсь, готовится природѣ
Долгъ послѣдній заплатить:
Старецъ пляшетъ въ хороводѣ,
Жажду проситъ утолить.
Вкругъ любовника сѣдаго
Дѣвы скачутъ и поютъ;
Онъ у времени скупаго
Крадетъ нѣсколько минутъ.
Вотъ и Музы, и Хариты,
Въ гробъ любимца увели:
Плющемъ, розами увиты
Игры, вслѣдъ за нимъ пошли....
Онъ исчезъ, какъ наслажденье,
Какъ веселый сонъ любви.
Смертный, вѣкъ твой привидѣнье:
Счастье рѣзвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся,
Чаще кубокъ наливай,

Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!

НА ВОЗВРАЩЕНІЕ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ПЪЗЪ ЦАРЯЖА

въ 1815 году.

Утихла брань племень; въ предѣлахъ отдаленныхъ
Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ;
Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ,
На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ.
Свершилось!... Русскій Царь, достигъ ты славною
цѣли!

Вотще надменные на родину летѣли;
Вотще, впереди знаменъ безчисленныхъ дружинъ,
Въ могущей дерзости вѣнчаннѣй исполинъ
На гибель грозно шелъ, влекъ цѣпи за собою:
Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвою!
Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,
И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ!
Содрогся счастья сынъ, и брошенный судьбою,
Онъ землю Русскую не взвидѣлъ подъ собою. —
Бѣжить.... и смерти громъ слетѣлъ ему во слѣдъ;
И съ трона гордый палъ.... и вновь возсталъ.... и
нѣтъ!

Тебѣ, нашъ храбрый Царь, хвала, благодаренье!
Когда полки враговъ покрыли отдаленье,
Во броню ополчася, вложивъ пернатый шлемъ,
Колѣна преклонивъ предъ вышнимъ алтаремъ,
Ты браней мечъ извлекъ, и клятву далъ святую
Отъ ига оградить страну Свою родную.

Мы вняли клятвѣ сей; и гордыя сердца,
Въ восторгѣ пламенномъ летѣли вслѣдъ Отца,
И смертью роковой горѣли и дрожали;
И Россы предъ врагомъ твердыней грозной стали!...
Къ мечамъ! — раздался кликъ, и вихремъ понеслись;
Знамена восшумѣвъ по вѣтру развились,
Обнялся съ братомъ братъ, и милымъ дали руку
Младые ратники на грустную разлуку;
Сразились: воспылалъ свободы ярый бой,
И смерть хватала ихъ холодною рукой!...
А я... вдали громовъ, въ сѣни Твоей надежной....
Я тихо расцвѣталъ безпечной, безмятежной!
Увы! Мнѣ не судилъ таинственный удѣлъ
Сражаться за Тебя подъ градомъ вражьихъ стрѣлъ.
Сыны Бородина, о Кульмскіе герои!
Я видѣлъ какъ на брань летѣли ваши строи;
Душой восторженной за братьями спѣшилъ;
Почто жъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ Тобою,
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ?
Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ?
О сколь величественъ, безсмертный, Ты явился,
Когда на сильнаго съ сынами устремился;
И, челы приподнявъ изъ мрачности гробовъ,
Народы падшіе подъ бременемъ оковъ,
Тяжелой цѣпью съ восторгомъ потрясали
И съ робкой радостью другъ друга вопрошали:
«Уже-ль свободны мы?... Уже ли грозный палъ?...
Кто смѣлый, кто въ громахъ на Сѣверѣ возсталъ?...»
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-Спасителя колѣна окружила
Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукою,
И власть мятежная исчезла предъ Тобой!...
И нынѣ Ты къ сынамъ, о Царь нашъ возвратился,

И край полуночи восторгомъ озарился!
Склони на Свой народъ смиренья полный взглядъ:
Всѣ лица радостью, любовію блестятъ.
Внемли: повсюду вѣсть отрадная несется,
Повсюду гордый кликъ веселья раздается;
По стогнамъ шумъ, вездѣ сіяетъ торжество,
И Ты среди толпы, Россіи божество!
Встрѣчать вождя побѣдъ летятъ Твои дружины;
Старикъ, счастливый вѣкъ забылъ Екатерины,
Взираетъ на Тебя съ безмолвною слезой.
Ты нашъ, о Русскій Царь! Оставь же шлемъ стальной,
И грозный мечъ войны, и щитъ — ограду нашу;
Излей предъ Янусомъ священну мира чашу;
И брани сокрушивъ могущею рукой,
Вселенну осѣни желанной тишиной!...
И прійдутъ времена спокойствія златя,
Покроетъ шлемы ржа, и стрѣлы каленыя,
Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ;
Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
По нивамъ повлечетъ плугъ миромъ изошренный;
Суда летучія, торговлей окриленны,
Кормаи разсѣкутъ свободный океанъ;
И юные сыны воинственныхъ Славянъ
Спокойной праздности съ досадой предадутся,
И молча нѣкогда вокругъ старца соберутся,
Преклонятъ жадный слухъ: и ветхимъ костьюдемъ
И станъ, и ратный строй, и дальній боръ съ холмомъ
На прахъ начертитъ онъ медленно предъ ними;
Словами истины, свободными, простыми
Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разказахъ оживитъ
И добраго Царя въ слезахъ благословитъ.

НАПОЛЕОНЪ НА ЭЛЬБѢ.

Вечерняя заря въ пучинѣ догорала,
Надъ мрачной Эльбою носилась тишина.
Сквозь тучи блѣдныя тихонько пробѣгала

Туманная луна;

Уже на западѣ сѣдой, одѣтый мглою,
Съ равниной синихъ водъ сливался небосклонъ:
Одинъ во тмѣ ночной надъ дикою скалою
Сидѣлъ Наполеонъ.

Въ умѣ губителя тѣснились мрачны думы:
Онъ новую въ мечтахъ Европѣ цѣпь ковалъ,
И къ дальнимъ берегамъ возведши взоръ угрюмый,
Свирѣпо прошепталъ:

«Вокругъ меня все мертвымъ сномъ почило,
Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
Не выплыветъ ни утлый въ море чолнъ,
Ни гладный звѣрь не вззоетъ надъ могилой.
Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ....

О, скоро ли, напѣнясь подъ рулями,
Меня помчитъ покорная волна,
И спящихъ водъ прервется тишина?...
Волнуйся ночь надъ Эльбскими скалами,
Мрачнѣе тмись за тучами, луна!
Тамъ ждутъ меня безстрашныя дружины;
Уже сошлись, уже сомкнуты въ строй!
Ужъ мѣръ лежитъ въ оковахъ предо мной!
Прейду я къ вамъ сквозь черныя пучины,
И гряну вновь погибельной грозой!
И вспыхнетъ брань! За Гальскими орлами,
Съ мечемъ въ рукахъ побѣда полетитъ,
Кровавый токъ въ долинахъ закипитъ,
И троны въ прахъ низвергну я горами,

И сокрушу Европы дивный щитъ!
 Но вокругъ меня все мертвымъ сномъ почило,
 Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
 Не выплыветъ ни утлый въ море чолнъ,
 Ни гладный звѣрь не вззоетъ надъ могилой —
 Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ....

О счастье! Злобный оболъститель!

И ты, какъ сладкій сонъ, сокрылось отъ очей,
 Средь бурей тайный мой хранитель
 И вѣрный пестунъ съ юныхъ дней!
 Давно ль невидимой стезею'
 Меня ко трону ты вело,
 И скрыло дерзостной рукою
 Въ вѣнцахъ лавровое чело!
 Давно ли съ трепетомъ народы
 Несли мнѣ робко дань свободы,
 Знамена чести преклоня,
 Дымились громаы вокругъ меня,
 И слава, въ блескѣ надъ главою
 Неслась, прикрывъ меня крыломъ?...

Но туча грозная нависла надъ Москвою,

И грянулъ мести громъ!...

Полночи Царь молодой! Ты двигнулъ ополченья —

И гибель вслѣдъ пошла кровавымъ знаменамъ,

Отозвалось могущаго паденье,

И миръ землѣ, и радость небесамъ,

А мнѣ — позоръ и заточенье!

И раздробленъ мой звонкій щитъ,

Не блещетъ шлемъ на полѣ браней,

Въ прибрежномъ знакѣ мечъ забытъ

И тускнетъ на туманѣ.

И тихо все кругомъ. Въ безмолвіи ночей

Напрасно чудятся мнѣ смерти завыванье,

И стукъ блистающихъ мечей,

И падшихъ ярое стенанье.

Лишь плещущимъ волнамъ внимаетъ жадный слухъ;
 Умолкъ сраженій кликъ знакомый,
 Вражды кровавой гаснутъ громы
 И факелъ мщенія потухъ.

Но близокъ часъ! Грядетъ минута роковая!
 Уже летитъ ладья, гдѣ грозный тронъ сокрытъ;
 Кругомъ простерта мгла густая,
 И, взоромъ гибели сверкая,
 Блѣднѣющій мятежъ на палубѣ сидитъ.
 Страшись, о Галлія! Европа, мщенье, мщенье!
 Рыдай! Твой бичъ возсталъ — и все падетъ во прахъ,
 Все гибнетъ — и тогда, въ всеобщемъ разрушенѣ,
 Царемъ возсяду на гробахъ!»

Умолкъ. На небесахъ лежали мрачны тѣни,
 И мѣсяцъ, дальнихъ тучъ покинувъ темны сѣни,
 Дрожащій, слабый свѣтъ на Западъ изливалъ;
 Восточная звѣзда играла въ океанѣ.
 И зрѣлася ладья, бѣгущая въ туманѣ
 Подъ сводомъ Эльбскихъ грозныхъ скалъ.
 И Галлія тебя, о хищникъ, осѣнила!
 Побѣгли съ трепетомъ законные цари.
 Но зришь-ли? Гаснетъ день, мгновенно мгла сокрыла
 Лице пылающей зари,
 Простерлась тишина надъ бездною сѣдою.
 Мрачится неба сводъ, гроза во мглѣ виситъ,
 Все смолкло.... трепещи! Погибель надъ тобою
 И жребій твой еще сокрытъ!

ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Нависъ покровъ угрюмой нощи
 На сводъ дремлющихъ небесъ;

Въ безмолвной тишинѣ почили долъ и рощи,
 Въ сѣдомъ туманѣ дальній лѣсъ;
 Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы,
 Чуть дышитъ вѣтерокъ, уснувшій на листахъ,
 И тихая луна, какъ лебедь величавый,
 Плыветъ въ серебристыхъ облакахъ.

Плыветъ — и блѣдными лучами
 Предметы освѣтила вокругъ;
 Алеи древнихъ липъ открылись предъ очами,
 Проглянули и холмъ, и лугъ.
 Здѣсь, вижу, съ тополемъ сплелась молодая ива
 И отразилась въ кристаллѣ зыбкихъ водъ;
 Царицей средь полей лилея горделива
 Въ роскошной красотѣ цвѣтетъ.

Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
 Стекаютъ бисерной рѣкой;
 Тамъ въ тихомъ озерѣ плещаются Наяды
 Его лѣнивою волной;
 А тамъ, въ безмолвіи, огромные чертоги,
 На своды опершись несутся къ облакамъ.
 Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги?
 Не се-ль Минервы Росской храмъ?

Не се-ль Элизіумъ полнощный,
 Прекрасный Царскосельскій садъ,
 Гдѣ льва сразивъ, почилъ орелъ Россіи мощный
 На лонѣ мира и отрадъ?
 Увы! промчались тѣ времена златыя,
 Когда подъ скипетромъ Великія Жены
 Вѣнчалась славою счастливая Россія,
 Цвѣтя подъ кровомъ тишины.

Здѣсь каждый шагъ въ душѣ раждаетъ
 Воспоминанья прежнихъ лѣтъ;

Возрѣвъ вокругъ себя, со вздохомъ Россѣ вѣщаетъ:
 «Исчезло все, Великой нѣтъ!»

И въ думу углубленъ, надъ злачными берегами
 Сидитъ въ безмолвіи, склоняя вѣтрамъ слухъ:
 Протекшія лѣта мелькаютъ предъ очами,
 И въ тихомъ восхищеніи духъ.

Онъ видитъ: окруженъ волнами,
 Надъ твердой, мшистою скалой
 Вознесся памятникъ. Ширяся крышами,
 Надъ нимъ сидитъ орелъ молодой.

И цѣпи тяжкія, и стрѣлы громовыя
 Вкругъ грознаго столпа трикраты обвились,
 Кругомъ подножія, шума, валы сѣдые
 Въ блестящей пѣнѣ улеглись.

Въ тѣни густой угрюмыхъ сосенъ
 Воздвигся памятникъ простой.
 О, сколь онъ для тебя, Кагульскій брегъ, поносенъ
 И славенъ родинѣ драгой!
 Безсмертны вы во вѣкъ, о Русски исполины,
 Въ бояхъ воспитанны средь бранныхъ непогодъ;
 О васъ, сподвижники, друзья Екатерины,
 Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.

О громкій вѣкъ военныхъ споровъ,
 Свидѣтель славы Россіянъ!
 Ты видѣлъ какъ Орловъ, Румянцовъ и Суворовъ,
 Потомки грозные Славянъ,
 Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали.
 Ихъ смѣлымъ подвигамъ, страшась, дивился міръ;
 Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали
 Струнами громозвучныхъ лиръ.

И ты промчался, незабвенный!

И вскорѣ новый вѣкъ урѣжетъ

И брани новыя, и ужасы военны:

Страдать — есть смертнаго удѣлъ.

Блеснулъ кровавый мечъ въ неукротимой длани
Коварствомъ, дерзостью вѣнчаннаго царя.

Возсталъ вселенной бичъ — и вскорѣ лютой брани
Зардѣлась грозная заря;

И быстрымъ понеслись потокомъ
Враги на Русскія поля.

Предъ ними мрачна степь лежитъ во снѣ глубокомъ,
Дымится кровію земля,

И селы мирныя и грады въ мглѣ пылаютъ,

И небо заревомъ одѣлося вокругъ,

Лѣса дремучіе бѣгущихъ укрываютъ,

И праздный въ полѣ ржавить плугъ.

Идутъ — ихъ силѣ нѣтъ препоны,

Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ,

И тѣни блѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны,

Въ воздушныхъ соединясь полкахъ,

Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно,

Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи....

Но клики раздались!... Идутъ въ дали туманной....

Звучатъ кольчуги и мечи!

Страшись, о рать иноплеменныхъ!

Россіи двинулись сыны;

Возсталъ и старъ и младъ, летятъ на дерзновенныхъ,

Сердца ихъ мщеньемъ вожены.

Вострепещи, тирань! Ужъ близокъ часъ паденья!

Ты въ каждомъ ратникѣ узришь богатыря.

Ихъ цѣль; иль побѣдить, иль пастъ въ пылу сраженья

За вѣру, за Царя.

Ретивы кони бранью пышутъ,

Усѣянъ ратниками доль,

За строемъ строй течеть, всё местью, славой дышуть,
 Восторгъ во грудь ихъ перешель;
 Летять на грозный пиръ, мечамъ добычи ищуть,
 И се — пылаеть брань; на холмахъ громъ гремитъ,
 Въ сгущенномъ воздухѣ съ мечами стрѣлы свпшуть
 И брызжетъ кровь на щитъ.

Сразились — Русскій побѣдитель!
 И вспять бѣжитъ надменный Галлъ;
 Но сильнаго въ бояхъ небесный Вседержитель
 Лучемъ послѣднимъ увѣнчалъ:
 Не здѣсь его сразилъ воитель посѣдѣлый.
 О Бородинскія кровавыя поля!
 Не вы неистовству и гордости предѣлы:
 Увы, на башняхъ Галлъ Кремля!

Края Москвы, края родные,
 Гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
 Часы безопасности я тратилъ золотые,
 Не зная горестей и бѣдъ,
 И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчизны,
 И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ!
 И въ жертву не принесъ я мщенья вамъ и жизни....
 Вотще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ!

Гдѣ ты, краса Москвы стоголавой,
 Родимой прелесть стороны?
 Гдѣ прежде взору градъ являлся величавой,
 Развалины теперь одни.
 Москва! Сколь Русскому твой зракъ унылый страшень!
 Исчезли зданія вельможей и Царей,
 Все пламень истребилъ, вѣнцы затмились башень,
 Чертоги пали богачей.

И тамъ, гдѣ роскошь обитала,
 Въ сѣнистыхъ рощахъ и садахъ,

Гдѣ миртъ благоухалъ и липа трепетала,
 Тамъ нынѣ угли, пепель, прахъ;
 Въ часы безмолвные прекрасной лѣтней ноци
 Веселье шумное туда не полетитъ,
 Не блещутъ ужъ въ огняхъ брега и свѣтлы рощи—
 Все мертво, все молчитъ....

Утѣшься, мать градовъ Россіи,
 Воззри на гибель пришлеца.
 Отяготѣла днесъ на ихъ надменной выи
 Десница мстящая Творца.
 Взгляни: они бѣгутъ, озрѣться не дерзаютъ,
 Ихъ кровь не престае въ снѣгахъ рѣками течь,
 Бѣгутъ—и въ тмѣ ночной ихъ гладъ и смерть срѣтаютъ.
 А съ тыла гонитъ Россовъ мечъ.

О вы, которыхъ трепетали
 Европы сильны племена,
 О, Галлы хищные! И вы въ могилы пали....
 О страхъ! О грозны времена!
 Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья и Беллоны,
 Презрѣвшій правды гласъ, и вѣру, и законъ?
 Въ гордынѣ возмечтавъ мечемъ низвергнуть троны,
 Исчезъ, какъ утромъ страшный сонъ!

Въ Парижѣ Россъ! Гдѣ факелъ мщенья?
 Понижени, Галлія, главой!
 Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
 Грядетъ съ оливою златой;
 Еще военный громъ грохочетъ въ отдаленіи,
 Москва въ уныніи, какъ степь въ полнощной мглѣ—
 А онъ несетъ врагу не гибель, но спасенье,
 И благотворный миръ землѣ.

Достойный Внуку Екатерины!
 Почто небесныхъ Аонидъ,

Какъ нашихъ дней пѣвецъ, Славянскій Бардъ дружины,
 Мой духъ восторгомъ не горитъ!
 О, если бѣ Аполлонъ пѣтовъ даръ чудесной
 Вліялъ мнѣ нынѣ въ грудь! Тобою восхищенъ,
 На лирѣ бѣ возгремѣлъ гармоніей небесной
 И возсіялъ во тмѣ временъ!

О Скальдъ Россіи вдохновенной,
 Воспѣвшій ратныхъ грозный строй!
 Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламененной,
 Взгреди на арфѣ золотой;
 Да снова стройный гласъ Герою въ честь прольется,
 И струны трепетны посыплютъ огонь въ сердца,
 И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
 При звукахъ браннаго пѣвца.

Л И Ц И П І Ю. *)

Лициній, зришь-ли ты: на быстрой колесницѣ,
 Вѣнчанный лаврами, въ блестящей багряницѣ,
 Спѣсиво развалясь, Ветулій молодой
 Въ толпу народную летитъ по мостовой?
 Смотри, какъ всѣ предъ нимъ смиренно спину клонятъ;
 Смотри, какъ ликторы народъ несчастный гонятъ!
 Льстецовъ, сенаторовъ, прелестницъ длинный рядъ
 Умильно вслѣдъ за нимъ стремитъ усердный взглядъ;
 Ждутъ, ловятъ съ трепетомъ улыбки, глазъ движенья,
 Какъ будто дивнаго боговъ благословенья;
 И дѣти малыя, и старцы въ сѣдинахъ,
 Всѣ ницъ предъ идоломъ безмолвно пали въ прахъ:

---

*) Варианты этой пьесы въ Примѣчаніяхъ.

Для нихъ и слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнный,
 Есть нѣкій памятникъ почетный и священный.
 О Ромуловъ народъ, скажи, давно ль ты палъ?
 Кто васъ поработилъ и властью оковалъ?
 Квириты гордые подъ иго преклонились.
 Кому жъ, о небеса, кому поработились!
 (Скажу ль?) Ветулію! Отчизны стыдъ моей,
 Развратный юноша возсѣлъ въ совѣтъ мужей;
 Любимецъ деспота сенатомъ слабымъ править,
 На Римъ простеръ яремъ, отечество безславить;
 Ветулій Римлянъ царь!... О стыдъ, о времена!
 Или вселенная на гибель предана?
 Но кто подъ портикомъ, съ поникшею главою,
 Въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною влюкою,
 Сквозь шумную толпу нахмуренный идетъ?
 Куда ты, нашъ мудрецъ, другъ истины, Даметъ?
 «Куда: не знаю самъ; давно молчу и вижу;
 Навѣкъ оставлю Римъ: я рабство ненавижу.»
 Лициній, добрый другъ! Не лучше ли и намъ,
 Смирненно поклонясь Фортунѣ и мечтамъ,
 Съдаго циника примѣромъ научиться?
 Съ развратнымъ городомъ не лучше ль намъ про-
 ститься,

Гдѣ все продажное: законы, правота,
 И консулъ, и трибунъ, и честь, и красота?
 Пускай Глицерія, красавица младая,
 Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,
 Неопытность другихъ въ наемну ловить сътъ!
 Намъ стыдно слабости съ морщинами имѣть;
 Тщеславной юности оставимъ блескъ веселій:
 Пускай безстыдный Клитъ, слуга вельможъ, Корнелій,
 Торгуютъ подлостью и съ дерзостнымъ челомъ
 Отъ знатныхъ къ богачамъ ползутъ изъ дома въ домъ!
 Я сердцемъ Римлянинъ; кипитъ въ груди свобода;
 Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.

Лициній, поспѣшимъ далеко отъ заботъ,
 Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красотъ!
 Завистливой судьбы въ душѣ презрѣвъ удары,
 Въ деревню пренесемъ отеческіе лары!
 Въ прохладѣ древнихъ рощъ, на берегу морскомъ,
 Найти не трудно намъ укромный, свѣтлый домъ,
 Гдѣ, больше не страшась народнаго волненья,
 Подъ старость отдохнемъ въ глуши уединенья.
 И тамъ, расположась въ уютномъ уголкѣ,
 При дубѣ пламенномъ, вожденномъ въ камелькѣ,
 Воспомнивъ старину за дѣдовскимъ фіаломъ,
 Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ,
 Въ сатирѣ праведной порокъ изображу
 И нравы сихъ вѣковъ потомству обнажу.
 О Римъ, о гордый край разврата, злодѣянья!
 Придетъ ужасный день, день мщенья, наказанья.
 Предвижу грознаго величія конецъ:
 Падеть, падеть во прахъ вселенныя вѣнецъ.
 Народы юные, сыны свирѣпой брани,
 Съ мечами на тебя подымутъ мощны длани,
 И горы, и моря оставятъ за собой
 И хлынутъ на тебя кипящую рѣкой.
 Исчезнетъ Римъ, его покроетъ мракъ глубокой;
 И путникъ, устремивъ на груди камней око,
 Воскликнетъ, въ мрачное раздумье углубленъ:
 «Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погубленъ.»

В П Ш Ш Я.

Румяной зарею
 Покрылся востокъ,
 Въ селѣ за рѣкою
 Потухъ огонекъ.

Росой окропились
Цвѣты на поляхъ,
Стада пробудились
На мягкихъ лугахъ.

Туманы сѣдые
Плывутъ къ облакамъ,
Пастушки младыя
Спѣшатъ къ пастухамъ.

Съ журчаньемъ стремится
Источникъ межъ горъ,
Вдали золотится
Во тьмѣ синій боръ.

Пастушка младая
На рынокъ спѣшитъ
И вдаль, припѣвая,
Прилежно глядитъ.

Румянецъ играетъ
На полныхъ щекахъ,
Невинность блистаетъ
На робкихъ глазахъ.

Искусной рукою
Боса убрана,
И ножка собою
Прельщать создана.

Пастушка приходитъ
Въ вишенникъ густой,

И много находить
Плодовъ предъ собой.

Хоть видъ ихъ прекрасенъ,
Красотку манить,
Но путь къ нимъ опасенъ —
Бѣдняжку страшить.

Подумавъ, рѣшилась
Сихъ вишень поѣсть,
За вѣтвь ухватилась
На дерево взлѣзть.

Уже достигаетъ
Награды своей
И робко ступаетъ
Ногой межъ вѣтвей.

Бери плодъ рукою —
И вишня твоя,
Но ахъ — что съ тобою
Пастушка моя?

Вдали усмотрѣла,
Спѣшить пастушокъ,—
Нога ослабѣла,
Скользить башмачекъ.

КЪ БАРОНЕССѢ МАРЬѢ АНТОНОВНѢ ДЕЛЬВИГЪ.

Вамъ восемь лѣтъ, а мнѣ семнадцать было.
И я считалъ когда-то восемь лѣтъ;
Они прошли. — Въ судьбѣ своей унылой,
Богъ знаетъ какъ я нынѣ сталъ поэтъ.
Не возвратитъ уже того, что было:
Уже я старъ, мнѣ не знакома ложь:
Такъ вѣрьте мнѣ — мы спасены лишь вѣрой.
Послушайте, Амуръ какъ вы хорошъ;
Амуръ дитя, Амуръ на васъ похожъ —
Въ мои лѣта вы будете Венерой.

Но если только буду живъ,
Всевышней благостью Зевеса,
И столько же краснорѣчивъ —
Я напишу вамъ, баронесса,
Въ Латинскомъ вкусѣ мадригалъ,
Чудесный, вовсе безъ искусства —
Не много истинныхъ похвалъ,
Но много истиннаго чувства.
Скажу я: «ради вашихъ глазъ,
О, баронесса! ради баловъ,
Когда мы всѣ глядимъ на васъ,
Взгляните на меня хоть разъ
Въ награду прежнихъ мадригаловъ.»
Когда жъ Амуръ и Гименей
Въ прелестной Маріи моей
Поздравятъ молодую даму —
Удастся ль мнѣ подъ старость дней
Вамъ посвятить эпиталямъ?

1815, 22 декабря.

1816 г.

МОЕМУ АРСТАРХУ.

(н. о. кошанскому.)

Помилуй, трезвый Аристархъ
Моихъ бахическихъ посланій!
Не осуждай моихъ мечтаній
И чувства въ вѣтряныхъ стихахъ.
Плоды веселаго досуга
Не для безсмертья рождены,
Но развѣ такъ сбережены
Для самаго себя, для друга,
Да для Темиры молодой:
Помилуй, сжапись надо мной!

Я знаю самъ свои пороки,
Не нужны мнѣ, повѣрь, уроки
Твоей учености сухой.
Конечно, бѣденъ геній мой:
За рифмой часто холостой
На зло законамъ сочетанья,
Бѣгутъ трехстопные толпой
На аю, аеть и на ой.
Еще не многія признанья:
Я ставлю (кто же безъ грѣха?)
Для мѣры, рифмы, восклицанья,
Для смысла, лишнихъ три стиха;
Не хорошо; но оправданья
Позволь мнѣ скромно принести:
Мои летучія посланья

Въ потомствѣ будутъ ли цвѣсти?
 Не думай, ценсоръ мой угрюмой,
 Что лѣнью жертвуя стихамъ,
 Объятый стихотворной думой,
 Встаю.... бѣсуюсь по ночамъ;
 Что засвѣтивъ свою лампаду,
 Едва дыша, нахмуря взоръ,
 За вѣрный столъ крягтя засяду,
 Сижу, сижу три ночи сряду
 И высижу — трехстопный вздоръ....
 Такъ пишетъ (молвить не въ укоръ)
 Конюшій дряхлаго Пегаса,
 Свистовъ, Хлыстовъ или Графовъ,
 Служитель старенькій Парнасса,
 Родитель старенькихъ стиховъ,
 И одъ не слишкомъ громозвучныхъ,
 И сказочекъ довольно скучныхъ!...

Но знаешь ли, о мой гонитель,
 Какъ я бесѣдную съ тобой?
 Безпечный Пинда посѣтитель
 Я съ музой нѣжусь молодой....
 Ужъ утра яркое свѣтило
 Поля и рощи озарило;
 Давно пропѣли пѣтухи!
 Въ полглаза дремля и зѣвая,
 Шапеля въ пѣсняхъ призывая,
 Пишу короткіе стихи
 Среди пріятнаго забвенья,
 Склонясь въ подушку головой —
 И въ простотѣ, безъ украшенья,
 Мои слагаю извиненья
 Не много сонною рукой,
 Подъ снѣною лѣни неизвѣстной.

Такъ нѣжился пѣвецъ прелестной
 Когда Веръ-Вера воспѣвалъ,
 Или съ улыбкой рисовалъ,
 Въ непринужденномъ упоеньи,
 Уединенный свой чердакъ.
 Въ такомъ лѣнивомъ положеньи
 Стихи текутъ и такъ и сякъ.
 Возможно ли въ свое творенье,
 Унявъ веселыхъ мыслей шумъ,
 Тогда вперять холодный умъ,
 Отдѣлкой портить небылицы,
 Плоды бродящихъ рѣзвыхъ думъ,
 И сокращать свои страницы?

Нашъ другъ Шамфоръ, Шолье, Парни,
 Враги труда, заботъ, печали,
 Не такъ бывало въ прежни дни
 Своихъ любовницъ воспѣвали.
 О вы любезные пѣвцы,
 Сыны безопасности лѣнливой!
 Давно вамъ отданы вѣнцы
 Отъ Музы праздности счастливой;
 Но не блестящіе дары
 Поззіи трудолюбивой,
 На верхъ Эссальскія горы
 Вели васъ тайные извивы!
 Веселыхъ грацій перстъ игривой
 Младья лиры оживлялъ,
 И ваши челы обвивалъ
 Дѣтей Паэоскихъ рой шумливой!
 И я — неопытный поэтъ,
 Небрежный вашихъ риѣмъ наслѣдникъ,
 За вами крадуся во слѣдъ....
 А ты, мой скучный проповѣдникъ,
 Умѣръ ученый вкуса гнѣвъъ,

Поди, кричи, брани другова,
И брось лѣнивца молодова,
Объ немъ тихонько пожалѣвъ.

ПОСЛАНИЕ ЛУДЪ.

Тебѣ, наперсница Венеры,
Тебѣ, которой Купидонъ
И дѣти рѣзвья Цитеры
Украшили цвѣтами тронъ,
Которой нѣжные примѣры,
Улыбка, взоры, нѣжный тонъ
Краснорѣчивѣй чѣмъ Вольтеры
Намъ проповѣдуютъ законъ
И Аристипповъ, и Глицеры —
Тебѣ привѣтливый поклонъ
Любви вѣнокъ и лиры звонъ!...
Презрѣвъ Платоновы химеры,
Твоей я святостью спасенъ,
И сталъ апостолъ мудрой вѣры
Анакреоновъ и Нинонъ,
Всего.... но лишъ извѣстной мѣры.
Я вижу, хмурится Зенонъ,
И вся его сѣдая свита.
И мудрый другъ вина, Катонъ,
И скучный рабъ Эпафродита,
Сенека, даже Цицеронъ
Кричатъ: Ты лжешь, профанъ, мученье —
Прямое смертныхъ наслажденье!
Друзья, согласенъ! Плачь и стонъ
Стократъ конечно лучше смѣха;
Терпѣть великая утѣха,
Совѣтъ вашъ вовсе не смѣшонъ;

Но мнѣ онъ, слышите ль, не нуженъ,
Затѣмъ что слишкомъ онъ мудренъ.
Дороже мнѣ хорошій ужинъ
Философовъ трехъ цѣлыхъ дюжинъ,
Я вами, право, не прельщенъ.
Соборъ угрюмый разсерженъ;
Но пусть кричатъ на супостата,
Ихъ споръ лишъ времени утрата:
Кто ихъ примѣромъ обольщенъ?
Люблю я добраго Сократа:
Онъ въ мѣрѣ жилъ, онъ былъ уменъ;
Съ своею важною притворной
Любилъ пиры, театры, женъ;
Онъ, между прочимъ, былъ влюбленъ,
И у Аспазіи въ уборной,
(Тому свидѣтель самъ Платонъ),
Невольникъ робкій и покорной,
Вдыхалъ частехонько въ хитонъ,
И ей съ улыбкою придворной
Шепталъ: все призракъ, ложь и сонъ,
И мудрость, и народъ, и слава.
Что жъ истинно? Одна забава,
Повѣрь, одна любовь не сонъ!
Такъ ладонъ жегъ прекрасной онъ,
И ею.... бѣдная Ксантиппа!
Твой мужъ, совмѣстникъ Аристиппа,
Бывалъ до неба вознесенъ.
Межъ тѣмъ на милыхъ грозно лая,
Злой циникъ нѣгу презирая,
Одинъ всѣхъ радостей лишенъ,
Дышалъ отъ міра отлученъ;
Но съ бочкой странствуя пустою
Во слѣдъ за мудростью слѣпою,
Пустой чудакъ былъ ослѣпленъ, —

И воду черпая рукою,
 Не могъ зачерпнуть счастья онъ.

КЪ П Е Й.

Эльвина, милый другъ! Прийди, подай мнѣ руку,
 Я вяну, прекрати тяжелый жизни сонъ.
 Скажи, увижу ли? на долгую ль разлуку
 Любовникъ осужденъ?

Уже ли никогда на друга другъ не взглянетъ,
 Иль вѣчной темнотой покрыты дни мои?
 Уже ли никогда насъ утро не застанетъ
 Въ объятіяхъ любви?

Эльвина! Почему въ часы глубокой ночи
 Я не могу тебя съ весельемъ обнимать,
 На милую стремить томленья полны очи
 И страстью трепетать?

И въ радости нѣмой, въ восторгахъ упоенья,
 Твой шепотъ сладостный и томный стонъ внимать,
 И тихо въ скромной тьмѣ для нѣги пробужденья
 Близъ милой засыпать?

ЗАДРАВНЫЙ КУБОКЪ.

Кубокъ янтарный
 Полонъ давно.
 Пѣною парной

Блещетъ вино!
Свѣта дороже
Сердцу оно,
Но за кого же
Выпью вино?

Пейте за славу,
Славы друзья!
Браней забаву
Любить не я.
Эго веселье
Не веселить:
Дружбы похмѣлье
Грома бѣжить.

Жители неба,
Феба жрецы,
Здравіе Феба,
Пейте, пѣвцы.
Рѣзвой Климены
Ласки — бѣда!
Токъ Иппокрены —
Други, вода!

Пейте за радость
Юной любви.
Скроется младость,
Дѣти мои.
Кубокъ янтарный
Полонъ давно.
Я, благодарный,
Пью — за вино!

ФАВНЪ И ПАСТУШКА.

(ПОДРАЖАНІЕ ЦАРНИ).

I.

Съ пятнадцатой весною,
 Какъ лилія съ зарею,
 Красавица цвѣтетъ,
 Все въ ней очарованье:
 И томное дыханье,
 И взоровъ томный свѣтъ,
 И груди трепетанье,
 И розы нѣжный цвѣтъ —
 Все юность измѣняетъ.
 Ужъ Лилу не плѣняетъ
 Веселый хороводъ:
 Одна у сонныхъ водъ,
 Въ лѣсахъ она таится,
 Вздыхаетъ и томится,
 И съ нею тамъ Эроть.
 Когда же, ночью темной,
 Ее въ постелѣ скромной
 Застанетъ тихій сонъ
 Съ волшебницей-мечтою,
 И тихую тоскою
 Исполнить сердце оны —
 И Лиля въ сновидѣнны
 Вкушаетъ наслажденье
 И шепчетъ: о Филонъ!

II.

Кто тамъ въ пещерѣ темной
 Вечернею порой,

Окованъ лѣнью томной
Покоится съ тобой?
И такъ ужъ ты вкусила
Всѣ радости любви;
Ты чувствуешь, о Лила,
Волненіе въ крови,
И съ трепетомъ, смятеньемъ,
Съ пылающимъ лицомъ
Ты дышишь упоеньемъ,
Амура подъ крыломъ.
О жертва страсти нѣжной,
Въ безмолвіи гори!
Покойтесь безмятежно
До пламенной зари.
Для васъ потокъ игривый
Угрюмой тьмой одѣтъ,
И мѣсяцъ молчаливый
Туманный свѣтъ лѣтъ;
Здѣсь розы наклонились
Надъ вами въ темный кровъ,
И вѣтры притаились
Гдѣ царствуетъ любовь....

III.

Но кто тамъ, близъ пещеры,
Въ густой травѣ лежитъ?
На жертвенникъ Венеры
Съ досадой онъ глядитъ;
Нагнулась межъ цвѣтами
Косматая нога;
Надъ грустными очами
Нависли два рога.
То Фавнъ, угрюмый житель
Лѣсовъ и горъ крутыхъ,

Докучливый гонитель
Пастушекъ молодыхъ.
Любимца Купидона,
Прекраснаго Филона
Давно соперникъ онъ....
Въ пріютѣ сладострастья
Онъ слышитъ вздохи счастья
И нѣги томный стонъ.
Въ безмолвіи несчастный
Страданья чашу пьетъ,
И въ ревности напрасной
Горючи слезы льетъ.
Но вотъ ночей царица
Скатилась за лѣса,
И тихая денница
Румянитъ небеса;
Зефиры прошептали —
И Фавнъ въ дремучій боръ
Бѣжитъ сокрыть печали
Въ ущельяхъ дикихъ горъ.

IV.

Одна поутру Лила
Нетвердою ногой
Средь рощицы густой
Задумчиво ходила
«О, скоро ль мракъ ночной
Съ прекрасною луной
Ты небомъ овладѣешь?
О, скоро ль, темный лѣсъ,
Въ туманѣ засинѣешь
На западѣ небесъ?»
Но шорохъ за кустами
Ей слышится глухой,

И вдругъ — сверкнулъ очами
Предъ нею богъ лѣсной!
Какъ вешній вѣтерочикъ,
Летитъ она въ лѣсочикъ;
Онъ гонится за ней —
И трепетная Лиля
Всѣ тайны обнажила
Младой красы своей;
И нѣжна грудь открылась
Лобзаньямъ вѣтерка,
И стройная нога
Невольно обнажилась.
Порхая надъ травой,
Пастушка робко дышитъ,
Къ рѣкѣ летя стрѣлой,
И Фавна за собой
Все ближе, ближе слышитъ.
Отчаянья полна,
Ужь чувствуетъ она
Огонь его дыханья:
Напрасны всѣ старанья!
Ты Фавну суждена;
Но шумная волна
Красавицу сокрыла:
Рѣка — ея могила.
Нѣтъ! Лиля спасена.

V.

Эроты златокрылы
И нѣжный Купидонъ
На помощь юной Лилы
Летятъ со всѣхъ сторонъ;
Всѣ бросили Цитеру
И мирныхъ селъ Венеру.

По трепетнымъ волнамъ
Несутъ они въ пещеру
Любви пустынный храмъ.
Счастливецъ былъ ужъ тамъ.
И вотъ уже съ Филономъ
Веселье пьетъ она,
И страсти легкимъ стономъ
Прервалась тишина.
Спокойно дремлетъ Лила,
На розахъ нѣгъ и сна,
И лучъ свой угасила
За облакомъ луна.

VI.

Поникнувъ головою,
Несчастный богъ лѣсовъ
Одинъ съ вечерней тьмою
Бродилъ у береговъ:
Прости любовь и радость!
Со вздохомъ молвилъ онъ:
Въ печали тратить младость
Я рокомъ осужденъ!
Вдругъ изъ лѣсу румяный,
Шатаясь передъ нимъ,
Сатиръ явился пьяный
Съ кувшиномъ круговымъ;
Онъ смутными глазами
Пути домой искалъ,
И козьими ногами
Едва переступалъ;
Шель, шель, и натолкнулся
На Фавна моего,
Со смѣхомъ отшатнулся,
Склонился на него....

«Ты ль это, братъ любезной?»
 Вскричалъ Сатиръ съдой:
 «Въ какой странѣ безвѣстной
 Я встрѣтился съ тобой?»
 — Ахъ! молвилъ Фавнъ уныло:
 Завяли дни мои!
 Все, все мнѣ измѣнило,
 Несчастенъ я въ любви. —
 «Что слышу? Отъ Амура
 Ты страдаешь и грустишь,
 Малютку-бѣдокура
 И ты боготворишь?
 Возможно ль! Такъ забвенъ
 Въ кувшинѣ почерпай,
 И чашу въ утѣшенъ
 Наполни черезъ край!
 И пѣна засверкала
 И на краяхъ шипитъ,
 И съ перваго фіала
 Амуръ уже забыть.

VII.

Кто жъ дерзостный владѣеть
 Твоею красотой?
 Невѣрная, кто смѣетъ
 Пылающей рукой
 Бродить по груди страстной,
 Томиться, воздыхать,
 И съ Лилою прекрасной
 Въ восторгахъ умирать?
 И такъ ты измѣнила?
 Красавица, плѣняй,
 Спѣши любить, о Лила!
 И слова измѣняй.

VIII.

Что Лила, что съ тобою?
 Въ пещерной глубинѣ
 Сокрытая тоскою,
 Ты плачешь въ тишинѣ;
 Грустишь уединенно,
 И свѣтъ тебѣ постыль!
 Гдѣ жъ сердца другъ безцѣнный?
 Увы! онъ измѣнилъ.
 Прошли восторги, счастье,
 Какъ съ утромъ легкій сонъ;
 Гдѣ тайны сладострастья?
 Гдѣ нѣжный Палемонъ?
 О Лила! Вянуть розы
 Минутныя любви:
 Познай же грусть и слезы,
 И нынѣ терны рви.

IX.

Въ губительномъ стремленьи
 За годомъ годъ летить,
 И старость въ отдаленьи
 Красавицѣ грозить.
 Амуръ уже съ поклономъ
 Разстался съ красотой,
 И вслѣдъ за Купидономъ
 Веселья скрылся рой.
 Въ лѣсу пастушка бродить
 Печальна и одна.
 Кого же тамъ находить?
 Вдругъ Фавна зрить она.
 Философъ козлоногій

Подъ липою лежалъ,
 И пѣнистый фіалъ,
 Въякомъ украсивъ роги,
 Лѣниво осушалъ.
 Хоть Фавнъ и не находка
 Для Лилы прежнихъ лѣтъ,
 Но вздумала красотка
 Любви раскинуть сѣть:
 Подкралась, устремила
 На Фавна томный взоръ,
 И слышалъ я, клонила
 Къ развязкѣ разговоръ.
 Но Фавнъ съ улыбкой злою,
 Напѣня свой фіалъ,
 Качая головою,
 Красавицѣ сказалъ:
 «Нѣтъ, Лила! Я въ покоѣ —
 Другихъ, мой другъ, лови,
 Есть время для любви
 Для мудрости другое.
 Бывало, я тобой
 Въ безуміи плѣнялся,
 Бывало восхищался
 Коварной красотой,
 И сердце, тлѣя страстью,
 Къ тебѣ меня влекло.
 Бывало... но, по счастью,
 Что было — то прошло.»

И С Т И Н А.

Недавно мудрые искали
 Забытыхъ истины слѣдovъ,

И долго, долго повторяли
Пустые толки стариковъ,
Твердили: «истина нагая
Въ колодезь убралась тайкомъ.»
И дружно воду выпивая,
Кричали: «здѣсь ее найдемъ!»

Но кто-то, смертныхъ благодѣтель
И чуть ли не старикъ Силенъ,
Ихъ важной глупости свидѣтель,
Водой и крикомъ утомленъ,
Оставилъ невидимку нашу,
Подумалъ первый о винѣ,
И, осушивъ до капли чашу,
Увидѣлъ истину на днѣ.

ФІАЛЪ АПАКРЕОНА.

Когда на поклоненье
Ходилъ я въ дальній Паеосъ,
Повѣрьте мнѣ, я видѣлъ
Въ уборной у Венеры
Фіаль Анакреона!
Онъ былъ тогда наполненъ
Свѣтлѣющею влагой;
Кругомъ висѣли розы,
Зеленый плющъ и мирты,
Сплетенныя рукою
Царицы наслажденій;
На краешкѣ я видѣлъ
Коварнаго Амура;
Смотрѣлъ онъ пригорюнясь

На пѣнистую влагу.
 «Что смотришь ты, проказникъ,
 На пѣнистую влагу?»
 Спросилъ я Купидона,
 «Скажи, что такъ утихнулъ?
 Иль хочется зачерпнуть
 Тебѣ златаго соку,
 Да ручка неостанетъ?»
 — «Нѣтъ!» отвѣчалъ малютка:
 «Рѣзвись, я въ это море
 Колчанъ, и лукъ, и стрѣлы
 Все бросилъ ненарочно —
 А плавать не умѣю.
 Вонъ, вонъ, на днѣ блистаютъ!
 Ахъ, жалко мнѣ; послушай,
 Достань мнѣ ихъ оттуда.»
 — «О нѣтъ!» сказалъ я богу:
 «Спасибо, что упали,
 Пускай тамъ остаются,
 Тѣмъ лучше для меня!»

С О П Ъ.

(ОТРЫВОКЪ.)

Пускай поэтъ съ кадилъницей наемной
 Гоняется за счастьемъ и молвой,
 Мнѣ страшенъ свѣтъ, проходитъ вѣкъ мой темной
 Въ безвѣстности, заглохшею тропой.
 Пускай пѣвцы гремящими хвалами
 Полубогамъ безсмертіе даютъ;
 Мой голосъ тихъ, и звучными струнами
 Не оглашу безмолвія приютъ.

Пускай любовь Овидіи поють,
Мнѣ не даетъ покоя Цитерея;
Счастливыхъ дней амуры мнѣ не вьютъ:
Я сонъ пою, безцѣнный даръ Морфея,
И научу, какъ должно въ тишинѣ
Покоиться въ пріятномъ крѣпкомъ снѣ.

Прійди, о лѣнь, прійди въ мою пустыню!
Тебя зовутъ прохлада и покой;
Въ одной тебѣ я зрю свою богиню,
Готово все для гостя молодой.
Все тихо здѣсь, докучный шумъ укрылся
За мой порогъ; на свѣтлое окно
Прозрачное спустилось полотно,
И въ темный нишъ, гдѣ сумракъ воцарился,
Чуть крадется невѣрный свѣтъ дневной.
Вотъ мой диванъ — прійди жъ въ обитель мира,
Царицей будь, я плѣнникъ нынѣ твой.
Учи меня, води моею рукой,
Все, все твое: вотъ краски, кисть и лира!

А вы, друзья моей прелестной музы,
Которыми любви забыты узы,
Которые владычеству земли
Конечно бъ сонъ спокойный предпочли —
О мудрецы! Дивитесь вамъ умѣя,
Для васъ однихъ я нынѣ тронъ Морфея
Поэзіи цвѣтами обовью,
Для васъ однихъ блаженство воспою.
Внемлите же съ улыбкой снисхожденья
Моимъ стихамъ, урокамъ наслажденья.

Въ назначенный природой нѣги часъ,
Хотите ли забыться каждый разъ,
Въ ночной тиши, средь общаго молчанья,

Въ объятіяхъ игриваго мечтанья?
Спѣшите же подъ сельскій мирный кровъ:
Тамъ можно жить и праздно и безопасно,
Тамъ прямо рай; но прочь отъ городовъ,
Гдѣ крикъ и шумъ лѣнивцевъ мучитъ вѣчно.
Согласенъ я, въ нихъ можно цѣлый день
Съ прелестницей ловить веселья тѣнь;
Въ платокъ зѣвать, блистая въ модномъ свѣтѣ;
На балѣ въ ночь вертѣться на паркетѣ;
Но можно ли вкушать отраду сновъ?
Настала тѣнь, уснуть лишь я готовъ,
Обманутый призраками ночными —
И вотъ уже, при свѣтѣ фонарей,
На бѣшеной четверкѣ лошадей,
Стуча, гремя колесами златыми,
Катится спѣсь подъ окнами моими.
Я вновь дремлю, вновь улица дрожитъ —
На скучный балъ разсѣянье летитъ....
О Боже мой! уже ли здѣсь ложатся,
Чтобы всю ночь безсонницей терзаться?
Еще стучать, а тамъ уже свѣтло,
И гдѣ мой сонъ? Не лучше ли въ село?
Тамъ рошица листочковъ трепетаньемъ,
Въ лугу потокъ таинственнымъ журчаньемъ,
Златыхъ полей, долины тишина:
Въ деревнѣ все къ томленью клонитъ сна!
О сладкій сонъ, ничѣмъ невозмущенный!
Одинъ пѣтухъ, зарею пробужденный,
Свой рѣзкій крикъ подыметъ, можетъ быть;
Опасенъ онъ, онъ можетъ разбудить.
И такъ, пускай, въ сераляхъ удаленны,
Султаны куръ гордятся заключенны
Иль поселянъ сзываютъ на поля:
Мы спать хотимъ, любезные друзья;
Стократь блаженъ, кто можетъ сномъ забыться

Вдали столицъ, кареть и пѣтуховъ!
Но сладостью веселой ночи сновъ
Не думайте вы даромъ насладиться,
Средь мирныхъ сель, безъ всякаго труда.
Что жъ надобно? Движенье, господа!
Похвальна лѣнь, но есть всему предѣлы:
Смотрите, Клить, въ подушкахъ посѣдѣлый,
Размученный, изнѣженный, больной,
Весь вѣкъ сидить съ подагрой и тоской!
Наступитъ день, несчастный задыхаясь,
Кряхтя ползеть съ постели на диванъ;
Весь день сидитъ; когда жъ ночной туманъ
Подернетъ свѣтъ, во мракѣ разстилаясь,
Съ дивана Клить къ постелѣ поползетъ;
И какъ же ночь, несчастный, проведетъ?
Въ покойномъ снѣ, въ пріятномъ сновидѣньѣ?
Нѣтъ! Сонъ ему не радость, а мученье;
Не маками, тяжелою рукой
Ему Морфей закроетъ томны очи,
И медленной проходятъ чередой
Для бѣднаго часы угрюмой ночи.
Я не хочу, какъ общій другъ, Бершу,
Предписывать вамъ тяжкія движенья:
Упрямый плугъ, охоты наслажденья —
Нѣтъ, въ рощи я лѣнивца приглашу.
Друзья мои, какъ утро здѣсь прекрасно!
Въ тиши полей, сквозь тайну сѣнь дубравъ,
Какъ юный день сіяетъ гордо, ясно!
Свѣтлѣветъ все; другъ друга перегнавъ,
Журчатъ ручьи, блестятъ берега безмолвны;
Еще роса надъ свѣжей муравой;
Златыхъ озеръ недвижно дремлютъ волны.
Друзья мой! Возьмите посохъ свой,
Идите въ лѣсъ, бродите по долинь,
Крутыхъ холмовъ устаньте на вершинѣ —

И въ долгу ночь глубока вашъ будетъ сонъ.
Какъ только тѣнь одѣнетъ небосклонъ,
Пускай войдетъ, отрада жизни нашей,
Веселья Богъ съ широкой, полной чашей —
И царствуй Вакхъ со всѣмъ дворомъ своимъ!
Умѣренно пируйте, други, съ нимъ.
Стакана три шипящими волнами
Румяныхъ винъ налейте вы полнѣй;
Но толстый Комъ съ надутыми щеками
Не приходи стучаться у дверей;
Я радъ ему, но только за обѣдомъ,
И дружески я въ полдень уберу
Его дары; но право въ вечеру
Гораздо я дружнѣй съ его сосѣдомъ.
Не ужинать — святой тому законъ,
Кому всего дороже легкій сонъ.
Брегитесь вы, о дѣти мудрой лѣни,
Обманчивой успокоенья тѣни!
Не спите днемъ: о гсре, горе вамъ,
Когда дремать привыкли по часамъ!
Что вашъ покой? Безчувствіе глубоко.
Сонъ истинный отъ васъ уже далеко.
Не знаете веселой вы мечты;
Вашъ цѣлый вѣкъ несносное томленье,
И скученъ сонъ, и скучно пробужденье,
И дни текутъ средь вѣчной темноты.

Но ежели, въ глуши, близъ водопада,
Что подъ горой клокочетъ и кипитъ,
Прелестный сонъ, усталости награда,
При шумѣ волнъ на дикій брегъ слетитъ,
Покроетъ взоръ туманной пеленою,
Обниметъ васъ, и тихую рукою
На мягкій мохъ преклонитъ, осѣнитъ:
О, сладостно близъ шумныхъ водъ забвенье!

Пусть далѣе продлится вашъ покой:
Завидно мнѣ счастливца наслажденье.

Случалось ли ненастной вамъ порой
Дня зимняго при позднемъ, тихомъ свѣтѣ,
Сидѣть однимъ безъ свѣчки въ кабинетѣ.
Все тихо вокругъ; березы больше нѣтъ;
Часъ отъ часу темнѣетъ оконъ свѣтѣ;
На потолокъ какой то призракъ бродитъ;
Блѣднѣетъ ужъ — и синеватый дымъ,
Какъ легкій паръ, въ трубу вѣсь, уходитъ.
И вотъ, жезломъ невидимымъ своимъ,
Морфей на все невѣрный мракъ наводитъ.
Темнѣетъ взоръ; Кандидъ изъ вашихъ рукъ
Закрывшись упалъ въ колѣни вдругъ;
Вздохнули вы; рука на столъ валится,
И голова съ плеча на грудь катится.
Вы дремлете, надъ вами мира кровь:
Нежданный сонъ пріятнѣй многихъ сновъ!
Душевныхъ мукъ волшебный исцѣлитель,
Мой другъ Морфей, мой давній утѣшитель!
Тебѣ всегда я жертвовать любилъ,
И ты жреца давно благословилъ.
Забуду ли то время золотое,
Забуду ли блаженный нѣги часъ,
Когда въ углу подъ вечеръ притаюсь,
Я призывалъ и ждалъ тебя въ покоѣ?
Я самъ не радъ болтливости своей;
Но дѣтскихъ лѣтъ люблю воспоминанье.
Ахъ, умолчу ль о мамушкѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,
Когда, въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
Она духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекреститъ меня,
И шепотомъ рассказывать мнѣ станетъ

О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы.
Отъ ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша прижмусь подъ одѣяло,
Не чувствуя ни ногъ, ни головы;
Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины,
Чуть освѣщаль глубокія морщины.
Драгой антикъ, прабабушкинъ чепецъ,
И длинный ротъ, гдѣ зуба два стучало —
Все въ душу страхъ невольный поселяло;
Я трепеталъ, и тихо наконецъ
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой, съ лазурной высоты,
На ложе розъ крылатыя мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обворожали;
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ;
Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней,
Встрѣчалъ лихихъ Полвановъ и Добрыней —
И въ вымыслахъ носился юный умъ....

Но вы прошли, о ночи безмятежны!
И юности ужъ возрастъ наступилъ.
Подайте мнѣ Альбана кисти нѣжны,
И я мечту молодой любви вкусилъ.
И гдѣ жъ она? Восторгами родилась,
И въ тотъ же мигъ восторгомъ истребилась.
Проснулся я, ищу на небѣ день,
Но все молчитъ; луна во тьмѣ сокрылась,
И вокругъ меня глубокой ночи тѣнь.
Но сонъ мой тихъ! Безпечный сынъ Парнасса,
Въ ночной тиши я съ рифмою не бьюсь,
Не вижу вѣкъ ни Феба, ни Пегаса,
Ни старый дворъ какихъ-то старыхъ Музъ.

Я не герой, по лаврамъ не тоскую,
 Спокойствіемъ и нѣгой не торгую.
 Не чудится мнѣ ночью грозный бой;
 Я не богачъ, и лаемъ песь привратной
 Не возмущалъ мечты моей пріятной;
 Я не злодѣй; съ волненьемъ и тоской
 Не зрю во снѣ кровавыхъ привидѣній,
 Убійственныхъ дѣтей предразсужденій,
 И въ поздній часъ ужасный, блѣдный страхъ
 Не хмурится угрюмо въ головахъ.

П А Ъ З Д П П К Ъ.

Глубокой ночи на поляхъ
 Давно лежали покрывала,
 И слабо въ блѣдныхъ облакахъ
 Звѣзда пустынная сіяла.
 При умирающихъ огняхъ,
 Въ невѣрной темнотѣ тумана,
 Безмолвно два стояли стана
 На помраченныхъ высотахъ.
 Все спитъ, лишь волнъ мятежный ропоть
 Разносится въ тиши ночной,
 Да слыщенъ издали глухой
 Булата звонъ и конскій топоть.
 Толпа наѣздниковъ младыхъ
 Въ дубравѣ ѣдетъ молчаливой;
 Дрожать и пышутъ кони ихъ,
 Главой трясутъ нетерпѣливой.
 Ужъ полемъ войны летятъ,
 Дубравы кровь покинувъ зыбкой,
 Усами грозно шевелятъ
 И съ гордой шепчутся улыбкой;

Ихъ лица радостью горять,
Огнемъ пылають гнѣвны очи,
Лишь ты, воинственный поэтъ,
Уныль, какъ сумракъ полуночи,
И блѣденъ, какъ осенній свѣтъ.
Съ главою мрачно наклоненной
Къ тѣснимой горестью груди,
Печальной думой увлеченный,
Онъ молча ѣдетъ впереди.
«Пѣвецъ угрюмый, что съ тобою?
Одинъ предъ боемъ ты уныль,
Поникъ безстрашною главою,
Бразды и саблю опустилъ.
Уже ль, невольникъ празднои нѣги.
Отраднѣй сонъ твоихъ полей,
Чѣмъ наши бурные набѣги
И ночью бранный стукъ мечей?
Стезя войны пускай опасна,
Завиденъ гордый нашъ удѣлъ.
Тебѣ ли въ полѣ смерть ужасна?
Но ты средъ боевъ не блѣднѣлъ:
Тебя мы зрѣли подъ мечами
Съ спокойнымъ дерзостнымъ челомъ,
Всегда межъ первыми рядами,
Все тамъ, гдѣ падалъ первый громъ.
Съ побѣднымъ съединяясь кликомъ,
Твой голосъ наши битвы пѣлъ,
А нынѣ ты въ уныньи дикомъ,
Какъ робкій ратникъ онѣмѣлъ.»
Но медленно пѣвецъ печальный
Главу и взоры приподнялъ,
Взглянулъ угрюмо въ сумракъ дальный
И вздохомъ грудь поколебалъ.

«Глубокій сонъ въ долинѣ бранной;
 Одни мы мчимся въ тьмѣ ночной;
 Готовъ, готовъ ударъ желанный;
 Предчувствую послѣдній бой.
 Зоветъ меня конецъ жестокой;
 Мы грозно ринемся въ огонь;
 Ударить часъ — и одинокой
 Въ долину выбѣжить мой конь!...

«О вы! которые костями
 Сей ночью ляжете со мной,
 Скажите: милая слезами
 Вашъ усладить ли сонъ нѣмой?
 Но я... напрасно сердце дышитъ,
 Настанетъ хладъ и тишина,
 Эльвина скоро вѣсть услышитъ:
 Онъ падъ!... и не вздохнетъ она.

«А вы, хранимые судьбами
 Для тихихъ жизненныхъ отрадъ,
 Счастливыцы!... Милыя слезами
 Благословится вашъ возвратъ.
 За чашей сладкаго спасенья,
 О братья, вспомните пѣвца,
 Его любовь, его мученья
 И славу грознаго конца!...»

Умолгъ, и мчится въ бой кровавый
 Уже не возвратился онъ:

На полѣ славы
 Его покрылъ безвѣстный сонъ.
 И утромъ юнаго поэта
 Наѣздники, въ веселый часъ,
 За чашей дружнаго привѣта
 Въ послѣдній вспомянули разъ.

ПИСЬМО КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
 Въ бояхъ воспитанный поэтъ,
 Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ
 На страшной высотѣ Парнасса,
 Защитникъ вкуса, грозный *Вотъ!*
 Тебѣ, мой дядя, въ новый годъ
 Веселья прежняго желанье,
 И слабый сердца переводъ —
 Въ стихахъ и прозою посланье.

Въ письмѣ вашемъ вы назвали меня братомъ; но я не осмѣлился назвать васъ этимъ именемъ, слишкомъ для меня лестнымъ.

Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ
 Отъ рифмъ бакхическихъ шатаюсь на Пегасѣ:
 Я знаю самъ себя хоть радъ, хотя не радъ....
 Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совсѣмъ не братъ:
 Вы дядя мой и на Парнассѣ.

И такъ любезнѣйшій изъ всѣхъ дядей-поэтовъ
 здѣшняго міра — можно ли мнѣ надѣяться, что вы
 простите девятимѣсячную беременность пера лѣни-
 вѣйшаго изъ поэтовъ-племянниковъ?

Да, каюсь я; конечно, передъ вами
 Совсѣмъ неправъ пустынный рифмоплетъ:
 Онъ въ лѣности сравнится лишь съ богами;
 Онъ виноватъ и прозой и стихами,
 Но *старое* забудьте въ *Новый* годъ.

Кажется, что судьбою опредѣлены мнѣ только два рода писемъ — *общительныя* и *извинительныя*: первыя въ началѣ годовой переписки, а послѣднія при послѣднемъ ея издыханіи. Къ тому же примѣтилъ я, что и всѣ онѣ состоятъ изъ двухъ посланій; это мнѣ кажется непростительно.

Но вы, которые умѣли
 Простыми пѣснями свирѣли
 Красавицъ нашихъ воспѣвать,
 И съ гнѣвной музой Ювенала
 Глухаго варварства начала
 Сатирой грозной осмѣять,
 И мучить блѣднаго Ослова
 Священнымъ Феба языкомъ,
 И лобъ угрюмый Шутовскова
 Клеймить единственнымъ стихомъ!
 О вы, которые умѣли
 Любить, объдать и писать —
 Скажите искренно — уже ли
 Вы не умѣете прощать?

Напоминаю о себѣ моимъ незабвеннымъ; не имѣю больше времени; но.... надобно ли еще общать? Простите вы всѣ, которыхъ любить мое сердце, и которые любите еще меня.

Шольё Андреевичъ, конечно,
 Меня забылъ давнымъ давно;
 Но я люблю его сердечно,
 За то, что любить онъ безпечно
 И пѣть и пить свое вино,
 И надъ всемірными глупцаи
 Своими рѣзвыми стихами
 Смѣется, право, пресмѣшно.

КЪ ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ.

Довольно битвы мчался громъ,
Тупился мечъ окровавленный,
И смерть погибельнымъ крыломъ
Шумѣла грозно надъ вселенной.

Свершилось... подвигомъ царей
Европы твердый миръ основанъ;
Оковы свергнувшій злодѣй
Могущею бранью снова скованъ.

Узрѣлъ онъ въ пламени Москву —
И былъ низверженъ ужасъ міра;
Покрыла падшаго главу
Благословеннаго порфира!

Повлекся, мглою окруженъ,
Притекъ, и буйной вдругъ измѣной
Ужъ воздвигалъ свой шаткѣй тронъ,
И палъ, отторженъ отъ вселенной.

Утихло все. Не мчится громъ,
Не блещетъ мечъ окровавленной!
И брань погибельнымъ крыломъ
Не мчится грозно надъ вселенной.

Хвала, о юноша герой!
Съ героемъ дивнымъ Альбіона
Онъ вѣрныхъ велъ въ послѣдній бой
И мстилъ за лиліи Бурбона.

Предъ нимъ мятежныхъ громъ гремѣлъ,
Тевли во слѣдъ щиты кровавы;

Грозой онъ въ бранной мглѣ летѣлъ
И разливалъ блистанье славы!

Его текла молодая кровь,
На немъ сіяетъ язва чести.
Вѣнчай, вѣнчай его любовь!
Достойный былъ онъ воинъ мести!

ЖЕЛАНИЕ.

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый мигъ въ увядшемъ сердцѣ множить
Всѣ горести несчастливой любви
И тяжкое безуміе тревожить.
Но я молчу; не слышенъ ропотъ мой.
Я слезы лью.... мнѣ слезы утѣшенье.
Моя душа, объятая тоской,
Въ нихъ горькое находитъ наслажденье.
О жизни сонъ, лети, не жаль тебя!
Исчезни въ тѣмъ пустое привидѣнье!
Мнѣ дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру — любя!

ОСЕННЕЕ УТРО.

Поднялся шумъ, свирѣлю полевой
Оглашено мое уединенье,
И съ образомъ любовницы драгой
Последнее слетѣло сновидѣнье.
Съ небесъ уже скатилась ночи тѣнь,
Взошла заря, сіяетъ блѣдный день,

А вокругъ меня глухое запустѣнье....
 Ужъ нѣтъ ея.... Я былъ у береговъ,
 Гдѣ милая ходила въ вечеръ ясный;
 На берегу, на зелени луговъ
 Я не нашелъ чуть видимыхъ слѣдовъ,
 Оставленныхъ ногой ея прекрасной.
 Задумчиво бродя въ глуши лѣсовъ,
 Произносилъ я имя несравненной,
 Я звалъ ее — и гласъ уединенной
 Пустыхъ долинъ позвалъ ее въ дали.
 Къ ручью пришелъ, мечтами привлеченной;
 Его струи медлительно текли:
 Не трепеталъ въ нихъ образъ незабвенной.
 Ужъ нѣтъ ея!... До сладостной весны
 Простился я съ блаженствомъ и съ душою;
 Ужъ осени холодною рукою
 Главы березъ и липъ обнажены.
 Она шумить въ дубравахъ опустѣлыхъ:
 Тамъ день и ночь кружится желтый листь,
 Стоитъ туманъ на волнахъ охладѣлыхъ
 И слышится мгновенный вѣтра свистъ.
 Поля, холмы, знакомыя дубравы!
 Хранители священной тишины!
 Свидѣтели безпечныя забавы!
 Забыты вы... до сладостной весны!

Э Л Е Г І Я.

Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ
 Безъ ужаса признаться смѣетъ,
 Кого въ невѣдомой судьбѣ
 Надежда робкая лелѣетъ,
 Кому луны туманный лучъ

Въ полночи свѣтитъ сладострастно,
 Кому тихонько вѣрный ключъ
 Во тьмѣ отворить дверь прекрасной!

Но мнѣ, въ унылой жизни, нѣтъ
 Отрады тайныхъ наслажденій.
 Увяль надежды ранній цвѣтъ;
 Цвѣтъ жизни сохнетъ отъ мученій;
 Печально младость улетитъ;
 Услышу старости угрозы;
 Но я, любовью позабытъ,
 Моей любви забуду ль слезы?

О К Н О.

Гдѣ мнѣ, одной мечтѣ послушный?
 Мнѣ настоящій опустѣлъ!
 На все взираю равнодушно;
 Дышать уныньемъ мой удѣлъ. —
 Напрасно лѣтнею порою
 Лобовникъ рощицъ и луговъ
 Колышитъ розой полевою,
 Летя съ тѣнистыхъ береговъ;
 Напрасно поздняя зарница
 Мерцаетъ въ темнотѣ ночной,
 Иль въ зыбкихъ облакахъ денница
 Разлита пламенной рѣвкой,
 Иль день багряный вечерѣтъ
 И тихо тускнетъ небосводъ,
 И кленъ на мѣсяцѣ блѣдетъ,
 Склонясь на берегъ синихъ водъ!...

Недавно темною порою,
 Когда пустынная луна

Текла туманною стезею,
 Я видѣлъ: дѣва у окна
 Одна задумчиво сидѣла.
 Дышала въ тайномъ страхѣ грудь,
 Она съ волненіемъ глядѣла
 На темный подъ холмами путь.
 Я здѣсь! шепнули торопливо;
 И дѣва трепетной рукой
 Окно открыла боязливо.
 Луна покрылась темнотою!...
 Счастливецъ! молвилъ я съ тоскою,
 Тебя веселье ждетъ одно;
 Когда жъ вечернею порою
 И мнѣ откроется окно?

М Ъ С Я Ц Ъ .

Зачѣмъ изъ облака выходишь,
 Уединенная луна,
 И на подушки сквозь окна
 Сіянье тусклое наводишь?
 Явленьемъ пасмурнымъ своимъ
 Ты будишь грустныя мечтанья,
 Любви напрасныя страданья
 И гордымъ разумомъ моимъ
 Чуть усыпленные желанья.
 Летите прочь, воспоминанья!
 Засни, несчастная любовь!
 Ужъ не бывать той ночи вновь,
 Когда спокойное сіянье
 Твоихъ таинственныхъ лучей
 Сквозь темный ясенъ проникало
 И блѣдно, блѣдно озаряло

Красу любовницы моей.
 Почто, минуты, вы летѣли
 Тогда столь быстрой чередой,
 И тѣни легкія рѣдѣли
 Предъ неожиданной зарей?
 Зачѣмъ ты, мѣсяцъ, укатился
 И въ небѣ свѣтломъ утонулъ?
 Зачѣмъ лучъ утренній блеснулъ?
 Зачѣмъ я съ милою простился?...

Опять я вашъ, о юные друзья!
 Туманные сокрылись дни разлуки,
 И брату вновь простерлись ваши руки,
 Вашъ рѣзвый кругъ увидѣлъ снова я!
 Все тѣ же вы, но сердце ужъ не то же:
 Уже не вы ему всего дороже,
 Ужъ я не тотъ.... Невидимой стезей
 Ушла пора веселости безпечной,
 Ушла на вѣкъ, и жизни скоротечной
 Лучъ утренній блѣднѣетъ надо мной;
 Веселіе разсталось съ душой.
 Отверженный судьбиною ревнивой,
 Улыбку, смѣхъ, и рѣзвость, и покой,
 Я все забылъ: печали молчаливой
 Покровъ лежитъ надъ юною главой.
 Напрасно вы, бесѣдою шутливой
 И нѣжностью души краснорѣчивой,
 Мой тяжкій сонъ хотите перервать!
 Все кончилось — и рѣзвости счастливой
 Въ душѣ моей изгладилась печать.
 Чтобъ удалить угрюмыя страданья,
 Напрасно вы несете лиру мнѣ:
 Минувшихъ дней погаснули мечтанья.

И умеръ гласъ въ безчувственной струнѣ.
 Все кончилось, одну печаль я вижу:
 Мнѣ страшенъ миръ, мнѣ скученъ дневный свѣтъ;
 Пойду въ лѣса, въ которыхъ жизни нѣтъ,
 Гдѣ мертвый мракъ: я радость ненавижу;
 Во тьмѣ застылъ ея минутный слѣдъ.
 Опали вы, листы вчерашней розы,
 Не доцѣли до мѣсячныхъ лучей!
 Умчались вы, дни радости моей!
 И вяну я на темномъ утрѣ дней.
 О дружество, предай меня забвенью!
 Въ безмолвіи, покорствуя судьбамъ,
 Оставь меня сердечному мученью,
 Оставь меня пустынямъ и слезамъ!

Любовь одна веселье жизни хладной!
 Любовь одна мученіе сердець!
 Она дарить одинъ лишь мигъ отрадный,
 А горестямъ не видѣнъ и конецъ.
 Стократъ блаженъ, кто въ юности прелестной
 Сей быстрый мигъ поймаетъ на лету;
 Кто къ радостямъ и нѣгѣ неизвѣстной
 Стыдливую преклонитъ красоту!

Но кто любви не жертвовалъ собою?
 Вы, чувствами свободные, пѣвцы!
 Предъ милыми смирились вы душою,
 Вы пѣли страсть — и гордою рукою
 Красавицамъ несли свои вѣнцы.
 Слѣпой Амуръ, жестокой и пристрастный,
 Вамъ тернія и мирты раздавалъ;
 Съ Пермесскими царицами согласный,
 Инымъ изъ васъ на радость указалъ;

Другихъ на вѣкъ печалями связалъ,
И въ даръ послалъ огонь любви несчастной.

Наслѣдники Тибулла и Парни!
Вы знаете безцѣнной жизни сладость,
Какъ утра лучъ, сіяютъ ваши дни.
Пѣвцы любви, младую пойте радость!
Склонивъ уста къ пылающимъ устамъ,
Въ объятіяхъ любовницъ умирайте;
Стихи любви, тихонько вздыхайте!...
Завидовать уже не смѣю вамъ.

Пѣвцы любви, вы вѣдали печали!
И ваши дни по терніямъ текли;
Вы свой конецъ съ волненьемъ призывали;
Пришелъ конецъ, и въ жизненной дали
Не зрѣли вы минутную забаву;
Но, не нашедъ блаженства вашихъ дней,
Вы встрѣтили по крайней мѣрѣ славу —
И мукою безсмертны вы своей!

Не тотъ удѣлъ судьбою мнѣ назначенъ:
Подъ сумрачнымъ навѣсомъ облаковъ,
Въ глуши долинъ, въ печальной тѣмѣ лѣсовъ,
Одинъ, одинъ брожу унылъ и мраченъ.
Въ вечерній часъ, надъ озеромъ сѣдымъ,
Въ тоскѣ, слезахъ, нерѣдко я стенаю;
Но ропотъ волнъ стenanіямъ моимъ
И шумъ дубравъ въ отвѣтъ лишь я внимаю.

Прервется ли души холодной сонъ,
Поэзіи зажжется ль упоенье?
Родится жаръ, и тихо стынетъ онъ:
Безплодное проходитъ вдохновенье.
Пускай она прославится другимъ;

Одинъ люблю — онъ любить и любимъ!...
Люблю, люблю!... Но къ ней ужъ не коснется
Страдальца гласъ; она не улыбнется
Его стихамъ небрежнымъ и простымъ.
Къ чему мнѣ пѣть? Подъ кленомъ полевымъ
Оставилъ я пустынному зефиру
Ужъ навсегда покинутую лиру —
И слабый даръ, какъ легкій скрылся дымъ.

Р А З Л У К А.

Когда пробилъ послѣдній счастью часъ,
Когда въ слезахъ надъ бездной я проснулся
И, трепетный, уже въ послѣдній разъ
Къ рукъ твоей устами прикоснулся —
Да, помню все! Я сердцемъ ужаснулся,
Но заглушалъ несносную печаль;
Я говорилъ: «не вѣчная разлука
Всѣ радости уноситъ нынѣ вдаль.
Забудемся! Въ мечтахъ потонетъ мука.
Уныніе, губительная скука,
Пустынника пріютъ не посвятятъ;
Мою печаль усладой Муза встрѣтитъ.
Утѣшусь я, и дружбы тихій взглядъ
Души моей холодной мракъ освѣтитъ.»

Какъ мало я любовь и сердце зналъ!
Часы идутъ, за ними дни проходятъ,
Но горестямъ отрады не приводятъ
И не несутъ забвенія фіалъ.
О милая, повсюду ты со мною!
Но я унылъ и въ тайнѣ я грущу.
Блеснетъ ли день за синею горою,

Взойдетъ ли ночь съ осеннею луною —
 Я все тебя, прелестный другъ, ищу.
 Засну ли я — лишь о тебѣ мечтаю,
 Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ;
 Задумаюсь — невольно призываю,
 Заслушаюсь — твой голосъ слышенъ мнѣ.
 Разсѣянный сижу между друзьями,
 Невнятенъ мнѣ ихъ шумный разговоръ;
 Гляжу на нихъ недвижными глазами,
 Не узнаетъ ужъ ихъ мой хладный взоръ!
 И ты со мной, о лира, приуныла,
 Наперсница души моей больной!
 Твоей струны печаленъ звонъ глухой
 И лишь любви ты голосъ не забыла.
 О вѣрная, грусти, грусти со мной!
 Пускай твои небрежные напѣвы
 Изобразятъ уныніе мое.
 И слушая бряцаніе твое,
 Пускай вздохнуть задумчивыя дѣвы.

У Н Ы Н І Е *).

Мой милый другъ разстался я съ тобою,
 Душой уснувъ безмолвно я грущу.
 Блеснетъ ли день за синею горою,
 Взойдетъ ли ночь съ осеннею луною,
 Я все тебя далекій другъ ищу;
 Одну тебя вездѣ воспоминаю,
 Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ;

*) Это измѣненіе предъидущей піесы, сообщенное П. В. Анненковымъ по рукописи Пушкина.

Задумаюсь — невольно призываю,
Заслушаюсь — твой голос слышенъ мнѣ.

И ты со мной, о лира, приуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печаленъ звонъ глухой,
И лишь тоски ты голосъ не забыла;
О вѣрная, грусти, грусти со мной!
Пускай твои небрежные напѣвы
Изобразятъ уныніе любви,
И слушая бряцанія твои
Пускай вздохнуть задумчивыя дѣвы!

ПОДРАЖАНІЕ.

Я видѣлъ смерть: она сидѣла
У тихаго порога моего.
Я видѣлъ гробъ — открылась дверь его:
Туда, туда моя надежда полетѣла....
Умру — и младости моей
Никто слѣдовъ пустынныхъ не замѣтитъ,
И взора милаго не встрѣтитъ
Послѣдній взоръ моихъ очей.

Прости печальный міръ, гдѣ темная стезя
Надъ бездною для меня лежала,
Гдѣ жизнь меня не утѣшала,
Гдѣ я любилъ, гдѣ мнѣ любить нельзя!
Небесъ лазурная завѣса,
Любимые холмы, ручья веселый гласъ,
Ты утро — вдохновенья часъ,
Вы, тѣни мірныя таинственнаго лѣса,
И все — прости въ послѣдній разъ!

СЛОВО МИЛОЙ.

(МАРИИ СМИТЬ).

Я Лилу слушалъ у клавира:
Ея прелестный, томный гласъ
Волшебной грустью нѣжить насъ,
Какъ ночью вѣянье зефира.
Упали слезы изъ очей,
И я сказалъ пѣвицѣ милой:
«Волшебенъ голосъ твой унылой;
Но слово милья моей
Волшебнѣй пѣсень, пѣтыхъ Лилой.»

ДРУЗЬЯМЪ.

Богами вамъ еще даны
Златые дни, златыя ночи,
И томныхъ дѣвъ устремлены
На васъ внимательныя очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечеръ скоротечной:
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнуса я.

КЪ МОРФЕЮ.

Морфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви!

Прійди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови!
Сокрой отъ памяти унылой
Разлуки страшный приговоръ!
Пускай увижу милый взоръ,
Пускай услышу голосъ милой.
Когда жъ умчится ночи мгла
И ты мои покинешь очи,
О, если бы душа могла
Забить любовь до новой ночи!

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Мечты, мечты!
Гдѣ ваша сладость?
Гдѣ ты, гдѣ ты,
Ночная радость?
Исчезнулъ онъ,
Веселый сонъ,
И одинокой
Во тьмѣ глубокой
Я пробужденъ.
Кругомъ постели
Нѣмая ночь.
Вмигъ охладѣли,
Вмигъ улетѣли
Толпою прочь
Любви мечтанья.
Еще полна
Душа желанья
И ловить сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь,

Внемли моленья:
 Пошли мнѣ вновь
 Свои видѣнья,
 И поутру,
 Вновь упоенный,
 Пускай умру
 Не пробужденный.

КНЯЗЮ П. И. ШАЛИКОВУ.

Шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой,
 Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
 Въ помѣстье мирное межъ Пиндомъ и Цитерой,
 Гдѣ нѣжился Тибуллъ, Мелецкій и Парни?
 Тебѣ, балованный питомецъ Аполлона,
 Съ ихъ лирой соглашать игривую свирѣль:
 Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
 Твою счастливую качали колыбель.
 И нынѣ въ юности прекрасной
 Съ тобою вѣрныя сопутницы твои;
 Бряцай, о трубадуръ, на арфѣ сладострастной
 Ты гимны счастливой любви!
 Пой сердца юнаго кипящее желанье,
 Красавицы твоей упорство, трепетанье,
 Со груди сорванный завистливый покровъ,
 Стыдливости послѣднее роптанье,
 И страсти торжество на ложѣ изъ цвѣтовъ!
 Пой, въ нѣгѣ устремивъ на друга томны очи,
 Тебѣ подвластныя красы,
 Въ ея объятіяхъ исчезнувшія ночи —
 Любви безцѣнные часы.
 Но я — друзей любить открытою душою,
 Въ молчаньи чувствовать, плѣняться красотой!

Вотъ жребій мой — ему я слѣдовать готовъ.

Но, милый, сжапись надо мною,

Не требуй отъ меня стиховъ!

Не вѣчно нѣжится въ пріятномъ ослѣпленьи:

Докучной истины я поздній вижу свѣтъ,

По добротѣ души я вѣрилъ въ упоеньи

Мечтѣ, шепнувшей: ты поэтъ,

И, презря мудрые угрозы и совѣты,

Съ небрежной лѣнностью нанизывать куплеты,

Игрушкою себя невинной веселилъ;

Угодникъ Бахуса, я, трезвый, межъ друзьями,

Бывало, пѣлъ вино водяными стихами;

Мечтательныхъ Доридъ и славилъ и бранилъ,

Иль дружбѣ плелъ вѣнокъ: и дружество зѣвало

И сонные стихи въ просонкахъ величало.

Но долго ли меня лелѣялъ Аполлонъ?

Душѣ наскучили Парнасскія забавы;

Не долго снились мнѣ мечтанья музъ и славы:

И строгимъ опытомъ невольно пробужденъ,

Уснувъ межъ розами, на тернахъ я проснулся,

Увидѣлъ, что еще не генія печать

Охота смертная на рифмахъ лепетать,

Сравнивъ стихи твои съ моими, улыбнулся:

И полно мнѣ писать.

АМУРЪ И ГИМЕНЕЙ.

Сегодня, добрые мужья,

Повеселю васъ новой сказкой.

Знавали ль вы, мои друзья,

Слѣпаго мальчика съ повязкой?

Слѣпаго?... Вотъ? Помилуй, Фебъ!

Амуръ совсѣмъ, друзья, не слѣпъ:

Но шалуну пришла жъ охота,
Чтобъ людямъ на смѣхъ и на зло,
Его безуміе вело.
Безуміе ведетъ Эрота;
Но вдругъ, не знаю почему,
Оно наскучило ему.
Взялся за новую затѣю;
Повязку съ милыхъ снявъ очей,
Идетъ проказникъ къ Гименею....
А что такое Гименей?
Онъ сынъ Вулкана молчаливый,
Холодный, дряхлый и лѣнивый,
Ворчитъ и дремлетъ цѣлый вѣкъ,
А впрочемъ добрый человѣкъ, —
Да нравъ имѣетъ онъ ревнивый.
Отъ ревности печальный богъ
Спокойно подремать не могъ;
Все трусилъ маленькаго брата,
За нимъ подсматривалъ тайкомъ,
И караулилъ супостата
Съ своимъ догучнымъ фонаремъ.
Вотъ мальчикъ мой къ нему подходитъ
И рѣчь коварную заводитъ:
«Развеселися, Гименей!
Ну, помиримся, будь умнѣй!
Забудь, товарищъ мой любезный,
Раздоръ смѣшной и бесполезный!
Да только навсегда, смотри!
Возьми жъ повязку въ память, милый,
А мнѣ фонарь свой подари!»
И что жъ? Повѣрилъ богъ унылый.
Амуръ отъ радости прыгнулъ,
И на глаза со всей онъ силы
Обнову брату затащилъ.
Гимена скучные дозоры

Съ тѣхъ поръ пресѣклись по ночамъ;
 Его завистливые взоры
 Теперь не страшны красотамъ;
 Спокоенъ онъ, но братъ коварный,
 Шутя надъ честью и надъ нимъ,
 Войну ведетъ, неблагодарный,
 Съ своимъ союзникомъ слѣпымъ.
 Лишь сонъ на смертныхъ налетаетъ,
 Амуръ въ молчаніи ночномъ
 Фонарь любовнику вручаетъ,
 И самъ счастливица провожаетъ
 Къ уснувшему супругу въ домъ;
 Самъ отъ безпечнаго Гимена
 Онъ охраняетъ тайну дверь....
 Пойми меня, мой другъ Елена,
 И мудрой повѣсти повѣрь!

И Ъ В В Ц Ъ.

Слыхали ль вы за рощей гласъ ночной
 Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
 Когда поля въ часъ утренній молчали,
 Свирѣли звукъ унылый и простой
 Слыхали ль вы?

Встрѣчали ль вы въ пустынной тѣмѣ лѣсной
 Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
 Слѣды ли слезъ, улыбку ль замѣчали,
 Иль тихій взоръ, исполненный тоской,
 Встрѣчали вы?

Вздохнули ль вы внимая тихій гласъ
 Пѣвца любви, пѣвца своей печали?

Когда въ лѣсахъ вы юношу видали,
Встрѣчая взоръ его потухшихъ глазъ,
Вздохнули ль вы?

ПОСЛАНИЕ КЪ КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатою весной;
Въ послѣдній разъ быть можетъ я съ тобой,
Задумчиво внимая шумъ дубравной,
Надъ озеромъ иду рука съ рукой.
Гдѣ вы, лѣта безопасности недавной?
Съ надеждами во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Мой милый другъ, мы входимъ въ новый свѣтъ;
Но тамъ удѣлъ назначенъ намъ неравной,
И розный намъ оставить въ мѣрѣ слѣдъ:
Тебѣ рукой фортуны своенравной
Указанъ путь, и счастливый и славной —
Моя стезя печальна и темна.
И нѣжная краса тебѣ дана,
И нравится блестящій даръ природы,
И быстрый умъ, и вѣрный, милый нравъ;
Ты сотворенъ для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забавъ.
Они пришли, твои златые годы,
Огня любви прелестная пора!
Спѣши любить и счастливый вчера,
Сегодня вновь будь счастливъ осторожно;
Амуръ велить — и завтра, если можно,
Вновь миртами красавицу вѣнчай....
О сколькихъ слезъ, предвижу, ты виновникъ!
Измѣны другъ и вѣтранный любовникъ
Будь вѣренъ всѣмъ, плѣняйся и плѣняй!...

А мой удѣлъ — во пасмурнымъ туманомъ
Зачѣмъ же мнѣ грядущее скрывать?
Увы, нельзя мнѣ вѣчнымъ жить обманомъ
И счастья тѣнь, забывшись, обнимать!
Вся жизнь моя — печальный мракъ неастья;
Двѣ, три весны младенцемъ, можетъ быть,
Я счастливъ былъ, не понимая счастья.
Онѣ прошли, но можно ль ихъ забыть?
Онѣ прошли и скорбными глазами
Смотря на путь, оставленный на вѣкъ,
На краткій путь, усыпанный цвѣтами,
Которымъ я такъ весело протекъ —
Я слезы лью, я трачу вѣкъ напрасно,
Мучительнымъ желаніемъ горя...

Твоя заря — заря весны прекрасной;
Моя жъ, мой другъ, — осенняя заря.
Я зналъ любовь — но я не зналъ надежды;
Страдалъ одинъ, въ безмолвіи любилъ....
Безумный сонъ покинулъ томны вѣжды,
Но мрачныя я грезы не забылъ.
Душа полна невольной, грустной думой;
Мнѣ кажется, на жизненномъ пиру
Одинъ съ тоской явлюсь я — гость угрюмой,
Явлюсь на часъ и одинокъ умру.
И не прійдетъ другъ сердца незабвенный
Въ послѣдній мигъ мой томный взоръ сомкнуть,
И не прійдетъ на холмъ уединенный
Въ послѣдній разъ любовію вздохнуть!
Уже ль моя пройдетъ пустынно младость?
Иль мнѣ, чужда счастливая любовь?
Уже ль умру, не вѣдая что радость?
Зачѣмъ же жизнь дана мнѣ отъ боговъ?
Чего мнѣ ждать? Въ рядахъ забытый воинъ,
Среди толпы затерянный пѣвецъ —

Какихъ наградъ я въ будущемъ достоинъ
И счастья какой возьму вѣнецъ?

Но что! стыжусь! Нѣтъ, ропоть — униженье;
Нѣтъ, праведно боговъ опредѣленье —
Уже ль лишь мнѣ не вѣдать ясныхъ дней?
Нѣтъ, и въ слезахъ сокрыто наслажденье —
И въ жизни сей мнѣ будетъ въ утѣшенье
Мой скромный даръ и счастье друзей!

ЖЕЛАНІЕ.

Христось воскресь! Питомецъ Феба,
Дай Богъ, чтобъ милостію неба
Разсудокъ на Руси воскресь, —
Онъ что то, кажется, исчезъ....
Дай Богъ, чтобы во всей вселенной
Воскресли миръ и тишина,
Чтобъ въ академіи почтенной
Воскресли члены ото сна;
Чтобъ въ наши грѣшны времена
Воскресла предковъ добродѣтель;
Чтобы Шихматову на зло
Воскреснулъ новый Буало —
Расколовъ, глупостей свидѣтель,
А съ нимъ и больше серебра
И золота, et cetera.
Но да не будетъ воскресенья
Усопшей прозы и стиховъ;
Да не воскреснутъ отъ забвенья
Покойный господинъ Бобровъ,
Хвалы газетчика достойный,
И Николевъ, поэтъ покойный,

И не покойный графъ Хвостовъ,
И всѣ, которые на свѣтѣ
Писали слишкомъ мудроно,
То есть и хладно, и темно,
Что очень стыдно и грѣшно!

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОСЛАВІЯ КЪ ЮШКОВУ.

I.

Мнѣ видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
Съ заборами, въ рѣкѣ волнистой
Съ мостомъ и рощею тѣнистой,
Зерцаломъ водъ отражено.
На холмѣ домикъ мой; съ балкона
Могу сойти въ веселый садъ,
Гдѣ вмѣстѣ Флора и Помона
Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ,
Гдѣ старыхъ кленовъ темный рядъ
Возносится до небосклона,
И глухо тополи шумятъ.

II.

Туда зарею поспѣшаю
Съ смиреннымъ заступомъ въ рукахъ,
Въ лѣсахъ тропинку извиваю,
Тюльпанъ и розу поливаю,
И счастливъ въ утреннихъ трудахъ!
Вотъ здѣсь, подъ дубомъ наклоненномъ,
Съ Горациемъ и Лафонтеномъ

Въ пріятныхъ погружень мечтахъ.
Вблизи ручей шумить и скачетъ
И мчится въ влажныхъ берегахъ,
И свѣтлый токъ съ досадой прячетъ
Въ сосѣднихъ рощахъ и лугахъ.
Но вотъ ужъ полдень. Въ свѣтлой залѣ
Весельемъ круглый столъ накрытъ,
Хлѣбъ-соль на чистомъ покрывалѣ,
Дымятся щи, вино въ бокалѣ
И щука въ скатерти лежитъ.
Сосѣди шумною толпою
Взошли, прервали тишину.
Садятся; чашъ внимаемъ звону:
Всѣ хвалятъ Вакха и Помону —
И съ ними красную весну.

III.

Вотъ мой каминъ; подъ вечеръ темной
Осенней бурною порой,
Люблю подъ сѣнію укромной,
Предъ нимъ задумчиво мечтать,
Волтера, Виланда читать,
Или, въ минуту вдохновенья,
Небрежно стансы намарать
И жечь потомъ свои творенья....
Вотъ здѣсь.... но быстро привидѣнья,
Родясь въ волшебномъ фонарѣ,
На бѣломъ полотнѣ мелькають:
Мечты находятъ, исчезаютъ,
Какъ тѣнь на утренней зарѣ....
Я слышу топотъ, слышу ржанье;
Блеснувъ узорнымъ чепракомъ,
Въ блестящемъ ментика сіяньѣ,
Гусаръ промчался подъ окномъ....

И гдѣ вы, мирныя картины
Прелестной сельской простоты?
Среди воинственной долины
Ношусь на крыльяхъ я мечты....
Огни во станѣ догораютъ;
Межъ нихъ окутанный плащомъ,
Съ сѣдымъ, усатымъ казакомъ
Лежу.... вдали штыки сверкаютъ....

БОЖЕ! ЦАРЯ ХРАНИ.

Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли:
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли.

Тамъ громкой славою,
Сильной державою
Міръ онъ покрылъ;
Здѣсь — безмятежною
Сѣнью надежною,
Благостью нѣжною
Насъ осѣнилъ.

Брани въ ужасный часъ
Мощно хранила насъ
Вѣрная длань.
Гласъ умиленія,
Благодаренія,
Сердца стремленія —
Вотъ наша дань!

КЪ НАТАШЪ.

Вянетъ, вянетъ лѣто красно,
Улетаютъ ясны дни!
Стелется туманъ ненастной
Ночи въ дремлющей тѣни;
Опустѣли злачны нивы,
Хладенъ ручеекъ игривый,
Лѣсъ кудрявый посѣдѣлъ:
Сводъ небесный поблѣднѣлъ.

Свѣтъ-Наташа, гдѣ ты нынѣ?
Что никто тебя не зреть?
Иль не хочешь часъ единый
Съ другомъ сердца раздѣлить?
Ни надъ озеромъ волнистымъ,
Ни подъ кровомъ липъ душистымъ
Ранней, позднею порой,
Не встрѣчаюсь я съ тобой.

Скоро, скоро холодъ зимній
Рощу, поле посѣтитъ;
Огонекъ въ лачужкѣ дымной
Скоро ярко заблеститъ;
Не увижу я прелестной
И, какъ чижикъ въ клеткѣ тѣсной,
Долго буду горевать
И Наташу вспоминать.

КЪ МАШЪ.

(СЕСТРЪ ДЕЛЬВИГА).

Вчера мнѣ Маша приказала
 Въ куплеты рифмы набросать,
 И мнѣ въ награду обѣщала
 Спасибо въ прозѣ написать.
 Спѣшу исполнить приказанье.
 Года не смѣютъ погодить.
 Еще семь лѣтъ — и обѣщанье
 Ты не исполнишь, можетъ быть.
 Вы чинно, молча, сложа руки,
 Въ собраньяхъ будете сидѣть,
 И жертвуя богинѣ скуки,
 Съ воксала въ маскарадъ летѣть.
 И ужъ не вспомните поэта....
 О Маша, Маша, поспѣши,
 И за четыре мнѣ куплета
 Мою награду напиши!

ПУНШЕВАЯ ПѢСНЯ.

(изъ шиллера).

Силы четыре,
 Соединясь,
 Жизнь образуютъ,
 Міръ создаютъ.

Влажно зернистый
 Выжми лимонъ.

Ѓдкая сила —
Жизни зерно.

Сладостной влагой
Ты укроти
Острую силу
Ѓдкой струи.

Влагою грѣтой
Воду налей:
Миръ весь объемлемъ
Тихо водой.

Примѣсью рома
Все освяти:
Ромъ одаряетъ
Жизнию — жизнь.

Только кипучій
Ключъ утолить,
Прежде чѣмъ стихнетъ —
Черпай его!

1817 г.

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Благослови, поэтъ! Въ тиши Парнасской сѣни,
Я съ трепетомъ склонилъ предъ Музами колѣни,
Опасною тропой съ надеждой полетѣлъ,
Мнѣ жребій вынулъ Фебъ—и лира мой удѣлъ.
Страшусь, неопытный, безславнаго пареня,
Но пылкаго смирить не въ силахъ я влеченя.
Не грозный приговоръ на гибель внемлю я:
Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія, *)
Стражъ вѣрный прошлыхъ дѣтъ, наперсникъ Музъ
любимый

И блѣдной зависти предметъ непоколебимый,
Привѣтливомъ меня вниманьемъ ободрилъ;
И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ,
И славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ избранный, **)
Крылатымъ Геніемъ и Граціей вѣнчанный,
Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
И счастье мнѣ предрекъ, неизнаемое мной.
И ты, природою на пѣсни обреченный,
Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной?
Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молнійной струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла

---

*) Карамзинъ.

**) Державинъ

И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла?
 Нѣтъ, нѣтъ, рѣшился я безъ страха въ трудный путь!
 Отважной вѣрою исполнилася грудь.
 Творцы безсмертные, питомцы вдохновенья!
 Вы цѣль мнѣ кажете въ туманахъ отдаленья;
 Лечу къ безвѣстному отважною мечтой,
 И, мнится, Геній вашъ промчался надо мной.

Но что? Подъ грозною Парнасскою скалою
 Какое зрѣлище открылось предо мною?
 Въ ужасной темнотѣ пещерной глубины,
 Вражды и зависти угрюмые сыны,
 Возвышенныхъ творцовъ зоилы записные,
 Сидятъ безмыслицы дружины боевыя.
 Далеко дикихъ лиръ несется рѣзкій вой;
 Варяжскіе стихи визжитъ Варяговъ строй;
 Смѣхъ общій имъ отвѣтъ надъ мрачными толпами.
 Ко мнѣ два призрака склонилися главами:
 Одинъ на груди сѣлъ и прозы и стиховъ,
 Тяжелые плоды полуночныхъ трудовъ,
 Усопшихъ одъ, поэмъ забвенныя могилы!
 Съ улыбкой внемлетъ вой стопослагатель хилый;
 Предъ нимъ растерзанный стенаетъ Телемахъ,
 Желѣзное перо скрипитъ въ его перстахъ
 И тянетъ за собой гекзаметры сухіе,
 Спондеи жесткіе и дактили тугіе.
 Ретивой Музою прославленный пѣвецъ!
 Гордись, ты Мевія надутый образецъ!
 Но кто другой, въ дыму безумнаго куренья,
 Стоитъ среди толпы друзей непросвѣщенья?
 Торжественной хвалы къ нему несется шумъ,
 А онъ — онъ рифмою попраля и вкусъ и умъ.
 Ты ль это, слабое дитя чужихъ уроковъ,
 Завистливый гордецъ, холодный Сумароковъ,
 Безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ,

Предразсужденіямъ обязанный вѣнцомъ
 И съ Пинда сброшенный и проклятый Расиномъ?
 Ему ли, карлику, тягаться съ исполиномъ?
 Ему ль оспаривать тотъ лавровый вѣнецъ,
 Въ которомъ возблисталъ безсмертный нашъ пѣвецъ,
 Веселье Россіянь, полуночное диво? *)
 Нѣтъ, въ тихой Летѣ онъ потонетъ молчаливо!
 Ужъ на челѣ его забвенія печать.
 Предбудущимъ вѣкамъ что могъ онъ передать?
 Страшилась Грація цинической свирѣли,
 И персты грубые на лрѣ костенѣли.
 Пусть будетъ Мевіемъ въ Рѣчахъ превознесенъ.
 Явится Депрео — исчезнетъ Шапеленъ.
 И что жъ? Всегда смѣшнымъ останется смѣшное,
 Невѣжду пѣствуетъ невѣжество слѣпое;
 Оно сокрыло ихъ во мрачный свой пріютъ.
 Тамъ прозу и стихи отважно всѣ куютъ,
 Тамъ всѣ враги наукъ, всѣ глухи, лишь не нѣмы:
 Тѣ слогомъ Никона печатаютъ поэмы,
 Одни Славянскихъ одъ громады громоздятъ,
 Другіе въ бѣшенныхъ трагедіяхъ хрипятъ;
 Тотъ, вѣрный своему митежному союзу,
 На сцену возведя зѣвающую Музу,
 Безсмертныхъ геніевъ сорвать съ Парнасса мнитъ:
 Рука содрогнулась, ударъ его скользитъ.
 Вотще бросается съ завистливымъ кинжаломъ:
 Куплетомъ раненъ онъ, низверженъ въ прахъ жур-
 наломъ.

При свистахъ критики къ собратьямъ онъ бѣжитъ,
 И маковый вѣнецъ Ѳеспису ими свитъ.
 Всѣ, руку положивъ на томъ Телемахиды,
 Клянутся отомстить сотрудниковъ обиды,
 Волнуясь, встаютъ неистовой толпой.

---

*) Ломоносовъ.

Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой,
 Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной лирой,
 Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой,
 Кто выражается правдивымъ языкомъ,
 И Русской глупости не хочетъ бить челомъ!
 Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата,
 И рѣчи сыплются дождемъ на супостата.

И вы возстаньте же, Парнасскіе жрецы,
 Природой и трудомъ воспитанны пѣвцы!
 Въ счастливой ереси и вкуса и ученья,
 Разите дерзостныхъ друзей непросвѣщенья!
 Отмститель генія, другъ истины — поэтъ!
 Люющая съ небесъ и жизньъ, и вѣчный свѣтъъ,
 Стрѣлою гибели десница Аполлона
 Сражаетъ наконецъ ужаснаго Пиеона.
 Смотрите! Пораженъ враждебными стрѣлами,
 Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами,
 Къ вамъ Озерова духъ взываетъ, други, мечь!
 Вамъ оскорбленный вкусъ, вамъ знанья дали вѣсть.
 Летите на враговъ — и Фебъ и Музы съ вами!
 Разите варваровъ кровавыми стихами:
 Невѣжество, смирясь, потупитъ хладный взоръ;
 Спѣсивыхъ риторовъ безграмотный соборъ....
 Но вижу, возвѣщать намъ истины опасно:
 Ужъ Мевій на меня нахмурился ужасно,
 И смертный приговоръ талантамъ возгремѣлъ.
 Гоненія терпѣть уже ль и мой удѣлъ?
 Что нужды? Смѣло въ даль дорогою прямою:
 Ученью руку давъ, поддержанный тобою,
 Ихъ злобы не страшусь; мнѣ твердый Карамзинъ,
 Мнѣ ты примѣръ — что крикъ безумныхъ сихъ дружинъ?
 Пускай *бесѣдуютъ* отверженные Феба.
 Имъ прозы, ни стиховъ не посланъ даръ отъ неба;
 Ихъ слава имъ же стыдъ, творенье смѣхъ уму —
 И въ тѣмъ возникшіе низвергнутся во тьму.

КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ увидѣлъ предъ собою
 Извивы темные двѣухолмной высоты,
 Кто жизни въ тайный путь, съ невинною душою,
     Пустился плѣнникомъ мечты!
 Наперснику боговъ безвѣстны бури злыя!
 Надъ нимъ ихъ промыселъ: безмолвную порой
 Его баюкаютъ Камены молодыя,
 И съ перстомъ на устахъ хранятъ пѣвца покой.
 Стыдливой Граціи внимаетъ онъ совѣты
 И, чувствуя въ груди огонь еще молодой,
 Восторженный, поетъ на лирѣ золотой:
     О Дельвигъ, счастливы поэты!

Мой другъ, и я пѣвецъ! И мой смиренный путь
 Въ цвѣтахъ украсила богиня пѣснопѣнья,
     И мнѣ въ младую боги грудь
     Вліяли пламень вдохновенья.
 Въ младенчествѣ моемъ я чувствовать умѣлъ;
     Все жизнью вокругъ меня дышало,
     Все рѣзвый умъ обворожало,
 И первую черту я быстро пролетѣлъ.
     Съ какою тихою красою
     Минуты дѣтства протекли!
 Хвала, о боги, вамъ! Вы мощною рукою
 Отъ ярыхъ грозъ мірскихъ невинность отвели.

Но все прошло — и скрылись въ темну даль
 Свобода, радость, восхищенье!
 Другимъ и юность наслажденье:
 Она мнѣ — мрачная печаль!

Такъ рано встрѣтилъ я и зракъ кровавой,
 И низкой клеветы сокрытый ядъ!
 Нѣтъ, нѣтъ, ни счастиемъ, ни славой
 Не буду ослѣпленъ. Пускай они манятъ
 На край погибели любимцевъ оболъщенныхъ!

Исчезъ священный жаръ,
 Забвенью сладкихъ пѣсней даръ,
 И голосъ струнъ одушевленныхъ!
 Во прахъ и лиру, и вѣнецъ!
 Пускай не будутъ знать, что нѣкогда пѣвецъ
 Враждою, завистью на жертву обреченный,
 Погибъ на утрѣ вешнихъ лѣтъ,
 Какъ ранній на полянѣ цвѣтъ,
 Косой безвременно сраженный!
 И тихо проживу въ безвѣстной тишинѣ,
 Потомство грозное не вспомнить обо мнѣ —
 И гробъ несчастнаго, въ пустынѣ мрачной, дикой,
 Забвенья поростетъ ползущей павиликой!

ДЕЛЬВИГУ.

Любовью, дружествомъ и лѣнью
 Укрытый отъ заботъ и бѣдъ,
 Живи подъ ихъ надежной сѣнью:
 Въ уединеніи ты счастливъ, ты поэтъ!
 Наперснику боговъ не страшны бури злыя:
 Надъ нимъ ихъ промыселъ высокій и святой;
 Его баюкаютъ Камены молодыя,
 И съ перстомъ на устахъ хранятъ его покой.
 О милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнья,
 Еще въ младенческую грудь,
 Вліяли искру вдохновенья

И тайный указали путь.
 Я мирныхъ звуковъ наслажденья
 Младенцемъ чувствовать умѣлъ,
 И лира стала мой удѣлъ.
 Но гдѣ же вы, минуты упоенья,
 Незъяснимый сердца жаръ,
 Одушевленный трудъ и слезы вдохновенья?
 Какъ дымъ исчезъ мой легкій даръ!
 Какъ рано зависти привлекъ я взоръ кровавой
 И злобной клеветы невидимый кинжалъ!
 Нѣтъ, нѣтъ, ни счастьемъ, ни славой,
 Ни гордой жаждою похвалъ
 Не буду увлеченъ! Въ бездѣйствіи счастливомъ,
 Забуду милыхъ Музъ, мучительницъ моихъ;
 Но можетъ быть, вздохну въ восторгъ молчаливомъ,
 Внимая звуку струнъ твоихъ.

ПИСЬМО КЪ ЛЮДЬ.

(ПОДРАЖАНІЕ ПАРНИ).

Лишь благосклонный мракъ раскинетъ
 Надъ нами тихій свой покровъ,
 И время къ полночи придвинетъ
 Стрѣлу медлительныхъ часовъ,
 Въ счастливой тишинѣ природы,
 Когда не спитъ одна любовь,
 Тогда моей темницы вновь
 Покину я нѣмые своды...
 Летучихъ остальныхъ минутъ
 Мнѣ слишкомъ тягостна потеря;
 Но скоро Аргусы заснутъ,
 Замкамъ предательнымъ повѣри,

И я въ обители твоей!...
 По скорой поступи моей,
 По сладострастному молчанью,
 По смѣлымъ, трепетнымъ рукамъ,
 По воспаленному дыханью
 И жаркимъ, ласковымъ словамъ
 Узнай любовника!... Настали
 Восторги, радости мои!
 О Лида, если бь умирали
 Съ блаженства, нѣги и любви....

У С Ы.

(Философическая ода).

Глаза скосивъ на усъ кудрявый,
 Гусаръ, съ улыбкой величавой,
 На палець завитки моталь;
 Мудрецъ съ обритой бородою,
 Качая тихо головою,
 Со вздохомъ усачу сказалъ:

Гусаръ! Все тлѣнно подь луною:
 Какъ волны слѣдомъ за волною,
 Проходятъ царства и вѣка.
 Скажи, гдѣ стѣны Вавилона?
 Гдѣ драмы тощія Клеона?
 — Умчала все времяъ рѣка.

За уши усъ твой закрученнй,
 Виномъ и ромомъ окропленнй,
 Гордится юной красотей,
 Не знаетъ бритвы, выписною

Онъ вѣчно лоснится сурмою,
Расправленъ гребнемъ и рукой.

Чтобы не смять уса лихова,
Ты къ ночи одою Хвостова
Его тихонько обернешь,
Въ подушку носомъ лечь не смѣешь,
И въ крѣпкомъ снѣ его лелѣешь,
И утромъ вновь его завѣешь.

На долгихъ ужинахъ веселыхъ,
Въ кругу гусаровъ посѣдѣлыхъ
И черноусыхъ удалцовъ,
Веселый гость, любовникъ пылкій,
За чье здоровье бьешь бутылки?
Коня, красавицъ и усовъ!

Сраженья страшный часъ настанетъ,
Въ ряды ядро со трескомъ грянетъ;
А ты, надъ ухарскимъ сѣдломъ,
Разсудка, памяти не тратишь,
Сперва кудрявый усъ ухватишь,
А саблю вѣрную потомъ.

Окованный волшебной силой,
Наединѣ съ красоткой милой,
Ты маешься; одной рукой,
Въ восторгахъ нѣги сладострастной,
Блуждаешь по груди прекрасной,
А грозный усъ крутишь другой.

Гордись, гусарь! Но помни вѣчно,
Что все на свѣтѣ скоротечно:
Летятъ губительны часы!
Румяны щеки пожелтѣютъ,

И черны кудри посѣдѣютъ,
И старость выщиплетъ усы.

Писано 3 Марта 1817.

НАСЛАЖДЕНІЕ.

Въ неволѣ скучной увядаетъ
Едва развитый жизни цвѣтъ,
Украдкой младость отлетаетъ,
И слѣдъ ея — печали слѣдъ!
Съ минутъ безчувственныхъ рожденья
До нѣжныхъ юношества лѣтъ,
Я все не знаю наслажденья,
И счастья въ томномъ сердцѣ нѣтъ!
Съ порога жизни въ отдаленіе
Нетерпѣливо я смотрѣлъ:
Тамъ, тамъ, мечталъ, я наслажденье;
Но я за призракомъ летѣлъ.
Златыя крылья развивая
Волшебной, нѣжной красотой,
Любовь явилась молодая
И полетѣла предо мной.
Я мчался къ цѣли отдаленной,
Но цѣли милой не достигъ!...
Когда жъ весельемъ окриленной,
Настанетъ счастья быстрый мигъ?
Когда въ сіяньи возгорится
Свѣтильникъ тусклый юныхъ дней,
И мрачный путь мой озарится
Улыбкой спутницы моей?

СТАНСЫ.

(ИЗЪ ВОЛЬТЕРА).

Ты мнѣ велишь пылать душою:

Отдай же мнѣ протекши дни;

Съ моей вечернею зарею

Мое ты утро съедини.

Мой вѣкъ невидимо проходить;

Изъ круга смѣховъ и Харить

Ужъ время скрыться мнѣ велить

И за руку меня выводить.

Не дастъ оно пощады намъ:

Кто примѣняться не умѣетъ

Къ своимъ измѣнчивымъ годамъ,

Тотъ ихъ несчастья лишь имѣетъ.

Счастливымъ рѣзвымъ, молодымъ

Оставимъ страсти, заблужденья;

Живемъ мы въ мѣрѣ два мгновенья —

Одно разсудку отдадимъ.

Вы, услаждавшія печали

Минутной младости моей,

Любовь, мечтанья первыхъ дней!

Уже ль на вѣкъ вы убѣжали?

Намъ должно дважды умирать.

Проститься съ сладостнымъ мечтаньемъ:

Вотъ смерть ужасная страданьемъ!

Что значить послѣ не дышать?

На пасмурномъ моемъ закатѣ,

Среди пустынной темноты,

Такъ сожалѣлъ я объ утратѣ

Обмановъ мыльных мечты!

Тогда на голосъ мой унылой

Мнѣ дружба руку подала:

Она любви подобна милой
 Въ одной лишь нѣжности была.
 Я ей принесъ увядши розы
 Отрадныхъ юности дней,
 И вслѣдъ пошелъ — но лилъ я слезы,
 Что могъ во слѣдъ идти лишь ей!

СНОВИДѢНІЕ.

(изъ вольтера).

Недавно, обольщенъ прелестнымъ сновидѣньемъ,
 Въ вѣнцѣ сіяющемъ, царемъ я зрѣлъ себя;
 Мечталось, я любилъ тебя,
 И сердце билось наслажденьемъ.
 Я страсть у ногъ твоихъ въ восторгахъ изъяслялъ....
 Мечты, ахъ, отчего вы счастья не продлили?
 Но боги не всего теперь меня лишили:
 Я только царство потерялъ.

КЪ ТОВАРИЩАМЪ ПЕРЕДЪ ВЫПУСКОМЪ.

Промчались годы заточенья:
 Не долго, милые друзья,
 Намъ видѣть кровъ уединенія
 И Царскосельскія поля.
 Разлука ждетъ насъ у порогу;
 Зоветъ насъ свѣта дальній шумъ,
 И каждый смотритъ на дорогу
 Въ волненьи юныхъ, пылкихъ думъ.

Иной, подъ киверь спрятивъ умъ,
 Уже въ воинственномъ нарядѣ
 Гусарской саблѣю махнулъ:
 Въ крещенской утренней прохладѣ,
 Красиво мерзнетъ на парадѣ,
 А грѣться ѣдетъ въ караулъ.
 Другой, рожденный быть вельможей,
 Не честь, а почести любя,
 У плута знатнаго въ прихожей
 Покорнымъ плутомъ зрить себя.
 Лишь я, судьбѣ своей послушный,
 Счастливой нѣвги вѣрный сынъ,
 Душой безпечный, равнодушный,
 Въ постели задремалъ одинъ.
 Равны мнѣ писаря, уланы,
 Равны мнѣ каски, кивера;
 Не рвусь я грудью въ капитаны
 И не ползу въ ассессора.
 Друзья, не много снисхожденья!
 Оставьте пестрый мнѣ колпагъ,
 Пока его за прегрѣшенья
 Не промѣнялъ я на шишакъ;
 Пока лѣнивому возможно,
 Не опасаясь грозныхъ бѣдъ,
 Еще рукой неосторожной
 Въ іюлѣ распахнуть жилетъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ И. И. ПУЩИНУ.

Взглянувъ когда нибудь на тайный сей листокъ,
 Исписанный когда-то мною,
 На время улети въ Лицейскій уголокъ
 Всесильной, сладостной мечтою.

Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей.

Размолвки дружества и сладость примиренья,
Что было и не будетъ вновь....

И съ тихими тоски слезами

Ты вспомни первую любовь.

Мой другъ! Она прошла.... но съ первыми друзьями
Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключень:

Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судь-
бами,

О милый, вѣченъ онъ!

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Д. ПЛИЧЕВСКОМУ.

Мой другъ, не славный я поэтъ,
Хоть христіанинъ православной.
Душа безсмертна, слова нѣтъ,
Моимъ стихамъ удѣлъ неравной:
И пѣсни Музы своенравной,
Забавы рѣзвыхъ, юныхъ лѣтъ
Погибнуть смертію забавной,
И насъ не тронетъ здѣшній свѣтъ.
Ахъ, вѣдаетъ мой добрый геній,
Что предпочелъ бы я скорѣй
Безсмертію души моей —
Безсмертіе своихъ твореній.
Не властны мы въ судьбѣ своей,
По крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Сей плодъ небрежной вдохновенья,
Безъ подписи, въ твоихъ рукахъ,
На скромныхъ дружества листахъ,
Уйдетъ отъ общаго забвенья.

Но пусть напрасенъ будетъ трудъ,
 Твоею дружбой оживленный;
 Мои стихи пускай умрутъ:
 Гласъ сердца, чувства неизмѣнны
 Навѣрно ихъ переживутъ.

31 мая 1817 г.

РАЗЛУКА.

(В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ).

Въ послѣдній разъ, въ сѣни уединенья,
 Моимъ стихамъ внимаетъ нашъ Пенатъ.
 Лицейской жизни милый братъ,
 Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья.
 Прошли лѣта соединенья;
 Разорванъ онъ, нашъ вѣрный кругъ.
 Прости! Хранимый небомъ,
 Не разлучайся, другъ,
 Съ свободою и Фебомъ!
 Узнай любовь, невѣдомую мнѣ,
 Любовь надеждъ, восторговъ, упоенья;
 И дни твои полетомъ сновидѣнья
 Да пролетятъ въ счастливой тишинѣ!
 Прости! Гдѣ бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной
 битвы,
 При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,
 Святому братству вѣренъ я.
 И пусть (услышитъ ли судьба мои молитвы?)
 Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ твои друзья!

Лицей, 9 июля 1817.

БЕЗВѢРІЕ.

О вы, которые съ язвительнымъ упрекомъ,
 Считаая мрачное безвѣріе порокомъ,
 Бѣжите съ ужасомъ того, кто съ первыхъ лѣтъ
 Безумно погасилъ отрадный сердцу свѣтъ,
 Котораго вся жизнь есть мракъ и изступленье!
 Восплачьте вы о немъ, имѣйте сожалѣнье!
 Взгляните на него — не тамъ, гдѣ каждый день
 Тщеславіе на всѣхъ наводитъ ложну тѣнь,
 Но въ тишинѣ семьи, подъ кровлею родною,
 Въ бесѣдѣ съ дружествомъ, иль съ темною мечтою —
 Взгляните: бродитъ онъ съ увядшею душой,
 Своей ужасною томимый пустотой;
 То горьки слезы леть, то рабъ страстей, волненья,
 Напрасно ищетъ онъ уныню развлеченья.
 Напрасно, въ пышности свободной простоты,
 Природы передъ нимъ открыты красоты;
 Напрасно вкругъ себя печальный взоръ онъ водить:
 Умъ ищетъ божества, а сердце не находитъ.
 Настигнетъ ли его глухихъ судебъ ударъ,
 Отыметъ ли вдругъ минутный счастья даръ,
 Въ любви ли, въ дружествѣ ль обниметъ онъ измѣну,
 И невозвратную онъ имъ узнаетъ цѣну, —
 Лишенный всѣхъ опоръ, отпадшій вѣры сынъ,
 Ужъ видитъ съ ужасомъ, что въ мірѣ онъ одинъ,
 И мощная рука къ нему съ дарами мира
 Не простирается изъ-за предѣловъ міра.
 Несчастные, страстей и немощей сыны,
 Мы всѣ на страшный гробъ, рождемъ, осуждены;
 Всечасно бранныхъ узъ готово разрушенье;
 Нашъ вѣкъ — невѣрный день; смерть — быстрое
 затмѣнье.

Когда холодна тьма объемлетъ грозно насъ,

Завѣсу вѣчности колеблетъ смертный часъ:
Ужасно чувствовать слезы послѣдней муку
И съ міромъ начинать безвѣстную разлуку!
Тогда, бесѣдуя съ оставленной душой,
О вѣра, ты стоишь у двери гробовой!
Ты ночь могильную ей тихо освѣщаешь
И, ободренную, съ надеждой отпускаешь.
Но, други, пережить ужаснѣе друзей!...
Лишь вѣра въ тишинѣ отрадою своей
Живить унылый духъ и сердца ожиданье:
«Настанетъ — говоритъ — назначенно свиданье.»
А онъ, слѣпой мудрецъ, у гроба стонетъ онъ!
Съ усладой бытія несчастный разлученъ,
Надежды тихаго не внемлетъ онъ привѣта:
Подходить къ гробу онъ, зоветъ.... нѣтъ отвѣта!
Видали ль вы его въ безмолвныхъ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ кровныхъ и друзей священный тлѣетъ прахъ?...
Видали ль вы его надъ хладною могилдой,
Гдѣ Делія его таится пепельъ милой?
Къ почившимъ позванный вечерней тишиной,
Къ кресту приникнулъ онъ безчувственной главой;
Одинъ, съ отчаяньемъ, въ слезахъ ожесточенья,
Въ молчаньи ужаса, въ безумствѣ изступленья,
Дрожитъ — и между тѣмъ, подъ сѣнью темныхъ ивъ,
У гроба матери колѣна преклонивъ,
Тамъ дѣва юная, въ печали безмятежной,
Возводитъ къ небу взоръ болѣзненный и нѣжной.
Одна туманною луной озарена,
Какъ ангелъ горести является она,
Вздыхаетъ медленно, могилу обнимаетъ:
Все тихо; но она, какъ кажется, внимаетъ....
Несчастный на нее въ безмолвіи глядитъ,
Поникнулъ головой, трепещетъ и бѣжитъ.
Слѣпитъ онъ далѣе, но вслѣдъ унынья бродитъ;
Во храмъ Всевышняго съ толпой онъ молча входитъ,

Тамъ умножаетъ лишь тоску души своей:
 При древнемъ торжествѣ священныхъ алтарей,
 При гласѣ пастыря, при сладкомъ хоромъ пѣнѣ,
 Тревожится его безвѣрное мученье.
 Онъ Бога тайнаго нигдѣ, нигдѣ не зреть;
 Съ померкшею душой святынѣ предстоить;
 Холодный ко всему и чуждый умиленью,
 Съ досадой тихому внимаетъ онъ моленью.
 «Счастливецъ, мыслить онъ, почто не можно мнѣ,
 Страстей бунтующихъ въ смиренной тишинѣ,
 Забывъ о разумѣ и немощномъ, и строгомъ,
 Съ одной лишь вѣрою повергнуться предъ Богомъ!»
 Напрасный сердца крикъ! Нѣтъ, нѣтъ, не суждено
 Ему сей тайны знать! Безвѣріе одно
 По жизненной стезѣ, во мракѣ, вождь унылый,
 Несчастливаго влечетъ до вѣчныхъ вратъ могилы!

КЪ П. П. КАВЕРИНУ.

Забудь, любезный мой Каверинъ,
 Минутной рѣзвости нескромные стихи:
 Люблю я первый, будь увѣренъ,
 Твои счастливые грѣхи.
 Все чередой идетъ определенной,
 Всему пора, всему свой мигъ;
 Смѣшонъ и вѣтряный старикъ,
 Смѣшонъ и юноша степенный.
 Пока живется намъ, живи;
 Гуляй въ мое воспоминанье;
 Усердствуй Вакху и любви,
 И черни презирай роптанье:

Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
 Съ Клеерой, съ Портикомъ, и съ книгой, и съ бо-
 валомъ;

Что умъ высокій можно скрыть
 Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

ПОСЛАНИЕ КЪ В. А. ПУШКИНУ.

Скажи, Парнасскій мой отецъ,
 Не ужъ-то вѣрныхъ Музъ любовникъ
 Не можетъ нѣжный быть пѣвецъ
 И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?
 Ужели тотъ, кто иногда
 Жжетъ ладонъ Аполлону даромъ,
 За честь не можетъ безъ стыда
 Жечь порохъ на войнѣ съ гусаромъ,
 И, если можно, города?
 Беллона, Муза и Венера
 Вотъ, кажется, святая вѣра
 Дней нашихъ всякаго пѣвца;
 Я шлюсь на русскаго Буфлера
 И на Дениса храбреца *)
 Но не на Г...у офицера,
 Довольно плоскаго пѣвца;
 Не нужно мнѣ его примѣра!
 Ты скажешь:—Перестань, болтунъ,
 Будь человекъ, а не драгунъ!
 Парады, караулъ, ученье —
 Все это оды не внушить,
 А только душу изсушить,

*) Д. В. Давыдова.

И къ Марину для награжденья,
 Быть можетъ, прямо за Коцитъ
 Пошлетъ читать его творенья.
 Послушай, дядя милый мой,
 Ступай себѣ къ слѣпой Ѳемидѣ,
 Ты съ дипломатикой косою.
 Кропай, мой другъ, посланье къ Лидѣ,
 Оставь военные грѣхи,
 И въ сладостяхъ успокоенья
 Пиши сенатскія рѣшенья
 И пятистопные стихи,
 И не съ гусарскаго корнета,
 Возьми примѣръ съ того поэта,
 Съ того, котораго рука
 Нарисовала Ермака,
 Въ снѣгахъ незнаемаго свѣта,
 И плѣнь могучаго Мегмета,
 И мужа модные рога;
 Который, милостію Бога,
 Министръ и сладостный пѣвецъ,
 Былъ строгой чести образецъ,
 Какъ образецъ онъ будетъ слога....
 Все такъ, почтенный дядя мой,
 Почтенъ, кто глупости людской
 Рѣшилъ запутанные споры,
 Умѣлъ кто хитрости рукой
 Переплетать между собой
 Дипломатическіе вздоры,
 И править нашею судьбой.
 Смѣшонъ, конечно, мирный воинъ,
 И эпиграммы самой злой
 Въ извѣстныхъ «Святкахъ» *) онъ достоинъ;

---

*) Извѣстная неизданная сатира Кн. Д. П. Горчакова

Но что прелестнѣй и живѣй
Войны, сраженій и пожаровъ,
Кривавыхъ и пустыхъ полей,
Бивака, рыцарскихъ ударовъ,
И что завиднѣй краткихъ дней
Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
Они живутъ въ своихъ шатрахъ,
Вдали забавъ, и нѣгъ, и грацій,
Какъ жилъ безсмертный трусъ Горацій
Въ Тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
Не знаютъ свѣта принужденья,
Не вѣдаютъ, что скука, страхъ,
Даютъ обѣды и сраженья,
Поютъ и рубятся въ бояхъ.
Счастливъ, кто милъ и страшень міру,
О комъ за пѣсни, за дѣла
Гремитъ правдивая хвала,
Кто славитъ Марса и Темиру,
И бранную повѣсилъ лиру
Межъ вѣрной сабли и сѣдла!
Но вы, враги трудовъ и славы,
Питомцы Феба и забавы,
Вы, мирной праздности друзья,
Шепну вамъ на-ухо: вы правы,
И съ вами соглашаюсь я!
Богъ создалъ для себя природу,
Свой рай и счастье глупцамъ,
Злословіе, мужчинъ и моду,
Конечно, для забавы дамъ;
Заботы — знатному народу,
Дурачество — для всѣхъ; а намъ —
Уединенье и свободу.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Н. ЗУБОВУ.

Когда погаснуть дни мечтанья,
И позоветъ насъ шумный свѣтъ —
Кто вспомнитъ братскія свиданья
И дружество минувшихъ лѣтъ?...
Позволь въ листахъ воспоминанья
Оставить имъ минутный слѣдъ.

1817 года, при выпускѣ изъ Лицея.

КЪ МОЛОДОЙ ВДОВѢ.

(МАРИИ СМИТЬ).

Лида, другъ мой неизмѣнный!
Почему, сквозь легкій сонъ,
Часто, нѣгой утомленный,
Слышу я твой тихій стонъ?
Почему, въ любви счастливой
Видя страшную мечту,
Взоръ недвижный, боязливый
Устремляешь въ темноту?
Почему, когда вкушаю
Быстрый обморокъ любви,
Иногда я примѣчаю
Слезы тайныя твои?
Ты разсѣянно внимаешь
Рѣчи пламенной моей,
Хладно руку прижимаешь,
Хладенъ взоръ твоихъ очей.
О, безцѣнная подруга!

Вѣчно ль слезы проливать?
 Вѣчно ль мертваго супруга
 Изъ могилы вызывать?
 Вѣрь мнѣ: узниковъ могилы
 Тамъ объемлетъ вѣчный сонъ:
 Имъ не милъ ужъ голосъ милый,
 Не прискорбенъ скорби стонъ.
 Не для нихъ весенни розы,
 Сладость утра, шумъ пировъ,
 Откровенной дружбы слезы,
 И любовницъ робкій зовъ!
 Рано другъ твой незабвенный
 Вздохомъ смерти воздохнулъ,
 И блаженствомъ упоенный,
 На груди твоей уснулъ.
 Спитъ увѣнчанный счастливецъ!
 Вѣрь любви, невинны мы.
 Нѣтъ, разгнѣванный ревнивецъ
 Не прійдетъ изъ вѣчной тьмы!
 Тихой ночью громъ не грянетъ,
 И завистливая тѣнь
 Близъ любовника не станетъ,
 Вызывая спящій день!

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

(изъ парни).

Давайте пить и веселиться,
 Давайте жизнью играть;
 Пусть чернь слѣпая суетится:
 Не намъ безумной подражать.
 Пусть наша вѣтряная младость

Потонетъ въ нѣгѣ и въ винѣ;
 Пусть измѣняющая радость
 Намъ улыбнется хоть во снѣ.
 Когда же юность легкимъ дымомъ
 Умчитъ веселость юныхъ дней,
 Тогда у старости отымемъ
 Все, что отыметса у ней.

— — —

КЪ НЕЙ.

Въ печальной праздности я лиру забывалъ.
 Воображеніе въ мечтахъ не разгоралось,
 Съ дарами юности мой геній отлеталъ,
 И сердце медленно хладѣло, закрывалось.
 Васъ вновь я призывалъ, о дни моей весны!
 Вы пролетѣвшіе подъ сѣнью тишины,
 Дни дружества, любви, надеждъ и грусти нѣжной,
 Когда поэзіи поклонникъ безмятежной.
 На лирѣ счастливой я тихо воспѣвалъ
 Волненіе любви, уныніе разлуки —

И гулъ дубравъ горамъ передавалъ
 Мои задумчивые звуки.

Напрасно! Я влачилъ постыдной лѣни грузъ,
 Въ дремоту хладную невольно погружался,
 Бѣжалъ отъ радостей, бѣжалъ отъ милыхъ Музъ,
 И — слезы на глазахъ — со славою прощался!

Но вдругъ, какъ молніи стрѣла

Зажглась въ увядшемъ сердцѣ младость.

Душа проснулась, ожила,

Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.
 Все снова расцвѣло! Я жизнью трепеталъ:

Природы вновь восторженный свидѣтель.

Живѣе чувствовалъ, свободнѣе дышалъ,

Сильнѣй плѣняла добродѣтель....

Хвала любви, хвала богамъ!

Вновь лиры сладостной раздался голосъ юный,
И съ звонкимъ трепетомъ воскреснувшія струны
Несу къ твоимъ ногамъ!

ТОРЖЕСТВО ВАКХА.

Откуда чудный шумъ, неистовые клики?

Кого, куда зовутъ и бубны, и тимпанъ?

Что значать радостные лики

И пѣсни поселянъ?

Въ ихъ кругѣ свѣтлая свобода

Пріяла праздничный вѣнокъ.

Но двинулись толпы народа....

Онъ приближается... вотъ онъ, вотъ сильный богъ!

Вотъ Бахусъ мирный, вѣчно юный!

Вотъ онъ, вотъ Индіи герой!

О радость! Полныя тобой

Дрожать, готовы грянуть струны

Нелицемерною хвалою.

Эванъ, эвое! Дайте чаши,

Несите свѣжіе вѣнцы!

Невольники, гдѣ тирсы наши?

Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Вотъ онъ, вотъ Вакхъ! О часъ отрадный!

Державный тирсъ въ его рукахъ;

Вѣнецъ желтветъ виноградный

Въ чернокудрявыхъ волосахъ....

Течеть. Его младые тигры

Съ покорной яростью влекутъ;

Кругомъ летятъ эроты, игры,

И гимны въ честь ему поютъ.

За нимъ тѣснится козлоногій
 И фавновъ, п сатировъ рой;
 Плющемъ опутаны ихъ роги.
 Бѣгутъ смятенною толпой
 Во слѣдъ за быстрой колесницей:
 Кто съ тростниковою цѣвницей,
 Кто съ вѣрною кружкою своей;
 Тотъ оступившись упадаетъ,
 И бархатный коверъ полей
 Виномъ багровымъ обливааетъ,
 При дикомъ хохотѣ друзей.
 Тамъ, далѣ, вижу дивный ходъ:
 Звучатъ веселые тимпаны;
 Младья нимфы и сільваны,
 Составя шумный хороводъ,
 Несутъ недвижнаго Силена....
 Вино струится, брызжитъ пѣна,
 И розы сыплются кругомъ;
 Несутъ за спящимъ старикомъ
 И тирсъ, символъ побѣды мирной,
 И кубокъ тяжко-золотой,
 Вѣнчанный крышкою сапфирной,
 Подарокъ Вакха дорогой.
 Но воетъ берегъ отдаленный:
 Власы раскинувъ по плечамъ,
 Вѣнчанны гроздемъ, обнаженны,
 Бѣгутъ Вакханки по горамъ.

Тимпаны звонкіе, кружась межъ ихъ перстами,
 Гремятъ и вторятъ ихъ ужаснымъ голосамъ.
 Промчались, летятъ, свиваются руками,

Волшебной пляской топчутъ лугъ;
 И младость пылкая толпами
 Стекается вокругъ.
 Поютъ неистовыя дѣвы;

Ихъ сладострастные напѣвы
 Въ сердца вливають жаръ любви;
 Ихъ перси дышатъ вождельнѣемъ;
 Ихъ очи, полныя безумствомъ и томленѣемъ,
 Сказали: счастье лови!
 Ихъ вдохновенныя движенья
 Сперва изображаютъ намъ
 Стыдливость милаго смятенья,
 Желанье робкое, а тамъ
 Восторгъ и дерзость наслажденья.
 Но вотъ разсыпались по холмамъ и полямъ,
 Махая тирсами несутся;
 Ужъ издали ихъ вопли раздаются,
 И гулъ имъ вторить по лѣсамъ:
 Эванъ, эвое! Дайте чаши!
 Несите свѣжіе вѣнцы!
 Невольники, гдѣ тирсы наши?
 Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Друзья, въ сей день благословенной
 Забвенью бросимъ суеты!
 Теки, вино, струею пѣнной
 Въ честь Вакха, Музъ и красоты!
 Эванъ, эвое! Дайте чаши!
 Несите свѣжіе вѣнцы!
 Невольники, гдѣ тирсы наши?
 Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

КЪ * * * .

Не спрашивай зачѣмъ унылой думой,
 Среди забавъ, я часто омраченъ,
 Зачѣмъ на все подѣмлю взоръ угрюмой,

Зачѣмъ не милъ мнѣ сладкой жизни сонъ?
 Не спрашивай, зачѣмъ душой остылой
 Я разлюбилъ веселую любовь,
 И никого не называю милой?
 Кто разъ любилъ, ужъ не полюбитъ вновь;
 Кто счастье зналъ, ужъ не узнаетъ счастья.
 На краткій мигъ блаженство намъ дано:
 Отъ юности, отъ нѣгъ и сладострастья
 Останется уныніе одно.

27 ноября 1817.

КН. АВДОТЬѢ ИВАНОВНѢ ГОЛИЦЫНОЙ.

Краевъ чужихъ неопытный любитель
 И своего всегдашній обвинитель,
 Я говорилъ: «въ отечествѣ моемъ,
 Гдѣ вѣрный умъ, гдѣ геній мы найдемъ?
 Гдѣ гражданинъ съ душою благородной,
 Возвышенной и пламенно — свободной?
 Гдѣ женщина не съ мертвой красотой,
 Но съ огненной, плѣнительной, живой?
 Гдѣ разговоръ найду непринужденный,
 Плѣнительный, веселый, просвѣщенный?
 Съ кѣмъ можно быть не хладнымъ, не пустымъ?»
 Отечество почти я ненавиждѣлъ;
 Но я вчера Голицыну увидѣлъ
 И примирень съ отечествомъ моимъ.

30 ноября 1817.

COUPLETS.

Quand un poète en son extase
Vous lit son ode ou son bouquet,
Quand un conteur traîne sa phrase,
Quand on écoute un perroquet, —
Ne trouvant pas le mot pour rire,
(On dort, on baille en son mouchoir,
On attend le moment de dire:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Mais tête-à-tête avec sa belle,
Ou bien avec de gens d'esprit,
Le vrai bonheur se renouele,
On est content, l'on chante, on rit:
Prolongez vos paisibles veilles,
Et chantez vers la fin du soir: —
A vos amis, à vos bouteilles:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Amis, la vie est un passage,
Et tout s'écoule avec le temps.
L'amour aussi n'est qu'un volage,
Un oiseau de notre printems;
Trop tôt il fuit, riant sous cape —
C'est pour toujours, adieu l'Espoir!
On ne dit pas dès qu'il s'échappe:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Le temps s'enfuit triste et barbare
Et tôt ou tard on va là haut
Souvent — le cas n'est pas si rare —
Hazard nous sauve du tombeau.

Des maux s'éloignent les cohortes,
 Et le squelette horrible et noir
 S'en va, frappant à d'autres portes:
 Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Mais quoi? je sens que je me lasse,
 En lassant mes chers auditeurs.
 Allons, je descends du parnasse,
 Il n'est pas fait pour les chanteurs.
 Pour des couplets mon feu s'allume
 Sur un refrain j'ai du pouvoir,
 C'est bien assez — adieu, ma plume!
 Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Съ позволенія сказать,
 Я сердить на Васъ ужасно,
 Нѣтъ! вы просите напрасно,
 Не хочу стиховъ писать:
 Можно ль честному поэту
 Ставить къ каждому куплету:
 Съ позволенія сказать?

Съ позволенія сказать,
 Моськина, по мнѣ, прекрасна.
 Знаю, что она опасна:
 Мужу хочется бодать;
 Но гусары, вѣдь, невинны,
 Что у мужа роги длинны,
 Съ позволенія сказать.

Съ позволенія сказать,
 Много въ свѣтѣ риемодѣевъ,
 Все ученыхъ грамотѣевъ,
 Чтобы всякій взоръ писать;
 Съ позволенія сказать.

1818 г.

КЪ О. О. ЮРЬЕВУ.

Любимецъ вѣтряныхъ Лаисъ,
Прелестный баловень Киприды,
Умѣй сносить, мой Адонисъ,
Ея минутныя обиды!
Она дала красы младой
Тебѣ въ удѣлѣ очарованье:
И черный усъ, и взглядъ живой,
Любви улыбку и молчанье.
Съ тебя довольно, милый другъ!
Пускай, желаній пылкихъ чуждый,
Ты поцѣлуями подругъ
Не наслаждаешься; что нужды?
Въ чаду веселій городскихъ,
На легкихъ крыльяхъ Терпсихоры,
Къ тебѣ красавицъ молодыхъ
Летятъ задумчивые взоры....
Увы, языкъ любви нѣмой,
Сей вздохъ души краснорѣчивой,
Быть долженъ сладокъ, милый мой,
Безпечности самолюбивой.
И счастливъ ты своей судьбой!
А я — повѣса вѣчно праздный,
Потомокъ Негровъ безобразный,
Взрощенный въ дикой простотѣ,
Любви не вѣдая страданій,
Я нравлюсь юной красотѣ
Безстыднымъ бѣшенствомъ желаній....
Съ невольнымъ пламенемъ ланить,
Украдкой Нимфа молодая,

Сама себя не понимая,
На Фавна иногда глядитъ.

КЪ А. О. ОРЛОВУ,

ОТСОВѢТОВАВШЕМУ МНѢ ВСТУПАТЬ ВЪ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ.

О ты, который сочеталъ
Съ душою пылкой, откровенной,
Любезность, разумъ просвѣщенной,
Русскій генералъ,
Орловъ! Ты правъ: я покидаю
Свои гусарскія мечты,
И съ Соломономъ восклицаю:
Мундиръ и сабля суеты!

И такъ, смиривъ свои желанья,
Безъ доломана, безъ усовъ,
Я скроюсь съ тайною свободой,
Съ цѣвницей, нѣгой и природой,
Подъ тѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ!
Надъ озеромъ въ покойной хатѣ,
Или въ травѣ густой луговъ,
Или холма на злачномъ скатѣ,
Въ Бухарской шапкѣ и халатѣ,
Я буду пѣть моихъ боговъ —
И буду ждать пока возстанетъ
Съ одра покоя богъ мечей,
И брани грозный вызовъ грянетъ.
Тогда покину мѣръ полей!
Питомецъ пламенной Беллоны,
У трона вѣрный гражданинъ,
Орловъ! Я стану подъ знамены
Твоихъ воинственныхъ дружинъ:

Въ шатрахъ, средь сѣчи, средь пожаровъ,
 Съ мечемъ и лирой боевой,
 Рубиться буду предъ тобой
 И славу пѣть твоихъ ударовъ!

КЪ П. Я. ЧААДАЕВУ.

Люби, надежды, гордой славы,
 Не долго тѣшилъ насъ обманъ:
 Исчезли юныя забавы,
 Какъ дымъ, какъ утреннй туманъ!
 Но въ насъ горитъ еще желанье:
 Нетерпѣливою душой
 Отчизны внемлемъ призыванье!
 Пока надеждою горимъ,
 Пока сердца для чести живы,
 Мой другъ отчизнѣ посвятимъ
 Души высокіе порывы.

ЭЛЕГІЯ.

О ты, которая изъ дѣтства
 Зажгла во мнѣ священный жаръ,
 При коей сносны жизни бѣдства,
 Безъ коей счастье тщетный даръ!
 Я звучнымъ строемъ пѣсней новыхъ
 Тебя привѣтствовалъ дерзалъ;
 Будилъ молчанье скалъ суровыхъ
 И слухъ ничтожныхъ устрашалъ.
 Услышать пѣснь мою потомки
 Средь отдаленнѣйшихъ вѣковъ,
 И лиры гордые обломки
 Переживутъ вѣнны лъстецовъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ

МИХАЙЛУ АНДРЕЕВИЧУ ЩЕРБИНИНУ.

Житье тому, любезный другъ,
Кто страстью глупою не боленъ,
Кому влюбиться недосугъ,
Кто занятъ всѣмъ и всѣмъ доволенъ;
Кто Наденьку подъ вечерокъ
За тайнымъ ужиномъ ласкаетъ,
И жирный Страсбургскій пирогъ
Виномъ душистымъ запиваетъ;
Кто, удаливъ заботы прочь,
Какъ вѣрный сынъ Пафосской вѣры,
Проводитъ набожную ночь
Съ молодой монашенкой Цитеры.
Поутру сладко дремлетъ онъ,
Читая листикъ Инвалида;
Весь день веселью посвященъ,
А ночью царствуетъ Киприда!
И мы не такъ ли дни ведемъ,
Щербининъ, рѣзвый другъ забавы,
Съ Амуромъ, шалостью, виномъ,
Покажѣсть молоды и здравы?
Но дни молодые пролетятъ,
Сердца изсохнутъ и остынутъ,
Веселье, нѣга насъ покинутъ,
Желаньямъ чувства измѣнятъ:
Тогда безъ пѣсень, безъ подругъ,
Безъ наслажденій, безъ желаній,
Найдемъ отраду, милый другъ,
Въ туманномъ снѣ воспоминаній!
Тогда, качая головой,

Скажу тебѣ у двери гроба:
 «Ты помнишь Фанни, милый мой?»
 — И тихо улыбнемся оба.

П. И. КРИВЦОВУ,

ПРИ ПОСЫЛКѢ ВОЛЬТЕРОВОЙ ПОЭМЫ.

Когда сожмешь ты снова руку,
 Которая тебѣ дарить,
 На скучный путь и на разлуку,
 Вотъ эту библию Харить?
 Амуръ нашелъ ее въ Цитерѣ,
 Въ архивѣ шалости молодой:
 По ней молись своей Венерѣ
 Благочестивою душой.
 Прости, Эпикуреецъ мой!
 Останься вѣкъ, каковъ ты нынѣ!
 Лети во мрачный Альбионъ!
 Да сохранить тебя въ чужбинѣ
 Христосъ и вѣрный Купидонъ!
 Неси въ чужой предѣлъ Пената;
 Но помни прежни дни свои:
 Люби недѣвственнаго брата,
 Страдальца чувственной любви.

2 Марта 1818.

ПРЕЛЕСТИЦЪ.

Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ,
 Умильнымъ голосомъ и взоромъ,
 Младое сердце распалать,

И тихимъ, сладостнымъ укоромъ
 Къ побѣдѣ легкой вызывать?
 Къ чему обманчивая нѣжность,
 Стыдливости притворный видъ,
 Движеній томная небрежность,
 И трепеть усть, и жаръ ланить?
 Напрасны хитрыя старанья:
 Въ порочномъ сердцѣ жизни нѣтъ....
 Невольный хладъ негодованья
 Тебѣ мой роковой отвѣтъ.
 Твоею прелестью надменной
 Кто не владѣлъ во тьмѣ ночной?
 Скажи: у двери оцѣненной
 Твоей обители презрѣнной
 Кто смѣлой не стучалъ рукой?
 Нѣтъ, нѣтъ, другому свой завялый
 Неси, прелестница, вѣнокъ;
 Ласкай неопытный порокъ,
 Въ твоихъ объятіяхъ усталый;
 Но гордый замыселъ забудь:
 Не привлечешь питомца Музы
 Ты на предательскую грудь.
 Неси другимъ наемны узы,
 Своей любви постыдный торгъ,
 Корысти хладныя лобзанья,
 И принужденныя желанья,
 И златомъ купленный восторгъ!

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

Тебя ль я видѣлъ, милый другъ?
 Или невѣрное то было сновидѣнье,
 Мечтанье смутное, и пламенный недугъ

Обманомъ волновалъ мое воображенье?
 Въ минуты мрачныя болѣзни роковой,
 Ты ль, дѣва нѣжная, стояла надо мной
 Въ одеждѣ воина съ неловкостью пріятной?
 Такъ, видѣлъ я тебя; мой тусклый взоръ узналъ
 Знакомыя красы подъ сей одеждой ратной:
 И слабымъ шепотомъ подругу я называлъ....
 Но вновь въ умѣ моемъ тѣснились мрачныя грезы:
 Я слабою рукой искалъ тебя во мглѣ....
 И вдругъ я чувствую твое дыханье, слезы,
 И влажный поцѣлуй на пламенномъ челѣ...

Безсмертные, съ какимъ волненьемъ
 Желанья, жизни огонь по сердцу пробѣжалъ!
 Я закипѣлъ, затрепеталъ!

И скрылась ты прелестнымъ привидѣньемъ.
 Жестокій другъ, меня томишь ты упоеньемъ.

Прійди, меня мертвить любовь!

Въ молчаньи благосклонной ночи

Явись, волшебница! Пускай увижу вновь
 Подъ грознымъ киверомъ твои небесны очи,

И плащъ, и поясъ боевой,

И бранной обувью украшенныя ноги....

Не медли, поспѣшай, прелестный воинъ мой,

Прійди, я жду тебя: здоровья даръ благой

Мнѣ снова ниспослали боги,

А съ нимъ и сладкія тревоги

Любви таинственной и шалости молодой.

МЕЧТАТЕЛЮ.

(В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ).

Ты въ страсти горестной находишь наслажденье

Тебѣ пріятно слезы лить,

Напраснымъ пламенемъ томить воображенье

И въ сердцѣ тихое уныніе таить,
 Повѣрь, не любишь ты, неопытный мечтатель!
 О если бы тебя, унылыхъ чувствъ искатель,
 Постигло страшное безуміе любви;
 Когда бъ весь ядъ ея кипѣлъ въ твоей крови;
 Когда бы въ долгіе часы бессонной ночи,
 На ложѣ медленно терзаемый тоской,
     Ты звалъ обманчивый покой,
     Вотще смыкая скорбны очи,
 Покровы жаркіе рыдая обнималъ,
 И сохнуль въ бѣшенствѣ бесплоднаго желанья:
     Повѣрь, тогда бъ ты не питалъ
     Неблагодарнаго мечтанья;
     Нѣтъ, нѣтъ, въ слезахъ упавъ къ ногамъ
     Своей любовницы надменной,
     Дрожащій, блѣдный, изступленный,
     Тогда бъ воскликнулъ ты къ богамъ:
 Отдайте, боги, мнѣ разсудокъ омраченный,
 Возьмите отъ меня сей образъ роковой:
 Довольно я любилъ; отдайте мнѣ покой....
 Но мрачная любовь и образъ незабвенный
     Остались вѣчно бы съ тобой.

КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Его стиховъ плѣнительная сладость
 Пройдетъ вѣковъ завистливую даль;
 И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
 Утѣшится безмолвная печаль,
 И рѣзвая задумается радость.

ЖУКОВСКОМУ.

(НА ИЗДАНИЕ КНИЖЕКЪ ЕГО: «ДЛЯ НЕМНОГИХЪ»).

Когда къ мечтательному міру
 Стремясь возвышенной душой,
 Ты держишь на колѣняхъ лиру
 Нетерпѣливою рукой;
 Когда смѣняются видѣнья ●
 Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
 И быстрый холодъ вдохновенья
 Власы подъемлетъ на челѣ:
 Ты правъ, творишь ты *для немногихъ*,
 Не для завистливыхъ судей,
 Не для сбирателей убогихъ
 Чужихъ сужденій и вѣстей,
 Но для друзей таланта строгихъ,
 Священной истины друзей.
 Не всякаго полюбить счастье,
 Не всѣ родились для вѣнцовъ.
 Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
 Высокихъ мыслей и стиховъ,
 Кто наслажденіе прекраснымъ
 Въ прекрасный получилъ удѣлъ,
 И твой восторгъ уразумѣлъ
 Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ!

ВЪ АЛЬБОМЪ П. Я. СОСПИЦКОЙ.

Вы соединить могли съ холодностью сердечной
 Чудесный жаръ плѣнительныхъ очей.

Кто любитъ васъ, тотъ очень глупъ, конечно;

Но кто не любитъ васъ, тотъ во сторуазъ глупѣй.

ИЗЪ ПИСЬМА.

Есть въ Россіи городъ Луга,
Петербургскаго округа.
Хуже бѣ не было сего
Городишки на примѣтѣ,
Если бѣ не было на свѣтѣ
Новоржева моего.

1819 г.

РУСАЛКА.

Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ,
Спасался нѣкогда монахъ,
Всегда въ занятіяхъ суровыхъ,
Въ постѣ, молитвѣ и трудахъ.
Уже лопаткою смиренной
Себѣ могилу старецъ рылъ,
И лишь о смерти вождельвной
Святыхъ угодниковъ молилъ.

Однажды лѣтомъ у порогу
Поникшей хижины своей
Анахоретъ молился Богу.
Дубравы дѣлались чернѣй;
Туманъ надъ озеромъ дымился,
И красный мѣсяцъ въ облакахъ
Тихонько по небу катился.
На воды сталъ глядѣть монахъ.

Глядитъ, невольно страха полный
Не можетъ самъ себя понять....
И видитъ: закипѣли волны,
И присмирѣли вдругъ опять....
И вдругъ.... легка, какъ тѣнь ночная,
Бѣла, какъ ранній снѣгъ холмовъ,

Выходить женщина нагая
И молча сѣла у бреговъ.

Глядитъ на стараго монаха,
И чешетъ влажные власы.
Святой монахъ дрожитъ со страха
И смотритъ на ея красы.
Она манитъ его рукою,
Киваетъ быстро головой....
И вдругъ падучею звѣздою
Подъ сонной скрылася волной!

Всю ночь не спалъ старикъ угрюмой
И не молился цѣлый день:
Передъ собой съ невольной думой
Все видѣлъ чудной дѣвы тѣнь.
Дубравы вновь одѣлись тьмою,
Пошла по облакамъ луна,
И снова дѣва надъ водою
Сидитъ прелестна и блѣдна.

Глядитъ, киваетъ головою,
Цѣлуетъ издали шутя,
Играетъ, плещется волною,
Хохочетъ, плачетъ, какъ дитя,
Зоветъ монаха, нѣжно стонетъ....
«Монахъ, монахъ! ко мнѣ, ко мнѣ!...»
И вдругъ въ волнахъ прозрачныхъ тонетъ....
И все въ глубокой тишинѣ.

На третій день отшельникъ страстной
Близъ очарованныхъ бреговъ
Сидѣлъ и дѣвы ждалъ прекрасной,
А тѣнь ложилась средь дубровъ....

Заря прогнала тьму ночную.
Монаха не нашли нигдѣ,
И только бороду сѣдую
Мальчишки влдѣли въ водѣ.

ИПКАТѢ ВСЕВОЛОДОВИЧУ ВСЕВОЛОЖСКОМУ.

Прости, счастливый сынъ пировъ,
Балованный дитя свободы,
Любимецъ Музъ, поклонникъ моды,
И Терпсихоры, и стиховъ!
Ты въ жизни любишь перемѣну:
Ты скачешь въ мирную Москву,
Гдѣ сладко дремлютъ наяву
И наслажденьямъ знаютъ цѣну.
Разнообразной и живой
Москва плѣняетъ пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невѣстами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты тамъ на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное бездѣлье,
Жеманство въ тонкихъ кружевахъ,
И глупость въ золотыхъ очкахъ,
И тяжелой знатности веселье,
И скуку съ картами въ рукахъ.
Всего минутный наблюдатель,
Ты посмѣешься подъ рукой;
Но вскорѣ, вѣрный обожатель
Забавъ и лѣни дорогой,
Держася моего совѣта,
И волю всей душой любя,

Оставишь кругъ большаго свѣта
И жить рѣшишься для себя.
Уже въ пріютѣ отдаленномъ
Я вижу мысленно тебя:
Кипитъ въ бокалѣ опѣненномъ
Аи холодная струя;
Въ густомъ дыму лѣнивыхъ трубокъ,
Въ халатахъ, новые друзья
Шумятъ и пьютъ; зазорный кубокъ
Обходитъ ихъ безумный кругъ,
И мчится въ радостяхъ досугъ;
А тамъ Египетскія дѣвы
Летаютъ, вьются предъ тобой;
Я слышу звонкіе напѣвы,
Стонъ нѣги, вопли, дикій вой,
Ихъ изступленныя движенья,
Огонь неистовыхъ очей —
И все, мой другъ, въ душѣ твоей
Рождаетъ трепеть упоенья...
Но вспомни, милый: здѣсь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхаетъ плѣнница младая;
Весь день уныла и томна,
Въ своей задумчивости сладкой,
Тихонько плачетъ подъ окномъ
Отъ грозныхъ Аргусовъ украдкой,
И смотритъ на пустынный домъ,
Гдѣ мы такъ часто пировали
Съ Кипридой, Вакхомъ и тобой,
Куда съ надеждой и тоской
Ея желанья улетали.
О, скоро ль милаго найдутъ
Ея потупленные взоры,
И предъ любовью упадутъ,
Замковъ ревнивые затворы?

А нашъ осиротѣлый кругъ,
Товарищъ, скоро ль оживится?
Когда прискачешь, милый другъ?
Душа вослѣдъ тебѣ стремится.
Гдѣ бъ ни былъ ты, возьми вѣнокъ
Изъ рукъ младаго сладострастья,
И докажи, что ты знатокъ
Въ невѣдомой наукѣ счастья.

ВАСИЛЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЭНГЕЛЬГАРДУ.

Я ускользнулъ отъ Эскулапа
Худой, обритый, но живой:
Его мучительная лапа
Не тяготѣеть надо мной.
Здоровье, легкій другъ Пріапа,
И сонъ, и сладостный покой,
Какъ прежде, посѣтили снова
Мой уголъ тѣсный и простой.
Утѣшь и ты полубольнаго!
Онъ жаждетъ видѣться съ тобой,
Съ тобой, счастливый беззаконникъ,
Лѣнивый Пинда гражданинъ,
Пировъ и нѣги вѣрный сынъ,
Венеры вѣтряный поклонникъ
И наслажденій властелинъ!
Отъ суеты столицы празднои,
Отъ хладныхъ прелестей Невы,
Отъ вредной сплетницы молвы,
Отъ скуки, столь разнообразной,
Я ѣду въ даль! Простите дамы,
Актрисы, франты, доктора,
Шумящи игры, вечера,

Гдѣ льются пуншь и эпиграмы!
 Меня зовутъ поля, луга,
 Тѣнисты липы огорода,
 Озеръ пустынныхъ берега
 И деревенская свобода.
 Дай руку мнѣ. Приѣду я
 Въ началѣ мрачномъ Октября:
 Съ тобою пить мы будемъ снова,
 Открытымъ сердцемъ говоря
 На счетъ глупца, вельможи злова,
 На счетъ холопа записнова,
 На счетъ
 И иногда на счетъ земнова.

Н. П. КРИВЦОВУ.

Не пугай насъ, милый другъ,
 Гроба близкимъ новосельемъ:
 Право, намъ такимъ бездѣльемъ
 Заниматься недосугъ.
 Пусть остылой жизни чашу
 Тянетъ медленно другой;
 Мы жъ утратимъ юность нашу
 Вмѣстѣ съ жизнью дорогой.
 Каждый у своей гробницы,
 Мы присядемъ на порогъ;
 У Пафосскія царицы
 Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,
 Лишній мигъ у вѣрной лѣни;
 Круговой нальемъ сосудъ,
 И толпою наши тѣни
 Къ тихой Летѣ убѣгутъ! —

Смертный мигъ нашъ будетъ свѣтель,
И подруги шалуновъ
Соберутъ ихъ легкій пепель
Въ урны праздныя пировъ.

СТАНСЫ.

(я. н. толстому).

Философъ ранній, ты бѣжишь
Пировъ и наслажденій жизни,
На игры младости глядишь
Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.

Ты милья забавы свѣта
На грусть и скуку промѣнялъ,
И на лампаду Эпиктета
Златой Гораціевъ фіаль.

Повѣрь, мой другъ, она придетъ,
Пора унылыхъ сожалѣній,
Холодной истины заботъ
И бесполезныхъ размышленій.

Зевесъ, балуя смертныхъ чадъ,
Всѣмъ возрастамъ даетъ игрушки;
Надъ сѣдинами не гремятъ
Безумства рѣзвыя гремушки.

Ахъ, младость не приходитъ вновь!
Зови же сладкое бездѣлье,
И легкокрылую любовь,
И легкокрылое похмѣлье!

До капли наслажденье пей,
 Живи безпечень, равнодушень!
 Мгновенью жизни будь послушень,
 Будь молодъ въ юности твоей!

УЕДИЩЕНІЕ.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
 Приютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
 Гдѣ льется дней мѣхъ невидимый потокъ
 На лонѣ счастья и забвенья!
 Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ царей,
 Роскошные пиры, забавы, заблужденья,
 На мирный шумъ дубровъ, на тишину полей,
 На праздность, вольную, подругу размышленья.
 Я твой: люблю сей темный садъ
 Съ его прохладой и цвѣтами,
 Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
 Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
 Вездѣ передо мной подвижныя картины:
 Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
 Гдѣ парусъ рыбака бѣлѣетъ иногда,
 За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
 Вдали рассыпанныя хаты,
 На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
 Овины дымные, и мельницы крылаты;
 Вездѣ слѣды довольства и труда.
 Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденной,
 Учуся въ истинѣ блаженство находить,
 Свободною душой законъ боготворить,
 Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
 Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ,
 И не завидовать судьбѣ

Злодѣя, иль глупца въ величїи неправомъ.
Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!

Въ уединенїи величавомъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ;
Онъ гонить лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ раждаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ челоуѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.

Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,

Здѣсь дѣвы юныя цвѣтуть

Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
О если бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витїйства грозный даръ?
Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенной
И рабство падшее по манїю царя

И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря....

ДОМОВОМУ.

Помѣстья мирнаго незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой
И скромную семьи моей обитель!
Да не вредятъ полямъ опасный хладъ дождей
И вѣтра поздняго осенніе набѣги;
Да въ пору благотворны снѣги
Покроютъ влажный тукъ полей!
Останься, тайный стражъ, въ наслѣдственной сѣни,
Постигни робостью полуночнаго вора,
И отъ недружескаго взора
Счастливый домикъ охрани!
Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ,
Люби мой милый садъ, и берегъ сонныхъ водъ,
И сей укромный огородъ
Съ калиткой вѣтхою, съ обрушеннымъ заборомъ!
Люби зеленый скатъ холмовъ,
Луга, измятые моей бродящей лѣнью,
Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ —
Они знакомы вдохновеню.

ЭЛЕГІЯ.

Увы, зачѣмъ она блистаетъ
 Минутной, нѣжной красотой!
 Она примѣтно увядаетъ
 Во цвѣтѣ юности живой....
 Увянетъ! жизнью молодою
 Недолго наслаждаться ей,
 Недолго радовать собою
 Счастливымъ кругъ семьи своей,
 Безпечной, милой остроюю
 Бесѣды наши оживлять,
 И тихой, ясною душою
 Страдальца душу улаждать.
 Спѣшу въ волненьи думъ тяжелыхъ,
 Сокрывъ уныніе мое,
 Наслушаться рѣчей веселыхъ
 И наглядѣться на нее. •
 Смотрю на всѣ ея движенья,
 Внимаю. каждый звукъ рѣчей,
 И мигъ единый разлученья
 Ужасенъ для души моей.

НЕДОКОНЧЕННАЯ КАРТИЦА.

Чья мысль восторгомъ угадала,
 Постигла тайну красоты?
 Чья кисть, о небо, означала
 Сіи небесныя черты?

Ты, гений!... Но любви страданья
 Его сразили. Взоръ нѣмой
 Вперилъ онъ на свое созданье,
 И гаснетъ, пламенной душой.

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернить
И свой рисунокъ беззаконной
Надъ ней безмысленно чертить.

Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадають ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Питомецъ модъ, большаго свѣта другъ,
Обычаевъ блестящихъ наблюдатель,
Ты мнѣ велишь оставить мирный кругъ,
Гдѣ, красоты безпечный обожатель,
Я провожу незнаемый досугъ.
Какъ ты, мой другъ, въ неопытныя лѣта,
Опасною прельщенный суетой,
Терялъ я жизнь, и чувства, и покой;
Но угорѣлъ въ чаду большаго свѣта
И отдохнуть убрался я домой.
И признаюсь, мнѣ во сто кратъ милѣе
Младыхъ повѣсъ счастливая семья,
Гдѣ умъ кипить, гдѣ въ мысляхъ воленъ я,

Гдѣ спорю вслухъ, гдѣ чувствую сильнѣе,
 И гдѣ мы всѣ прекраснаго друзья, —
 Чѣмъ вялое, бездушное собранье,
 Гдѣ умъ хранить невольное молчанье,
 Гдѣ холодомъ сердца поражены,
 Гдѣ Бутурлингъ невѣждъ законодатель,
 Гдѣ Ш* царь, а скука предсѣдатель,
 Гдѣ глупостью единой всѣ равны.
 Я помню сихъ дѣтей честолюбивыхъ,
 Злыхъ безъ ума, безъ гордости спѣсивыхъ,
 И, разглядѣвъ тирановъ модныхъ залъ,
 Чуждаюсь ихъ укоровъ и похвалъ!...
 Когда въ кругу Лаисъ благочестивыхъ
 Затянутый невѣжда, генераль
 Красавицамъ изношеннымъ и соннымъ
 Съ трудомъ острить французскій мадригалъ,
 Глядя на всѣхъ съ нахальствомъ благосклоннымъ,
 И всѣ вокругъ и дремлютъ и молчатъ,
 Крутятъ усы, иль шпорами брянчатъ,
 Да изрѣдка съ улыбкою зѣваютъ, —
 Тогда, мой другъ, забытыхъ шалуновъ
 Свобода, Вакхъ и Музы угощаютъ.
 Не слышу я въ то время острыхъ словъ,
 Политики смѣшнаго лепетанья,
 Не вижу я украшенныхъ глупцовъ,
 Святыхъ невѣждъ, почетныхъ подлецовъ,
 И мистика придворнаго кривлянья!...
 И ты, Харить любовникъ своевольный,
 Приятный лжець, язвительный болтунъ,
 По прежнему острякъ небогомольный,
 По прежнему философъ и шалунъ,
 И ты на мигъ оставь своихъ вельможъ —
 И малый кругъ друзей моихъ умножь.

Мнѣ бой знакомъ — люблю языкъ мечей
 Отъ первыхъ лѣтъ, поклонникъ бранной славы,
 Люблю войны кровавыя забавы,
 И смерти мысль мила душѣ моей.
 Во цвѣтѣ лѣтъ свободы вѣрный воинъ,
 Передъ собой кто смерти не видалъ,
 Тотъ полнаго, веселья не вкушалъ,
 И милыхъ женъ лобзаній не достоинъ.

ОТВѢТЪ

НА ВЫЗОВЪ НАПИСАТЬ СТИХИ ВЪ ЧЕСТЬ В. И. В. ГОСУ-
 ДАРИНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢВНЫ.

На лирѣ скромной, благородной,
 Земныхъ боговъ я не хвалилъ,
 И силѣ, въ гордости свободной
 Кадиломъ лести не кадилъ.
 Природу лишь учася славить,
 Стихами жертвуя лишь ей,
 Я не рожденъ забавить
 Стыдливой музою моей.
 Но признаюсь, подъ Геликономъ,
 Гдѣ Касталійскій токъ шумѣлъ,
 Я, вдохновенный Аполлономъ
 Елисавету втайнѣ пѣлъ.
 Небеснаго земной свидѣтель,
 Воспламененною душой,
 Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель
 Съ ея привѣтливой красой.
 Любовь и тайная свобода
 Внушали сердцу гимнъ простой —
 И не подкупный голосъ мой
 Былъ эхо русскаго народа.

ПАРОДІЯ.

НА СТИХОТВОРЕНІЕ ЖУКОВСКАГО «ТЛѢВНОСТЬ».

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
 Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
 Приходитъ въ мысль: что если это проза
 Да и дурная?...

КЪ О. Ф. ЮРЬЕВУ.

Здорово, Юрьевъ именинникъ,
 Здорово, Юрьевъ Лейбъ-Уланъ!
 Сегодня, для тебя, пустынный
 Осушить пѣнистый стаканъ.
 Здорово, и проч.

Здорово, рыцари лихіе
 Любви, свободы и вина!
 Для насъ, союзники молодые,
 Надежды лампа зажжена.
 Здорово, и проч.

Здорово молодость и счастье,
 Застольный кубокъ и
 Гдѣ съ громкимъ смѣхомъ сладострастья
 Ведутъ насъ пьяныхъ на постель.

ЭКСПРОМИТЪ ГНѢДИЧУ.

ПОСЛѢ ПРОЧТЕНІЯ ЕГО ПЕРЕВОДА ИЛЛАДЫ.

Съ тобою въ споръ я не вступаю,
 Что жесткое въ стихахъ твоихъ встрѣчаю;
 Я руку наложилъ,
 Погладилъ — занозилъ.

1820 г.

Погасло дневное свѣтило;
На море синее вечерній палъ туманъ.
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной угрюмый океанъ!
Я вижу берегъ отдаленный,
Земли полуденной волшебные края:
Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я
Воспоминаямъ упоенный....
И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь;
Душа кипитъ и замираетъ;
Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ;
Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь,
И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило,
Желаній и надеждъ томительный обманъ....
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!
Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнымъ
По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,
Страны, гдѣ пламенемъ страстей
Впервые чувства разгарались,
Гдѣ Музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,
Гдѣ рано въ буряхъ оцвѣла
Моя потерянная младость,
Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость,
И сердце хладное страданью предала.

Искатель новыхъ впечатлѣній,
Я васъ бѣжалъ, отечески края,
Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,
Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
Покою, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, измѣнницы младыя,
Подруги тайныя моей весны златыя,
И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ,
Глубокихъ ранъ любви, ничто не излечило....

Шумы, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!...

Черное море. 1820. Сентябрь. ●

ДОРИДА.

Въ Доридѣ нравятся и локоны златыя,
И блѣдное лице, и очи голубыя.
Вчера, друзей моихъ оставя пиръ ночной,
Въ ея объятіяхъ я нѣгу пилъ душой;
Восторги быстрые восторгами смѣнялись,
Желанья гасли вдругъ и снова разгорались,
Я таялъ: но среди невѣрной темноты
Другія милыя мнѣ видѣлись черты,
И весь я полонъ былъ таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.

ДОРИДЪ.

(ПОДРАЖАНІЕ ШЕНЬЕ).

Я вѣрю: я любимъ; для сердца нужно вѣрить.
Нѣтъ, милая моя не можетъ лицемѣрить;
Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ,
Стыдливость робкая — Харитъ безцѣнный даръ,
Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность,
И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность.

О дѣва-роза, я въ оковахъ;
Но не стыжусь твоихъ оковъ:
Такъ соловей въ кустахъ лавровыхъ,
Пернатый царь лѣсныхъ пѣвцовъ,
Близъ розы гордой и прекрасной
Въ неволѣ сладостной живетъ,
И нѣжно пѣсни ей поетъ
Во мракъ ночи сладострастной.

Н Е Р Е И Д А.

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду.
Сокрытый межъ деревъ, едва я смѣлъ дохнуть:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую какъ лебедь воздымала
И пѣну изъ власовъ струею выжимала.

Ч А А Д А Е В У.

(СЪ МОРСКАГО БЕРЕГА ТАВРИДЫ).

Къ чему холодныя сомнѣнья?
 Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
 Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
 Дымилась жертвоприношенья;
 Здѣсь успокоена была
 Вражда свирѣпой Эвмениды:
 Здѣсь провозвѣстница Тавриды
 На брата руку занесла!
 На сихъ развалинахъ свершилось
 Святое дружбы торжество,
 И душъ великихъ божество
 Своимъ созданьемъ возгордилось:

Чаадаевъ, помнишь ли бывшее?
 Давно ль съ восторгомъ молодымъ
 Я мыслилъ имя роковое
 Предать развалинамъ инымъ?
 Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
 Теперь и лѣнь, и тишина,
 И, въ умиленьи вдохновенномъ,
 На камнѣ, дружбой освященномъ
 Пишу я наши имена.

ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА.

Фонтанъ любви, фонтанъ живой!
 Принесъ я въ даръ тебѣ двѣ розы.
 Люблю немолчный говоръ твой
 И поэтическія слезы.

Твоя серебряная пыль
 Меня кропитъ росою хладной:
 Ахъ, лейся, лейся, ключъ отрадной!
 Журчи, журчи свою мнѣ былъ....

Фонтанъ любви, фонтанъ печальной!
 И я твой мраморъ вопрошалъ:
 Хвалу странъ прочелъ я дальней;
 Но о Маріи ты молчалъ....

Свѣтило блѣдное гарема!
 И здѣсь уже ль забвенно ты?
 Или Марія и Зарема
 Однѣ счастливыя мечты?

Иль только сонъ воображенья
 Въ пустынной мглѣ нарисовалъ
 Свои минутныя видѣнья,
 Души неясный идеалъ?

Рѣдветъ облаковъ летучая града.
 Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
 Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
 И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины.
 Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ,
 Онъ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ.
 Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
 Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
 Гдѣ стройны тополи въ долинахъ вознеслись,
 Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
 И сладостно шумятъ полуденныя волны.
 Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
 Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь....

ВИНОГРАДЪ.

Не стану я жалѣть о розахъ
Увядшихъ съ легкою весной;
Мнѣ милъ и виноградъ на лозахъ,
Въ кистяхъ созрѣвшій подъ горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачной,
Какъ персты дѣвы молодой.

Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой,
За ланью быстрой и пугливой
Стремится дикій Актеонъ:
Уже на чистый небосклонъ
Восходитъ блѣдная Діана —
И въ сумракъ пускаетъ онъ
Стрѣлу послѣднюю колчана....

ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГІЯ.

Гроза луны, свободы воинъ,
Покрытый кровію святой,
Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой,
И ужаса людей, и славы былъ достоинъ.
Тебя младенца онъ ласкалъ
На пламенной груди рукой окровавленной;
Твоей игрушкой былъ кинжалъ
Братоубійствомъ изощренной.

Какъ часто возбудивъ свирѣпой мести жәръ,
Онъ, молча надъ твоей невинной колыбелью,
Убійства новаго обдумывалъ ударъ,
И лепеть твой внималъ, и не былъ чуждъ веселью;
Таковъ былъ: сумрачный, ужасный до конца.
Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ отца
Смиренной жизнию предъ небомъ искупила:
Съ могилы грозной къ небесамъ
Она, какъ сладкій еиміамъ,
Какъ чистая любви молитва восходила.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

(молдавская пѣсня).

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Младую Гречанку я страстно любилъ.

Прелестная дѣва ласкала меня;
Но скоро я дожилъ до чернаго дня.

Однажды я созвалъ веселыхъ гостей:
Ко мнѣ постучался презрѣнный Еврей.

Съ тобою пируютъ (шепнулъ онъ) друзья;
Тебѣ жъ измѣнила Гречанка твоя.

Я далъ ему злата и проклялъ его,
И вѣрнаго позвалъ раба моего.

Мы вышли: я мчался на быстромъ конѣ,
И кроткая жалость молчала во мнѣ.

Едва я завидѣлъ Гречанки порогъ,
Глаза потемнѣли, я весь изнемогъ....

Въ покой отдаленный вхожу я одинъ....
Невѣрную дѣву лобзалъ Армянинъ.

Не взвидѣлъ я свѣта! булатъ загремѣлъ....
Прервать поцѣлуя злодѣй не успѣлъ.

Безглавое тѣло я долго топталъ,
И молча на дѣву, блѣднѣя, взиралъ.

Я помню моленья, текущую кровь....
Погибла Гречанка, погибла любовь.

Съ главы ея мертвой снявъ черную шаль,
Отеръ я безмолвно кровавую сталь.

Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла,
Въ Дунайскія волны ихъ бросилъ тѣла.

Съ тѣхъ поръ не цѣлую прелестныхъ очей,
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

ЗАПИСКА КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Сегодня я поутру дома
И жду тебя, любезный мой.
Прійди ко мнѣ на рюмку рома,
Прійди — тряхнемъ мы стариной!

Нашъ другъ Тардифъ *) — любимецъ Кома,
Поварни полный генераль,
Достойный дружбы и похвалъ
Ханжи, поэта, балагура,
Тардифъ, который Коленкура
И откормилъ, и обокралъ,
Тардифъ, полиціей гонимый
За неоплатные долги,
Тардифъ, умомъ неистощимый
На entre-mets, на пироги....

ОЛЬГА.

Ольга, крестница Киприды.
Ольга, чудо красоты,
Какже ласки и обиды
Расточать привыкла ты!
Поцѣлуемъ сладострастья,
Соблазнительнаго счастья
Назначаешь тайный часъ;
Мы съ горячкою любовной
Прибѣгаемъ въ часъ условной —
Въ дверь стучимъ; но въ сотый разъ
Слышимъ твой коварный шепотъ,
И служанки сонный ропотъ,
И насмѣшливый отказъ.
Ради рѣзваго разврата,
Пріяпическихъ затѣй,
Ради нѣги, ради злата,
Ради прелести твоей,

---

*) Тардифъ, тогдашній извѣстный въ Петербургѣ кужмистеръ.

Ольга, жрица наслажденья,
 Внемли нашъ влюбленный плачь
 День восторговъ, день забвенья
 Намъ навѣрное назначь.

ПЛАТОПЪЗМЪ.

(къ лидинькѣ).

Я знаю, Лидинька, мой другъ.
 Кому въ задумчивости сладкой
 Ты посвящаешь свой досугъ;
 Кому ты жертвуешь украдкой
 Отъ подозрительныхъ подругъ.
 Тебя страшить проказникъ милый,
 Очарователь легкокрылый,
 И холодной важностью своей
 Тебѣ несносенъ Гименей;
 Ты молишься другому богу, —
 Своей покорствуя судьбѣ,
 Восторги пылкіе къ тебѣ
 Нашли пустынную дорогу.
 Я понялъ слабый жаръ очей,
 Я понялъ взоръ полуоткрытый,
 И поблѣднѣвшія ланиты,
 И томность поступи твоей.
 Твой богъ не полною отрадой
 Своихъ поклонниковъ дарить,
 Его таинственной наградой
 Младая скромность дорожить.
 Онъ любитъ сны воображенья,
 Онъ терпитъ на дверяхъ замокъ,
 Онъ другъ стыдливый наслажденья,

Онъ братъ любви — но одинокъ.
Когда бозсонницей унылой
Во тьмѣ ночной томишься ты, —
Онъ оживляетъ тайной силой,
Твои неясныя мечты;
Вздыхаетъ нѣжно съ бѣдной Лидой,
И гонить тихою рукой
И сны, внушенные Кипридой,
И сладкій, дѣвственный покой.
Въ уединенномъ упоеньѣ
Ты мыслишь обмануть любовь?
Напрасно — въ самомъ наслажденьѣ
Томишься и вздыхаешь вновь!
Амуръ ужели не заглянетъ
Въ неосвященный твой пріютъ?
Твоя краса какъ роза вянетъ,
Минуты юности бѣгутъ....
Уже ль мольба моя напрасна?
Забудь преступныя мечты —
Не вѣчно будешь ты прекрасна,
Не для себя прекрасна ты!

1821 г.

ЗЕМЛЯ И МОРЕ.

Когда по синевѣ морей
Зефиръ скользитъ и тихо вѣетъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей,
И челны на волнахъ лелѣетъ;
Заботъ и думъ слагая грузъ,
Тогда лѣнюсь я веселѣе,
И забываю пѣсни Музъ:
Мнѣ моря сладкій шумъ милѣе.
Когда же волны по брегамъ
Ревутъ, кипятъ и пѣной плещутъ,
И громъ гремитъ по небесамъ,
И молніи во мракѣ блещутъ,
Я удаляюсь отъ морей
Въ гостепріимныя дубровы:
Земля мнѣ кажется вѣрнѣй,
И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый:
Живетъ на утломъ онъ челнѣ,
Игралищѣ слѣпой пучины,
А я въ надежной тишинѣ
Внимаю шумъ ручья долины.

8 февраля 1821. Кіевъ.

ЖЕЛАНІЕ.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
 Оживлены дубравы и луга,
 Гдѣ весело синѣютъ, блещутъ воды,
 Роскошные лаская берега,
 Гдѣ на холмы, подѣ лавровые своды,
 Не смѣютъ лечь угрюмые снѣга?
 Скажите мнѣ: кто видѣлъ край прелестный,
 Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?

Златой предѣлъ, любимый край Эльвины!
 Туда летятъ желанія мои.
 Я помню горъ высокія вершины,
 Прозрачныхъ водъ веселыя струи,
 И тѣнь, и шумъ, и красныя долины,
 Гдѣ бѣдныя простыхъ Татаръ семьи,
 Среди заботъ и съ дружбою взаимной,
 Подѣ кровлею живутъ гостепріимной.

Все мило тамъ красою безмятежной,
 Все путника плѣняетъ и манитъ,
 Какъ въ ясный день дорогою прибрежной
 Привычный конь по склону горъ бѣжитъ.
 Повсюду трудъ веселый и прилежный
 Сады Татаръ и нивы богатитъ,
 Холмы цвѣтутъ, и въ листьяхъ винограда
 Виситъ янтарь, ночныхъ пировъ отрада.

Все живо тамъ: кудрявыхъ роцъ прохлада,
 Въ тѣни оливъ уснувшія стада,
 Вокругъ домовъ рѣшетки винограда.
 Монастыри, селенья, города,
 И моря шумъ, и говоръ водопада,

И средь валовъ бѣгуція суда,
И яркіе лучи златаго Феба,
И синій сводъ полуденнаго неба.

Прійду ли вновь, поклонникъ Музъ и мира,
Забывъ молву и свѣта суеты,
На берегахъ веселаго Салгира
Воспоминать души моей мечты?
Въ моихъ рукахъ Овидіева лира,
Счастливая пѣвица красоты,
Пѣвица нѣгъ, изгнанья и разлуки,
Найдетъ ли вновь свои живые звуки?

И тамъ, гдѣ миртъ шумитъ надъ тихой урной,
Увижу ль вновь, сквозь темные лѣса,
И своды скалъ, и моря блескъ лазурной,
И ясныя, какъ радость, небеса?
Утихнутъ ли волненья жизни бурной?
Минувшихъ лѣтъ воскреснетъ ли краса?
Прійду ли вновь подъ сладостныя тѣни
Душой заснуть на лонѣ мирной лѣни?...

МУЗА.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила,
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустаго тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами.
И пѣсни мирныя Фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;

И, радуя меня наградою случайной,
 Откинувъ локоны отъ милого чела,
 Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
 Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ ды-
 ханьемъ.
 И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

Кишневъ, 5 апрѣля 1821.

Я пережилъ свои желанья,
 Я разлюбилъ свои мечты!
 Остались мнѣ одни страданья,
 Плоды сердечной пустоты.

Подъ бурями судьбы жестокой
 Увяль цвѣтущій мой вѣнецъ!
 Живу печальный, одинокой,
 И жду: прійдетъ ли мой конецъ?

Такъ позднимъ хладомъ пораженной,
 Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
 Одинъ на вѣткѣ обнаженной
 Трепещетъ запоздалый листъ.

Каменка, 22 февраля.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Другъ Дельвигъ, мой Парнасскій братъ,
 Твоей я прозой былъ утѣшенъ;
 Но признаюсь, Баронъ, я грѣшенъ:
 Стихамъ я больше былъ бы радъ....

Ты знаешь: я въ минувши годы,
У береговъ Кастальскихъ водъ,
Любилъ мартъ поэмы, оды;
Ревнивый зрѣлъ меня народъ
На кукольномъ театрѣ моды;
Поклонникъ правды и свободы,
Бывало, что ни напишу,
Все для иныхъ не *Русью пахнетъ*;
О чемъ цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковскій ахнетъ;
Теперь я, право, чуть дышу,
Отъ воздержанья муза чахнетъ,
И рѣдко, рѣдко съ ней грѣшу.
Къ молвѣ болтливой я хладѣю,
И изъ учтивости одной
Донинѣ волочусь за нею,
Какъ мужъ лѣнивый за женой.
Наскуча музъ безплодной службой,
Другой богиней, тихой дружбой
Я славы замѣнилъ кумиръ.
Но все люблю, мои поэты,
Фантазіи волшебный міръ,
И чуждымъ пламенемъ согрѣтый,
Внимаю звуки вашихъ лиръ....
Такъ точно, позабывъ сегодня,
Проказы, игры прежнихъ дней,
Глядитъ съ лежанки ваша с....
На шашни молодыхъ б....

Кишеневъ, 23 марта.

ПАВЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ КАТЕПНУ.

Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ, *)
 Черты волшебницы прекрасной?
 Талантовъ обожатель страстной,
 Я прежде былъ ея поэтъ.
 Съ досады, можетъ быть, неправой,
 Когда одна въ дыму кадилъ
 Красавица блистала славой,
 Я свистомъ гимны заглушилъ.
 Погибни, злобы мигъ единой,
 Погибни, лиры ложный звукъ:
 Она виновна, милый другъ,
 Предъ Селименой и Моиной.
 Такъ легкомысленной душой,
 О боги, смертный васъ поносить;
 Но вскорѣ трепетной рукой
 Вамъ жертвы новыя приносить.

5 апрѣля

Наперсница волшебной старины,
 Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ —
 Тебя я зналъ во дни моей весны,
 Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ!
 Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
 Являлась ты веселою старушкой,
 И надо мной сидѣла въ шубунѣ,
 Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремяшкой.
 Ты, дѣтскую качая колыбель,

---

*) Относится къ А. М. Каратыгиной, тогда — Колосовой.

Мой юный слухъ напѣвами плѣнила,
 И межъ пеленъ оставила свирѣль,
 Которую сама заворожила!
 Младенчество прошло какъ легкой сонъ;
 Ты отрока безпечнаго любила —
 Средь важныхъ Музъ тебя лишь помнилъ онъ,
 И ты его тихонько посѣтила.
 Но тотъ ли былъ твой образъ, твой уборъ?
 Какъ мило ты, какъ быстро измѣнилась!
 Какимъ огнемъ улыбка оживилась!
 Какимъ огнемъ блеснулъ привѣтный взоръ!
 Покровъ, клубясь волною непослушной,
 Чуть осѣнялъ твой станъ полувоздушной.
 Вся въ локонахъ, обвитая вѣнкомъ
 Прелестная глава благоухала,
 Грудь бѣлая подъ желтымъ жемчугомъ
 Румянилась и тихо трепетала....

Недавно я, въ часы свободы,
 Уставъ наездника читалъ,
 И даже ясно понималъ
 Его искусные доводы;
 Узналъ я рѣзкія черты
 Неподражаемаго слога,
 И перевертывалъ листы,

И думалъ: вѣтряный пѣвецъ?
 Перебѣсилась наконецъ
 Твоя проказливая лира;
 И сердцемъ охладѣвъ на вѣкъ,
 Ты видно сталъ въ угоду міра
 Благоразумный человекъ!

О, горе! молвилъ я сквозь слезы

Кто далъ Давыдову совѣтъ
 Оставить лавръ, оставить розы?
 Какъ могъ унизиться до прозы
 Вѣнчанный музою поэтъ,
 Презрѣвъ и славу прежнихъ лѣтъ,
 И тѣни Бурцова угрозы?

Ч А А Д А В В У.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
 Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдъ,
 Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
 Тебя недостаетъ душѣ моей усталой.
 Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
 Не трудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
 Гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда какъ сердце
 дремлетъ,
 И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
 Оставля шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
 Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
 Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
 Враговъ моихъ предалъ проклятю забвенья,
 И, сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
 Для сердца новую вкушаю тишину.
 Въ уединеніи мой своенравный геній
 Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышлений.
 Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друзей умъ;
 Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
 Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы,
 Мятежной младостью утраченные годы,
 И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
 Богини мира, вновь явились Музы мнѣ
 И независимымъ досугамъ улыбнулись;

Цвѣтницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звукъ меня обрадовалъ — и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу вѣрную, и милые предметы,
Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣты,
Въ тѣ дни, когда еще незнаемый ни кѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
Я пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
И Царскосельскія хранительныя сѣни.
Но дружбы нѣтъ со мной: печальный вижу я
Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
Ничто не замѣнитъ единственнаго друга:
Ни Музы, ни труды, ни радости досуга.
Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ;
О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою!
Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленной;
Въ минуту гибели надъ бездною потаенной
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
Терпѣнье смѣлое во мнѣ раждалось вновь;
Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть.
Что нужды было мнѣ въ торжественномъ судѣ

Или философа, который въ прежни лѣта,
Развратомъ изумилъ четыре части свѣта,
Но просвѣтивъ себя, загладилъ свой позоръ,
Отвыкнулъ отъ вина и сталъ картежный воръ?

Ораторъ Лужниковъ, ни кѣмъ не замѣчаемъ —
Мнѣ мало досаждалъ своимъ невиннымъ лаемъ.

Мнѣ ль было сѣтовать о толкахъ шалуновъ,
О лепетаньи дамъ, зоиловъ и глушцовъ,
И сплетней разбирать игривую затѣю,
Когда гордиться могъ я дружбою твоею?
Благодарю боговъ! Прошелъ я мрачный путь;
Печали раннія мою тѣснили грудь:
Къ печалямъ я привыкъ, расшелся я съ судьбою,
И жизнь перенесу стoiceской душою.
Одно желаніе: останься ты со мной!
Небесъ я не томилъ молитвою другой.
О, скоро ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки?
Когда соединимъ слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель,
И вѣтряной толпы безстрастный наблюдатель,
Прійду, прійду я вновь, мой милый домосѣдъ,
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
Посмотримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
И счастливъ буду я; но только ради Бога
Дони ты Шѣп—га отъ нашего порога.

Кишеневъ, 20 апрѣля 1821 г

КЪ МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦѢ.

Подруга думы праздной,
Чернильница моя!

Мой вѣкъ однообразной
Тобой украсилъ я.
• Какъ часто другъ веселья
Съ тобою забывалъ
Условный часъ похмѣлья
И праздничный бокалъ!
Подъ сѣнью хаты скромной,
Въ часы печали томной,
Была ты предо мной
Съ лампадой и мечтой.
Въ минуты вдохновенья
Къ тебѣ я прибѣгалъ,
И Музу призывалъ
На пиръ воображенья....

Сокровища мои
На днѣ твоємъ таятся....

Тебя я посвятилъ
Занятіямъ досуга,
И съ лѣнью примирилъ:
• Она твоя подруга!
Съ тобой успѣхъ узналъ
Отшельникъ неизвѣстной....
Завѣтной твой кристалъ,
Хранять огонь небесной;
И подъ вечеръ, когда
Перо по книжкѣ бродить,
Безъ всякаго труда
Оно въ тебѣ находитъ
Концы моихъ стиховъ
И вѣрность выраженья,
То звуковъ или словъ
Нежданное стеченье,
То ѣдкой шутки соль,

То странность рифмы новой,
Неслыханной дотоль.
Съ глупцовъ сорвавъ одежду,
Я весело клеймила
Зоила и невѣжду
Пятномъ твоихъ чернилъ....
Но ихъ не разводилъ
Ни тайной злости пѣной,
Ни ядомъ клеветы —
И сердца простоты
Ни лестью, ни измѣной
Не замарала ты.

Безпечный сынъ природы,
Пока златые годы
Въ забвеньи трачу я,
Со мною неразлучно
Живи благополучно,
Наперсница моя!
Но здѣсь, на лонѣ лѣни
Я слышу нѣжны пѣни
Заботливыхъ друзей....
Уже ли ихъ забуду
Друзей души моей,
И имъ невѣренъ буду?
Оставь, оставь порой
Привычныя затѣи,
И дактиль, и хорей,
Для прозы почтовой.
Минуты хладной скуки,
Сердечной пустоты,
Уныніе разлуки,
Всегдашнія мечты,
Мои надежды, чувства,
Безъ лести, безъ искусства

Бумагъ передай.
Болтливостью небрежной
И вѣтряной и нѣжной
Ихъ сердце утѣшай....

Когда же берегъ ада
На вѣкъ меня возьметъ,
Когда со мной заснетъ
Перо, моя отрада,
И ты, въ углу пустомъ
Осиротѣвъ, остынешь,
И навсегда покинешь
Поэта тихій домъ —
Тебя возьметъ унылой
Чаадаевъ, другъ мой милой:
Последній будь привѣтъ
Любимцу праздныхъ лѣтъ;
Взыскательнаго свѣта
Очей не привлекай,
Но вѣрнаго поэта
Друзьямъ напоминай.

Кишневъ, 11 апрѣля 1821 г.

НАПОЛЕОНЪ.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человекъ.
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ:
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаеъ.

О ты, чьей памятью кровавой
Миръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосвненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила....
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почилъ,
И лучъ безсмертія горитъ.

Давно ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державной
Ты на земныя племена.

Когда надеждой озаренный,
Отъ рабства пробудился миръ,
И Галлъ, десницею разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной

И день великій, неизбѣжный
Свободы свѣтлый день насталъ:

Тогда въ волненьи бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его *) надеждахъ благородныхъ
Ты челоуѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье

---

*) Французскаго народа.

Ты дерзкой вѣровалъ душой....
Тебя плѣнило самовластье
Разочарованной красой.

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Едва рожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ, до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой,
Европа гибла: сонъ могильный
Носился надъ ея главой.

Сбылось! Въ величїи постыдномъ
Ступилъ на грудь ея колоссъ!
Тильзитъ! При звукѣ семъ обидномъ
Теперь не поблѣднѣетъ Россъ —
Тильзитъ надменнаго героя
Послѣдней славою вѣнчалъ,
Но скучный миръ, но хладъ покоя
Счастливица душу волновалъ.

Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца Русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?

Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ какъ дара;
Но поздно Русскихъ разгадалъ....

Россія, бранная царица,
Вспомни древнія права!
Померкни солнце Аустерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другія:
Исчезни краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россія!
Война — по гробъ нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Бѣгутъ Европы ополченья;
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.

И все какъ буря закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ;
Во слѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятiе племенъ.
И длань народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ.
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья,
Подъ сѣнью чуждою небесъ.

И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей,
Гдѣ, иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!... Онъ Русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Іюнь.

ЭЛЕГІЯ.

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ пѣсни отвѣчали;
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи, твердила въ тишинѣ,
И сердца моего языкъ любила страстной;
Но если я любимъ: позволь, о милый другъ,
Позволь одушевить прощальный лиры звукъ

Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной.
 Когда меня на вѣкъ обыметъ смертный сонъ,
 Надъ урною моей промолви съ умиленьемъ:
 «Онъ мною былъ любимъ; онъ мнѣ былъ одолженъ
 И пѣсень, и любви послѣднимъ вдохновеньемъ.»

23 августа 1821.

ЭЛЕГІЯ.

Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ
 И младости моей мятежное теченье.
 Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ,
 Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслажденье,
 Что я любилъ, что измѣнило мнѣ;
 Пускай я радости вкушаю не вполне;
 Но ты, невинная, ты рождена для счастья,
 Безпечно вѣрь ему, летучій мигъ лови:
 Душа твоя жива для дружбы, для любви,
 Для поцѣлуевъ сладострастья.
 Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
 Свѣтла, какъ ясный день, младенческая совѣсть.
 Къ чему тебѣ внимать безумства и страстей
 Незанимательную повѣсть?
 Она твой тихій умъ невольно возмутитъ.
 Ты слезы будешь лить, ты сердцемъ содрогнешься;
 Довѣрчивой души безпечность улетитъ,
 И ты моей любви, быть можетъ, ужаснешься.
 Быть можетъ навсегда... Нѣтъ, милая моя,
 Лишиться я боюсь послѣднихъ наслажденій.
 Не требуй отъ меня опасныхъ откровеній:
 Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я!

24 или 25 августа.

ГРОБЪ ЮНОШИ.

Сокрылся онъ,
Любви, забавъ питомецъ нѣжной;
Кругомъ него глубокій сонъ
И хладъ могилы безмятежной....

Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ,
Когда весной въ тѣни деревъ
Онѣ кружились на свободѣ:
Но нынче въ рѣзвомъ хороводѣ
Не слышенъ. ужь его припѣвъ.

Давно ли старцы любовались
Его веселостью живой,
Полупечально улыбались
И говорили межъ собой:
«И мы любили хороводы,
Блестали также въ насъ умы;
Но погоди, приспѣютъ годы,
И будешь то, что нынѣ мы.
Какъ намъ, о міра гость игривый,
Тебѣ постынетъ бѣлый свѣтъ;
Теперь играй....» Но старцы живы,
А онъ увялъ во цвѣтѣ лѣтъ.
И безъ него друзья пируютъ,
Другихъ ужь полюбить успѣвъ;
Ужь рѣдко, рѣдко именуютъ
Его въ бесѣдѣ юныхъ дѣвъ.
Изъ милыхъ женъ, его любившихъ,
Одна, быть можетъ, слезы льетъ,
И память радостей почившихъ
Привычной душою зоветъ....
Къ чему?

Надъ ясными водами
 Гробницы мирною семьей,
 Подъ наклоненными крестами,
 Таятся въ рошѣ вѣковой.
 Тамъ на краю большой дороги,
 Гдѣ липа старая шумить,
 Забывъ сердечныя тревоги,
 Нашъ бѣдный юноша лежитъ.

Напрасно блещетъ лучъ денницы,
 Иль ходитъ мѣсяцъ средь небесъ,
 И вокругъ безчувственной гробницы
 Ручей журчитъ, и шепчетъ лѣсъ;
 Напрасно утромъ за малиной
 Къ ручью красавица съ корзиной
 Идетъ, и въ холодъ ключевой
 Пугливо ногу опускаетъ:
 Ничто его не вызываетъ
 Изъ мирной сѣни гробовой.

КЪ АГЛАЪ.

И вы повѣрить мнѣ могли,
 Какъ семилѣтняя Агнеса?
 Въ какомъ романѣ вы нашли
 Чтобъ умеръ отъ любви повѣса?
 Послушайте. Вамъ тридцать лѣтъ,
 Да, тридцать лѣтъ — не многимъ болѣ;
 Мнѣ за двадцать. Я видѣлъ свѣтъ,
 Кружился долго въ немъ на волѣ:
 Ужъ клятвы, слезы мнѣ смѣшны,
 Проказы утомить успѣли;
 Вамъ также съ вашей стороны
 Тревоги сердца надоѣли.

Умы давно въ насъ охладѣли,
Не кстати намъ учиться вновь!
Мы знаемъ: вѣчная любовь
Живетъ едва ли три недѣли!
Я вами точно былъ плѣненъ,
Къ тому же скука — мужъ ревнивый....
Я притворился что влюбленъ,
Вы притворились, что стыдливы....
Мы покаялись.... потомъ.... увы!
Потомъ забыли клятву нашу:
Себѣ гусара взяли вы,
А я наперсницу Наташу.
Мы разошлись. До этихъ поръ
Все хорошо, благопристойно:
Могли бы мы безъ глупыхъ ссоръ
Жить мирно, дружно и спокойно;
Но нѣтъ! Въ трагическомъ жару
Вы мнѣ сегодня поутру
Сѣдую воскресили древность!
Вы проповѣдуете вновь
Покойныхъ рыцарей любовь,
Учтивый жаръ, и грусть, и ревность....
Оставимъ юный пылъ страстей
Когда мы клонимся къ закату,
Вы — старшей дочери своей —
Я — своему меньшому брату.
Имъ можно съ жизнію шалить
И слезы впредь себѣ готовить;
Еще пристало имъ любить,
А намъ уже пора злословить!

ВОЙНА.

Война!... Подъяты наконецъ,
Шумять знамена бранной чести!

Увижу кровь, увижу праздникъ мести!
Засвищетъ вдругъ меня губительный свинець.

И сколько сильныхъ впечатлѣній
Для жаждущей души моей:
Стремленье бурныхъ ополченій,
Тревоги стана, звукъ мечей,
И въ роковомъ огнѣ сраженій
Паденье ратныхъ и вождей!
Предметы гордыхъ пѣснопѣній
Разбудятъ мой уснувшій геній.

Все ново будетъ мнѣ: простая сѣнь шатра,
Огни враговъ, ихъ чуждое зыванье,
Вечерній барабанъ, громъ пушки, визгъ ядра
И смерти грозной ожиданье.

Родишься ль ты во мнѣ, слѣпая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?
Вѣнокъ ли мнѣ двойной достанется на часть,
Кончину ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,
И все умретъ со мной: надежды юныхъ дней,
Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье,
Воспоминаніе и брата и друзей,
И мыслей творческихъ напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь?... Уже ль ни бранный шумъ,
Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы
Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?

Я таю, жертва злой отравы:

Покой бѣжитъ меня; нѣтъ власти надъ собой,
И тягостная лѣнь душою овладѣла....

Что жъ медлитъ ужасъ боевой?

Что жъ, битва первая еще не закипѣла?...

29 Ноября 1821.

КЪ ОВИДІЮ.

Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ,
Которымъ изгнанныхъ отеческихъ боговъ
Ты нѣкогда принесъ и пепель свой оставилъ!
Твой безотрадный плачъ мѣста сіи прославилъ:
И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ;
Еще твоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображенъ
Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
И краткой теплотой согрѣтыя луга.
Какъ часто, увлеченъ унылыхъ струнъ игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за тобою:
Я видѣлъ твой корабль игралищемъ валовъ,
И якорь, верженный близъ дивихъ береговъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца любви жестокая награда.
Тамъ нивы безъ тѣней, холмы безъ винограда;
Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны,
Тамъ хладной Скиѣи свирѣпыя сыны,
За Истромъ утаясь, добычи ожидаютъ,
И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ.
Преграды нѣтъ для нихъ: въ волнахъ они плывутъ,
И по льду звучному безтрепетно идутъ.
Ты самъ (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной!)
Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни ратной,
Привыкнувъ розами вѣнчать свои власы,
И въ нѣгѣ провождать безопасные часы,
Ты будешь принужденъ взложить и шлемъ тяжелой,
И грозный мечъ хранить близъ лиры оробѣдой.
Ни дочь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,
Ни Музы, легкія подруги прежнихъ дней,
Изгнаннаго пѣвца не усладятъ печали.

Напрасно Граціи стихи твои вѣнчали,
 Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть:
 Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть,
 Ни пѣсни робкія Октавія не тронуть;
 Дни старости твоей въ забвеніи потонуть.
 Златой Италіи роскошный гражданинъ,
 Въ отчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ,
 Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь;
 Ты въ тяжкой горести далекой дружбѣ пишешь:
 «О, возвратите мнѣ священный градъ отцовъ
 И тѣни мирныя наслѣдственныхъ садовъ!
 О други, Августу мольбы мои несите!
 Карающую длань слезами отклоните!
 Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ,
 И вѣкъ мнѣ невидать тебя, великій Римъ,
 Послѣднею мольбой смягчая рокъ ужасной,
 Приближьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной!»
 Чье сердце хладное, презрѣвшее Харитъ,
 Твое уныніе и слезы укорить?
 Кто въ грубой гордости прочтетъ безъ умиленья
 Сіи элегіи, послѣднія творенья,
 Гдѣ ты свой тщетный стонъ потомству передалъ?

Суровый Славянинъ, я слезъ не проливалъ,
 Но понимаю ихъ. Изгнанныкъ самовольный,
 И свѣтомъ, и собой, и жизнью недовольный,
 Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣтилъ
 Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ,
 Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенья,
 Я повторилъ твои, Овидій, пѣснопѣнья;
 И ихъ печальныя картины повѣрялъ;
 Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измѣнялъ.
 Изгнаніе твое плѣняло втайнѣ очи,
 Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи.
 Здѣсь долго свѣтится небесная лазурь;

Здѣсь кратко царствуетъ жестокость зимнихъ бурь.
 На Скиескихъ берегахъ переселенецъ новый,
 Сынъ юга, виноградъ, блистаетъ пурпуровый.
 Ужъ пасмурный Декабрь на Русскіе луга
 Слоями разстилалъ пушистые снѣга;
 Зима дышала тамъ, а съ вешней теплотою
 Здѣсь солнце ясное катилось надо мною;
 Младую зеленью пестрѣлъ увядшій лугъ;
 Свободныя поля взрывалъ ужъ ранній плугъ;
 Чуть вѣялъ вѣтерокъ, подъ вечеръ холодѣя;
 Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ тускнѣя,
 Кристалломъ покрывалъ недвижныя струи.
 Я вспомнилъ опыты несмѣлые твои,
 Сей день, замѣченный крылатымъ вдохновеньемъ,
 Когда ты въ первый разъ ввѣрялъ съ недоумѣньемъ
 Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой:
 И по льду новому, казалось, предо мной
 Скользила тѣнь твоя, и жалобные звуки
 Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.

Утѣшься: не увялъ Овидіевъ вѣнецъ!
 Увы, среди толпы затерянный пѣвецъ,
 Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній,
 И, жертва темная, умретъ мой слабый геній
 Съ печальной жизнію, съ минутною молвой!...
 Но если обо мнѣ потомокъ поздній мой
 Узнавъ, придетъ искать въ странѣ сей отдаленной
 Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенной,
 Бреговъ забвенія оставя хладну сѣнь,
 Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь,
 И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.
 Да сохранится же завѣтное преданье!
 Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
 Не славой — участію я равенъ былъ тебѣ.
 Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,

Скитался я въ тѣ дни, какъ на берега Дуная
Великодушный Грекъ свободу вызывалъ.
И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ;
Но чуждые холмы, поля, и рощи сонны,
И Музы мирныя мнѣ были благосклонны.

26 Декабря.

НИКОЛАЮ СТЕПАНОВИЧУ АЛЕКСѢЕВУ.

Мой милый, какъ несправедливы
Твои ревнивыя мечты:
Я позабылъ любви призывы
И плѣнь опасной красоты;
Свободы другъ миролюбивый,
Въ толпѣ красавицъ молодыхъ,
Я, равнодушный и лѣнивый,
Своихъ боговъ не вижу въ нихъ.
Ихъ томный взоръ, привѣтный лепеть
Уже не властны надо мной.
Забыло сердце нѣжный трепеть
И пламя юности живой.
Теперь ужъ мнѣ влюбиться трудно,
Вздохать неловко и смѣшно,
Надеждѣ вѣрить безразсудно,
Мужей обманывать грѣшно.
Прошелъ веселый жизни праздникъ.
Какъ мой задумчивый проказникъ,
Какъ Баратынскій, я твержу:
«Нельзя ль найти подруги нѣжной?
Нельзя ль найти любви надежной?»
И ничего не нахожу.
Оставля счастья призракъ ложный,

Безъ упоительныхъ страстей,
Я сталъ наперсникъ осторожный
Моихъ неопытныхъ друзей.
Когда любовникъ изступленной
Тоскуя, плачетъ предо мной,
И для красавицы надменной
Клянется жертвовать собой;
Когда въ жару своихъ желаній,
Съ восторгомъ изъясняетъ онъ
Неясныхъ, темныхъ ожиданій
Обманчивый, но сладкій сонъ,
И, крѣпко руку сжавъ у друга,
Клянеть ревниваго супруга,
Или докучливую мать:
Его безумнымъ увѣреньямъ
И поминутнымъ повтореньямъ
Люблю съ участіемъ внимать;
Я льщу слѣпой его надеждъ,
Я молодъ юностью чужой,
И говорю: такъ было прежде
Во время оно и со мной.

КЪ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ ПЛЕЩЕЕВУ.

Зачѣмъ безвременную скуку
Зловѣщей думою питать,
И неизбѣжную разлуку
Въ уныньи робкомъ ожидать?
И такъ ужъ близокъ день страданья!
Одинъ, въ тиши пустыхъ полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянныхъ тобою дней:

Тогда изгнаньемъ и могилой,
 Несчастный, будешь ты готовъ
 Купить хоть слово дѣвы милой,
 Хоть легкій шумъ ея шаговъ.

КЪ ПОРТРЕТУ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Судьба свои дары явить желала въ немъ,
 Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
 Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ,
 И простодушіе съ язвительной улыбкой.

ПРИМѢТЫ.

Старайся наблюдать различныя примѣты.
 Пастухъ и земледѣль въ младенческія лѣты,
 Взглянувъ на небеса, на западную тѣнь,
 Умѣютъ ужъ предрѣчь и вѣтръ, и ясный день,
 И майскіе дожди, младыхъ полей отраду,
 И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.
 Такъ, если лебеди, на лонѣ тихихъ водъ
 Плескаясь вечеромъ, окличутъ твоей приходъ,
 Иль солнце яркое зайдетъ въ печальны тучи,
 Знай: завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ре-
 вучій,
 Иль бьющій въ окна градъ, а ранній селянинъ,
 Готовясь ужъ косить высокій злакъ долинъ,
 Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу
 И погрузится вновь въ лѣнивую дремоту.

ДѢВА.

Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой!
 Я зналъ: она сердца влечетъ невольной силой.
 Неосторожный другъ, я зналъ: нельзя при ней
 Иную замѣчать, иныхъ искать очей.
 Надежду потерявъ, забывъ измѣны сладость,
 Пылаетъ близъ нея задумчивая младость;
 Любимцы счастья, наперсники судьбы
 Смиренно ей несутъ влюбленные мольбы:
 Но дѣва гордая ихъ чувства ненавидитъ,
 И, очи опустивъ, не внемлетъ и не видитъ.

ДІОНЕЯ.

Хромидъ въ тебя влюбленъ: онъ молодъ, и не разъ
 Украдкою вдвоемъ мы замѣчали васъ;
 Ты слушаешь его въ безмолвіи краснѣя;
 Твой взоръ потушенный желаніемъ горитъ,
 И долго послѣ, Діоней,
 Улыбку нѣжную лицо твое хранитъ.

КРАСАВИЦА ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Взгляни на милую, когда свое чело
 Она предъ зеркаломъ цвѣтами окружаетъ,
 Играетъ локономъ, и вѣрное стекло
 Улыбку, хитрый взоръ и гордость отражаетъ.

....И нѣкій духъ повѣялъ невидимо,
Повѣялъ и затихъ.... и вновь повѣялъ мимо

На   порогъ вперилъ смутясь онъ очи;
Раздался бой полночи

И се — внезапный гость въ чертогъ предсталъ.
То былъ сей чудный мужъ, посланникъ Провидѣнья,
Свершитель роковой безвѣстнаго велѣнья,
Сей всадникъ, передъ кѣмъ склонялися цари,
Мятежной вольницы наслѣдникъ и убійца,
Сей хладный кровопійца,
Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зари.

Ни тучной праздности лѣнивыя морщины,
Ни поступь тяжкая, ни раннія сѣдины,
Ни пламень гаснущій нахмуренныхъ очей
Не обличали въ немъ изгнаннаго героя,
Мученіемъ покоя

Въ моряхъ казненнаго, по манію царей.

Нѣтъ, чудный взоръ его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдругъ неотразимый,
Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкалъ;
Во цвѣтѣ здравія, и мужества, и мощи,
Владыкѣ полунощи,
Владыка Запада грозящій предстоялъ.

Таковъ онъ былъ, когда въ равнинахъ Аустерлица
Дружины Сѣвера гнала его десница,
И Русскій въ первый разъ предъ гибелью бѣжалъ;
Таковъ онъ былъ, когда съ побѣднымъ договоромъ
И съ миромъ....

Предъ юношей царемъ въ Тильзитѣ предстоялъ.*)

*) (Піеса, по мнѣнію П. В. Анненкова, писанная въ 1824 г. по смерти Наполеона).

1822 г.

Люблю вашъ сумракъ неизвѣстной
И ваши тайные цвѣты,
О вы, поэзіи прелестной
Благословенныя мечты!
Вы насъ увѣрили, поэты,
Что тѣни легкою толпой,
Отъ береговъ холодной Леты,
Слетаются на брегъ земной,
И невидимо навѣщаютъ
Мѣста, гдѣ было все милѣй,
И въ сновидѣннѣяхъ утѣшаютъ
Сердца покинутыхъ друзей;
Онѣ, безсмертіе вкушая,
Ихъ поджидаютъ въ Элизей,
Каждъ ждетъ на пиръ семья родная
Своихъ замедлившихъ гостей....
Но, можетъ быть, мечты пустыя....
Быть можетъ, съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя,
И чуждъ мнѣ будетъ міръ земной;
Быть можетъ, тамъ, гдѣ все блистаетъ
Нетлѣнной славой и красой,
Гдѣ чистый пламень пожираетъ
Несовершенство бытія,
Минутныхъ жизни впечатлѣній
Не сохранить душа моя:
Не буду вѣдать сожалѣній,
Тоску любви забуду я....

ДРУЗЬЯМЪ.

(НА ОТЪѢЗДЪ В. Т. БЕКА ИЗЪ КИШЕНЕВА).

Вчера былъ день разлуки шумной,
Вчера былъ Вакха буйный пиръ,
При кликахъ юности безумной,
При громѣ чашъ, при звукѣ лиръ.

Такъ, Музы васъ благословили,
Вѣнками свыше осѣня,
Когда вы, други, отличили
Почетной чашею меня.

Честолюбивой позолотой
Не ослѣпля нашихъ глазъ,
Она не суетной работой,
Не рѣзьюбою пѣвняла насъ;

Но тѣмъ однимъ лишь отличалась,
Что, жажду Скиескую поя,
Бутылка полная вливалась
Въ ея широкіе края.

Я пилъ, и думою сердечной
Во дни минувшіе леталъ,
И горе жизни скоротечной,
И сны любви воспоминалъ.

Меня смѣшила ихъ измѣна:
И скорбь исчезла предо мной,
Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
Подъ зашипѣвшею струей.

БАРАТЫНСКОМУ ИЗЪ БЕССАРАБИИ.

Сія пустынная страна
 Священна для души поэта.
 Она Державиннымъ воспитана
 И славой Русскою полна.
 Еще донинѣ тѣнь Назона
 Дунайскихъ ищетъ береговъ;
 Она летитъ на сладкій зовъ
 Питомцевъ Музъ и Аполлона,
 И съ нею часто при лунѣ
 Брожу вдоль берега крутаго;
 Но, другъ, обнять милѣе мнѣ
 Въ тебѣ Овидія живаго.

ЕМУ ЖЕ.

Я жду обѣщанной тетради:
 Что жъ медлишь, милый трубадуръ!
 Пришли ее мнѣ Феба ради,
 И награди тебя Амуръ.

АДЕЛИ.

Играй, Адель,
 Не знай печали.
 Хариты, Лель
 Тебя вѣнчали,
 И колыбель

Твою качали.
Твоя весна
Тиха, ясна:
Для наслажденья
Ты рождена.
Чась упоенья
Лови, лови!
Младья лѣта
Отдай любви,
И въ шумѣ свѣта
Люби, Адель,
Мою свирѣль.

ГРЕЧАНКЪ.

Ты рождена воспламенять
Воображеніе поэтовъ,
Его тревожить и плѣнять
Любезной живостью привѣтовъ,
Восточной странностью рѣчей,
Блистаньемъ зеркальныхъ очей,
И этой ножкою нескромной;
Ты рождена для нѣги томной,
Для упоенія страстей.
Скажи: когда пѣвецъ Леилы
Въ мечтахъ небесныхъ рисовалъ
Свой неизмѣнный идеалъ,
Ужъ не тебя ль изображалъ
Поэтъ мучительный и милый?
Быть можетъ, въ дальней сторонѣ,
Подъ небомъ Греціи священной,
Тебя страдалецъ вдохновенной

Узналъ иль видѣлъ какъ во снѣ,
 И скрылся образъ незабвенной
 Въ его сердечной глубинѣ.
 Быть можетъ, лирою счастливой
 Тебя волшебникъ искушалъ;
 Невольный трепеть возникалъ
 Въ твоей груди самолюбивой:
 И ты, склонясь къ его плечу....
 Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, мечты ревнивой
 Питать я пламя не хочу:
 Мнѣ долго счастье чуждо было,
 Мнѣ ново наслаждаться имъ,
 И, тайной грустію томимъ,
 Боюсь: невѣрно все, что мило!

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ собирается вѣщій Олегъ
 Отмстить неразумнымъ Хозарамъ:
 Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
 Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
 Съ дружиной своей, въ Цареградской бронѣ,
 Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса навстрѣчу ему,
 Идетъ вдохновенный кудесникъ,
 Покорный Перуну старикъ одному,
 Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
 Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведеній весь вѣкъ
 И къ мудрому старцу подѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
 Что сбудется въ жизни со мною?

И скоро ль на радость сосѣдей-враговъ,
 Могильной засыплюсь землею?
 Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
 Въ награду любаго возьмешь ты коня.

«Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
 А княжескій даръ имъ не нуженъ;
 Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,
 И съ волей небесною друженъ.
 Грядущіе годы таятся во мглѣ;
 Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

«Запомни же нынѣ ты слово мое:
 Воителю слава — отрада;
 Побѣдой прославлено имя твое;
 Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
 И волны, и суша, покорны тебѣ;
 Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

«И снѣга моря обманчивый валъ
 Въ часы роковой непогоды,
 И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
 Щадятъ побѣдителя годы...
 Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ;
 Незримый хранитель могущему данъ.

«Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
 Онъ, чуя господскую волю,
 То смиренный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
 То мчится по бранному полю,
 И холодъ, и сѣча, ему ничего:
 Но примешь ты смерть отъ коня своего.»

Олегъ усмѣхнулся; однако чело
 И взоръ омрачилися думой.

Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
 Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой;
 И вѣрнаго друга прощальной рукой
 И гладить, и треплетъ по шеѣ крутой.

«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
 Разстаться настало намъ время:
 Теперь отдыхай, ужъ не ступитъ нога
 Въ твое позлащенное стремя.
 Прощай, утѣшайся; да помни меня.
 Вы, отроки-друзи, возьмите коня,

Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
 Въ мой лугъ подъ устцы отведите,
 Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
 Водой ключевою поите.»
 И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
 А князю другаго коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
 При звонѣ веселомъ стакана.
 И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
 Надъ славной главою кургана....
 Они поминаютъ минушіе дни,
 И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

«А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ
 Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
 Здоровъ ли? Все также ль легокъ его бѣгъ?
 Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?»
 И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
 Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
 И думаетъ: «Что же гаданье?
 Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!

Презрѣть бы твое предсказанье:
 Мой конь и донинѣ носилъ бы меня!»
 И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
 Съ нимъ Игорь и старые гости,
 И видятъ, на холмѣ у берега Днѣпра,
 Лежатъ благородныя кости;
 Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
 И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
 И молвилъ: «спи, другъ одинокой!
 Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
 На тризнѣ, уже недалекой,
 Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
 И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

«Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
 Мнѣ смертію кость угрожала!»
 Изъ мертвой главы гробовая змія
 Шипя, между тѣмъ, выползала;
 Какъ черная лента вокругъ ногъ обвилась:
 И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые залѣнясь шипятъ
 На тризнѣ плачевной Олега:
 Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
 Дружина пируетъ у берега;
 Бойцы поминаютъ минувшіе дни,
 И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

УЕДПНЕНІЕ.

Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни,
 Вдали взыскательныхъ невѣждъ,
 Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни,
 Воспоминаній и надеждъ;
 Кому судьба друзей послала,
 Кто скрыть, по милости Творца,
 Отъ усыпителя глупца,
 Отъ пробудителя нахала.

ПРІЯТЕЛЮ.

Не притворяйся, милый другъ,
 Соперникъ мой широкоплечій:
 Тебѣ не страшень лиры звукъ,
 Ни элегическія рѣчи.
 Дай руку мнѣ, ты не ревнивъ,
 Я слишкомъ вѣтрянь и лѣнивъ;
 Твоя красавица не дура;
 Я вижу все и, не сержусь;
 Она прелестная Лаура,
 Да я въ Петрарки не гожусь.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ Я. П. ТОЛСТОМУ.

Горишь ли ты, лампада наша,
 Подруга бдѣній и пировъ?
 Кипишь ли ты, золотая чаша,

Въ рукахъ веселыхъ остряковъ?
Все тѣже ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стиховъ?
Часы любви, часы похмелья
По прежнему ль летать на зовъ
Свободы, лѣни и бездѣлья?
Въ изгнаньи скучномъ каждый часъ,
Горя завистливымъ желаньемъ,
Я къ вамъ лечу воспоминаньемъ,
Воображаю, вижу васъ.
Вотъ онъ, пріютъ гостепріимной.
Пріютъ любви и вольныхъ Музъ.
Гдѣ съ ними клятвою взаимной
Скрѣпили вѣчный мы союзъ,
Гдѣ дружбы знали мы блаженство.
Гдѣ въ колпакѣ, за круглый столъ
Садилось милое равенство;
Гдѣ своенравный произволъ
Мѣнялъ бутылки, разговоры,
Разказы, пѣсни шалуна,
И разгорались наши споры
Отъ искръ и шутокъ и вина.
Я слышу, вѣрные поэты,
Вашъ очарованный языкъ....
Налейте мнѣ вина кометы!
Желай мнѣ здравія Калмыкъ!

Кашеневъ, 26 сентября 1822.

У Кларисы денегъ мало,
Ты богатъ — иди къ вѣнцу:
И богатство ей пристало,
И рога тебѣ къ лицу.

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати,
 Съ счастиемъ у васъ разладъ;
 И прекрасны вы не кстати,
 И умны вы не влопадъ.

ЖАЛОБА.

(С—ину).

Вашъ дѣдъ портной, вашъ дядя поваръ,
 А вы, вы модный господинъ:
 Таковъ объ васъ народный говоръ.
 И дива нѣтъ — не вы одинъ
 Потомокъ предковъ благородныхъ.
 Увы, никто въ моей роднѣ
 Не шьетъ мнѣ даромъ фраковъ модныхъ
 И не варитъ обѣда мнѣ.

ЭПИГРАММА НА КАЧЕНОВСКАГО.

Клеветникъ безъ дарованья,
 Палокъ ищетъ онъ чутьемъ,
 А дневнаго пропитанья
 Ежемѣсячнымъ враньемъ.

ЭКСПРОМТЪ.

Мальчикъ! Солнце встрѣтить должно
 Съ торжествомъ, среди пировъ,

Принеси же осторожно
И скорѣй, изъ погребовъ
Матерь чистаго веселья, —
Благу смольную вина,
Чтобы мы, друзья похмелья,
Не видали въ чашахъ дна!

Тульчинъ 1822.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСКИ В. П. ГОРЧАКОВУ.

Зима мнѣ рыхлою стѣною
Къ воротамъ заградила путь,
Пока тропинки предъ собою
Не протопчу я какъ нибудь,
Сижу я дома, какъ бездѣльникъ;
Но ты, душа души моей,
Узнай что будетъ въ понедѣльникъ,
Что скажетъ нашъ Вареоломей и проч....

Кишеневъ.

1825 г.

ПОСЛАНИЕ КЪ О. П. ГЛАНКЪ.

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкій эгоизмъ;
Безъ слезъ оставилъ я, съ досадой
Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ,
Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой,
Великодушный гражданинъ!
Пускай судьба опредѣлила
Гоненья грозныя мнѣ вновь,
Пускай мнѣ дружба измѣнила,
Какъ измѣнила мнѣ любовь,
Въ моемъ изгнаньи позабуду
Несправедливость ихъ обидъ:
Онѣ ничтожны, если буду
Тобой оправданъ, Аристидъ!

Кншеневъ, январь 1823.

ТЕЛѢГА ЖИЗНИ.

Хоть тяжело подъ часъ въ ней бремя,
Телѣга на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время
Везетъ, не слѣзетъ съ облучка.

Съ утра садимся мы въ телѣгу;
Мы рады голову сломать,
И, презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ пошолъ!...

Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги—
Порастрясло насъ, намъ страшнѣй
И косогоры и овраги;
Кричимъ: полегче, дуралей!

Катить по прежнему телѣга.
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней,
И дремля ѣдемъ до ночлега,
А время гонить лошадей.

ЭЛЕГІЯ.

Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонниковъ толпой,
Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
И всѣхъ дарить надеждою пустой
Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылой?
Мной овладѣвъ, мнѣ разумъ омрачивъ,
Увѣрена въ любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, въ толпѣ ихъ страстной,
Бесѣды чуждъ, одинъ и молчаливъ,
Терзаюсь я досадою одинокой;
Ни слова мнѣ, ни взгляда.... другъ жестокой!
Хочу ль бѣжать, съ боязнью и мольбой
Твои глаза не слѣдуютъ за мной.

Заводитъ ли красавица другая
 Двусмысленный со мною разговоръ,
 Спокойна ты; веселый твой укоръ
 Меня мертвитъ, любви не выражая.
 Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,
 Наединѣ заставъ меня съ тобой,
 Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?...
 Что жъ онъ тебѣ? Скажи, какое право
 Имѣеть онъ блѣднѣть и ревновать?...
 Въ нескромный часъ межъ вечера и свѣта,
 Безъ матери, одна, полуодѣта,
 Зачѣмъ его должна ты принимать?...
 Но я любимъ!... Наединѣ со мною
 Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
 Такъ пламенны! Слова твоей любви
 Такъ искренно полны твоей душою!
 Тебѣ смѣшны мученія мои;
 Но я любимъ, тебя я понимаю.
 Мой милый другъ, не мучь меня, молю:
 Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,
 Не знаешь ты какъ тяжело я страдаю!

Ненастный день потухъ, ненастной ночи мгла
 По небу стелется одеждою свинцовой;
 Какъ привидѣнiе, за рощею сосновой
 Луна туманная взошла....
 Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ.
 Далеко, тамъ, луна въ сiянии восходитъ;
 Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;
 Тамъ море движится роскошной пеленой
 Подъ голубыми небесами....
 Вотъ время: по горѣ теперь идетъ она
 Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами;

Тамъ, подъ завѣтными скалами,
 Теперь она сидитъ печальна и одна....
 Одна.... никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ;
 Никто ея колѣнъ въ забвеньи не цѣлуетъ;
 Одна.... ничьимъ устамъ она не предаетъ
 Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣло-
 свѣжныхъ.

Никто ея любви небесной не достоинъ.
 Не правда ль: ты одна.... ты плачешь.... я спо-
 коенъ;

Но если

НОЧЬ.

Мой голосъ для тебя и ласковый и томной
 Тревожитъ позднее молчанье ночи темной.
 Близъ ложа моего печальная свѣча
 Горитъ; мои стихи, сливаясь и журча,
 Текуть, ручьи любви, текуть, полны тобою.
 Во тьмѣ твои глаза блистаютъ предо мною,
 Мнѣ улыбаются, и звуки слышу я:
 Мой другъ, мой нѣжный другъ.... люблю.... ТВОЯ....
 ТВОЯ.

ДЕМОНЪ.

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы

* Всѣ впечатлѣнья бытія

И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья;
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь,
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь:
Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осыня,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня.
Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистоимой клеветою,
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ:
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

КНЯГНИЦѢ В. А. ГОЛЦЫНОЙ.

Давно объ ней воспоминанье
Ношу въ сердечной глубинѣ;
Ея минутное вниманье
Отрадой долго было мнѣ.
Твердилъ я стихъ обвороженный
Мой стихъ, унынья звукъ живой,
Такъ мило ею повторенный,
Замѣченный ея душой.

Вновь лиръ слезъ и хладной скуки
 Она съ участіемъ вяла —
 И нынѣ ей передала
 Свои плѣнительные звуки....
 Довольно! Въ гордости моей
 Я мыслить буду съ умилениемъ:
 Я славой былъ обязанъ ей,
 А, можетъ быть, и вдохновеньемъ.

1823 г. Одесса.

ПТИЦКА.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
 Родной обычай старины:
 На волю птичку выпускаю
 При свѣтломъ праздникѣ весны.
 Я сталъ доступенъ утѣшенью;
 За что на Бога мнѣ роптать,
 Когда хоть одному творенью
 Я могъ свободу даровать?

Возстань, о Греція, возстань!
 Не даромъ напрягаешь силы,
 Не даромъ потрясаетъ брань
 Олимпъ, и Пиндъ, и Термопилы.

Подъ сѣнью ветхой ихъ вершинъ
 Свобода древняя возникла
 Святые мраморы Аѳинъ,
 Гробы Тезея и Перикла.

Страна героевъ и боговъ,
Расторгни рабскіе вериги
При пѣньи пламенныхъ стиховъ
Тиртея, Байрона и Риги!

НАДГРОБНАЯ ПИСЬМЪ КЪ А. Н. ГОЛЦЫВУ *).

Отраднымъ ангеломъ на землю онъ явился,
И счастье райское принесть съ собою къ намъ;
Но житель горныхъ мѣстъ, онъ міромъ не прель-
стился.
И снова отлетѣлъ — въ отчизну къ небесамъ!

---

*) Родился 1322, апр. 22-го; умеръ 1823 г, мая 18-го.

1824 г.

А. Л. ДАВЫДОВУ.

Нельзя, мой толстый Аристипъ:
Хоть я люблю твои бесѣды,
Твой милый нравъ, твой милый хрипъ
Твой вкусъ и жирные обѣды;
Но не могу съ тобою плыть
Къ брегамъ полуденной Тавриды.
Прошу меня не позабыть,
Любимецъ Вакха и Киприды!
Когда чахоточный отецъ
Немного тощей Энеиды
Пускался въ море наконецъ,
Ему Горацій, умный льстецъ,
Прислалъ торжественную оду,
Гдѣ другу Августовъ пѣвецъ
Сулитъ хорошую погоду:
Но льстивыхъ одъ я не пишу;
Ты не въ чахоткѣ, слава Богу:
У неба я тебѣ прошу
Лишь аппетита на дорогу.

ИНОСТРАНЦѢ.

(въ альбомѣ г-жѣ ризничѣ).

На языкѣ, тебѣ невнятною,
Стихи прощальные пишу;

Но въ заблужденіи пріятномъ
 Вниманья твоего прошу:
 Мой другъ, доколѣ не увяну
 Въ разлукѣ, чувство погубя.
 Боготворить не перестану
 Тебя, мой другъ, одну тебя!
 На чуждыя черты взирая,
 Вѣрь только сердцу моему,
 Какъ прежде вѣрила ему,
 Его страстей не понимая.

19 мая 1824.

ИСПАНСКІЙ РОМАНСЪ.

Ночной зефиръ
 Струитъ эфиръ,
 Шумитъ,
 Бѣжитъ
 Гвадалквивиръ.

Вотъ возшла луна золотая,
 Тихе!... чу.... гитары звонъ.
 Вотъ Испанка молодая
 Оперлася на балконъ.

Ночной зефиръ
 Струитъ эфиръ,
 Шумитъ,
 Бѣжитъ
 Гвадалквивиръ.

Скинь мантилью, ангелъ милый,
 И явись какъ яркій день!

Сквозь чугуныя перилы
 Ножку дивную продѣнь!

Ночной эфиръ
 Струить эфиръ,
 Шумить,
 Бѣжить
 Гвадалквивиръ.

КЪ МОРЮ.

Прощай, свободная стихія!
 Въ послѣдній разъ передо мной
 Ты катишь волны голубыя
 И блещешь гордою красой.

Какъ друга ропоть заунывный,
 Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
 Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
 Услышалъ я въ послѣдній разъ.

Моей души предѣлъ желанный!
 Какъ часто по брегамъ твоимъ
 Бродилъ я тихій и туманный,
 Завѣтнымъ умысломъ томимъ!

Какъ я любилъ твои отзывы,
 Глухіе звуки, бездны гласъ,
 И тишину въ вечерній часъ,
 И своенравные порывы!

Смиранный парусъ рыбарей,
 Твоею прихотью хранимый,

Скользить отважно средь зыбей;
Но ты взыгралъ, неодолимый,
И стая тонетъ кораблей!

Не удалось на вѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный брегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтическій побѣгъ.

Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ,
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я.

О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ.

Одна скала, гробница славы....
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы,
Тамъ угасалъ Наполеонъ!

Тамъ онъ почилъ среди мученій.
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ.

Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ!

Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:

Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
 Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Миръ опустѣлъ... Теперь куда же
 Меня бъ ты вынесъ, океанъ?
 Судьба земли повсюду та же,
 Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
 Коварство, злоба и

Прощай же, море! Не забуду
 Твоей торжественной красы,
 И долго, долго слышать буду
 Твой гулъ въ вечерніе часы.

Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
 Перенесу, тобою полнъ,
 Твои скалы, твои заливы,
 И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.

ПРОЗЕРПИНА.

(ПОДРАЖАНІЕ ПАРНИ).

Плещутъ волны Флегетона,
 Своды Тартара дрожатъ:
 Кони блѣднаго Плутона
 Быстро къ нимфамъ Пеліона
 Изъ Аида бога мчатъ.
 Вдоль пустыннаго залива
 Прозерпина вслѣдъ за нимъ,
 Равнодушна и ревнива,
 Потекла путемъ однимъ.
 Предъ богинею колѣна

Робко юноша склонилъ.
 И богинямъ льститъ измѣна:[•]
 Прозерпинѣ смертный миль.
 Ада гордая царица
 Взоромъ юношу зоветъ,
 Обняла, и колесница
 Ужъ къ Аиду ихъ несетъ.
 Мчатся, облакомъ одѣты;
 Видятъ вѣчные луга,
 Элизей и томной Леты
 Усыпленные брега.
 Тамъ безсмертье, тамъ забвенье,
 Тамъ утѣхамъ нѣтъ конца.
 Прозерпина въ упоеньѣ,
 Безъ порфиры и вѣнца,
 Повинуется желаньямъ,
 Предастъ его лобзаньямъ
 Сокровенныя красы,
 Въ сладострастной нѣгѣ тонеть,
 И молчитъ и томно стонеть....
 Но бѣгутъ любви часы....
 Плещутъ волны Флегетона,
 Своды Тартара дрожать:
 Кони блѣднаго Плутона
 Быстро мчатъ его назадъ,
 И Кереры дочь уходитъ,
 И счастливца за собой
 Изъ Элизія выводитъ
 Потаенною тропой;
 И счастливецъ отпираетъ
 Осторожною рукой
 Дверь, откуда вылетаетъ
 Сновидѣній ложный рой.

29 августа 1824.

АКВИЛОНЪ.

Зачѣмъ ты, грозный аквилонъ,
Тростникъ болотный долу клонишь?
Зачѣмъ на дальній небосклонъ
Ты облако столь гнѣвно гонишь?

Недавно черныхъ тучъ грядой
Сводъ неба глухо облекался;
Недавно дубъ надъ высотой
Въ красѣ надменной величался.

Но ты поднялся, ты взыгралъ,
Ты прошумѣлъ грозой и славой —
И бурны тучи разогналъ,
И дубъ низвергнулъ величавой.

Пускай же солнца ясный ликъ
Отнынѣ радостью блистаетъ,
И облакомъ зефиръ играетъ,
И тихо зыблется тростникъ.

Михайловское 1824.

ВЕСЕЛЫЙ ПИРЪ.

Я люблю вечерній пиръ,
Гдѣ веселье предсѣдатель,
А свобода, мой кумиръ,
За столомъ законодатель,
Гдѣ до утра слово *пей*
Заглушаетъ крики пѣсень,
Гдѣ просторенъ кругъ гостей,
А кружокъ бутылокъ тѣсень!

РАЗГОВОРЪ КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.

Книгопродавецъ.

Стишки для васъ одна забава,
Неможно стоитъ вамъ присѣсть.
Ужъ разгласить успѣла слава
Вездѣ пріятнѣйшую вѣсть:
Поэма, говорятъ, готова,
Плодъ новыхъ умственныхъ затѣй.
И такъ рѣшите, жду я слова,
Назначьте сами цѣну ей.
Стишки любимца Музъ и Грацій
Мы вмигъ рублями замѣнимъ,
И въ пукъ наличныхъ ассигнацій
Листочки наши обратимъ.
О чемъ вздохнули такъ глубоко,
Нельзя ль узнать?

Поэтъ.

Я былъ далеко:

Я время то воспоминалъ,
Когда, надеждами богатый,
Поэтъ безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ платы.
Я видѣлъ вновь пріюты скалъ,
И темный кровъ уединенья,
Гдѣ я на пиръ воображенья,
Бывало, Музу призывалъ.
Тамъ слаще голосъ мой звучалъ;
Тамъ долѣ яркія видѣнья,
Съ неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
Въ часы ночнаго вдохновенья.

Все волновало нѣжный умъ:
 Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
 Вѣтви часовнѣ ветхой бури шумъ,
 Старушки чудное преданье.
 Какой-то демонъ обладалъ
 Моими играми, досугомъ;
 За мной повсюду онъ леталъ,
 Мнѣ звуки дивныя шепталъ,
 И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
 Была полна моя глава;
 Въ ней грезы чудныя раждались;
 Въ размѣры стройныя стекались
 Мои послушныя слова
 И звонкой рифмой замыкались.
 Въ гармоніи соперникъ мой
 Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихоръ буйной,
 Иль иволги напѣвъ живой,
 Иль ночью моря гулъ глухой,
 Иль шепотъ рѣчки тихоструйной.
 Тогда, въ безмолвіи трудовъ,
 Дѣлиться не былъ я готовъ
 Съ толпою пламеннымъ восторгомъ,
 И Музы сладостныхъ даровъ
 Не унижалъ постыднымъ торгомъ;
 Я былъ хранитель ихъ скупой:
 Такъ точно въ гордости нѣмой,
 Отъ вздоровъ черни лицемѣрной,
 Дары любовницы молодой
 Хранить любовникъ суевѣрной.

Книгопродавецъ.

Но слава замѣнила вамъ,
 Мечтанья тайнаго отрады;
 Вы разошлись по рукамъ,
 Межъ тѣмъ, какъ пыльныя громады

Лежалой прозы и стиховъ
 Напрасно ждуть себѣ чтецовъ
 И вѣтряной ея награды.

Поэтъ.

Блаженъ, кто про себя тайлъ
 Души высокія созданья,
 И отъ людей, какъ отъ могилъ,
 Не ждалъ за чувство воздаянья!
 Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
 И, терномъ славы неувитый,
 Презрѣнной чернью забытый,
 Безъ имени покинулъ свѣтъ!
 Обманчивѣй и сновъ надежды,
 Что слава? Шепотъ ли чтеца,
 Гоненье ль низкаго невѣжды,
 Иль восхищеніе глупца?

Книгопродавецъ.

Лордъ Байронъ былъ того же мнѣнья;
 Жуковский тоже говорилъ:
 Но свѣтъ узналъ и раскупилъ
 Ихъ сладкозвучныя творенья.
 И впрямь, завиденъ вашъ удѣлъ:
 Поэтъ казнить, поэтъ вѣнчаетъ,
 Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣлъ
 Въ потомствѣ дальнемъ поражаетъ.
 Героевъ утѣшаетъ онъ;
 Съ Коринной на Киеерскій тронъ
 Свою любовницу возноситъ.
 Хвала для васъ докучный звонъ;
 Но сердце женщинъ славы просить:
 Для нихъ пишите: ихъ ушамъ
 Пріятна лестъ Анакреона;

Въ младыя лѣта розы намъ
Дороже лавровъ Геликона.

Поэтъ.

Самолюбивыя мечты,
Утѣхи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,
Искалъ вниманья красоты.
Мои слова, мои напѣвы,
Коварной силой иногда
Смирять умѣли въ сердцѣ дѣвы
Волненье страха и стыда.
Глаза прелестныя читали
Меня съ улыбкою любви;
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои:
Но полно, въ жертву имъ свободы
Мечтатель ужъ не принесетъ;
Пускай ихъ юноша поетъ,
Любезный баловень природы,
Что мнѣ до нихъ? Теперь въ глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Стонъ лиры вѣрной не коснется
Ихъ легкой, вѣтряной души;
Нечисто въ нихъ воображенье,
Не понимаетъ насъ оно,
И, признакъ Бога — вдохновенье,
Для нихъ и чуждо, и смѣшно.
Когда на память мнѣ неволью
Прійдетъ внушенный ими стихъ,
Я содрогаюсь, сердцу больно,
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему несчастный я стремился?
Предъ кѣмъ унижилъ гордый умъ?

Кого восторгомъ чистыхъ думъ
 Боготворить не устыдился?
 Ахъ лира, лира! что же ты
 Мое безумство разгласила?
 Ахъ если бъ Лета поглотила
 Мои летучія мечты!

Книгопродавецъ.

Люблю вашъ гнѣвъ. Таковъ поэтъ!
 Причины вашихъ огорченій
 Мнѣ знать нельзя; но исключеній
 Для милыхъ дамъ ужели нѣтъ?
 Ужели ни одна не стоитъ
 Ни вдохновенья, ни страстей,
 И вашихъ пѣсень не присвоить
 Всесильной красотѣ своей?
 Молчите вы?

Поэтъ.

Зачѣмъ поэту
 Тревожить сердца тяжкій сонъ?
 Безплодно память мучить онъ.
 И что жъ, какое дѣло свѣту?
 Я всѣмъ чужой. Душа моя
 Хранить ли образъ незабвенный?
 Любви блаженства зналъ ли я?
 Тоскою ль долгой изнуренный,
 Таилъ я слезы въ тишинѣ?
 Гдѣ ты была, которой очи,
 Какъ небо, улыбались мнѣ?
 Вся жизнь, одна ли, двѣ ли ночи?

И что жъ? Довучный стонъ любви,
 Слова покажутся мои

Безумца дикимъ лепетаньемъ.
 Тамъ сердце ихъ пойметъ одно,
 И то съ печальнымъ содроганьемъ.
 Судьбою такъ ужъ рѣшено.
 Съ кѣмъ подѣлюсь я вдохновеньемъ?
 Одна была. — предъ ней одной
 Дышалъ я чистымъ упоеньемъ
 Любви поэзіи святой.
 Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ листъ чудесный,
 Гдѣ льются вѣчныя струи,
 Я находилъ огонь небесный,
 Старая жаждою любви.
 Ахъ, мысль о той души завялой
 Могла бы юность оживить,
 И сны поэзіи бывалой
 Толпою снова возмутить!
 Она одна бы разумѣла
 Стихи неясные мои;
 Одна бы въ сердцѣ пламенѣла
 Лампадой чистою любви.
 Увы, напрасныя желанья!
 Она отвергла заклинанья,
 Мольбы, тоску души моей,
 Земныхъ восторговъ изліянье,
 Какъ божеству не нужно ей.

Книгопродавецъ.

И такъ, любовью утомленной,
 Наскуча лепетомъ молвы,
 Заранѣ отказались вы
 Отъ вашей лиры вдохновенной.
 Теперь, оставя шумный свѣтъ,
 И Музъ, и вѣтряную моду,
 Что жъ изберете вы?

Поэтъ.

Свободу!

Книгопродавецъ.

Прекрасно. Вотъ же вамъ совѣтъ,
 Внемлите истинѣ полезной:
 Нашъ вѣкъ торгашъ; въ сей вѣкъ желѣзной
 Безъ денегъ и свободы нѣтъ.
 Что слава? Яркая заплата
 На ветхомъ рубищѣ пѣвца.
 Намъ нужно злата, злата, злата,
 Копите злато до конца!
 Предвижу ваше возраженье;
 Но васъ я знаю, господа:
 Вамъ ваше дорого творенье,
 Пока на пламени труда
 Кишитъ, бурлитъ воображенье;
 Оно застынетъ, и тогда
 Постыло вамъ и сочиненье.
 Позвольте просто вамъ сказать —
 Не продается вдохновенье,
 Но можно рукопись продать.
 Что жъ медлить? Ужъ ко мнѣ заходятъ
 Нетерпѣливые чтецы;
 Вкругъ лавки журналисты бродятъ,
 За ними тощіе пѣвцы:
 Кто просить пищи для сатиры,
 Кто для души, кто для пера.
 И, признаюсь, отъ вашей лиры
 Предвижу много я добра.

Поэтъ.

Вы совершенно правы. Вотъ вамъ моя рукопись.
 Условимся.

26 сентября, въ Михайловскомъ.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

Издравле сладостный союз
Поэтовъ жежь собой связуетъ —
Они жрецы единыхъ Музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ;
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью,
Языковъ: близокъ я тебѣ!
Давно бѣ на Дерптскую дорогу
Я вышелъ утренней порой,
И къ благосклонному порогу
Понесъ тяжелый посохъ мой,
И возвратился бѣ оживленный
Картиной беззаботныхъ дней,
Бесѣдой вольной вдохновенный
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играетъ счастье:
Давно безъ крова я ношусь,
Куда подуетъ самовластье:
Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь.
Теперь одинъ въ глухомъ изгнаньи,
Влачу томительные дни.
Услышь, поэтъ, мое призванье,
Моихъ надеждъ не обмани:
Въ деревнѣ, гдѣ Петра питомецъ,
Царей, Царицъ любимый рабъ
И ихъ забытый однодомецъ,
Скрывался прадедъ мой, Арабъ,
Гдѣ, позабывъ Елисаветы
И дворъ, и пышные обѣты,
Подъ сѣнью липовыхъ аллей

Онъ думалъ въ охлажденны лѣты
 О дальней Африкѣ своей,
 Я жду тебя. Тебя со мною
 Обниметь въ сельскомъ шалашѣ
 Мой братъ по крови, по душѣ,
 Шалунъ, замѣченный тобою;
 И Музъ возвышенный пророкъ
 Нашъ Дельвигъ все для насъ оставить,
 И наша троица прославить
 Изгнанья темный уголокъ.
 Надзоръ обманемъ караульной,
 Восхвалимъ вольности дары
 И нашей юности разгульной
 Пробудимъ шумные пиры,
 Вниманье дружное преклонимъ
 Ко звону рюмокъ и стиховъ,
 И скуку зимнихъ вечеровъ
 Виномъ и пѣснями прогонимъ.

Михайловское, 20 сентября 1824.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ А. Н. ВУЛЬФУ.

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!
 Приѣзжай сюда зимой,
 Да Языкова поэта
 Затащи ко мнѣ съ собой —
 Погулять верхомъ порой,
 Пострѣлять изъ пистолета!
 Лайонъ, мой курчавый братъ,
 (Не Михайловскій прикащикъ)
 Привезетъ намъ, право, кладъ!...
 Что?... Бутылокъ полный ящикъ!

Запируемъ ужъ, молчи!
Чудо — жизнь анахорета!
Въ Троегорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта,
Дни любви посвящены,
Ночью царствуютъ стаканы;
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

КОВАРНОСТЬ.

Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей
Отвѣтствуетъ язвительнымъ молчаньемъ,
Когда свою онъ отъ руки твоей,
Какъ отъ змѣи, отдернетъ съ содроганьемъ,
Какъ, на тебя взоръ острый пригвоздя,
Качаетъ онъ съ презрѣньемъ головою,
Не говори: «онъ боленъ, онъ дитя,
Онъ мучится безумною тоскою»;
Не говори: «неблагодаренъ онъ;
Онъ слабъ и золъ, онъ дружбы недостоинъ;
Вся жизнь его какой-то тяжкій сонъ....»
Уже ль ты правъ? Уже ли ты спокоенъ?
Ахъ, если такъ, онъ въ прахъ готовъ упасть,
Чтобъ вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблялъ на злобное гоненье;
Но если ты затѣйливо язвилъ
Пугливое его воображенье,
И гордую забаву находилъ,
Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженьѣ;
Но если самъ презрѣнной клеветы

Ты про него невидимымъ былъ эхомъ,
 Но если цѣпь ему накинута ты,
 И соннаго врагу предашь со смѣхомъ,
 И онъ прочелъ въ нѣмой душѣ твоей
 Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ:
 Тогда ступай, не трать пустыхъ рѣчей —
 Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

ПРИЗНАНІЕ.

(къ АЛЕКСАНДРѢ ИВАНОВИЧѢ ОСИПОВОЙ).

Я васъ люблю, хоть я бѣшусь,
 Хоть это трудъ и стыдъ напрасной:
 И въ этой глупости несчастной
 У вашихъ ногъ я признаюсь!
 Мнѣ не къ лицу и не по лѣтамъ....
 Пора, пора мнѣ быть умнѣй!
 Но узнаю по всѣмъ примѣтамъ
 Болѣзнь любви въ душѣ моей:
 Безъ васъ мнѣ скучно, я зѣваю;
 При васъ мнѣ грустно, я терплю;
 И мочи нѣтъ, сказать желаю,
 Мой ангелъ, какъ я васъ люблю!
 Когда я слышу изъ гостиной
 Вашъ легкій шагъ, иль платья шумъ,
 Иль голосъ дѣвственный, невинной,
 Я вдругъ теряю весь свой умъ.
 Вы улыбнетесь — мнѣ отрада;
 Вы отвернетесь — мнѣ тоска.
 За день мученія — награда
 Мнѣ ваша блѣдная рука.
 Когда за пальцами прилежно

Сидите вы, склонясь небрежно,
 Глаза и кудри опустя,
 Я въ умиленьи, молча, нѣжно,
 Любуюсь вами какъ дитя!...
 Сказать ли вамъ мое несчастье,
 Мою ревнивую печаль,
 Когда гулять, порой, въ ненастье,
 Вы собираетесь въ даль?
 И ваши слезы въ одиночку,
 И рѣчи въ уголку вдвоемъ,
 И путешествіе въ Опочку,
 И фортепяно вечеркомъ!
 Алина, сжаьтесь надо мною!
 Не смѣю требовать любви:
 Быть можетъ, за грѣхи мои,
 Мой ангелъ, я любви не стою!
 Но притворитесь: этотъ взглядъ
 Все можетъ выразить такъ чудно!
 Ахъ, обмануть меня не трудно:
 Я самъ обманываться радъ!...

ПОДРАЖАНІЕ КОРАНУ¹⁾).

(посвящено п. а. осиповой).

I.

Клянусь четой и нечетой,
 Клянусь мечемъ и правой битвой,

---

¹⁾ «Нечестивые, пишетъ Магометъ (глава *Награды*), думаютъ, что коранъ есть собраніе новой лжи и старыхъ басень.» Мнѣніе сихъ *нечестивыхъ* конечно справедливо; но, не смотря на сіе,

Клянуся утренней звѣздой,
Клянусь вечернею молитвой: ²⁾

Нѣтъ, не покинулъ я тебя.
Кого же въ сѣнь успокоенья
Я ввелъ, главу его любя,
И скрылъ отъ зоркаго гоненья?

Не я ль въ день жажды напоилъ
Тебя пустынными водами?
Не я ль языкъ твой одарилъ,
Могучей властью надъ умами?

Мужайся жъ, презирай обманъ,
Стезею правды бодро слѣдуй,
Люби сиротъ, и мой коранъ
Дрожащей твари проповѣдуй.

II.

О жены чистыя пророка,
Отъ всѣхъ вы женъ отличены:
Страшна для васъ и тѣнь порока.
Подъ сладкой сѣнью тишины
Живите скромно; вамъ пристало
Безбрачной дѣвы покрывало.
Храните вѣрныя сердца

многія нравственныя истины изложены въ коранѣ сильнымъ и поэтическимъ образомъ. Здѣсь предлагается нѣсколько вольныхъ подражаній. Въ подлинникѣ Алла вездѣ говоритъ отъ своего имени, а о Магометѣ упоминается только во второмъ или третьемъ лицѣ.

²⁾ Въ другихъ мѣстахъ корана, Алла клянется копытами кобылицъ, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродѣтелю и порокомъ, ангелами и человекомъ, и проч. Странный сей риторическій оборотъ встрѣчается въ коранѣ поминутно

Для нѣгъ законныхъ и стыдливыхъ,
 Да взоръ лукавый нечестивыхъ
 Не узритъ вашего лица.

А вы, о гости Магомета!
 Стекаясь къ вечера его,
 Брегитесь суетами свѣта
 Смутить пророка моего.
 Въ пареньи думъ благочестивыхъ,
 Не любить онъ велерѣчивыхъ
 И словъ нескромныхъ и пустыхъ;
 Почтите пиръ его смиреньемъ,
 И цѣломудреннымъ склоненьемъ
 Его невольницъ молодыхъ.³⁾

III.

Смутясь нахмурился пророкъ,
 Слѣнца послышавъ приближенъе;⁴⁾
 Бѣжитъ, да не дерзнетъ порокъ
 Ему являть недоумѣнье.

Съ небесной книги списокъ данъ
 Тебѣ, пророкъ, не для строптивыхъ;
 Спокойно возвѣщай коранъ,
 Не понуждая нечестивыхъ!

Почто жъ кичится человекъ?
 За то ль, что нагъ на свѣтъ явился,

---

³⁾ «Мой пророкъ, прибавляетъ Алла, вамъ этого не скажетъ, ибо онъ весьма учтивъ и скромнень; но я не имѣю нужды съ вами, чиниться.» и проч. Ревность Араба такъ и дышитъ въ сихъ заповѣдяхъ.

⁴⁾ Изъ книги: *Слѣпецъ*

Что дышитъ онъ недолгій вѣкъ,
 Что слабъ умереть, какъ слабъ родился?

За то ль, что Богъ и умертвить
 И воскресить его по волѣ?
 Что съ неба дни его хранить
 И въ радостяхъ, и въ горькой долѣ?

За то ль, что далъ ему плоды,
 И хлѣбъ, и финикъ, и оливу,
 Благословивъ его труды
 И вертоградъ, и холмъ, и ниву?

Но дважды ангелъ вострубитъ;
 На землю громъ небесный грянетъ:
 И братъ отъ брата побѣжитъ,
 И сынъ отъ матери отпрянетъ.

И всѣ предъ Бога притекутъ,
 Обезображенные страхомъ,
 И нечестивые падутъ
 Покрты пламенемъ и прахомъ

IV.

Съ Тобою древле, о Всесильный,
 Могучій состязаться мнилъ,
 Безумной гордостью обильный;
 Но ты, Господь, его смирилъ,
 Ты рекъ: Я міру жизнь дарую,
 Я смертью землю наказую,
 На все подъята длань Моя.
 Я также, рекъ онъ, жизнь дарую,
 И также смертью наказую:
 Съ тобою, Боже, равенъ я.
 Но смогла похвальба порока

Отъ слова гнѣва Твоего:
Подъемлю солнце я съ востока,
Съ заката подыми его.

V.

Земля недвижна; неба своды,
Творецъ, поддержаны Тобой,
Да не падутъ на сушь и воды
И не подавятъ насъ собой.⁵⁾

Зажегъ ты солнце во вселенной,
Да свѣтитъ небу и землѣ,
Какъ лень, елеемъ напоенной,
Въ лампадномъ свѣтитъ хрусталѣ.

Творцу молитесь, Онъ могучій,
Онъ править вѣтромъ, въ знойный день
На небо насылаетъ тучи,
Даетъ землѣ древесну сѣнь.

Онъ милосердъ; Онъ Магомету
Открылъ сіяющій коранъ,
Да притечемъ и мы ко свѣту,
И да падетъ съ очей туманъ.

VI.

Не даромъ вы приснились мнѣ
Въ бою съ обритыми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башнѣ, на стѣнѣ.

---

⁵⁾ Плохая физика: но за то какая смѣлая поэзія.

Внемлите радостному вличу,
 О дѣти пламенныхъ пустынь!
 Ведите въ плѣнъ младыхъ рабынь,
 Дѣлите бранную добычу!

Вы побѣдили — слава вамъ,
 А малодушнымъ посмѣянье.
 Они на бранное призванье
 Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.

Прельстясь добычей боевою,
 Теперь въ раскаяньи своемъ
 Рекутъ: возьмите насъ съ собою;
 Но вы скажите: не возьмемъ.

Блаженны падшіе въ сраженьи.
 Теперь они вошли въ эдемъ,
 И потонули въ наслажденьи
 Неотравляемомъ ничѣмъ.

VII.

Возстань, боязливый!
 Въ пещерѣ твоей
 Святая лампада
 До утра горитъ.
 Сердечной молитвой,
 Пророкъ, удали
 Печальныя мысли,
 Лукавыя сны!
 До утра молитву
 Смиренно твори;
 Небесную книгу
 До утра читай!

VIII.

Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою,
 Не сыпь своихъ даровъ расчетливой рукою:
 Щедрота полная угодна небесамъ.
 Въ день грознаго суда, подобно нивѣ тучной,
 О сѣятель благополучной,
 Сторицею воздастъ она твоимъ трудамъ.

Но если, пожалѣвъ трудовъ земныхъ стяжанья,
 Вручая нищему скупое подаянье,
 Сжимаешь ты свою завистливую длань;
 Знай: всѣ твои дары, подобно горсти пыльной,
 Что съ камня моетъ дождь обильной,
 Исчезнутъ — Господомъ отверженная дань.

IX.

И путникъ усталый на Бога ропталъ,
 Онъ жаждой томился и тѣни алкалъ.
 Въ пустынь блуждая три дня и три ночи,
 И зноемъ, и пылью тягчимые очи
 Съ тоской безнадежной водилъ онъ вокругъ,
 И впадезь подъ пальмою видитъ онъ вдругъ.

И къ пальмѣ пустынной онъ бѣгъ устремилъ,
 И жадно холодной струей освѣжилъ
 Горѣвшіе тяжко языкъ и зѣницы,
 И легъ, и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы;
 И многіе годы надъ нимъ протекли,
 По волѣ Владыки небесъ и земли.

Насталъ пробужденья для путника часъ;
 Встаетъ онъ и слышитъ невѣдомый гласъ:
 «Давно ли въ пустынь заснулъ ты глубоко?»

И онъ отвѣчаетъ: ужъ солнце высоко
На утреннемъ небѣ сіяло вчера;
Съ утра я глубоко проспалъ до утра.

Но голосъ: «о путникъ, ты долѣе спалъ,
Взгляни: легъ ты молодъ, а старцемъ возсталъ;
Ужъ пальма истлѣла, а кладезь холодной
Изякъ и засохнулъ въ пустынѣ безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости бѣлѣютъ ослицы твоей.»

И горемъ объятый мгновенный старикъ,
Рыдая, дрожащей главою поникъ....
И чудо въ пустынѣ тогда совершилось:
Минувшее въ новой красѣ оживилось;
Вновь зыблется пальма тѣнистой главою;
Вновь кладезь наполненъ прохладой и мглой.

И ветхія кости ослицы встаютъ,
И тѣломъ одѣлись, и ревъ издаютъ;
И чувствуетъ путникъ и силу, и радость;
Въ крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь,
И съ Богомъ онъ далѣ пускается въ путь.

УЗНИКЪ.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный въ неволѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ.

Клюетъ и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно;

Зоветь меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
И вымолвить хочетъ: «давай улетимъ!»

«Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
Туда, гдѣ гуляемъ.... лишь вѣтеръ да я!»

ПОДРАЖАНІЕ А. ШЕНЬЕ.

(Jeune fille, ton coeur avec nous veut se taire....)

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снѣдаетъ;
На дѣвственныхъ устахъ улыбка замираетъ.
Давно твоей иглой узоры и цвѣты
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знатокъ въ дѣвической печали!
Давно глаза мои въ душѣ твоей читали.
Любви не утаишь: мы любимъ, и какъ насъ,
Дѣвицы нѣжныя, любовь волнуетъ васъ.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, межъ ними,
Красавецъ молодой, съ очами голубыми,
Съ кудрями черными?... Краснѣешь? Я молчу,
Но знаю, знаю все; и если захочу,
То назову его. Не онъ ли вѣчно бродитъ
Вкругъ дома твоего и взоръ къ окну возводитъ?
Ты тайнѣ ждешь его. Идетъ, и ты бѣжишь,
И долго вслѣдъ за нимъ, незримая, глядишь.
Никто на праздникъ блистательнаго Мая,
Межъ колесницами роскошными летая,
Никто изъ юношей свободнѣй и смѣлѣй
Не властвуетъ конемъ по прихоти своей.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КЪ АРИСТАРХУ.

Угрюмый сторожь музъ, гонитель давній мой,
Сегодня разсуждать задумалъ я съ тобой.
Не бойся, не хочю прельщенный мыслью ложной
Ценсуру поносить худой неосторожной —
Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
У насъ писатели я знаю каковы;
Ихъ мыслей не тѣснить ценсурная расправа,
И чистая душа передъ тобою права.
Во-первыхъ, искренно я признаюсь тебѣ,
Не рѣдко о твоей жалѣю я судьбѣ:
Людской безсмыслицы присяжный толкователь.
Хвостова, Буниной единственный читатель,
Ты вѣчно разбирать обязанъ за грѣхи
То прозу глупую, то глупые стихи.
Россійскихъ авторовъ нелегкое встревожить:
Тотъ Англійскій романъ съ Французскаго предложить,
Тотъ оду сочинить, потѣя да кряхтя,
Иной трагедію напишетъ намъ шутя —
До нихъ намъ дѣла нѣтъ, а ты читай, бѣсися,
Зѣвай, сто разъ засни, а послѣ подпишися.
Такъ — Ценсоръ мученикъ! Порой захочетъ онъ
Умъ чтеньемъ освѣжить: Руссо, Вольтеръ, Бюфонъ,
Державинъ, Карамзинъ манять его желанье —
А долженъ посвятить бесплодное вниманье
На бредни новыя какого-то враля,
Которому досугъ пѣть рощи, да поля....
Да связь утрати въ нихъ ищи ее сначала,
Или вымарывай изъ тощаго журнала
Насмѣшки грубыя и площадную брань:
Учтивыхъ остряковъ затѣйливую дань.

Но Ценсоръ гражданинъ, и санъ его священнѣй!
Онъ долженъ умъ имѣть прямой и просвѣщенный;
Онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ;
Но мнѣнья не тѣснить и разумъ терпитъ онъ.
Блюститель тишины, приличія и нравовъ
Не преступаетъ самъ начертанныхъ уставовъ;
Закону преданный, отечество любя,
Принять отвѣтственность умѣетъ на себя;
Полезной истинѣ путей не заграждаетъ,
Живой поэзіи развиться не мѣшаетъ;
Онъ другъ писателю, предъ знатію не трусливъ,
Благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ.
А ты, глупецъ и трусъ! что дѣлаешь ты съ нами?
Гдѣ должно бѣ умствовать, ты хлопаешь глазами,
Не понимая насъ, мараешь и дерешь;
Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь,
Сатиру — пасквилемъ, поэзію — развратомъ,
Гласъ правды — мятежомъ, Кюницына — Маратомъ,
Рѣшилъ — а тамъ поди, хоть на тебя проси!
Скажи, не стыдно ли, что на святой Руси,
Благодаря тебя, не видимъ книгъ доселѣ?
И если говорить задумаешь о дѣлѣ,
То, славу русскую и русскій умъ любя,
Самъ государь велитъ печатать безъ тебя.
Остались намъ стихи, поэмы, тріолеты,
Баллады, басенки, элегіи, куплеты,
Досуговъ и любви невинныя мечты,
Воображенія минутныя цвѣты....
О, варваръ! Кто изъ насъ, владѣлецъ русской лиры,
Не проклиналъ твоей губительной сѣкиры?
Докучнымъ евнухомъ ты бродишь между музъ:
Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ,
Ни слогъ пѣвца «Пировъ», столь чистый, благо-
родный —
Ничто не трогаетъ души твоей холодной!

На все кидаешь ты косою, невѣрный взглядъ,
Подозрѣвая всѣхъ — во всемъ ты видишь ядъ.
Оставь, пожалуй, трудъ ни мало не похвальный:
Парнасъ не монастырь и не гаремъ печальный,
И право никогда искусный коновальъ,
Излишней пылкости Пегаса не лишальъ.
Чего боишься ты? Повѣрь мнѣ, чьи забавы —
Осмѣивать законъ, правительство и нравы,
Тотъ не подвергнется взысканью твоему,
Тотъ незнакомъ тебѣ, всѣ знаютъ почему,
И рукопись его, не погибая въ Летѣ,
Безъ подписи твоей разгуливаетъ въ свѣтѣ.
Барковъ шутовыхъ одъ къ тебѣ не посылальъ,
Радищевъ рабства врагъ, цензуры избѣжалъъ,
И Пушкина стихи въ печати не бывали —
Что нужды? ихъ и такъ иные прочитали.
Но ты свое несешь! и въ нашъ премудрый вѣкъ,
Едва ли Шаликовъ не вредный человекъ.
Зачѣмъ себя и насъ терзаешь безъ причины?
Скажи, читаль ли ты Наказъ Екатерины?
Прочти, пойми его, увидишь ясно въ немъ
Свой долгъ, свои права, пойдешь инымъ путемъ;
Въ глазахъ Монархини сатирикъ превосходной
Невѣжество казнилъ въ комедии народной,
Хоть въ узкой головѣ придворнаго глупца
Кутейкинъ и Х.... два равныя лица.
Державинъ, бичъ вельможъ, при звукѣ грозной лиры
Ихъ горделивые разоблачилъ кумиры.
Хемницеръ истину съ улыбкой говорилъ.
Наперсникъ Душеньки двусмысленно шутилъ,
Киприду иногда являлъ безъ покрывала —
И никому изъ нихъ цензура не мѣшала.
Ты что же хмуришься? Признайся, въ наши дни
Съ тобой не такъ легко бѣ раздѣлялись они.
Ты въ этомъ виноватъ. Передъ тобой зеркало —

Дней Александровыхъ прекрасное начало:
Провѣдай — что въ тѣ дни произвела печать!
На проприщѣ ума нельзя намъ отступать....
Старинной глупости мы праведно стыдимся,
Ужели къ тѣмъ годамъ мы снова обратимся,
Когда никто не смѣлъ отечества назвать,
И въ рабствѣ ползали и люди и печать!
Нѣтъ, нѣтъ! оно прошло, губительное время,
Когда невѣжества несла Россія бремя;
Гдѣ славный Карамзинъ снискалъ себѣ вѣнецъ,
Тамъ цензоромъ уже не можетъ быть глупецъ.
Исправся жъ, будь умнѣй и примирился съ нами.
«Все правда», скажешь ты, «не стану спорить съ
вами;
Но можно ль мнѣ, друзья, по совѣсти судить?
Я долженъ то того, то этого щадить.
Конечно, вамъ смѣшно, а я нерѣдко плачу,
Читаю, да крещусь — мараю наудачу....
На все есть мода, вкусъ. Бывало, напимѣръ,
У насъ въ большой чести Бентамъ, Руссо, Вольтеръ,
А нынче и Миллотъ попался въ наши сѣти.
Я бѣдный человекъ; къ тому жъ жена и дѣти....»
Жена и дѣти, другъ, повѣрь — большое зло:
Отъ нихъ все скверное у насъ произошло!
Но дѣлать нечего! Такъ если не возможно
Домой тебѣ скорѣй убраться осторожно
И службою своею ты нуженъ для Царя,
Хоть умнаго себѣ возьми секретаря.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ КЪ АРИСТАРХУ.

На скользкомъ поприщѣ Тимковскаго наслѣдникъ,
 Позволь обнять себя, мой прежній собесѣдникъ!
 Недавно тяжкою ценсурой угнетенъ,
 Послѣднихъ жалкихъ правъ безъ милости лишенъ,
 Со всею братіей гонимый совокупно,
 Я, вспыхнувъ, говорилъ тебѣ немного крупно:
 Потѣшилъ языка бранчивую свербежъ;
 Но извини меня, мнѣ было не въ терпежъ.
 Теперь въ моей глуши журналы раздирая,
 И бѣдной братіи стишонки разбирая
 (А благо мнѣ читать теперь большой досугъ)
 Обрадовался я, по нимъ замѣтя вдругъ
 Въ тебѣ и правила, и мыслей образъ новый.
 Ура! ты заслужилъ вѣнокъ себѣ лавровый
 И твердостью души, и смѣлостью ума!
 Какъ изумилася поэзія сама,
 Когда ты разрѣшилъ, по милости чудесной,
 Завѣтныя слова: божественный, небесный —
 И ими назвалась (для риѣмы) красота....

Но что же вдругъ тебя, скажи, перемѣнило,
 И нрава твоего кичливость умирило?
 Свои посланія хоть очень я люблю,
 Хоть знаю, что прочелъ ты жалобу мою;
 Но подразнивъ тебя, я перемѣной сею
 Пріятно изумленъ, гордиться не посмѣю.
 Отнесся я къ тебѣ по долгу моему;
 Но мнѣ ль исправить васъ? Нѣтъ, вѣдаю кому
 Сей важной новостью обязана Россія.
 Обдумавъ наконецъ намѣренья благія,
 Министра честнаго нашъ добрый Царь избралъ;

Шашковъ уже наукъ правленье воспріялъ.
Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года;
Одинъ, среди вельможъ, онъ русскихъ музъ любилъ:
Ихъ незамѣченныхъ, созвалъ, соединилъ;
Отъ хлада нашихъ лѣтъ сберегъ онъ лавръ единый
Осиротѣлаго вѣнца Екатерины.
Онъ сѣтовалъ, когда одинъ святой отецъ
Омара да Али принявъ за образецъ,
Въ угоду Господу, себѣ во утѣшенье,
Усердно заглушать старался просвѣщенье;
Благочестивая, смиреннѣйшая душа
Карала чистыхъ Музъ, спасая Бантыша,
И помогалъ ему Магницкѣй благородный,
Мужъ чистый въ правилахъ, съ душою превосходной,
И даже бѣдный мой К... дурачекъ,
Креститель Галича, Магницкаго дьячокъ.
И вотъ за всѣ грѣхи, въ чьи тягостныя руки
Вы были ввергнуты, печальныя науки!
Ценсура! вотъ кому подвластна ты была!
Но полно! мрачная година протекла,
И нынѣ ужъ горитъ свѣтильникъ просвѣщенья.
Я, съ переменною печатнаго правленья,
Отставки ценсору, признаться, ожидалъ;
Но самъ не знаю какъ, ты, видно, устоялъ.
И такъ я послѣшилъ пріятелей поздравить,
А между тѣмъ совѣтъ на память имъ оставить.
Будь строгъ, но будь уменъ. Не просить отъ тебя
Чтобъ всѣ законныя преграды истребя,
Все мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашимъ господамъ позволилъ самовластно.
Права свои храни по долгу своему;
Но скромной истинѣ, но мирному уму,
И даже глупости невинной и довольной,

Не заграждай пути заставой своевольной.
 И если ты въ плодахъ досужаго пера
 Порою не найдешь великаго добра,
 Когда не видишь въ нихъ безумнаго разврата,
 Престоловъ, алтарей и нравовъ супостата,
 То славы автору желая отъ души,
 Махни, мой другъ, рукой и смѣло подпиши.

ЭЛЕГІЯ НА КОНЦІНУ ТЕТУШКІ.

Ахъ тетушка! ахъ, Анна Львовна,
 Василья Львовича сестра!
 Ты къ матушкѣ была любовна,
 Ты къ батюшкѣ была добра;
 Тебя Матвѣй Михайлычъ кровный *)
 Встрѣчалъ всегда среди двора;
 Тебя Елизавета Львовна
 Любила больше серебра.
 Давно ли съ Ольгою Сергѣевной, **)
 Со Львомъ Сергѣичемъ ***) давно ль,
 На зло самой судьбинѣ гнѣвной,
 Дѣлила ты и хлѣбъ и соль?
 Но вотъ уже Василій Львовичъ
 Стихами гробъ твой окропилъ...
 Зачѣмъ стихи его поповичъ,
 Дуракъ К. . . . . пропустилъ?

*) Камергеръ Солдцевъ, мужъ сестры Василія Львовича Пушкина—Елисаветы Львовны.

) Сестра поэта и *) братъ его.

1825 г.

ПОДРАЖАНІЯ.

1.

Въ крови горитъ огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня, твои лобзанья
Мнѣ слаще мирра и вина.
Склонись ко мнѣ главою нѣжной,
И да почию безмятежной,
Пока дохнетъ веселый день
И двинется ночная тѣнь.

2.

Вертоградъ моей сестры,
Вертоградъ уединенный;
Чистый ключъ у ней съ горы
Не бѣжитъ запечатлѣнный.
У меня плоды блестятъ
Наливные, золотые;
У меня бѣгутъ, шумятъ
Воды чистыя, живыя.
Нардъ, алой и виннамонъ
Благовоніемъ богаты:
Лишь повѣтъ аквилонъ,
И закаплютъ ароматы.

БУРЯ.

Ты видѣлъ дѣву на скалѣ
 Въ одеждѣ бѣлой надъ волнами,
 Когда, бушуя въ бурной мглѣ,
 Играло море съ берегами,
 Когда лучъ молній озарялъ
 Ее всечасно блескомъ алымъ,
 И вѣтеръ бился и леталъ
 Съ ея летучимъ покрываломъ?

Прекрасно море въ бурной мглѣ,
 И небо въ блескахъ, безъ лазури;
 Но вѣрь мнѣ: дѣва на скалѣ
 Прекраснѣй волнъ, небесъ и бури.

САФ О.

Счастливый юноша; ты всѣмъ меня плѣнилъ:
 Душою гордою, и пылкой, и незлобной,
 И первой младости красой женоподобной.

ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ.

Когда любовію и нѣгой упоенный,
 Безмолвно предъ тобой колѣнопреклоненный,
 Я на тебя глядѣлъ и думалъ: ты моя,
 Ты знаешь, милая, желалъ ли славы я;
 Ты знаешь: удаленъ отъ вѣтрянаго свѣта,
 Скучая суетнымъ прозваніемъ поэта,

Уставъ отъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
 Жужжанью дальнему упрековъ и похвалъ.
 Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
 Когда, склонивъ ко мнѣ томительные взоры,
 И руку на главу мнѣ тихо наложивъ,
 Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастливъ?
 Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
 Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?
 А я стѣсненное молчаніе хранилъ,
 Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
 Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
 Не прійдетъ никогда.... И что же? Слезы, муки,
 Измѣны, клевета, все на главу мою
 Обрушилося вдругъ.... Что я, гдѣ я? Стою,
 Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пустынь,
 И все передо мной затмилось! И нынѣ
 Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
 Желая славы я, чтобъ именемъ моимъ
 Твой слухъ былъ пораженъ всечасно; чтобъ ты мною
 Окружена была; чтобъ громкою молвою
 Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ;
 Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
 Ты помнила мои послѣднія моленья
 Въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья.

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО.

Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла....
 Какъ долго медлилъ я, какъ долго не хотѣла
 Рука предать огню всѣ радости мои!...
 Но полно, часъ насталъ: гори, письмо любви!
 Готовъ я; ничему душа моя не внемлетъ.

Ужъ пламя жадное листы твои приѣмлетъ....
 Минуту!... Вспыхнули.... пылають.... легкій дымъ
 Віясь теряется съ моленіемъ моимъ.
 Ужъ перстня вѣрнаго утрата впечатлѣнье,
 Растопленный сургучъ кипитъ.... О Провидѣнье!
 Свершилось! Темные свернулись листы;
 На легкомъ пеплѣ ихъ завѣтныя черты
 Бѣлѣють.... Грудь моя стѣснилась. Пепелъ милой,
 Отрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
 Останься вѣкъ со мной на горестной груди....

КОЗЛОВУ.

(по полученіи отъ него «чернеца»).

Пѣвецъ! Когда передъ тобой
 Во мглѣ сокрылся міръ земной,
 Мгновенно твой проснулся геній,
 На все минувшее возрѣлъ,
 И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній
 Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.

О милый братъ, какіе звуки!
 Въ слезахъ восторга внемлю имъ:
 Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
 Онъ усыпилъ земныя муки.

Тебѣ онъ создалъ новый міръ:
 Ты въ немъ и видишь, и летаешь,
 И вновь живешь, и обнимаешь
 Разбитый юности кумиръ.

А я, коль стихъ единый мой
 Тебѣ мгновенье далъ отрады,

Я не хочу другой награды:
Недаромъ темною стезей
Я проходилъ пустыню міра,
О нѣтъ, недаромъ жизнь и лира
Мнѣ были ввѣрены судьбой!

П. А. ОСИПОВОЙ.

Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ
Въ изгнаньи мирномъ оставаться,
Вздыхать о мирной старинѣ,
И сельской Музѣ въ тишинѣ,
Душой безпечной предаваться.

Но и вдали, въ краю чужомъ,
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорскаго кругомъ,
Въ лугахъ, у рѣчки, надъ холмомъ,
Въ саду подъ сѣнью липъ домашней.

Когда померкнетъ ясный день,
Одна изъ глубины могильной,
Такъ иногда въ родную сѣнь
Летитъ тоскующая тѣнь
На милыхъ бросить взоръ умильной.

ВЪ АЛЬБОМЪ

Е. П. ВУЛЬФЪ.

Если жизнь тебя обманетъ —
Не печалься, не сердись!

Въ день унынія смиришь,
День веселья, вѣрь, настанетъ.

Сердце въ будущемъ живетъ.
Настоящее уныло;
Все мгновенно, все пройдетъ,
Что пройдетъ, то будетъ мило.

КЪ А. П. КЕРНЪ.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжной,
И снились милыя черты.

Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черты.

Въ глуши, во мракѣ заточенья,
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Душѣ настало пробужденье:
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

И сердце бьется въ упоеньѣ,
 И для него воскресли вновь
 И божество, и вдохновенье,
 И жизнь, и слезы, и любовь!

ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Что смолкнулъ веселія гласъ?
 Раздайтесь, вакхальны прищѣвы!
 Да здравствуютъ нѣжныя дѣвы
 И юныя жены, любившія насъ!
 Полнѣе стаканъ наливайте!
 На звонкое дно,
 Въ густое вино
 Завѣтныя кольца бросайте!
 Поднимемъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ!
 Да здравствуютъ Музы, да здравствуетъ разумъ!
 Ты, солнце святое, гори!
 Какъ эта лампада блѣднѣетъ
 Предъ яснымъ восходомъ зари,
 Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
 Предъ солнцемъ бессмертнымъ ума.
 Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

---

19 ОКТЯБРЯ.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ;
 Сребритъ морозъ увянувшее поле;
 Протянется день какъ будто но неволѣ,
 И скроется за край окружающихъ горъ.

Пылай, каминь, въ моей пустынной кельѣ;
 А ты, вино, осенней стужи другъ,
 Пролей мнѣ въ грудь отрадное похмѣлье,
 Минутное забвенье горькихъ мукъ.

«Товарищи! Сегодня праздникъ нашъ.
 Завѣтный срокъ! Сегодня тамъ, далече,
 На пиръ любви, на сладостное вѣче
 Стеклися вы. При звонѣ мирныхъ чашъ
 Вы собрались мгновенно, молодѣя,
 Усталый духъ въ минувшемъ обновить,
 Поговорить на языкѣ Лицея
 И съ жизнью вновь свободно пошалить *).»

«На пиръ любви душой стремлюся я....
 Вотъ вижу васъ, вотъ милыхъ обнимаю,
 И праздника порядокъ учреждаю....
 Я вдохновенъ.... О, слушайте, друзья:
 Чтобъ тридцать мѣстъ насъ ожидали снова!
 Садитесь, какъ вы сажались тамъ,
 Когда мѣста, въ тѣни святаго крова,
 Отличіе предписывало намъ.»

«Спартанскою душой плѣняя насъ,
 Воспитанный суровою Минервой,
 Пускай опять Вальховскій сядетъ первой,
 Последнимъ я, иль Брогльо, иль Данзасъ;
 Но многіе не явятся межъ нами....
 Пускай, друзья, пустѣетъ мѣсто ихъ.

---

*) Эта и послѣдующія строфы, заключенныя въ знаки «
 исключены были Пушкинымъ изъ этого стихотворенія и напеча-
 таны въ VII томѣ, изданія сочиненій его П. В. Анненкова изъ руко-
 писи; помещаемъ ихъ въ текстъ къ своимъ мѣстамъ, для удобства
 чтенія.

Они прійдутъ; конечно, надъ водами,
Иль на холмѣ, подъ сѣнью липъ густыхъ,»

«Они твердятъ томительный урокъ,
Или романъ украдкой пожираютъ,
Или стихи влюбленные слагаютъ,
Забывъ, межъ тѣмъ, полуденный звонокъ.
Они прійдутъ! За праздные приборы
Усядутся; наполнять свой стаканъ,
Въ нестройный хоръ сольются разговоры,
И загремитъ веселый нашъ Пеанъ.»

Печаленъ я: со мною друга нѣтъ,
Съ кѣмъ долгую запилъ бы я разлуку,
Кому бы могъ пожать отъ сердца руку
И пожелать веселыхъ много лѣтъ.
Я пью одинъ; вотще воображенье
Вокругъ меня товарищей зоветъ;
Знакомое неслышно приближенье,
И милаго душа моя не ждетъ.

Я пью одинъ, и на берегахъ Невы
Меня друзья сегодня именуютъ....
Но многіе ль и тамъ изъ васъ пируютъ?
Еще кого не досчитались вы?
Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ?
Кого отъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
Чей гласъ умолекъ на братской переключкѣ?
Кто не пришелъ? Кого межъ нами нѣтъ?

Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ, *)
Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:

*) Н. А. Корсаковъ

Подъ миртами Италіи прекрасной
 Онъ тихо спить, и дружескій рѣзецъ
 Не начерталъ надъ Русскою могилой
 Словъ нѣсколько на языкѣ родномъ,
 Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылой
 Сынъ Сѣвера, бродя въ краю чужомъ.

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
 Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный *)?
 Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
 И вѣчный ледъ полуночныхъ морей?
 Счастливый путь!... Съ лицейскаго порога
 Ты на корабль перешагнулъ шута,
 И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
 О волнъ и бурь любимое дитя!

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
 Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
 Лицейскій шумъ, лицейскія забавы
 Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ;
 Ты простиралъ изъ-за моря намъ руку,
 Ты насъ однихъ въ молодой душѣ носилъ
 И повторялъ: на долгую разлуку
 Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ!

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
 Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ,
 Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ
 Срастался онъ подъ сѣнью дружныхъ Музъ.
 Куда бы насъ ни бросила судьбина,
 И счастье куда-бъ ни повело,
 Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина;
 Отечество намъ Царское Село.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
 Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
 Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
 Уставъ, приникъ ласкающей главой...
 Съ мольбой моей печальной и мятежной,
 Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
 Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной;
 Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
 Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
 Мнѣ сладкая готовилась отрада:
 Трoихъ изъ васъ, друзей моей души,
 Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный,
 О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ;
 Ты усладилъ изгнанья день печальный,
 Ты въ день его Лицея превратилъ!

Чтожъ я тебя не встрѣтилъ тутъ же съ нимъ,
 Ты нашъ казакъ и пылкій и незлобной,
 Зачѣмъ и ты моей сѣни надгробной
 Не озарилъ присутствіемъ своимъ?
 Мы вспомнили бъ какъ Вакху приносили
 Безмолвную мы жертву въ первый разъ,
 Какъ мы одну всѣ трое полюбили —
 Наперсники, товарищи проказъ!... *)

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
 Хвала тебѣ! Фортуны блескъ холодной
 Не измѣнилъ души твоей свободной:
 Все тотъ же ты для чести и друзей.

---

*) Строфа эта восстановлена по черновой, напеч. въ Изв. II
 От. И. Ак. Н. 1837 г.

Намъ розный путь судьбой назначенъ строгой;
 Ступая въ жизнь мы быстро разошлись,
 Но невзначай проселочной дорогой
 Мы встрѣтились и братски обнялись.

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
 Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомной,
 Подъ бурю главой поникъ я томной,
 И ждалъ тебя, вѣщунъ Пермесскихъ дѣвъ,
 И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
 О Дельвигъ мой! Твой голосъ пробудилъ
 Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
 И бодро я судьбу благословилъ.

Съ младенчества духъ пѣсень въ насъ горѣлъ
 И дивное волненье мы познали;
 Съ младенчества двѣ Музы къ намъ летали,
 И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ;
 Но я любилъ уже рукоплесканья,
 Ты, гордый, пѣлъ для Музъ и для души;
 Свой даръ какъ жизнь я тратилъ безъ вниманья,
 Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

Служенье Музъ не терпитъ суеты:
 Прекрасное должно быть величаво;
 Но юность намъ совѣтуетъ лукаво,
 И шумныя насъ радуютъ мечты....
 Опомнися — но поздно! И уныло
 Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.
 Скажи, Вильгельмъ *) не то ль и съ нами было,
 Мой братъ родной по Музѣ, по судьбамъ?

---

*) Т. е. Кюхельбекеръ.

Пора, пора! Душевныхъ нашихъ мукъ
 Не стоитъ мѣръ; оставимъ заблужденья!
 Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
 Я жду тебя, мой запоздалый другъ —
 Прийди: огнемъ волшебнаго разсказа
 Сердечныя преданья оживи;
 Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
 О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

Пора и мнѣ... Пируйте, о друзья!
 Предчувствую отрадное свиданье;
 Запомните жъ поэта предсказанье:
 Промчится годъ — и съ вами снова я!
 Исполнится завѣтъ моихъ мечтаній;
 Промчится годъ — и я явлюся къ вамъ!
 О, сколько слезъ, и сколько восклицаній,
 И сколько чашъ, подъятыхъ къ небесамъ!

И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
 И всю до дна въ честь нашего союза!
 Благослови, лигующая Муза,
 Благослови: да здравствуетъ Лицей!
 «Златые дни, уроки и забавы,
 И черный столъ, и бунты вечеровъ,
 И нашъ словарь, и плески мирной славы,
 И критики Лицейскихъ мудрецовъ!»

«О, други, съ мѣстъ! Вторую наливайте!
 Полнѣй, полнѣй — и сердцемъ возгоря....
 Опять до дна, до капли выпивайте,
 Но за кого-жъ?... О други! угадайте....
 Ура нашъ Царь! Такъ выпьемъ за Царя!

Онъ взялъ Парижъ, и создалъ нашъ Лицей.»

«Кунницыну дань сердца и вина!
 Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень....
 Поставленъ имъ краеугольный камень,
 Имъ чистая лампада вожжена....»
 Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
 Всѣмъ честію и мертвымъ, и живымъ,
 Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
 Не помня зла, за благо воздадимъ.

Пируйте же, пока еще мы тутъ!
 Увы, нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣетъ —
 Кто въ гробѣ спитъ, кто дальній сиротѣтъ;
 Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгутъ;
 Невидимо склоняясь и хладѣя,
 Мы близимся къ началу своему....
 Кому жъ изъ насъ подъ старость день Лицея
 Торжествовать прійдется одному?

Несчастный другъ! Средь новыхъ поколѣній
 Докучный гость и лишній и чужой,
 Онъ вспомнитъ насъ и дни соединеній,
 Закрывъ глаза дрожащею рукою....
 Пускай же онъ съ отрадой, хоть печальной,
 Тогда сей день за чашей проведетъ,
 Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальной,
 Его провелъ безъ горя и заботъ.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Буря мглою небо кроетъ,
 Вихри снѣжные крутя:
 То какъ звѣрь она завоетъ,
 То заплачетъ какъ дитя,

То по кровлѣ обветшалою
 Вдругъ соломою зашумить,
 То, какъ путникъ запоздалой,
 Къ намъ въ окошко застучить.

Наша ветхая лачужка
 И печальна, и темна.
 Что же ты, моя старушка,
 Приумолкла у окна?
 Или бури завываньемъ
 Ты, мой другъ, утомлена,
 Или дремлешь подъ жужжаньемъ
 Своего веретена?

Выпьемъ, добрая подружка
 Бѣдной юности моей,
 Выпьемъ, съ горя; гдѣ же кружка?
 Сердцу будетъ веселѣй.
 Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
 Тихо за моремъ жила;
 Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
 За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроетъ,
 Вихри снѣжные крутя:
 То какъ звѣрь она завоюетъ,
 То заплачетъ какъ дитя.
 Выпьемъ добрая подружка
 Бѣдной юности моей,
 Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
 Сердцу будетъ веселѣй!

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

ПОСВЯЩЕНО Н. Н. РАЕВСКОМУ

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait

Межь тѣмъ какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираетъ,
И хору Европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣнь его вичмаетъ,

Зоветь меня другая тѣнь;
Давно безъ пѣсенъ, безъ рыданій,
Съ кровавой плахи въ дни страданій
Сошедшая въ могильну сѣнь.

Пѣвцу любви, дубравъ и мира,
Пѣвцу возвышенной мечты
Звучить незнаемая лира.
Пою. Мнѣ внемлетъ онъ и ты.

Поднялась вновь усталая сѣкира
И жертву новую зоветь.
Пѣвецъ готовъ; задумчивая лира
Въ послѣдній разъ ему поетъ. ¹⁾
Заутра казнь—привычный пиръ народу.
Но лира юнаго пѣвца
О чемъ поетъ? Поетъ она свободу—
Не измѣнилась до конца!
«Привѣтствую тебя, мое свѣтило!
Я славилъ твой небесный ликъ,

¹⁾ Comme un dernier rayon, comme un dernier zephyr
Anime le soir d'un beau jour,
Au pied de l'échafaud j'essaie encore ma lyre.

(V. *Les derniers vers d'André Chénier*).

Когда онъ искрою возникъ,
 Когда ты въ бурѣ восходило
 Я славилъ твой священный громъ,
 Когда онъ разметалъ позорную твердыню
 И власти древнюю гордыню
 Разсѣялъ пепломъ и стыдомъ:
 Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,
 Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,
 Великодушную присягу
 И самовластію безтрепетный отвѣтъ;
 Я зрѣлъ какъ ихъ могучи волны
 Все ниспровергли, увлекли,
 И пламенный трибунъ предрекъ восторга полный
 Перерожденіе земли.
 Уже въ безсмертный Пантеонъ
 Святыхъ изгнанниковъ всходили славны тѣни.
 Отъ пелены предубѣжденій
 Разоблачался ветхій тронъ.
 Оковы падали. Законъ,
 На вольность опершись провозгласилъ равенство,
 И мы воскликнули: «блаженство!».....
 О горе! о, безумный сонъ?
 Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
 Единый властвуетъ топоръ.
 Мы свергнули царей! Убійцу съ палачами
 Избрали мы въ цари! О ужасъ! о, позоръ!...
 Но ты, священная свобода,
 Богиня чистая! Нѣтъ не виновна ты:
 Въ порывахъ буйной слѣпоты,
 Въ прѣзрѣнномъ бѣшенствѣ народа—
 Сокрылась ты отъ насъ. Цѣлебный твой сосудъ
 Завѣшенъ пеленой кровавой...
 Но ты придешь опять со мщеніемъ и славой—
 И вновь твои враги падутъ.
 Народъ вкусившій разъ твой нектаръ освященный,

Все ищетъ вновь упиться имъ;
 Какъ будто Вакхомъ разъяренный,
 Онъ бредитъ, жаждою томимъ....

Такъ! онъ найдетъ тебя подъ сѣнію равенства;
 Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ,
 И буря мрачная минетъ.

Но я не узрю васъ, дни славы, дни блаженства:
 Я плахъ обреченъ. Послѣдніе часы
 Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
 Палачъ мою главу подыметъ за власы
 Надъ равнодушною толпою.

Простите, о друзья! Мой безпріютный прахъ
 Не будетъ поживать въ саду, гдѣ провождали
 Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,
 И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.

Но, други, если обо мнѣ
 Священно вамъ воспомяненье,

Исполните мое послѣднее желанье:
 Оплачьте, милые, мой жребій въ тишинѣ;
 Страшитесь возбудить слезами подозрѣнье;
 Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы преступленье:
 О братъ сожалѣть не смѣетъ нынѣ братъ.
 Еще жъ одна мольба: вы слушали стократъ
 Стихи, летучихъ думъ небрежныя созданья,
 Разнообразныя, завѣтныя преданья
 Всей младости моей. Надежды, и мечты,
 И слезы, и любовь, друзья, сіи листы
 Всю жизнь мою хранятъ. У Авеля, у Фанни, ²⁾
 Молю, найдите ихъ; невинной музы дани

---

²⁾ У Авеля, у Фанни. Abel doux confident de mes jeune mistères (EI. I): одинъ изъ друзей А. III; Fanni, l'une des maîtresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressées.

Сберите. Строгий свѣтъ, надменная молва
 Не будутъ вѣдать ихъ. Увы, моя глава
 Безвременно падеть: мой недозрѣлый геній
 Для славы не свершилъ возвышенныхъ твореній:
 Я скоро весь умру. Но, тѣнь мою любя,
 Храните рукопись, о други, для себя!
 Когда гроза пройдетъ, толпою суевѣрной
 Сбирайтесь иногда читать мой свитокъ вѣрной,
 И, долго слушая, скажите: это онъ!
 Вотъ рѣчь его. А я, забывъ могильный сонъ,
 Взойду невидимо и сяду между вами,
 И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
 Упьюсь.... И, можетъ быть, утѣшенъ буду я
 Любовью; можетъ быть, и *Узница* моя, ³⁾
 Уныла и блѣдна, стихамъ любви внимая....»

Но пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая
 Младой пѣвецъ поникъ задумчивой главой,
 Пора весны его съ любовію, тоской
 Промчалась передъ нимъ.... Красавицъ томны очи,
 И пѣсни, и пиры, и пламенные ночи,
 Все вмѣстѣ ожило; и сердце понеслось
 Далече.... и стиховъ журчанье излилось:

«Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
 Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
 Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни тѣнь,
 Свободу и друзей, и сладостную лѣнь?
 Судьба лелѣяла мою златую младость,
 Безпечною рукой меня вѣнчала радость,
 И Муза чистая дѣлила мой досугъ.
 На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ,

³⁾ И *Узница* моя. V. La jeune Captive (M-lle de Coigny.)

Я сладко оглашалъ и смѣхомъ и стихами
 Сѣнь, охраненную домашними богами.
 Когда жъ вакхической тревогой утомясь
 И новымъ пламенемъ внезапно воспалюсь,
 Я утромъ наконецъ являлся къ милой дѣвѣ
 И находилъ ее въ смятеніи и гнѣвѣ;
 Когда съ угрозами, и слезы на глазахъ,
 Мой проклиная вѣкъ, утраченный въ пирахъ,
 Она меня гнала, бранила и прощала,
 Какъ сладко жизнь моя лилась и утекала!
 Зачѣмъ отъ жизни сей, лѣнливой и простой,
 Я кинулся туда, гдѣ ужасъ роковой,
 Гдѣ страсти дикія, гдѣ буйные невѣжды,
 И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
 Вы завлекли меня! Что дѣлать было мнѣ,
 Мнѣ, вѣрному любви, стихамъ и тишинѣ,
 На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами?
 Мнѣ ль было управлять строптивыми конями
 И круто напрягать безсильныя бразды?
 И что жъ оставлю я? Забытые слѣды
 Безумной ревности и дерзости ничтожной.
 Погибни, голосъ мой, и ты, о призракъ ложной,
 Ты, слово, звукъ пустой....»

«О нѣтъ!

Умолкни, ропотъ малодушной!
 Гордись и радуйся, поэтъ:
 Ты не поникъ главой послушной
 Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ,
 Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя;
 Твой свѣточъ, грозно пламенѣя,
 Жестокимъ блескомъ озарилъ
 Совѣтъ правителей безславныхъ; ⁴⁾

⁴⁾ Voyez ses iambes.

Твой бичъ настигнулъ ихъ, казнилъ
 Сихъ палачей
 Твой стихъ свисталъ по ихъ главамъ;
 Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду;
 Ты пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
 Кинжалъ и дѣву-Эвмениду!
 Когда святой старикъ отъ плахи отрывалъ
 Вѣнчанную главу, рукой оцѣпенѣлой,
 Ты смѣло имъ обоимъ руку далъ,
 И передъ вами трепеталъ
 Ареопагъ остервенѣлой.
 Гордись, гордись, пѣвецъ! А ты, свирѣпый звѣрь,
 Моей главой играй теперъ:
 Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай, знай, безбожный:
 Мой крикъ, мой ярый смѣхъ преслѣдуетъ тебя!
 Пей нашу кровь, живи губя:
 Ты все пигмей, пигмей ничтожный.
 И часъ прійдетъ... и онъ ужъ недалекъ:
 Падешь, тиранъ! Негодованье
 Воспрянетъ наконецъ. Отечества рыданье
 Разбудить утомленный рокъ.
 Теперь иду.... пора.... но ты ступай за мною!
 Я жду тебя.»

Такъ пѣлъ восторженный поэтъ.
 И все покоилось. Лампады тихій свѣтъ
 Блѣднѣлъ предъ утренней зарею.
 И утро вѣяло въ темницу. И поэтъ
 Къ рѣшеткѣ поднялъ важны взоры....

Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre. — On sait que le Roi avait demandé à l'Assemblée par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier. (H. de la Touche.)

Вдругъ шумъ. Пришли, зовуть. Они! Надежды нѣтъ!
Звучать ключи, замки, запоры.

Зовуть.... Пстой, пстой, день только, день одинъ:
И казней нѣтъ, и всѣмъ свобода,
И живъ великій гражданинъ
Среди великаго народа. ⁵⁾

Не слышатъ. Шествіе безмолвно. Ждетъ палачъ.

Но дружба смертный путь поэта очаруетъ. ⁶⁾

Вотъ плаха. Онъ взошелъ. Онъ славу именуетъ.... ⁷⁾
Плачь, Муза, плачь!...

ЖИВЪ, ЖИВЪ КУРИЛКА!

Какъ! живъ еще курилка-журналистъ? —
Живехонекъ! все также сухъ и скученъ,
И грубъ, и глушь, и завистью размученъ:
Все тискаетъ въ свой непотребный листъ
И старый вздоръ, и вздорную новинку. —
Фу! надоѣлъ курилка-журналистъ!
Какъ загасить вонючую лучинку?
Какъ уморить курилку моего?
Дай мнѣ совѣтъ. — Да.... плюнуть на него.

---

⁵⁾ Онъ былъ казненъ 8 термидора, т. е. наканунѣ низверженія Робеспьера.

⁶⁾ На роковой телегѣ везли на казнь съ Ан. Шенье и поэта Руже, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Anromaque. (H. de la Touche.)

⁷⁾ На мѣстѣ казни онъ ударилъ себя въ голову и сказалъ: pourtant j'avais quelque chose là.

П. П.

ПРИ ПОСЫЛКѢ ЕЙ НЕВСКАГО АЛЬМАНАХА.

Примите Невскій альманахъ,
Онъ милъ и въ прозѣ и въ стихахъ.
Вы тутъ найдете Полевова,
Великопольскаго, Хвостова;
Княжевичъ, дальній вашъ родня,
Украшилъ также книжку эту;
Но не найдете вы меня:
Мои стихи скользнули въ Лету.
Что слава міра?... дымъ и прахъ.
Ахъ, сердце ваше мнѣ дороже!...
Но, кажется, мнѣ трудно тоже
Попастъ и въ этотъ альманахъ.

КЪ БАРАТЫЦКОМУ.

Стихъ каждой повѣсти твоей
Звучить и блещетъ какъ червонецъ.
Твоя Чухоночка, ей-ей,
Гречанокъ Байрона милѣй,
А твой зойлъ прямой чухонецъ.

ДРУЖБА.

Что дружба? Легкій пылъ похмѣлья,
Обиды вольный разговоръ,

Обмѣнъ тщеславія, бездѣля,
Иль покровительства позоръ!

ДВ И Ж Е Н І Е.

Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ брадатый.
Другой смолчалъ и сталъ предъ нимъ ходить.
Сильнѣе бы не могъ онъ возразить;
Хвалили всѣ отвѣтъ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой примѣръ на память мнѣ приводитъ:
Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходитъ,
Однако жъ правъ упрямый Галилей.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА.

Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи празднои,
Весны пѣвецъ разнообразной
Урчить, и свищетъ, и гремитъ;
Но безтолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердитъ,
И эхо вслѣдъ за нею тоже:
Накуковали намъ тоску,
Хоть убѣжать! Избавь насъ, Боже,
Отъ элегическихъ куку!

СОВѢТЪ.

Повѣрь: когда слѣпней и комаровъ
 Вокругъ тебя летаетъ рой журнальной
 Не разсуждай, не трать учтивыхъ словъ,
 Не возражай на пискъ и шумъ нахальной:
 Ни логикой, ни вкусомъ, милый другъ,
 Никакъ нельзя смирить ихъ родъ упрямой;
 Сердиться грѣхъ — но замахнись и вдругъ
 Прихлопни ихъ проворной эпиграмой.

ПРОЗАИКЪ И ПОЭТЪ.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопочешь?
 Давай мнѣ мысль, какую хочешь:
 Ее съ конца я заострю,
 Летучей рифмой оперю,
 Взложу на тетиву тугую,
 Послушный лукъ согнувъ въ дугу,
 А тамъ пошлю наудалую —
 И горе нашему врагу!

ПРІЯТЕЛЯМЪ.

Враги мои, покажѣсть я ни слова....
 И, кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
 Но изъ виду не выпускаю васъ,
 И выберу когда нибудь любаго:
 Не избѣжитъ проницательныхъ когтей,

Какъ налечу нежданный, беспощадный.
Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
И сторожить индѣекъ и гусей.

EX UNGUE LEONEM.

Недавно я стихами какъ-то свиснулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шутъ о нихъ статейку тиснулъ,
Безъ подписи жъ пустивъ ее, злодѣй.
Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ-разъ.

1826 г.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.

По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучной
Утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика :
То разгулье удалое,
То сердечная тоска....

Ни огня, ни черной хаты....
Глушь и снѣгъ.... Навстрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.

Скучно, грустно.... Завтра, Нина,
Завтра къ милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрѣлка часовая
Мѣрный кругъ свой совершитъ,

И докучныхъ удаляя
Полночь насъ не разлучить.

Грустно, Нина: путь мой скучень,
Дремля смолкнулъ мой ящикъ,
Колокольчикъ однозвучень,
Отуманенъ лунный ликъ.

ПРОРОКЪ.

Духовной жаждою томимъ
Въ пустынь мрачной я влачился,
И шестикрылый Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ;
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній Ангеловъ полеть,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавой,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замерзшія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угля, пылающій огнемъ,

Во грудь отверзтую водвинулъ.
 Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
 И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
 «Возстань, пророкъ, и виждь, и внимли,
 Исполнишь волею Моей,
 И, обходя моря и земли,
 Глаголомъ жги сердца людей!»

КЪ ЯЗЫКОВУ.

Языковъ! Кто тебѣ внушилъ
 Твое посланье удалое?
 Какъ ты шалишь, и какъ ты милъ,
 Какой избытокъ чувствъ и силъ,
 Какое буйство молодое!
 Нѣтъ, не Кастальскою водой
 Ты воспоилъ свою Камену;
 Пегасъ иную Ипокрену
 Копытомъ вышибъ предъ тобой.
 Она не холодной льется влагой,
 Но пѣнится хмѣльною брагой;
 Она разымчива, пьяна,
 Какъ сей напитокъ благородной,
 Сліянье рому и вина,
 Безъ примѣси воды негодной,
 Въ Тригорскомъ жаждою свободной
 Открытый въ наши времена.

ОТВѢТЪ О. ТУМАНСКОМУ.

Нѣтъ, не Черкешенка она :
 Но въ доли Грузіи отъ вѣка

Такая дѣва не сошла
Съ высотъ угрюмага Казбека.

Нѣтъ, не агать въ глазахъ у ней:
Но всё сокровища Востока
Не стоять сладостныхъ лучей
Ея полуденнаго ока.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ — играйте!
Изъ розъ веселыхъ заплетайте
Себѣ торжественный вѣнецъ —
И впредь у насъ не разрывайте
Ни мадригаловъ, ни сердець.

1 Июля 1826. Зуёво (т. е. Михайловское).

ПОСЛАНИЕ АРКАДИЮ ГАВРИЛОВИЧУ РОДЗЯШКО.

Ты обѣщаль о романтизмѣ,
О семъ парнасскомъ аеисмѣ
Потолковать еще со мной,
Полтавскихъ Музъ повѣдать тайны,
А пишешь мнѣ объ ней одной!...
Нѣтъ, это ясно, милый мой,
Нѣтъ, ты влюбленъ, Пиронъ Украйны!

Ты правъ: что можетъ быть важнѣй
На свѣтѣ женщины прекрасной?
Улыбка, взоръ ея очей

Дороже злата и честей,
 Дороже славы разногласной —
 Поговоримъ опять объ ней.

Хвалю мой другъ ея охоту,
 Поотдохнувъ, рожать дѣтей
 Подобныхъ матери своей,
 И счастливъ кто раздѣлитъ съ ней
 Сію пріятную заботу;
 Не наведетъ она зѣвоту;
 Дай Богъ чтобъ только Гименей
 Межъ тѣмъ продлилъ свою дремоту.
 Но не согласенъ я съ тобой,
 Не ободряю я развода;
 Во-первыхъ вѣры долгъ святой,
 Законъ и самая природа....

А во-вторыхъ замѣчу я,
 Благопристойные мужья
 Для умныхъ женъ необходимы;
 При нихъ домашніе друзья
 Иль чуть замѣтны, иль незримы.
 Повѣрьте, милые мои,
 Одно другому помогаетъ,
 И солнце брака затмѣваетъ
 Звѣзду стыдливую любви.

ЭЛЕГІЯ.

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
 Она томилась, увядала....
 Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной
 Младая тѣнь уже летала;

Но недоступная черта межъ нами есть.

Напрасно чувство возбуждалъ я:

Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,

И равнодушно ей внималъ я.

Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой

Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,

Съ такую нѣжную, томительной тоской,

Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!

Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы! Въ душѣ моей

Для бѣдной, легковѣрной тѣни,

Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней

Не нахожу ни слезъ, ни пѣни.

29 іюля 1826 года.

СТАНСЫ.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой Онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ Нимъ отличенъ Долгорукой.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,

Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ,
Во всемъ будь прашуру подобенъ:
Какъ Онъ неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ Онъ, незлобенъ.

2 Декабря 1826. Москва, у Зуб.

СТАНСЫ.

Нѣтъ, я не льстець, когда Царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю.

Его я просто полюбилъ:
Онъ бодро, честно править нами;
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами.

О нѣтъ, хоть юность въ немъ кипитъ,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный:
Тому, кого караетъ явно,
Онъ втайнѣ милости творитъ.

Текла въ изгнаньи жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подаль — и съ вами снова я!

Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,

И я-ль, въ сердечномъ умиленнѣ,
Его хвалою не воспою?

Я льстецъ! Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ:
Онъ горе на Царя накличетъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ.

Онъ скажетъ: презирай народъ,
Гнети природы голосъ нѣжный!
Онъ скажетъ: просвѣщенья плодъ —
Страстей и воли духъ мятежный!

Бѣда странѣ гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ Престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчитъ, потупя очи долу.

И. И. ПУЩИНУ.

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то же утѣшенье!
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ Лицейскихъ ясныхъ дней.

13 Декабря 1826. Псковъ

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА.

С. А. СОВОЛЕВСКОМУ.

«Во-первыхъ — запасись виномъ, ибо порядочнаго нигдѣ не найдешь. Потомъ:

У Гальони, иль Кальони
 Закажи себѣ въ Твери
 Съ пармезаномъ макарони,
 Да яичницу свари.
 На дорогѣ отобѣдай
 У Пожарскаго въ Торжкѣ:
 Жареныхъ котлетъ отвѣдай,
 И отправься на легкѣ.
 Какъ до Яжелбиць дотащить
 Колымагу мужичокъ —
 То-то другъ мой расторащитъ
 Сладострастный свой глазокъ:
 Поднесутъ тебѣ форели;
 Тотчасъ ихъ варить вели.
 Какъ увидишь — посинѣли,
 Влей въ уху стаканъ шабли.
 Чтобъ уха была по сердцу,
 Можно будетъ въ кипятокъ
 Положить не много перцу,
 Луку маленькій кусокъ.

Яжелбицы первая станція послѣ Валдая. Въ Валдаѣ спроси 'есть ли свѣжія сельди; если же нѣтъ —

У податливыхъ крестьянокъ,
 (Чѣмъ и славится Валдай)

Къ чаю накупи баранокъ
И скорѣе поѣзжай.

На каждой станціи совѣтую изъ коляски выбрасывать пустую бутылку: такимъ образомъ ты будешь имѣть отъ скуки какое нибудь занятіе. Прощай. Пиши.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ П. С. АЛЕКСѢЕВУ.

Прощай отшельникъ Бессарабскій
Лукавый другъ души моей!
Порадуй же меня не сказочкой арабской,
Но русской правдою твоей.

ЭПИГРАММА.

Воспитанный подъ барабаномъ
Нашъ Z. лихимъ былъ капитаномъ:
Подъ Аустерлицомъ онъ бѣжалъ,
Въ двѣнадцатомъ году дремалъ,
За то былъ фрунтовой профессоръ!
Но фронтъ герою надоѣлъ —
Теперь коллежскій онъ ассессоръ
По части иностранныхъ дѣлъ!

1827 г.

АНГЕЛЪ.

Въ дверяхъ Эдема Ангелъ нѣжный
Главою поникшею сіялъ,
А демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною леталъ.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ,
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.

Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ,
И ты недаромъ мнѣ сіялъ:
Не все я въ мірѣ ненавиждѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ.

СОЛОВЕЙ.

Въ безмолвіи садовъ, весной, во мглѣ ночей
Поетъ надъ розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствуетъ, не внемлетъ,
И подъ влюбленный гимнъ колеблется и дремлетъ.
Не такъ ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэтъ, къ чему стремишься ты?
Она не слушаетъ, не чувствуетъ поэта;
Глядишь, она цвѣтетъ; зываешь — нѣтъ отвѣта!

ТАЛИСМАНЪ.

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещеть.
На пустынные скалы,
Гдѣ луна теплѣе блещеть
Въ сладкій часъ вечерней мглы,
Гдѣ, въ гаремахъ наслаждаясь,
Дни проводитъ Мусульманъ;
Тамъ волшебница, ласкаясь,
Мнѣ вручила талисманъ.

И ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисманъ:
Въ немъ таинственная сила!
Онъ тебѣ любовью данъ.
Отъ недуга, отъ могилы,
Въ бурю, въ грозный ураганъ,
Головы твоей, мой милый,
Не спасетъ мой талисманъ.»

И богатствами Востока
Онъ тебя не одарить,
И поклонниковъ Пророка
Онъ тебѣ не покорить;
И тебя на лоно друга,
Отъ печальныхъ, чуждыхъ странъ,
Въ край родной на Сѣверъ съ Юга
Не умчитъ мой талисманъ....

Но когда коварны очи
Очаруютъ вдругъ тебя,
Иль уста во мракѣ ночи
Поцѣлуютъ не любя:

Милый другъ! отъ преступленья,
Отъ сердечныхъ новыхъ ранъ,
Отъ измѣны, отъ забвенья
Сохранить мой талисманъ!»

Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ
Неизъяснимой синевою,
Гдѣ море теплою волной
Вокругъ развалинъ тихо плещетъ,
Гдѣ вѣчный лавръ и кипарисъ
По волѣ гордо разрослись,
Гдѣ пѣлъ Торквато величавый,
Гдѣ и теперь во мглѣ ночной,
Адриатической волной
Повторены его октавы,
Гдѣ Рафаэль живописалъ,
Гдѣ въ наши дни рѣзецъ Кановы
Послушный мраморъ оживлялъ,
И Байронъ, мученикъ суровый,
Страдалъ, любилъ и проклиналъ?

Италія, волшебный край,
Страна высокихъ вдохновеній!
Кто жъ посѣтилъ твой древній рай,
Твои пророческія сѣни?
На берегу роскошныхъ водъ,
Порою карнавальныхъ оргій,
Кругомъ кого кипитъ народъ,
Кого привѣтствуютъ восторги?
Кто идеальною красой,
И томно-нѣжной и живой,
Сыновъ Авзоніи плѣняетъ,
И по неволѣ увлекаетъ

Ихъ пестры волны за собой?...

Съ какою легкостью небесной
Земли касается она!
Какою перелестью чудесной
Во всѣхъ движеніяхъ полна!

На рай полуденной природы
На блескъ небесъ, на ясны воды,
На чудеса святыхъ искусствъ,
Въ стѣсненіи вдохновенныхъ чувствъ,
Душевный взоръ она возводитъ,
Дивясь и радуясь душой —
И ничего передъ собой
Себя прелестнѣй не находитъ.
Стоить ли съ важною очей
Предъ Флорентійскою Кипридой:
Ихъ двѣ, и мраморъ передъ ней
Страдаетъ, кажется, обидой.
Мечты возвышенной полна,
Въ молчаньи смотреть ли она
На образъ нѣжной Форнарины,
Или Мадоны молодой:
Она задумчивой красой
Очаровательнѣй картины.
Скажите мнѣ, какой пѣвецъ,
Горя восторгомъ умиленнымъ,
Чья кисть, чей пламенный рѣзецъ
Предастъ потомкамъ изумленнымъ
Ея небесныя черты?
Гдѣ ты, ваятель безъимянный
Богини вѣчной красоты?
И ты, Харитою вѣнчанный,

Ты, вдохновенный Рафаэль?

Е. Н. УШАКОВОЙ.

Когда бывало, встарину,
 Являлся духъ, иль привидѣнье,
 То отгоняло сатану
 Пустое это изрѣченье:

«Аминь, аминь, разсыпья!» Въ наши дни
 Гораздо менѣе бѣсовъ и привидѣній;
 (Богъ вѣдаетъ, куда дѣвались они....)

Но ты — мой злой иль добрый геній!
 Когда я вижу предъ собой
 Твой профиль, иль глаза, и кудри золотыя,
 Когда я слышу голосъ твой
 И рѣчи рѣзвыя, живыя —
 Я очарованъ, я горю,
 Я содрогаюсь предъ тобою
 И сердца пылкаго мечтою
 «Аминь, аминь, разсыпья!» говорю.

3 апрѣля 1827.

Есть роза дивная: она
 Предъ изумленною Киеерой
 Цвѣтетъ румяна и пышна,
 Благословенная Венерой.
 Вотще Киееру и Паеосъ
 Мертвитъ дыханіе мороза —

Блеститъ между минутныхъ розъ
Неувядаемая роза....

1 апрѣля 1827.

КНЯГРОШЪ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

(при посылкѣ ей поэмы: «цыганы»).

Среди разсѣянной Москвы
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица Музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьется и пылаетъ геній.
Пѣвца, плѣннаго тобой,
Не отвергай смиренной дани:
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоходомъ Каталани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

К. А. ТИМАСЕВОЙ.

Я видѣлъ васъ.... я прочиталъ
Сии прелестныя созданья
Гдѣ ваши томныя мечтанья
Боготворятъ свой идеаль.

Я пилъ отраву въ вашемъ взорѣ,
 Въ исполненныхъ души чертахъ,
 И въ вашемъ миломъ разговорѣ,
 И въ вашихъ пламенныхъ стихахъ.

Соперницы *Запретной Розы*
 Блаженъ безсмертный идеаль!...
 Стократъ блаженъ, кто Вамъ внушалъ
 И много рифмъ и много прозы!

ТРИ КЛЮЧА.

Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
 Тайнственно пробились три ключа:
 Ключъ юности — ключъ быстрый и мятежный,
 Кипитъ, бѣжитъ сверкая и журча;
 Кастальскій ключъ волною вдохновенья
 Въ степи мірской изгнанниковъ поить;
 Последний ключъ — холодный ключъ забвенья,
 Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолить.

18 іюня 1827. С Петербургъ.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

Къ тебѣ собирался я давно
 Въ Нѣмецкій градъ, тобой воспѣтый,
 Съ тобой попить, какъ пьютъ поэты,
 Тобой воспѣтое вино.
 Ужъ зазывалъ меня съ собою
 Тобой воспѣтый Киселевъ,
 И я съ веселою душою

Оставить былъ совсѣмъ готовъ
Неволю Невскихъ береговъ.
И что жъ? Гербовыя заботы
Схватили за помы меня,
И на Невѣ, хотъ нѣтъ охоты,
Прикованнымъ остался я.
О юность, юность удалая!
Могу ль тебя не пожалѣть?
Въ долгахъ, бывало, утопая,
Займодавецевъ убѣгая,
Готовъ былъ всюду я летѣть.
Теперь довучно посѣщаю
Своихъ лѣнивыхъ должниковъ,
Остепенившись, проклиная
Я тяжесть денегъ и годовъ.
Прости, пѣвецъ, играй, пируй
Съ Кипридой, Фебомъ торжествуй,
Не знай сіятельнаго чванства,
Не знай любезныхъ должниковъ,
И не плати своихъ долговъ
По праву Русскаго дворянства!

14 іюля, С. Петербургъ.

ПОЭТЪ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа внушаетъ хладный сонъ,

И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Но лишь божественный глаголь
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепетаетъ,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дивій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы....

Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая, *)
Одинъ, ночной гребецъ, гондолой управляя,
При свѣтѣ Веспера по взморію плыветъ,
Ринальда, Годфреда, Эрминію поетъ.
Онъ любитъ пѣснь свою; поетъ онъ для забавы,
Безъ дальнихъ умысловъ; не вѣдаетъ ни славы,
Ни страха, ни надеждъ, и тихой музы полнъ,
Умѣетъ услаждать свой путь надъ бездною волнъ.
На морѣ жизненномъ, гдѣ бури такъ жестоко
Преслѣдуютъ во мглѣ мой парусъ одинокой,
Какъ онъ, безъ отзыва, утѣшно я пою,
И тайные стихи обдумывать люблю.

*) Изъ А. Шенье: «Près des bords où Venise est reine de la mer....»

ЧЕРЕПЪ.

(ПОСЛАНИЕ КЪ ДЕЛЬВИГУ).

Прими сей черепъ, Дельвигъ: онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву,
Тебѣ повѣдаю, Баронъ,
Его готическую славу.

Почтенный черепъ сей не разъ
Парами Вакха нагрѣвался;
Литовскій мечъ, въ недобрый часъ,
По немъ со звономъ ударялся;
Сквозь эту кость не проходилъ
Лучъ животворный Аполлона;
Ну, словомъ, черепъ сей хранилъ
Тяжеловѣсный мозгъ Барона,
Барона Дельвига. Баронъ,
Конечно, былъ охотникъ славный,
Наѣздникъ, чаши другъ исправный,
Гроза вассаловъ и ихъ женъ.
Мой другъ, таковъ былъ вѣкъ суровый,
И предокъ твой крѣпкоголовый
Смутился бѣ рыцарской душой,
Когда бѣ тебя передъ собой
Увидѣлъ безъ одежды бранной,
Съ главою миртами вѣнчанной,
Въ очкахъ и съ лирою златой.

Покойникомъ въ церковной книгѣ
Ужъ былъ давно записанъ онъ,
И съ предками своими въ Ригѣ
Вкушалъ непробудимый сонъ.
Баронъ въ обители печальной

Доволенъ, впрочемъ, былъ судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербомъ гробницы феодальной
И эпитафией плохой.
Но въ наши безпокойны годы
Покойникамъ покоя нѣтъ.
Косматый баловень природы,
И математикъ, и поэтъ,
Буянъ задумчивый и важный,
Хирургъ, юристъ, физиологъ,
Идеологъ и филологъ,
Короче вамъ — студентъ присяжный,
    витою трубкою въ зубахъ,
Въ плащѣ, съ дубиной и въ усахъ,
Явился въ Ригѣ. Тамъ спѣсиво
Въ трактирахъ сталъ онъ пѣнить пиво
Въ дыму табачныхъ облаковъ,
Бродить надъ берегами моря,
Мечтать о Лотхенъ, или съ горя
Стихи писать, да бить жидовъ.
Студентъ подъ лѣстницей трактира
Въ каморкѣ темной жилъ одинъ:
Тамъ, въ видѣ зеркаль и картинъ,
Короткій плащъ, картузь, рапира
Висѣли на стѣнѣ рядкомъ.
Полуизмаранный альбомъ,
Творенье Фихте и Платона,
Да два восточныхъ лексикона,
Подъ паутиною въ углу,
Лежали грудой на полу, —
Предметъ занятій разнородныхъ
Ученаго, для крысъ голодныхъ.
Мы знаемъ, роскоши пустой
Почтенный мыслитель не ищетъ;
Смѣясь надъ глупой суетой,

Въ чуланѣ онъ безопасно свищетъ.
Умѣренность, вѣщаль мудрецъ,
Сердце высокихъ отпечатокъ.
Студентъ, однако жъ, наконецъ
Замѣтилъ важный недостатокъ
Въ своемъ быту: ему предметъ
Необходимый былъ.... скелетъ,
Предметъ философамъ любезный,
Предметъ пріятный и полезный
Для глазъ и сердца, слова нѣтъ;
Но гдѣ достанетъ онъ скелетъ?
Вотъ онъ однажды въ воскресенье
Сошелся съ кистеромъ градскимъ,
И тотчасъ взявъ въ соображеніе
Его характеръ и служеніе,
Рѣшился подружиться съ нимъ.
За кружкой пива, мой мечтатель
Открылся кистеру душой
И говоритъ: нельзя ль, пріятель,
Тебѣ досужною порой
Свести меня въ подвалъ могильный,
Костями праздными обильный,
И между тѣмъ одинъ скелетъ
Помочь мнѣ вынести на свѣтъ?
Клянусь тебѣ Айдескимъ богомъ:
Онъ будетъ дружбы мнѣ залогомъ
И до моихъ послѣднихъ дней
Красой обители моей.
Смутился кистеръ изумленный.
«Что за желаніе? что за страсть?
Итти въ подвалъ уединенный,
Встревожить мертвыхъ сонмъ почтенный
И одного изъ нихъ украсть!
И кто же?... Онъ, гробовъ хранитель!
Что скажутъ мертвые потомъ?»

Но пиво, страха усыпитель
 И гнѣвной совѣсти смиритель,
 Сомнѣнья разрѣшило въ немъ.
 Ну, такъ и быть! Даетъ онъ слово,
 Что къ ночи будетъ все готово,
 И другу назначаетъ часъ.
 Они разстались.

День угасъ.

Настала ночь. Плащемъ покрытый,
 Стоитъ герой нашъ знаменитый
 У галереи гробовой,
 И съ нимъ преступный кистеръ мой,
 Держа въ рукѣ фонарь разбитый,
 Готовъ на подвигъ роковой.
 И вотъ визжитъ замокъ заржавый,
 Визжитъ предательская дверь —
 И сходятъ витязи теперь
 Во мракъ подвала величавый;
 Сіянемъ тощимъ фонаря
 Глухіе своды озаря,
 Идутъ — и эхо гробовое,
 Смущенное въ своемъ покоѣ,
 Протяжно вторитъ звукъ шаговъ.
 Предъ ними длинный рядъ гробовъ;
 Вездѣ щиты, гербы, короны;
 Въ тщеславномъ тлѣніи кругомъ
 Почіютъ непробуднымъ сномъ
 Высокородные бароны....

Я бы никакъ не осмѣлился оставить рифмы въ эту поэтическую минуту, если бы твой прадѣдъ, коего гробъ попался подъ руку студента, вздумалъ за себя вступиться, ухватя его за воротъ, или погрозивъ ему костянымъ кулакомъ, или какънибудь иначе оказавъ свое неудовольствіе; къ несчастію по-

хищеніе совершилось благополучно. Студентъ по частямъ разобралъ всего Барона, и набилъ карманы костями его. Возвратясь домой, онъ очень искусно связалъ ихъ проволокою, и такимъ образомъ составилъ себѣ скелетъ очень порядочный. Но вскорѣ молва о перенесеніи Бароновыхъ костей изъ погреба въ трактирный чуланъ разнеслась по городу. Преступный кистеръ лишился мѣста, а студентъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обстоятельства не позволяли ему брать съ собою *будущаго*, то, разобравъ опять Барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ. Большая часть высокородныхъ костей досталась аптекарю. Мой пріятель Вульфъ получилъ въ подарокъ черепъ и держалъ въ немъ табакъ. Онъ рассказалъ мнѣ его исторію, и зная, сколько я тебя люблю, уступилъ мнѣ черепъ одного изъ тѣхъ, которымъ обязанъ я твоимъ существованіемъ.

Прими жъ сей черепъ, Дельвигъ: онъ
 Принадлежитъ тебѣ по праву.
 Обдѣлай ты его, Баронъ,
 Въ благопристойную оправу.
 Издѣлье гроба преврати
 Въ увеселительную чашу.
 Виномъ кипящимъ освяти,
 Да запивай уху да кашу.
 Пѣвцу Корсара подражай,
 И Скандинавовъ рай воинскій
 Въ пирахъ домашнихъ воскрешай,
 Или какъ Гамлетъ-Баратынскій,
 Надъ нимъ задумчиво мечтай:
 О жизни мертвый проповѣдникъ,
 Виномъ ли полный иль пустой,
 Для мудреца, какъ собесѣдникъ.
 Онъ стоитъ головы живой.

19 ОКТЯБРЯ.

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
 Въ заботахъ жизни, Царской службы,
 И на пирахъ разгульной дружбы,
 И въ сладкихъ таинствахъ любви!

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
 И въ буряхъ, и въ житейскомъ горѣ,
 Въ краю чужомъ, въ пустынномъ морѣ,
 И въ мрачныхъ пропастяхъ земли!

ЗОЛОТО И БУЛАТЬ.

Все мое, сказала злато;
 Все мое, сказалъ булатъ.
 Все куплю, сказала злато;
 Все возьму, сказалъ булатъ.

ЭПИГРАММА.

Дукъ звѣннть, стрѣла трепещеть,
 И клубясь издохъ Пиеонъ,
 И твой ликъ побѣдой блещеть,
 Бельведерскій Аполлонъ!
 Кто жь вступился за Пиеона,
 Кто разбилъ твой истуканъ?
 Ты, соперникъ Аполлона,
 Бельведерскій Митрофанъ!

ЭПИТАФІЯ МЛАДЕНЦУ ВОЛКОПСКОМУ.

Въ сіяніи и въ радостномъ покоѣ,
У трона вѣчнаго Творца,
Съ улыбкой онъ глядитъ въ изгнаніе земное,
Благословляетъ мать и молить за отца.

1828 г.

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, стройный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и гранить —
Все же мнѣ васъ жаль немножко,
Потому что здѣсь порой
Ходить маленькая ножка,
Вьется локонъ золотой.

ЕЯ ГЛАЗА.

(въ отвѣтъ на стихи князя вяземскаго).

Она мила, скажу межъ нами, —
Придворныхъ витязей гроза —
И можно съ Южными звѣздами
Сравнить особенно стихами
Ея Черкесскіе глаза.
Она владѣетъ ими смѣло,
Они горятъ огня живѣй;
Но самъ признайся, то ли дѣло
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый въ нихъ геній,
И сколько дѣтской простоты,
И сколько томныхъ выраженій,
И сколько нѣги и мечты!....
Потупить ихъ съ улыбкой Леля —
Въ нихъ скромныхъ грацій торжество;

Подниметь — ангель Рафаэля
 Такъ созерцаетъ Божество!

Tel j'étais autrefois et tel je suis encor. *)

Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я:
 Безпечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
 Могу ль на красоту взирать безъ умиленья,
 Безъ робкой нѣжности и тайнаго волненья.
 Ужъ мало ли любовь играла въ жизни мной?
 Ужъ мало ль бился я, какъ ястребъ молодой,
 Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, раскинутыхъ Кипридой:
 А неисправленный стократною обидой,
 Я новымъ идоламъ несу мои мольбы....

ПОРТРЕТЪ.

(Графиня А. Ѳ. З.....ой).

Съ своей пылающей душой,
 Съ своими бурными страстями,
 О жены Сѣвера, межъ вами
 Она является порой,
 И мимо всѣхъ условій свѣта
 Стремится до утраты силъ —
 Какъ беззаконная комета
 Въ кругу разсчисленномъ свѣтилъ.

---

*) Стихъ А. Шенье.

* *
*

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсень Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальной.

Увы, напоминаютъ мнѣ
Твои жестокіе напѣвы
И степь, и ночь, и при лунѣ
Черты далекой, бѣдной дѣвы!...

Я призракъ милый, роковой,
Тебя увидѣвъ, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсень Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальной.

НАПЕРСНИКЪ.

Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ
Ловлю я жадно каждый крикъ;
Страстей безумныхъ и мятежныхъ
Какъ упоителенъ языкъ!
Но прекрати свои рассказы;
Тай, тай свои мечты:
Боюсь ихъ пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!

КЪ * * * ,

Счастливъ, кто избранъ своенравно
 Твоей тоскливою мечтой,
 При комъ любовью млѣешь явно,
 Чьи взоры властвуютъ тобой;
 Но жалокъ тотъ, кто молчаливо,
 Сгарая пламенемъ любви,
 Потупя голову, ревниво,
 Признанья слушаетъ твои.

ЦВѢТОКЪ.

Цвѣтокъ засохшій, безуханной,
 Забытый въ книгѣ вижу я;
 И вотъ уже мечтою странной
 Душа наполнилась моя:

Гдѣ цвѣлъ? когда? какой весною
 И долго ль цвѣлъ? и сорванъ кѣмъ,
 Чужой, знакомой ли рукою?
 И положенъ сюда зачѣмъ?

На память нѣжнаго ль свиданья,
 Или разлуки роковой,
 Иль одинокаго гулянья
 Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?

И живъ ли тотъ, и та жива ли?
 И нынче гдѣ ихъ уголокъ?
 Или уже они увяли,
 Какъ сей невѣдомый цвѣтокъ?

ПОСЛѢДНІЕ ЦВѢТЫ.

Цвѣты послѣдніе милѣй
 Роскошныхъ первенцовъ полей.
 Они унылыя мечтанья
 Живѣе пробуждаютъ въ насъ:
 Такъ иногда разлуки часъ
 Живѣе самаго свиданья.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Снова тучи надо мною
 Собралися въ тишинѣ;
 Рокъ завистливый бѣдою
 Угрожаетъ снова мнѣ....
 Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?
 Понесу ль навстрѣчу ей
 Непреклонность и терпѣнье
 Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
 Равнодушно бури жду:
 Можетъ быть, еще спасенный,
 Снова пристань я найду....
 Но предчувствуя разлуку,
 Неизбѣжный, грозный часъ,
 Сжать твою, мой ангелъ, руку
 Я спѣшу въ послѣдній разъ.

Ангелъ кроткій, безмятежный,
 Тихо молви мнѣ: прости;
 Опечалься, взоръ свой нѣжный

Подыми иль опусти;
 И твое воспоминанье
 Замянитъ душѣ моей
 Силу, гордость, упованье
 И отвагу юныхъ дней.

ОТВѢТЪ А. И. ГОТОВЦОВОЙ.

И недовѣрчиво, и жадно
 Смотрю я на твои цвѣты.
 Кто, строгій стойкъ, приметъ хладно
 Привѣтъ Харитъ и красоты?
 Горжуся имъ, но и робѣю:
 Твой недосказанный упрекъ
 Я разгадать вполнѣ не смѣю.
 Твой гнѣвъ уже ли я навлекъ?
 О, сколько-бъ мукъ себѣ готовилъ
 Красавицъ вѣтряный Зоилъ,
 Когда-бъ предательски злословилъ
 Сей полъ, которому служилъ!
 Любви безумствомъ и волненьемъ
 Наказанъ былъ-бы онъ, а ты
 Была всегда-бъ опроверженьемъ
 Его печальной клеветы.

Н. В. СЛЕПИНУ.

Я не люблю альбомовъ модныхъ:
 Ихъ ослѣпительная смѣсь
 Аспазій нашихъ благородныхъ

Провозглашаетъ только спѣсъ.
 Альбомъ красавицы уѣздной,
 Альбомъ домашній и простой
 Милѣй болтливостью любезной
 И безъискусной пестротой.
 Ни здѣсь, ни тамъ, скажу я смѣло,
 Являться впрочемъ не хочу;
 Но твой альбомъ другое дѣло,
 Охотно дань ему плачу.
 Тобой питомцамъ Аполлона
 Не изъ тщеславья онъ открытъ:
 Царица ты любишь Геликона
 И ими самъ не позабытъ:
 Вхожу въ него прямымъ поэтомъ,
 Какъ въ дружескій, пріятный домъ,
 Почтивъ хозяина привѣтомъ
 И Ларь молитвеннымъ стихомъ.

— — — — —

ПОСЛАНИЕ КЪ И. Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ,

СОЧИНИТЕЛЮ «САТИРЫ НА ИГРОКОВЪ».

Такъ элегическую лиру
 Ты промѣнялъ, нашъ моралистъ,
 На благочинную сатиру?
 Хвалю поэта — дѣльно міру!
 Ему полезенъ розги свистъ.
 Мнѣ жалокъ очень твой Аристъ,
 Съ какимъ усердьемъ онъ молился
 И какъ несчастливо игралъ!
 Вотъ молодежь: погорячился,
 Продулся весь, и такъ пропалъ!
 Дамонъ твой человекъ ужасной.

Забудь его опасный домъ,
Гдѣ, впрочемъ, сознаюся въ томъ,
Мой другъ, ты вель себя прекрасно:
Ты никому тамъ не мѣшалъ,
Эраста нѣжно утѣшалъ,
Давалъ полезные совѣты,
И ни рубля не проигралъ.
Люблю: вотъ каковы поэты!
А то, уча безумный свѣтъ,
Порой грѣшнить и проповѣдникъ.
Послушай, Персіевъ наслѣдникъ,
Разказъ мой:

Нѣкто мой сосѣдъ,
Въ томленьяхъ благородной жажды,
Хлѣбнувъ Кастальскихъ водъ бокалъ,
На игроковъ, какъ ты, однажды
Сатиру злую написалъ,
И другу съ жаромъ прочиталъ.
Ему въ отвѣтъ, его пріятель
Взялъ карты, молча стасовалъ,
Далъ снять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы, понтировалъ!
Тебѣ знакомъ ли сей проказникъ?
Но встрѣча съ нимъ была бъ мнѣ праздникъ:
Я съ нимъ готовъ всю ночь не спать,
И до полдневнаго сіянья
Читать моральныя посланья
И проигрышъ его писать.

Подъѣзжая подъ Ижоры,
Я взглянулъ на небеса,
И вспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.

Хоть я грустно очарованъ
Вашей дѣвственной красой,
Хоть вампиромъ именованъ
Я въ губерніи Псковской,
Но колѣнъ моихъ предъ вами
Преклонить я не посмѣлъ,
И влюбленными мольбами
Васъ тревожить не хотѣлъ.
Упиваясь непріятно
Хмелемъ свѣтской суеты,
Позабуду, вѣроятно,
Ваши милыя черты,
Легкій станъ; движеній стройность,
Осторожный разговоръ,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смѣхъ и хитрый взоръ.
Если жъ нѣтъ.... по прежню слѣду
Въ ваши мирные края
Черезъ годъ опять заѣду
И влюблюсь до Ноября.

Ижоры. 1828.

ТЫ И ВЫ.

Пустое *вы* сердечнымъ *ты*
Она, обмолвясь, замѣнила,
И всѣ счастливыя мечты
Въ душѣ влюбленной возбудила.
Предъ ней задумчиво стою;
Свести очей съ нея нѣтъ силы;

И говорю ей: какъ *вы* милы!
И мыслю: какъ *тебя* люблю!

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

«КОНРАДЪ ВАЛЕНРОДЪ», МИЦКЕВИЧА.

Сто лѣтъ минуло какъ Тевтонъ
Въ крови невѣрныхъ окупался;
Страной полночной правилъ онъ.
Уже Прусакъ въ оковы вдался,
Или сокрылся — и въ Литву
Понесъ изгнанную главу.

Между враждебными берегами
Струился Нѣманъ: на одномъ
Еще надъ древними стѣнами
Сіяли башни, и кругомъ
Шумѣли рощи вѣковья,
Духовъ пристанища святыя.
Символь Германца на другомъ,
Крестъ вѣры, въ небо возносящій
Свои объятія грозящи,
Казалось, свыше захватить
Хотѣлъ всю область Палемона,
И племя чуждаго закона
Къ своей подошвѣ привлечь.

Съ медвѣжьей кожей на плечахъ,
Въ косматой рысей шапкѣ, съ пукомъ
Каленыхъ стрѣлъ и съ вѣрнымъ лукомъ,

Литовцы юные, въ толпахъ
Со стороны одной бродили
И зорко недруга слѣдили.
Съ другой, покрытый шишакомъ,
Въ бронѣ закованный, верхомъ,
На стражѣ Нѣмецъ, за врагами
Недвижно слѣдую глазами,
Пищаль съ молитвой заряжалъ.
Всякъ переправу охранялъ;
Токъ Нѣмана гостеприимной,
Свидѣтель ихъ вражды взаимной,
Сталъ прагомъ вѣчности для нихъ!
Сношеній дружныхъ гласъ утихъ,
И всякъ, переступившій воды,
Лишенъ былъ жизни иль свободы.
Лишь хмель Литовскихъ береговъ,
Нѣмецкой тополью плѣненный,
Черезъ рѣку, межъ тростниковъ,
Переправлялся дерзновенный,
Бреговъ противныхъ достигалъ
И друга нѣжно обнималъ.
Лишь соловьи дубравъ и горъ
По старинѣ вражды не знали,
И въ островъ, общій съ давнихъ поръ,
Другъ къ другу въ гости прилетали.

КРОМЪШНИКЪ.

Какая ночь! Морозъ трескучій;
На небѣ ни единой тучи;
Какъ шитый пологъ синій сводъ
Пестрѣетъ частыми звѣздами.
Въ домахъ все темно. У воротъ

Затворы съ тяжкими замками.
 Вездѣ покоится народъ;
 Утихъ и шумъ и крикъ торговой;
 Лишь только лаеъ стражъ дворовой,
 Да цѣпью звонкою гремитъ.

И вся Москва спокойно спитъ,
 Забывъ волненіе боязни.
 А площадь въ сумракѣ ночномъ
 Стоитъ полна вчерашней казни;
 Мученій свѣжій слѣдъ кругомъ:
 Гдѣ трупъ разрубленный съ размаха,
 Гдѣ столбъ, гдѣ вилы; тамъ котлы
 Остывшей полные смолы,
 Здѣсь опрокинутая плаха,
 Торчатъ желѣзные зубцы,
 Съ костями груды пепла тлѣютъ,
 На кольяхъ, скорчась, мертвецы
 Оцѣпенѣлые чернѣютъ....

Кто тамъ? Чей конь во весь опоръ
 По грозной площади несется?
 Чей свистъ, чей громкій разговоръ
 Во мракѣ ночи раздается?
 Кто сей? Кромѣшникъ удалой.
 Спѣшитъ, летитъ онъ на свиданье:
 Въ его груди кипитъ желанье.
 Онъ говоритъ: «Мой конь лихой,
 Мой вѣрный конь, лети стрѣлой!
 Скорѣй, скорѣй!...» Но конь ретивой
 Вдругъ размахнулъ плетеной гривой
 И сталъ. Во мглѣ между столповъ,
 На перекладинѣ дубовой
 Качался трупъ. Ъздокъ суровой
 Подъ нимъ промчатся былъ готовъ,

Но борзый конь подъ плетью бьется,
 Храпитъ и фыркаетъ, и рвется
 Назадъ. «Куда, мой конь лихой?
 Чего боишься? что съ тобой?
 Не мы ли здѣсь вчера скакали,
 Не мы ли яростно топтали,
 Усердной местію горя,
 Лихихъ измѣнниковъ Царя!
 Не ихъ ли кровію омыты
 Твои булатные копыты?
 Теперь уже ль ихъ не узналъ?
 Мой борзый конь, мой конь удалый,
 Несись, лети!...» И конь усталый
 Подъ трупомъ вихремъ проскакалъ.

УТОПЛЕННИКЪ.

Прибѣжали въ избу дѣти,
 Второпяхъ зовутъ отца:
 «Тятя! тятя! Наши сѣти
 Притащили мертвеца.»
 — Врите, врите, бѣсенята,
 Загорчалъ на нихъ отецъ;
 Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
 Будетъ вамъ ужо мертвецъ!

Судъ найдетъ, отвѣчай-ка;
 Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь;
 Дѣлать нечего! Хозяйка,
 Дай кафтанъ: ужъ поплетусь....
 Гдѣ жъ мертвецъ? — «Вонъ, тятя, э-вотъ!»
 Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,

Гдѣ разосланъ мокрый неводъ,
Мертвый видѣнъ на пескѣ.

Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взять волнами,
Али хмельный молодець,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ —

Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ....
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащить,
И отъ берега крутова
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Долго мертвый межъ волнами
Плылъ качаясь, какъ живой;
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
«Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу,
Да смотрите жъ, не болтайте,
А не то поколочу.»

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка,
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика,
Дѣти спать, хозяйка дремлетъ,

На палатяхъ мужъ лежитъ;
 Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ,
 Кто-то тамъ въ окно стучить.

«Кто тамъ?» — Эй,пусти,хозяинъ! —
 «Ну,какая тамъ бѣда?
 Что ты ночью бродишь,Кайнъ?
 Чертъ занесъ тебя сюда;
 Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
 Дома тѣсно и темно.»
 И лѣнивою рукою
 Подымаетъ онъ окно.

Изъ-за тучъ луна катится
 Что же? Голый передъ нимъ:
 Съ бороды вода струится,
 Взоръ открытъ и недвижимъ;
 Все въ немъ страшно онѣмѣло,
 Опустились руки внизъ,
 И въ распухнувшее тѣло
 Раки черные впились.

И мужикъ окно захлопнулъ;
 Гостя голаго узнавъ,
 Такъ и обмеръ. Чтобъ ты лопнулъ!
 Прошепталъ онъ задрожавъ.
 Страшно мысли въ немъ мѣшались.
 Трясса ночь онъ напролѣтъ,
 И до утра все стучались
 Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
 Говорять, что каждый годъ
 Съ той поры мужикъ несчастный
 Въ день урочный гостя ждѣтъ;

Ужъ съ утра погода злится,
 Ночью буря настаётъ,
 И утопленникъ стучится
 Подъ окномъ и у воротъ.

ШОТЛАНДСКАЯ ПѢСНЯ.

Воронъ къ ворону летить,
 Воронъ ворону кричить:
 Воронъ, гдѣ бь намъ отобѣдать?
 Какъ бы намъ о томъ провѣдать?

Воронъ ворону въ отвѣтъ:
 Знаю, будетъ намъ обѣдъ;
 Въ чистомъ полѣ подъ ракитой
 Богатырь лежитъ убитой.

Кѣмъ убитъ и отчего,
 Знаетъ соколъ лишь его,
 Да кобылка вороная,
 Да хозяйка молодая.

Соколъ въ рощу улетѣлъ,
 На кобылку недругъ сѣлъ,
 А хозяйка ждетъ милóва,
 Не убитаго, живова.

ПОДРАЖАНІЕ АПАГРЕОЦУ.

Кобылица молодая,
 Честь Кавказскаго тавра,

Что ты мчишься, удалая?
 И тебѣ пришла пора!
 Не косись пугливымъ окомъ,
 Ногъ на воздухъ не мечи,
 Въ полѣ гладкомъ и широкомъ
 Своенравно не скачи.
 погоди, тебя заставлю
 Я смириться подо мной:
 Въ мѣрный кругъ твой бѣгъ направлю
 Укороченной уздой.

ЧЕРНЬ.

Procul este, profani.

Поэтъ по лирѣ вдохновенной
 Рукой разсѣянной бряцалъ.
 Онъ пѣлъ — а хладный и надменный,
 Кругомъ народъ непосвященный,
 Ему безмысленно внималъ.

И толковала чернь тупая:
 «Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
 Напрасно ухо поражая,
 Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
 О чемъ бречитъ? чему насъ учитъ?
 Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ
 Какъ своенравный чародѣй?
 Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
 За то какъ вѣтеръ и бесплодна,
 Какая польза намъ отъ ней?»

Поэтъ.

Молчи, безмысленный народъ,
 Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
 Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій.
 Ты червь земли, не сынъ небесъ;
 Тебѣ бы пользы все — на вѣсь
 Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій.
 Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
 Но мраморъ сей вѣдь богъ!... Такъ что же?
 Печной горшокъ тебѣ дороже:
 Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

Чернь.

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
 Свой даръ, божественный посланникъ,
 Во благо намъ употребляй:
 Сердца собратьевъ исправляй.
 Мы малодушны, мы коварны,
 Безстыдны, злы, неблагодарны;
 Мы сердцемъ хладные скопцы,
 Клеветники, рабы, глупцы;
 Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
 Ты можешь, ближняго любя,
 Давать намъ смѣлые уроки,
 А мы слушаемъ тебя.

Поэтъ.

Подите прочь — какое дѣло
 Поэту мирному до васъ!
 Въ развратѣ каменѣйте смѣло;
 Не оживитъ васъ лиры гласъ;
 Душъ противны вы какъ гробы.
 Для вашей глупости и злобы

Имѣли вы до сей поры
 Бичи, темницы, топоры;
 Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
 Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
 Сметають соръ — полезный трудъ! —
 Но, позабывъ свое служенье,
 Алтарь и жертвоприношенье,
 Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
 Не для житейскаго волненья,
 Не для корысти, не для битвъ,
 Мы рождены для вдохновенья,
 Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

ЛЮБОпытный.

Что жъ новаго? — «Ей Богу, ничего.»
 — Эй, не хитри: ты вѣрно что-то знаешь.
 Не стыдно ли, отъ друга своего
 Какъ отъ врага, ты вѣчно все скрываешь.
 Иль ты сердить? Помилуй, братъ, за что?
 Не будь упрямъ: скажи ты мнѣ хоть слово....
 «Охъ, отвяжись, я знаю только то,
 Что ты дуракъ, да это ужъ не ново.»

Рифма — звучная подруга
 Вдохновеннаго досуга,
 Вдохновеннаго труда,
 Ты умоляла, улетѣла,
 Измѣнила навсегда!

Твой привычный, звучный лепетъ
 Усмирялъ сердечный трепетъ,

Усыпляяль мою печаль!
Ты ласкалась, ты манила,
И отъ міра уводила
Въ очарованную даль!

Ты, бывало, мнѣ внимала,
За мечтой моею бѣжала
Какъ послушное дитя;
То — свободна и ревнива,
Своенравна и лѣнива,
Съ нею спорила шутя.

Сколько разъ повиновался
Рѣзвой прихоти твоей,
Какъ любовникъ добродушной,
Снисходительно послушной

О, когда бы ты явилась
Въ дни, когда еще толпилась
Олимпійская семья!
Ты бы съ ними обитала,
И какъ пышно бы блистала
Родословная твоя!

Взявъ божественную лиру,
Такъ повѣдали бы міру
Гезіодъ или Омиръ:
«Тебѣ однажды у Адмета,
Близъ тѣнистаго Тайгета
Стадо пасъ, угрюмъ и сиръ.

«Онъ бродилъ во мракѣ лѣса,
И никто, страшась Зевеса,
Изъ богинь или боговъ,

Навѣщать его не смѣли —
 Бога лиры и свирѣли,
 Бога свѣта и стиховъ!

Помня первыя свиданья,
 Утолить его страданья
 Мнемозина лишь одна
 притекла

.>

ЭКСПРОМІТЬ.

(в. н. ушаковой).

Въ отдаленіи отъ васъ
 Съ вами буду неразлученъ;
 Томныхъ устъ и томныхъ глазъ
 Буду памятью размученъ.
 Изнывая въ тишинѣ,
 Не хочу я быть утѣшенъ;
 Вы жъ вздохнете ль обо мнѣ,
 Если буду я повѣшенъ?

ПАРОДІЯ.

(T'en sauviens tu, disait un capitaine).

Ты помнишь ли, ахъ, ваше благородье,
 Мусье французъ, капитанъ,
 Какъ помнятся у насъ въ простонародьи
 Надъ нехристомъ побѣды Россіянъ?
 Хоть это намъ не составляетъ много,
 Не изъ иныхъ мы прочихъ, такъ сказать;

Но встарь мы васъ наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи,.....

Ты помнишь ли, какъ за горы Суворовъ
Перемахнувъ, напалъ на васъ въ распахъ?
Какъ нашъ старикъ трепалъ васъ, живодеровъ,
И васъ давилъ на ноготкѣ, какъ блохъ?
Хоть это намъ, и проч.

TO DAWE ESQ^r.

Зачѣмъ твой дивный карандашъ
Рисуетъ мой Арабскій профиль?
Хоть ты вѣкамъ его предашь,
Его освищетъ Мефистофиль.
Рисуй Олениной черты:
Въ жару сердечныхъ вдохновеній,
Лишь юности и красоты
Поклонникомъ быть долженъ геній.

9 мая 1828 года Море. — — —

ВОСПОМНЕНІЕ.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ дневныхъ трудовъ награда,
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;

Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ.
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и прокливаю,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

19 мая

---

26 МАЯ 1828.

Даръ напрасный, даръ случайной,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?...

Цѣли нѣтъ предо мною:
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томить меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

АНГАРЪ *).

Въ пустынь чухлой и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой
Стоить, одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,
И зелень мертвую вѣтвей,
И корни ядомъ напоила.

Ядъ каплетъ' сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ, лишь вихоръ черный
На древо смерти набѣжитъ —
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча ороситъ,
Блуждая, листь его дремучій,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

Но человекъ человека
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ:
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.

---

*) Древо яда.

Принесъ онъ смертную смолу,
 Да вѣтвь съ увядшими листьями —
 И потъ по блѣдному челу
 Струился хладными ручьями,

Принесъ — и ослабѣлъ, и легъ
 Подъ сводомъ шалаша, на лыки,
 И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
 Непобѣдимаго владыки,

А князь тѣмъ ядомъ напиталъ
 Свои послушливыя стрѣлы,
 И съ ними гибель разослалъ
 Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

9 ноября 1828. Деревня Маленники.

ОТВѢТЪ КАТЕПИНУ.

Напрасно, пламенный поэтъ,
 Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь
 И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!
 Товарищъ милый, но лукавый,
 Твой кубокъ полонъ не виномъ,
 Но упоительной отравой:
 Онъ заманить меня потомъ
 Тебѣ во слѣдъ опять за славой.
 Не такъ ли опытный гусарь,
 Вербуя рекрута, подносить
 Ему веселый Вакха даръ,
 Пока воинственный угаръ
 Его на мѣстѣ не подкоситъ?

Я самъ служивый: мнѣ домой
Пора убраться на покой.
Останься ты въ строяхъ Парнасса;
Предъ дѣломъ кубокъ наливай,
И лавръ Корнеля или Тасса
Одинъ съ похмелья пожинай.

10 ноября 1828. Малевники

1829 г.

ПРИМѢТЫ.

Я ѣхалъ къ вамъ: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И мѣсяцъ съ правой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ ретивой.

Я ѣхалъ прочь: иные сны....
Душѣ влюбленной грустно было,
И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло.

Мечтанью вѣчному втиши
Такъ предаемся мы, поэты;
Такъ суевѣрныя примѣты
Согласны съ чувствами души!

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Что въ имени тебѣ моемъ?
Оно умретъ, какъ шумъ печальный
Волны, плеснувшей въ берегъ дальный,
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.

Оно на памятномъ листкѣ
Оставить мертвый слѣдъ, подобной
Узору надписи надгробной
На непонятномъ языкѣ.

Что въ немъ? Забытое давно
Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
Твоей душѣ не дастъ оно
Воспоминаній чистыхъ, нѣжныхъ;

Но въ день печали, въ тишинѣ,
Произнеси его тоскуя,
Скажи: есть память обо мнѣ,
Есть въ мѣрѣ сердце гдѣ живу я!

Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ;
Но пусть она васъ больше не тревожитъ;
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.
Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ;
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ!

Когда твои младыя лѣта
Позоритъ шумная молва,
И ты по приговору свѣта
На честь утратила права,

Одинъ, среди толпы холодной,
Твои страданья я дѣлю,
И за тебя мольбой бесплодной
Кумиръ безчувственный молю.

Но свѣтъ.... Жестокихъ осужденій
Не измѣняетъ онъ своихъ:

Онъ не караетъ заблужденій,
Но тайны требуетъ для нихъ.

Достойны равнаго презрѣнья
Его тщеславная любовь
И лицемѣрные гоненья:
Жъ забвенью сердце приготовь.

Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящій, душный кругъ,
Оставь безумныя забавы:
Тебѣ одинъ остайся другъ.

ДОРОЖНЫЯ ЖАЛОБЫ.

Долго ль мнѣ гулять на свѣтѣ,
То въ коляскѣ, то верхомъ,
То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
То въ телѣгѣ, то пѣшкомъ?

Не въ наслѣдственной берлогѣ,
Не средь отческихъ могилъ,
На большой мнѣ, знать, дорогѣ,
Умереть Господь судилъ.

На каменьяхъ подъ копытомъ,
На горѣ подъ колесомъ,
Иль во рву, водой размытомъ,
Подъ разобраннѣмъ мостомъ.

Иль чума меня подцѣпитъ,
Иль морозъ окостенитъ,
Иль мнѣ въ лобъ шлагбаумъ влѣпитъ
Непроворный инвалидъ.

Иль въ лѣсу подѣ ножь злодѣю
Попадуся въ сторонѣ,
Иль со скуки околѣю
Гдѣ нибудь въ карантинѣ.

Долго ль мнѣ въ тоскѣ голодной
Постъ невольный соблюдать,
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

То ли дѣло быть на мѣстѣ,
По Мясницкой развѣзжать,
О деревнѣ, о невѣстѣ
Надосугѣ помышлять!

То ли дѣло рюмка рома,
Ночью сонъ, поутру чай;
То ли дѣло, братцы, дома!...
Ну, пошолъ же, погоняй!...

ОТРЫВКИ.

1.

Былъ и я среди Донцевъ,
Гналъ и я османовъ шайку;
Въ память боевъ и пировъ,
Я привезъ домой нагайку,
Дома.... въ тишинѣ
Сохранилъ я балалайку —
Съ нею рядомъ, на стѣнѣ
Я повѣшу и нагайку....
Что таиться отъ друзей

Я люблю свою хозяйку:
Часто думалъ я объ ней,
И берегъ свою нагайку.

2.

Критонъ роскошный гражданинъ
Очаровательныхъ Аеинъ,
Во цвѣтѣ жизни предавался
Всеми упоеньямъ бытія....
Однажды — слушайте, друзья!
Онъ по Керамику скитался,
И вдругъ изъ рощи вѣковой,
Красою дѣвственной блистая,
Въ одеждѣ легкой и простой
Явилась Нимфа молодая....

14 юля.

3.

Напрасно видишь тутъ ошибку;
Рука искусства навела
На мраморъ этихъ устъ улыбку,
И гнѣвъ на хладный лоскъ чела.
Не даромъ ликъ сей двуязыченъ.
Таковъ и былъ сей властелинъ:
Къ противочувствіямъ привыченъ
Въ лицѣ и въ жизни *арлекинъ*.

4.

Зорю бьютъ.... Изъ рукъ моихъ
 Ветхій Данте выпадаетъ;
 На устахъ начатый стихъ
 Недочитанный затихъ....
 Звукъ далече улетаетъ.
 Звукъ привычный, звукъ живой!
 Сколь ты часто раздавался
 Тамъ, гдѣ тихо развивался
 Я.... давнишнею.... порой!...

(ПЗЪ ГАФПЗА).

Не плѣняйся бранной славой,
 О красавецъ молодой!
 Не бросайся въ бой кровавой
 Съ Карабахскою толпой!
 Знаю: смерть тебя не встрѣтитъ;
 Азраилъ, среди мечей
 Красоту твою замѣтитъ —
 И пощада будетъ ей!
 Но боюсь: среди сраженій
 Ты утратишь навсегда
 Скромность робкую движеній,
 Прелесть нѣги и стыда!

5 іюля 1829. Лагерь при Эвфратѣ.

ДОНЪ.

Блещь средь полей широкихъ,
Вонь онъ лететь!... Здравствуй. Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далекихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ....

Какъ прославленнаго брата,
Рѣки знаютъ тихій Донъ:
Отъ Аракса и Эвфрата
Я привезъ тебѣ поклонъ.

Отдохнувъ отъ злой погони,
Чуя родину свою,
Пьютъ уже Донскіе кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же, Донъ завѣтный,
Для наѣздниковъ лихихъ
Сокъ кипучій, искрометный
Виноградниковъ твоихъ.

КАЛМЫЧКЪ.

Прощай, любезная Калмычка!
Чуть-чуть, на зло моихъ затѣй,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслѣдъ за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосокъ носъ, и лобъ широкъ,
Ты не лепечешь по-Французски,

Ты шелкомъ не сжимаешь ногъ;
По-Англійски, предъ самоваромъ
Узоромъ хлѣба не крошишь,
Не восхищаешься Сенъ-Маромъ,
Слегка Шекспира не цѣнишь,
Не прогружаешься въ мечтанье,
Когда нѣтъ мысли въ головѣ,
Не распѣваешь Ma dov'è,
Галопъ не прыгаешь въ собраньѣ....
Что нужды? — Ровно полчаса,
Пока коней мнѣ запрягали,
Мнѣ умъ и сердце занимали
Твой взоръ и дикая краса.
Друзья! Не все ль одно и то же:
Забиться праздною душой
Въ блестящей залѣ, въ модной ложѣ,
Или въ кибиткѣ кочевой?

ОТРЫВОКЪ.

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла;
Шумитъ Арагва предо мною.
Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой!... Унынья моего
Ничто не мучить, не тревожить,
И сердце вновь горитъ и любитъ — отъ того,
Что не любить оно не можетъ.

ДЕЛИБАШЪ.

Перестрѣлка за холмами;
Смотритъ лагерь ихъ и нашъ;
На холмѣ предъ казаками
Вьется красный Делибашъ.

Делибашъ, не суйся къ лавъ!
Пожалѣй свое житье;
Вмигъ аминь лихой забавъ:
Попадешься на копье.

Эй, Казакъ, не рвися къ бою!
Делибашъ на всемъ скаку
Срѣжетъ саблю кривою
Съ плечъ удалую башку.

Мчатся, спшиблись въ общемъ крикѣ....
Посмотрите: каковы?...
Делибашъ уже на пикѣ,
А Казакъ безъ головы.

7 сентября.

КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орель, съ отдаленной поднявшися вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ,
Отселъ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь шумятъ водопады:
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣзятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ берегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи.

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ бесполезной
И лижетъ утесы голодной волной....
Вотще! Нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

20 сентября.

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКѢ.

Высоко надъ семью горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Паритъ, чуть видный надъ горами.

Далекій, вождедѣнный брегъ!
Туда бѣ, сказавъ прости ущелью,

Подняться къ вольной вышинѣ!
Туда бѣ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!...

20 сентября.

ОБВАЛЪ.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумять и пѣнятся валы,
И надо мной кричатъ орлы,
И ропщеть боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.

Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терекъ могущій валъ
Остановилъ.

Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга....
Ты затопилъ, осwirѣпѣвъ,
Свой берега.

И долго прорванный обвалъ
Неталой грудю лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,

И пылью водъ,
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.

И путь по немъ широкій шелъ:
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ
Небесъ жилецъ.

29 октября

ОЛЕГОВЪ ЩИТЪ.

Когда ко граду Константина
Съ тобой, воинственный Варягъ,
Пришла Славянская дружина
И развила побѣды стягъ,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву Греку въ стыдъ и страхъ,
Ты пригвоздилъ свой щитъ булатной
На Цареградскихъ воротахъ.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрѣли.
Но днесъ когда мы вновь со славой
Къ Стамбуду грозно притекли,
Твой холмъ потрясся съ браннымъ гуломъ,
Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
И нашу рать передъ Стамбуломъ
Твой старый щитъ остановилъ.

---

* * *

Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣчаю
Слугу, несущаго мнѣ утромъ чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли мятель?
Пороша есть иль нѣтъ? и можно ли постель
Покинуть для сѣдла, иль лучше до обѣда
Возиться съ старыми журналами сосѣда?
Пороша. Мы встаемъ, и тотчасъ на коня,
И рысью по полю при первомъ свѣтѣ дня;
Арапники въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами;
Глядимъ на блѣдный снѣгъ прилежными глазами;
Кружимся, рыскаемъ и позней ужъ порой
Двухъ зайцевъ протравивъ, являемся домой.
Куда какъ весело! Вотъ вечеръ: вьюга воетъ,
Свѣча темно горитъ; стѣсняясь сердце ноетъ;
По каплѣ, медленно, глотаю скуки ядъ.
Читать хочу — глаза надъ буквами скользятъ,
А мысли далеко.... Я книгу закрываю;
Беру перо, сажу, насильно вырываю
У Музы дремлющей несвязныя слова.
Ко звуку звукъ нейдетъ.... Теряю всѣ права
Надъ рифмой, надъ моей прислужницею странной:
Стихъ вяло тянется, холодный и туманной.
Усталый, съ лирою я прекращаю споръ,
Иду въ гостиную: тамъ слышу разговоръ
О близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводѣ;
Хозяйка хмурится въ подобіе погодъ,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червоннаго гадаетъ короля.
Тоска! Такъ день за днемъ идетъ въ уединеньѣ!
Но если подъ вечеръ въ печальное селенье,
Когда за пашками сажу я въ уголкѣ,
Пріѣдетъ издали въ кибиткѣ иль возкѣ
Нежданная семья: старушка, двѣ дѣвицы,

(Двѣ бѣлокурныя, двѣ стройныя сестрицы),
Какъ оживляется глухая сторона!
Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потомъ словъ нѣсколько, потомъ и разговоры,
А тамъ и дружный смѣхъ, и пѣсни вечеркомъ,
И вальсы рѣзвые, и шепотъ за столомъ,
И взоры томные, и вѣтряныя рѣчи,
На узкой лѣстницѣ замедленные встрѣчи;
И двѣ въ сумерки выходить на крыльцо:
Открыта шея, грудь, и вьюга ей въ лицо!
Но бури Сѣвера не вредны Русской розѣ.
Какъ жарко поцѣлуй пылаетъ на морозѣ!
Какъ двѣ Русская свѣжа въ пыли снѣговъ!

2 ноября.

ЗПМНЕЕ УТРО.

Морозъ и солнце — день чудесный!
Еще ты дремлешь, другъ прелестный,
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты нѣгой взоры,
Навстрѣчу Сѣверной Авроры
Звѣздою Сѣвера явись!

Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутномъ небѣ мгла носилась;
Луна, какъ блѣдное пятно,
Сквозь тучи мрачныя желтѣла,
И ты печальная сидѣла —
А нынче.... погляди въ окно:

Подъ голубыми небесами,
 Великолѣпными коврами
 Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
 Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,
 И ель сквозь иней зеленѣетъ,
 И рѣчка подо льдомъ блеститъ.

Вся комната янтарнымъ блескомъ
 Озарена. Веселымъ трескомъ
 Трещитъ затопленная печь.
 Приятно думать у лежанки.
 Но знаешь: не велѣтъ ли въ санки
 Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снѣгу,
 Другъ милый, предадимся бѣгу
 Нетерпѣливаго коня,
 И навѣстимъ поля пустыя,
 Лѣса, недавно столь густые,
 И берегъ, милый для меня.

ВОСПОМНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Воспоминаньями смущенный,
 Исполненъ сладкою тоской,
 Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
 Вхожу съ поникшею главой!
 Такъ отрокъ Библии — безумный расточитель —
 До капли истощивъ раскаянья фіалъ,
 Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
 Главой поникъ и зарыдалъ,

Въ пылу восторговъ скоротечныхъ,
Въ бесплодномъ вихрѣ суеты,
О, много расточилъ сокровищъ я сердечныхъ
За недоступныя мечты!

И долго я блуждалъ, и часто утомленный,
Раскаяньемъ гори, предчувствуя бѣды,
Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословенный,
Воображалъ сіи сады!

Воображалъ сей день счастливый,
Когда средь нихъ возникъ Лицей,
И слышалъ.... снова шумъ игривый,
И видѣлъ вновь семью друзей!
Вновь нѣжнымъ отрокомъ, то пылкимъ, то лѣнивымъ,
Мечтанья смутныя въ груди моей тая,
Скитался по лугамъ, по рощамъ молчаливымъ....
Поэтомъ.... забывался я!

И славныхъ лѣтъ, передо мною
Являлись, вѣчные слѣды:
Еще исполнены Великою Женою
Ея любимыя сады
Стоять населены чертогами, столпами,
Гробницами друзей, кумирами боговъ,
И славой мраморной, и мѣдными хвалами
Екатериновыхъ орловъ!

Садятся призраки героевъ
У посвященныхъ имъ столповъ;
Глядите: вотъ герой, стѣснитель ратныхъ строевъ,
Перунъ Кагульскихъ береговъ!
Вотъ, вотъ могучій вождь полуночнаго флага,

Предъ кѣмъ морей пожаръ, и плавалъ, и леталъ!
Вотъ вѣрный братъ его, герой Архипелага,
Вотъ Наваринскій Ганнибалъ!

14 декабря 1829. С. Петербургъ.

ЭЛЕГИЧЕСКІЙ ОТРЫВОКЪ.

Поѣдемъ я готовъ: куда бы вы, друзья,
Куда бъ ни вздумали, готовъ за вами я
Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:
Къ подножію ль стѣны далекаго Китая,
Въ кипящій ли Парижъ, туда ли наконецъ,
Гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ,
Гдѣ древнихъ городовъ подъ пепломъ дремлютъ мощи,
Гдѣ кипарисныя благоухаютъ рощи,
Повсюду я готовъ. Поѣдемъ.... Но, друзья,
Скажите, въ странствіяхъ умереть ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную дѣву,
Или къ ея ногамъ, ея младому гнѣву,
Какъ дань привычную, любовь я принесу?

23 Декабря 1829.

СТАЦСЫ.

Брожу ли я въ доль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всё сойдемъ подъ вѣчны своды —
И чей нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю —
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.

День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бѣ хотѣлось почивать.

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

26 Декабря 1829 года

С. Петербургъ, 3 часа, 5 минутъ.

Е. П. УШАКОВОЙ.

(ВЪ АЛЬБОМЪ.)

Вы избалованы природой;
 Она пристрастна къ вамъ была,
 И наша вѣчная хвала
 Вамъ кажется докучной одой.
 Вы сами знаете давно
 Что васъ любить немудрено,
 Что нѣжнымъ взоромъ вы Армида,
 Что легкимъ станомъ вы Сильфида,
 Что ваши алыя уста,
 Какъ гармоническая роза....
 И наши рифмы, наша проза,
 Предъ вами шумъ и суета.
 Но красоты воспоминанье
 Намъ сердце трогаетъ тайкомъ —
 И строкъ небрежныхъ начертанье
 Вношу смиренно въ вашъ альбомъ.
 Авось на память поневолѣ
 Придетъ вамъ тотъ, кто васъ пѣвалъ
 Въ тѣ дни, какъ Прѣсенское поле
 Еще заборъ не заграждалъ.

ЗАГАДКА.

(ПРИ ПОСЫЛКѢ ДЕЛЬВИГУ БРОНЗОВАГО СФИНКСА.)

Кто на снѣгахъ возрастилъ Теоокритовы нѣжныя розы?
 Въ вѣкъ желѣзномъ, скажи, кто золотой угадалъ?

Кто Славянинъ молодой, Грекъ духомъ, а родомъ
Германецъ?

Вотъ загадка моя: хитрый Эдипъ, разрѣши.

КЪ N. N.

Счастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ,
Въ службѣ, въ картахъ и пирахъ;
Ты St.-Priest въ карикатурахъ,
Ты Нелединскій въ стихахъ;
Ты прострѣленъ на дуэль,
Ты разрубленъ на войнѣ —
Хоть герой ты въ самомъ дѣлѣ,
Но повѣса ты вполнѣ.

СОБРАНИЕ НАСѢКОМЫХЪ.

Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головы.
Крыловъ.

Мое собранье насѣкомыхъ
Открыто для моихъ знакомыхъ.
Ну, что за пестрая семья!
За ними гдѣ не рылся я!
За то, какая сортировка!
Вотъ Г—а, Божія коровка,
Вотъ Каченовскій, злой паукъ,
Вотъ и Свинынь, Россійскій жукъ,
Вотъ Олинъ, черная мурацка,
Вотъ Раичъ, медкая бугашка.

Куда ихъ много набралось!
 Опрятно за стекломъ и въ рамахъ
 Они, пронзенные насквозь,
 Рядкомъ торчатъ на эпиграммахъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Въ Элизіи Василій Тредьяковскій
 (Преострый мужъ, достойный много хвалъ)
 Съ усердіемъ принялся за журналъ
 Въ сотрудники самъ вызвался Поповскій;
 Свои статьи Елагинъ обѣщаль;
 Кургановъ самъ надъ критикой хлопочетъ:
 Блеснуть умомъ Письмовникъ снова хочетъ;
 И, говорятъ, на дняхъ они начнутъ,
 Благословясь, сей преполезный трудъ —
 И только ждетъ Василій Тредьяковскій,
 Чтобъ подоспѣлъ Михайло Каченовскій.

Э П И Г Р А М М Ы.

1.

Обиженный журналами жестоко,
 Зоиль Пахомъ печалился глубоко.
 Вотъ подалъ онъ на цензора доносъ;
 Но цензоръ правъ; намъ смѣхъ, Зоилу носъ
 Иная брань, конечно, неприличность
 Нельзя сказать: *такой-то де-старикъ*
Козель въ очкахъ, плюгавый клеветникъ,
И золь и подль — все это будетъ личность;

Но можете печатать, напрымёръ,
 Что «*господинъ парнасскій старовёръ*»
 Въ своихъ статьяхъ нелѣпицы ораторъ,
 Отмѣнно вялъ, отмѣнно скучновать,
 Тяжеловатъ и даже глуповатъ:»
 Тутъ не лицо, а только литераторъ.

2.

Какъ сатирой безымянной
 Ликъ Зоила я пятналъ,
 Признаюсь: на вызовъ бранной
 Возраженій я не ждалъ.
 Справедливы ль эти слухи?
 Отвѣчалъ онъ. Точно ль такъ?
 Въ полученьи оплеухи
 Расписался мой дуракъ?

3.

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ:
 «Охота есть, да мало мозгу.
 А сколько лѣтъ ему, вопросъ?»
 Пятнадцать. — «Только-то? Эй, розгу!»
 Засимъ принесъ семинаристъ
 Тетрадь лакейскихъ диссертаций,
 И Фебу вслухъ прочелъ Горацій,
 Кусая губы, первый листъ.
 Отяжелѣвъ, какъ отъ дурмана,
 Серdito Фебъ его прервалъ,
 И тотчасъ взрослога болвана
 Поставить въ палки приказалъ.

4.

Рѣшилъ Фигляринъ вдохновенный:
 Я во дворянствѣ мѣщанинъ.
 Кто жъ онъ въ семьѣ своей почтенной?
 Онъ — на Мѣщанской дворянинъ.

5.

Поэтъ-игрокъ, о Беверлей-Горацій
 Проигрывалъ ты кучи ассигнацій,
 И серебро, наслѣдіе отцовъ,
 И лошадей, и даже кучеровъ;
 И съ радостью на карту — на злодѣйку
 Поставилъ бы тетрадь своихъ стиховъ,
 Когда бъ твой стихъ ходилъ хотя въ копѣйку.

САПОЖНИКЪ.

ПРИТЧА.

Картину разъ высматривалъ сапожникъ,
 И въ обуви ошибку указалъ;
 Взявъ тотчасъ кисть, исправился художникъ.
 «Вотъ,» подбочась, сапожникъ продолжалъ:
 «Мнѣ кажется, лице не много криво....
 А эта грудь не слишкомъ ли нага.»
 Но Апеллесъ прервалъ нетерпѣливо:
 Суди, дружокъ, не свыше сапога.

Есть у меня пріятель на примѣтѣ:
 Не вѣдаю, въ какомъ бы онъ предметѣ
 Былъ знаткомъ, хоть строгъ онъ на словахъ;
 Но чортъ его несетъ судить о свѣтѣ:
 Попробуй онъ судить о сапогахъ.

1830 г.

ОТВѢТЪ.

Я васъ узналъ, о мой оракуль,
Не по узорной пестротѣ
Сихъ недописанныхъ каракуль,
Но по веселой остротѣ,
Но по привѣтствіямъ лукавымъ,
Но по насмѣшливости злой
И по упрекамъ.... столь неправымъ,
И этой прелести живой.
Съ тоской невольной, съ восхищеньемъ
Я перечитываю васъ,
И восклицаю съ нетерпѣньемъ:
Пора! Въ Москву, въ Москву сейчасъ!
Здѣсь городъ чопорный, унылой,
Здѣсь рѣчи — ледъ, сердца — гранитъ;
Здѣсь нѣтъ ни вѣтрянности милой,
Ни Музы, ни Прѣсни, ни Харитъ.

СТАИСЫ.

Въ часы забавъ или празднои скуки.
Бывало, лиръ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, дѣви и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ.

Когда твой голосъ величавой
 Меня внезапно поражалъ.

Я лиль потоки слезъ нежданныхъ,
 И ранамъ совѣсти моей
 Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
 Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
 Миѣ руку простираешь ты,
 И силой кроткой и любовной
 Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима,
 Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
 И внемлетъ арфѣ серафима
 Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

19 января 1830. С. Петербургъ.

КЪ ВЕЛЬМОЖЪ.

(послание къ князю н. в. юсупову въ архангельское.)

Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая мѣръ,
 Лишь только на поля, струясь, дохнетъ зефиръ,
 Лишь только первая позеленѣтъ липа,
 Къ тебѣ, привѣтливый потомокъ Аристиппа,
 Къ тебѣ явлюся я, увижу сей дворецъ,
 Гдѣ циркуль зодчаго, палитра и рѣзецъ
 Ученой прихоти твоей повиновались
 И вдохновенные въ волшебствѣ состязались.

Ты понялъ жизни цѣль! Счастливый человекъ,
 Для жизни ты живешь. Свой долгій, ясный вѣкъ

Еще ты съ молоду умно разнообразилъ,
Искалъ возможнаго, умѣренно проказилъ.
Чредою шли къ тебѣ забавы и чины.
Посланникъ молодой увѣнчанной Жены,
Явился ты въ Ферней — и Циникъ посѣдѣлый,
Умовъ и моды вождь пронырливый и смѣлый,
Свое владычество на Сѣверѣ любя,
Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя.
Съ тобой веселости онъ расточалъ избытокъ,
Ты леств его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ.
Съ Фернеемъ распростяся, увидѣлъ ты Версаль.
Пророческихъ очей не простирая вдаль,
Тамъ ликовало все. Армида молодая,
Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
Не вѣдая, чему судьбой обречена,
Рѣзвилась, вѣтрянымъ дворомъ окружена.
Ты помнишь Трианонъ и шумныя забавы?
Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ отравы;
Ученье дѣлалось на время твой кумиръ:
Уединялся ты. За твой суровый пиръ
То читатель Промысла, то скептикъ, то безбожникъ,
Садился Дидеротъ на шаткій свой треножникъ,
Бросалъ парижъ, глаза въ восторгъ закрывалъ
И проповѣдывалъ. И скромно ты внималъ
За чашей медленной Аеею иль Деисту,
Какъ любопытный Скиеъ Аеинскому Софисту.

Но Лондонъ звалъ твое вниманіе. Твой взоръ
Прилежно разобралъ сей двойственный соборъ:
Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровой.
Пружины смѣлыя гражданственности новой.

Скучая, можетъ быть, надъ Темзою скупой,
Ты думалъ далѣ плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснулъ передъ тобою.

Онъ угадалъ тебя: въ плѣнительныхъ словахъ
 Онъ сталъ рассказывать о ножжахъ, о глазахъ,
 О нѣгѣ той страны, гдѣ небо вѣчно ясно;
 Гдѣ жизнь лѣнивая проходитъ сладострастно,
 Какъ пылкій отрока восторговъ полный сонъ;
 Гдѣ жены вечеромъ выходятъ на балконъ,
 Глядятъ, и, не страшась ревниваго Испанца,
 Съ улыбкой слушаютъ и манятъ иностранца.
 И, ты, встревоженный, въ Севиллу полетѣлъ.
 Благословенный край, плѣнительный предѣлъ!
 Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины зрѣютъ....
 О, расскажи жъ ты мнѣ, какъ жены тамъ умѣютъ
 Съ любовью набожность умильно сочетать,
 Изъ-подъ мантильи знакъ условный подавать;
 Скажи, какъ падаетъ письмо изъ-за рѣшетки,
 Какъ златомъ усыпленъ надзоръ угрюмой тетки;
 Скажи, какъ въ двадцать лѣтъ любовникъ подъ ок-
 номъ
 Трепещетъ и кипитъ, окутанный плащемъ.

Все измѣнилось. Ты видѣлъ вихорь бури,
 Паденіе всего, союзъ ума и фурій,
 Свободой грозною воздвигнутый законъ,
 Подъ гильотиною Версаль и Трианонъ,
 И мрачнымъ ужасомъ смѣненныя забавы.
 Преобразился міръ при громахъ новой славы.
 Давно Ферней умолкъ. Пріятель твой Вольтеръ,
 Превратности судебъ разительный примѣръ,
 Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
 Донинѣ странствуетъ съ кладбища на кладбище.
 Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидеротъ,
 Энциклопедіи скептической причетъ,
 И колкій Бомарше, и твой безносый Касти,
 Всѣ, всѣ уже прошли. Ихъ мнѣнья, толки, страсти,
 Забыты для другихъ. Смотри: вокругъ тебя
 Все новое кипитъ, бывшее истребя.

Свидѣтелями бывъ вчерашняго паденья,
Едва опомнились младыя поколѣнья.
Жестокихъ опытовъ собирая поздній плодъ,
Они торопятся съ расходомъ свестъ приходъ.
Имъ некогда шутить, обѣдать у Темиры,
Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,
Звукъ лиры Байрона развлечъ едва ихъ могъ.

Одинъ все тотъ же ты. Ступивъ за твой порогъ,
Я вдругъ переносусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры и картины,
И стройные сады свидѣлствуютъ мнѣ,
Что благосклонствуешь ты музамъ въ тишинѣ,
Что ими въ праздности ты дышишь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговоръ свободной
Исполненъ юности. Влѣянье красоты
Ты живо чувствуешь. Съ восторгомъ цѣнишь ты
И блескъ Алябьевой, и прелесть Гончаровой,
Безпечно окружась Корреджіемъ, Кановой,
Ты, неучаствуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
И видишь оборотъ во всемъ кругообразный.
Такъ, вихорь дѣлъ забывъ для Музъ и нѣги праздной,
Въ тѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ,
Вельможи Римскіе встрѣчали свой закатъ.
И къ нимъ издалека то воинъ, то ораторъ,
То консулъ молодой, то сумрачный Диктаторъ
Являлись день, другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь.

Москва, 1830.

ОТВѢТЪ АНОШИНУ.

(И. А. ГУЛЯНОВУ.)

О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
Привѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мнѣ крѣпко руку жметъ,
Указываетъ путь и посохъ подаетъ!
О, кто бы ни былъ ты: старикъ ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищъ отдаленный,
Иль отрокъ, Музами таинственно хранимъ,
Иль пола кроткаго стыдливый херувимъ,
Благодарю тебя душою умиленной.
Вниманья слабаго предметъ уединенный,
Къ доброжелательству досель я не привыкъ —
И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразить сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно-унылой,
Ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой —
Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагодарною киваетъ головой.
Постигнетъ ли пѣвца незапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье —
«Тѣмъ лучше», говорятъ любители искусствъ:
«Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
И намъ ихъ передастъ». Но счастье поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
Когда боязненно безмолвствуетъ оно....

ПОЭТУ.

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородной.

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранить,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горить,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

1 іюля 1830.

МАДОПА.

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсить я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.

Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ божественный Спаситель —

Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ —
Взирали, кроткіе, во славъ и въ лучахъ,
Одни, безъ Ангеловъ, подъ пальмою Сіона.

Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадона,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ!

8 іюля.

СОНЕТЪ.

Scorn not the sonnet critic.
Wordsworth.

Суровый Дантъ не презиралъ сонета;
Въ немъ жаръ любви Петрарка изливалъ;
Игру его любилъ творецъ Макбета;
Имъ скорбну мысль Камюэнсъ облакалъ.

И въ наши дни плѣняетъ онъ поэта:
Вордсвортъ его орудіемъ избралъ,
Когда, вдали отъ суетнаго свѣта,
Природы онъ рисуетъ идеалъ.

Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленной,
Пѣвецъ Литвы, въ размѣръ его стѣсненной
Свои мечты мгновенно заключалъ.

У насъ еще его не знали дѣвы,
Какъ для него ужъ Дельвигъ забывалъ
Гекзаметра священные напѣвы.

ЦЫГАНЕ.

Надъ лѣсистыми брегами,
Въ часъ вечерней тишины,
Шумъ и пѣсни подъ шатрами,
И огни разложены.

Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы самъ въ иное время
Провождалъ сіи шатры.

Завтра съ первыми лучами
Вашъ исчезнетъ вольный слѣдъ,
Вы уйдете — но за вами
Не пойдетъ ужъ вашъ поэтъ.

Онъ бродящіе ночлеги
И проказы старины
Позабылъ для сельской нѣги
И домашней тишины.

ГЕРОЙ.

Что есть истина?

Другъ.

Да, слава въ прихотяхъ вольна.
Какъ огненный языкъ, она
По избраннымъ главамъ летаетъ;
Съ одной сегодня исчезаетъ,
И на другой уже видна.

За новизной бѣжать смиренно
 Народъ безмысленно привыкъ,
 Но намъ ужъ то чело священно,
 Надъ коимъ вспыхнулъ сей языкъ
 На тронѣ, на кровавомъ полѣ,
 Межъ гражданъ на чредѣ иной,
 Изъ сихъ избранныхъ кто всѣхъ болѣ
 Твоею властвуетъ душой?

Поэтъ.

Все онъ, все онъ, пришлецъ сей бранный,
 Предъ кѣмъ смирялися цари,
 Сей ратникъ, вольностью вѣнчанный,
 Исчезнувшій какъ тѣнь зари.

Другъ.

Когда жъ твой умъ онъ поражаетъ
 Своею чудною звѣздой?
 Тогда ль какъ съ Альповъ онъ взираетъ
 На дно Италиі святой?
 Тогда ли, какъ хватаетъ знамя,
 Иль жезлъ диктаторскій? Тогда ль,
 Какъ водить и кругомъ, и вдаль
 Войны стремительное пламя —
 И пролетаетъ рядъ побѣдъ
 Надъ нимъ, одна другой во слѣдъ?
 Тогда ль, какъ рать героя плещетъ
 Передъ громадой пирамидъ,
 Иль какъ Москва пустынно блещетъ,
 Его приемя, и молчитъ?

Поэтъ.

Нѣтъ, не у счастья на лонѣ
 Его я вижу, не въ бою,

Не зятемъ Кесаря на тронѣ,
 Не тамъ, гдѣ на скалу свою,
 Сѣвъ, мучимъ казнію покоя,
 Осмѣянъ прозвищемъ героя,
 Онъ угасаетъ недвижимъ,
 Плащемъ закрывшись боевымъ!
 Не та картина предо мною:
 Одровъ я вижу длинный строй;
 Лежить на каждомъ трупъ живой,
 Клейменный мощною чумою,
 Царицею болѣзней. Онъ,
 Не бранной смертью окруженъ,
 Нахмурясь ходитъ межъ одрами,
 И хладно руку жметъ чумѣ,
 И въ погибающемъ умѣ
 Раждаетъ бодрость. Небесами
 Клянусь: кто жизнію своей
 Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
 Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
 Клянусь, тотъ будетъ Небу другомъ,
 Каковъ бы ни былъ приговоръ
 Земли слѣпой!

Д р у г ъ .

Мечты поэта,
 Историкъ строгій гонить васъ!
 Увы — его раздался гласъ: *)
 И гдѣ жъ очарованье свѣта?...

---

*) Mémoires de Bougienne. Бурьенъ въ «Запискахъ» своихъ отрицаетъ сказаніе о томъ, что Бонапартъ, посѣтивъ въ Яффѣ госпиталь зараженныхъ чумою, прикоснулся къ нѣкоторымъ для ободренія ихъ «J'affirme», говоритъ онъ, ne l'avoit pas vu toucher un pestiféré.

Поэтъ.

Да будетъ проклятъ правды свѣтъ,
 Когда посредственности хладной,
 Завистливой, къ соблазну жадной,
 Онъ угрождаетъ праздно! Нѣтъ,
 Тмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
 Насъ возвышающій обманъ.
 Оставь герою сердце! Что же
 Онъ будетъ безъ него? тиранъ!

Другъ.

Утѣшься....

Москва, 29 сентября 1830 года.

ЭЛЕГІЯ.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
 Мнѣ тяжело какъ смутное похмѣлье.
 Но какъ вино — печаль минувшихъ дней
 Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
 Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
 Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать!
 Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
 И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
 Межъ горестей, заботъ и тревоженья;
 Порой опять гармоніей упьюсь,
 Надъ вымысломъ слезами обольюсь,

И, можетъ быть, на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

8 сентября.

БѢСЫ.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Бѣду, бѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь....
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

— Эй, пошелъ, ямщикъ!... «Нѣтъ мочи:
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ!
Въ полѣ бѣсъ насъ водить видно,
Да кружить по сторонамъ.

«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ — теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой.»

Мчатся тучи, вьются тучи;
 Невидимкою луна
 Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
 Мутно небо, ночь мутна.
 Силь намъ нѣтъ кружиться долѣ;
 Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
 Кони стали.... — Что тамъ въ полѣ? —
 «Кто ихъ знаетъ: пень, иль волкъ?»

Вьюга здится, вьюга плачетъ;
 Кони чуткіе храпятъ;
 Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
 Лишь глаза во мглѣ горятъ!
 Кони снова понеслися;
 Колокольчикъ динь-динь-динь....
 Вижу: духи собралися
 Средь бѣлѣющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны,
 Въ мутной мѣсяца игрѣ
 Закружились бѣсы разны,
 Будто листья въ ноябрѣ....
 Сколько ихъ! Куда ихъ гонять?
 Что такъ жалобно поютъ?
 Домоваго ли хоронятъ,
 Вѣдму ль замужъ выдаютъ?

Мчатся тучи, вьются тучи;
 Невидимкою луна
 Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
 Мутно небо, ночь мутна,
 Мчатся бѣсы рой за роемъ
 Въ безпредѣльной вышинѣ,
 Визгомъ жалобнымъ и воемъ
 Надрывая сердце мнѣ....

7 сентября. Болдино.

ОСЕПШЕЕ ЧУВСТВО.

Какъ быстро въ полѣ вдругъ открытомъ,
Подкованъ вновь, мой конь бѣжитъ!
Какъ звонко подъ его копытомъ
Земля промерзлая стучить!

Какъ онъ взвился, ретивый, смѣлый
Черезъ потокъ оледенѣлый!

Полезенъ Русскому здоровью
Нашъ укрѣпительный морозъ
Ланиты жарче вешнихъ розъ
Играютъ холодомъ и кровью.

ОСЕНЬ.

I.

Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роща отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ;
Журча еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ, сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отъѣзжія поля съ охотою своей —
И страждутъ озими отъ бѣшенной забавы,
И будить лай собакъ уснувшія дубравы.

II.

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мнѣ оттепель—вонь, грязь; весной я боленъ:

Кровь бродить, чувства, умъ тоскою стѣснены;
Суровою зимою я болѣе доволенъ;
Люблю ея снѣга, въ присутствіи луны
Какъ легкой бѣгъ саней съ подругой быстръ и воленъ,
Когда подъ соболемъ соргѣта и свѣжа,
Она вамъ руку жметъ пылая и дрожа!

III.

Какъ весело, обувъ желѣзомъ острымъ ноги,
Скользить по зеркалу стоячихъ, ровныхъ рѣгъ!
А зимнихъ праздниковъ блестящія тревоги?...
Но надо знать и честь; полгода снѣгъ да снѣгъ,
Вѣдь это наконецъ и жителю берлоги,
Медвѣдю надобсть. Нельзя же цѣлый вѣгъ
Кататься намъ въ саняхъ съ Армидами младыми,
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV.

Охъ, лѣто красное, любилъ бы я тебя,
Когда бъ не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, всѣ душевныя способности губя,
Насъ мучишь; какъ поля, мы страдаемъ отъ засухи;
Лишь какъ бы напоить, да освѣжить себя —
Иной въ насъ мысли нѣтъ; и жаль зимы старухи,
И проводивъ ее блинами и виномъ,
Поминки ей творимъ мороженымъ и льдомъ.

V.

Дни поздней осени бранятъ обыкновенно;
Но мнѣ она мила, читатель дорогой:
Красою тихою, блистающей смиренно,
Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной,
Къ себѣ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно:
Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной.

Въ ней много добраго, любовникъ не тщеславной,
Умѣлъ я отыскать мечтою своенравной.

VI.

Какъ это объяснить? Мнѣ нравится она
Какъ, вѣроятно, вамъ чахоточная дѣва
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бѣдняжка клонится безъ ропота, безъ гнѣва,
Улыбка на устахъ увянувшихъ видна:
Могильной пропасти она не слышитъ зѣва,
Играетъ; на лицѣ еще багровый цвѣтъ,
Она жива еще сегодня — завтра нѣтъ.

VII.

Унылая пора, очей очарованье,
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

VIII.

И съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь;
Здоровью моему полезенъ Русскій холодъ;
Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь:
Чредой слетаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ;
Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
Желанія выпить; я снова счастливъ, молодъ,
Я снова жизни полнъ: таковъ мой организмъ.
(Извольте мнѣ простить ненужный прозаизмъ.)

IX.

Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздоліи открытомъ
Махая гривую, онъ всадника несетъ —
И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
Звенитъ промерзлый долъ и трѣскается ледъ.
Но гаснетъ краткій день и въ камелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ, то яркій свѣтъ лѣтъ,
То тлѣетъ медленно; а я надъ нимъ читаю.
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.

X.

И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ и звучитъ, и ищетъ какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ —
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

XI.

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И рифмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута — и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ;
Но чу.... матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ — и паруса надулись вѣтра полны:
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.

XII.

Плыветъ.... Куда жъ намъ плыть?

КАПРИЗЪ.

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузой,
 Готовый вѣкъ трунить надъ нашей томной Музой,
 Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
 Попробуй, сладимъ ли съ проклятою хандрой.
 Что жъ ты нахмурился? Нельзя ли блажь оставить,
 И пѣсенкою насъ веселой позабавить?
 Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогій,
 За ними черноземъ; равнины скать отлогій,
 Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса
 Гдѣ жъ нивы свѣтлыя? гдѣ темные лѣса?
 Гдѣ рѣчка? На дворѣ у низкаго забора
 Два бѣдныхъ деревца, стоятъ въ отраду взора,
 Два только деревца, и то изъ нихъ одно
 Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
 А листья на другомъ размолкли и, желтѣя,
 Чтобъ лужу засорить, ждуть перваго Борея,
 И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
 Вотъ, правда, мужичекъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ.
 Безъ шапки онъ, несетъ подъ мышкой гробъ ребенка,
 И влечетъ изъ дали лѣниваго попенка,
 Чтобъ тотъ отца позвалъ, да церковь отворилъ:
 Скорѣй, ждать некогда, давно бѣ ужъ схоронилъ!

1 октября 1830. Болдино.

НОЧЬЮ, ВО ВРЕМЯ БЕЗСОННИЦЫ.

Мнѣ не спится, нѣтъ огня:
 Всюду мракъ и сонъ докучный;
 Ходъ часовъ лишь однозвучный

Раздается близъ меня.
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья бѣготня —
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепоть?
Укоризна, или ропоть
Мной утраченнаго дня?
Отъ меня чего ты хочешь?
Ты зовешь, или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Темный твой языкъ учу....

Октябрь 1830. Болдино.

РАЗСТАВАПЬЕ.

Въ послѣдній разъ твой образъ милой
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой,
И съ нѣгой робкой и унылой,
Твою любовь воспоминать.

Бѣгутъ, мѣняясь, наши лѣта,
Мѣняя все, мѣняя насъ;
Ужъ ты для своего поэта
Могильнымъ сумракомъ одѣта,
И для тебя твой другъ угасъ.

Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего,
Какъ овдовѣвшая супруга,

Какъ другъ, обнявшій молча друга
Передъ изгнаніемъ его.

8 октября 1830. Болдино.

ПАЖЪ, ПЛ ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

C'est l'âge de Chérubin..

Пятнадцать лѣтъ мнѣ скоро минеть;
Дождусь ли радостнаго дня?
Какъ онъ впередъ меня подвинеть!
Но и теперь никто не кинетъ
Съ презрѣньемъ взгляда на меня.

Ужъ я не мальчикъ, ужъ надъ губой
Могу свой усъ я защигнуть;
Я важенъ какъ старикъ беззубой;
Вы слышите мой голосъ грубой:
Попробуй кто меня толкнуть!

Я нравлюсь дамамъ, ибо скромень,
И между ними есть одна....
И гордый взоръ ея такъ темень,
И цвѣтъ ланитъ ея такъ томень,
Что жизни мнѣ милѣй она.

Она готова хоть въ пустыню
Бѣжать со мной, презрѣвъ толпу.
Хотите знать мою богиню,
Мою Севильскую графиню?
Нѣтъ, ни за что не назову!

1 октября, 1830.

* * *

Для береговъ отчизны дальной
 Ты покидала край чужой;
 Въ часъ, назабвенный, въ часъ печальной
 Я долго плакалъ предъ тобой.
 Мои кладѣющія руки
 Тебя старались удержать;
 Томленья страшнаго разлуки
 Мой стонъ молилъ не прерывать.

Но ты отъ горькаго лобзанья
 Свои уста оторвала,
 Изъ края мрачнаго изгнанья
 Ты въ край иной меня звала.
 Ты говорила: въ день свиданья
 Подъ небомъ вѣчно голубымъ,
 Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
 Мы вновь, мой другъ, соединимъ.

Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
 Сіяютъ въ блескъ голубомъ,
 Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
 Заснула ты послѣднимъ сномъ.
 Твоя краса, твои страданья
 Исчезли въ урнѣ гробовой —
 Исчезъ и поцѣлуй свиданья...
 Но жду его: онъ за тобой!...

27 ноября 1830. Болдино.

П Ъ С Н Я.

Here's a health to thee Mary.

Пью за здравіе Мери,
 Милой Мери моей.

Тихо заперъ я двери,
И одинъ, безъ гостей,
Пью за здравіе Мери.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милѣй
Рѣзвой ласковой Мери.

Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастливыхъ дней
Пусть не вѣдаетъ Мери.

РОМАНСЪ.

Предъ Испанкой благородной
Двое рыцарей стоятъ,
Оба смѣло и свободно
Въ очи прямо ей глядятъ.
Блещутъ оба красотою,
Оба сердцемъ горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.

Жизни имъ она дороже
И, какъ слава, имъ мила.
Но одинъ ей милъ. Кого же
Дѣва сердцемъ избрала?
«Кто, рѣши, любимъ тобою?»
Оба дѣвѣ говорятъ,

И съ надеждой молодою
Въ очи прямо ей глядятъ.

ПОДРАЖАНІЯ ДАВТУ.

I.

Въ началѣ жизни школу помню я;
Тамъ насъ, дѣтей безпечныхъ, было много —
Неравная и рѣзвая семья;

Смиренная, одѣтая убого,
Но видомъ величавая жена
Надъ школою надзоръ хранила строго.

Толпою нашею окружена,
Пріятнымъ, сладкимъ голосомъ, бывало,
Съ младенцами бесѣдуетъ она.

Ея чела я помню покрывало,
И очи свѣтлые какъ небеса;
Но я вникалъ въ ея бесѣды мало.

Меня смущала строгая краса
Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ,
И полныя святыни словеса.

Дичась ея совѣтовъ и укоровъ,
Я про себя превратно толковалъ
Понятный смыслъ правдивыхъ разговоровъ.

И часто я украдкой убѣгалъ
Въ великолѣпный мракъ чужаго сада,
Подъ сводъ искусственный порфирныхъ скалъ.

Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
Я предавалъ мечтамъ мой слабый умъ,
И праздномыслить было мнѣ отрада.

Любилъ я свѣтлыхъ водъ и листьевъ шумъ,
И бѣлые въ тѣни деревъ кумиры,
И въ ликахъ ихъ печать недвижныхъ думъ.

Все мраморные цыркули и лиры,
И свитки въ мраморныхъ рукахъ,
И длинныя на ихъ плечахъ порфиры —

Все наводило сладкій нѣкій страхъ
Мнѣ на сердце; и слезы вдохновенья
При видѣ ихъ раждались на глазахъ.

Другія два чудесныя творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двухъ бѣсовъ изображенья.

Одинъ (Дельфійскій идолъ) ликъ молодой —
Былъ гнѣвнень, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной,

Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеаль,
Волшебный демонъ — лживый, но прекрасный.

II.

И далъ мы пошли — и страхъ обнялъ меня.
Бѣсеноекъ, подъ себя поджавъ свое копыто,
Крутилъ ростовщика у адскаго огня.

Горячій капаль жиръ въ копченое корыто,
И лопаль на огнѣ печеный ростовщикъ.
А я: повѣдай мнѣ, въ сей казни что сокрыто?

Виргилій мнѣ: мой сынъ, сей казни смыслъ великъ,
Одно стяжаніе имѣвъ вездѣ въ предметѣ,
Жиръ должниковъ своихъ сосаль сей злой старикъ.

И ихъ безжалостно крутилъ на вашемъ свѣтѣ.
Тутъ грѣшникъ жареный протяжно возопилъ:
«О еслибъ я теперь тонулъ въ холодной Летѣ,

«О, еслибъ зимній дождь мнѣ кожу остудилъ!
«Сто на сто я терплю: процентъ неимовѣрный!»
Тутъ звучно лопнулъ онъ — я взоры потупилъ.

Тогда услышалъ я (о диво!) запахъ скверный,
Какъ будто тухлое разбилось яйцо,
Иль карантинный стражъ курилъ жаровней сѣрной.

Я носъ себѣ зажавъ, отворотилъ лицо.
Но мудрый вождь тащилъ меня все далѣ, далѣ —
И, камень приподнявъ за мѣдное кольцо,

Сошли мы внизъ — и я узрѣлъ себя въ подвалѣ.

III.

Тогда я демоновъ увидѣлъ черный рой,
Подобный издали ватагъ муравьиной;
И бѣсы тѣшились проклятою игрой:

До свода адскаго касалася вершиной
Гора стеклянная, гладка, крута, остра —
И разлегалася надъ темною равниной;

И бѣсы, раскаливъ, какъ жаръ, чугуны ядра,
Пустили внизъ его смердящими когтями
Ядро запрыгало — и гладкая гора,

Звеня, растрескалась колючими звѣздами;
Тогда другихъ чертей нетерпѣливый рой
За жертвой кинулся съ ужасными словами.

Схватили подъ руку жену съ ея сестрой,
И обнажили ихъ, и внизъ пихнули съ крикомъ —
И обѣ сидючи пустились внизъ стрѣлой:

Порывъ отчаянья являлъ ихъ въ воплѣ дикомъ;
Стекло ихъ рѣзало, впивалось въ тѣло имъ —
А бѣсы прыгали въ веселіи великомъ.

Я издали глядѣлъ — смущеніемъ томимъ.

НОВОСЕЛЬЕ.

Благословляю новоселье,
Куда домашній свой кумиръ
Ты перенесъ — а съ нимъ веселье,
Свободный трудъ и сладкій миръ.
Ты счастливъ: ты свой домигъ малой,
Обычай мудрости храня,
Отъ злыхъ заботъ и лѣни вялой
Застраховалъ, какъ отъ огня.

*

Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ,
Восторгомъ чувственнымъ, безумствомъ, изступлень-
емъ,

Стенаньемъ, криками вакханки молодой,
Когда, вѣясь въ моихъ объятіяхъ змѣей,
Порывомъ пылкихъ ласкъ и язвою лобзаній
Она торопитъ мигъ послѣднихъ содроганій.

О какъ милѣе ты смиренница моя!
О, какъ мучительно тобою счастливъ я,
Когда, склонясь на долгія моленья,
Ты предаешься мнѣ нѣжна, безъ упоенья,
Стыдливо холодна, восторгу моему
Едва отвѣтствуешь, не внемлешь ничему,
И разгараешься потомъ все болѣ, болѣ—
И дѣлишь наконецъ мой пламень по неволѣ.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ,
Писаки русскіе толпой
Меня зовутъ аристократомъ.
Смотри пожалуй, вздоръ какой!

Родовъ униженныхъ обломковъ
И, слава Богу не одинъ,
Бояръ старинныхъ я потомокъ —
Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ.

Мой предокъ, ради славы бранной,
 Святому Невскому служилъ;
 Его потомство, Гнѣвъ вѣнчаннй,
 Иванъ Четвертый пощадилъ.
 Водились Пушкины съ Царями;
 Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ.
 Когда тягался съ Поляками
 Нижегородскій мѣщанинъ.

Смиривъ крамолы и коварство
 И ярость бранныхъ непогодъ,
 Когда Романовыхъ на Царство
 Звалъ въ грамотѣ своей народъ —
 Мы къ оной руку приложили;
 Насъ жаловалъ страдальца сынъ;
 Бывало нами дорожили;
 Но я — я темный мѣщанинъ

Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ;
 Въ родню свою неукротимъ,
 Съ Петромъ мой пращуръ не поладилъ
 И былъ за то повѣшенъ имъ.

Подъ гербовой моей печатью
 Я свитокъ грамотъ сохранилъ;
 Я не якшаюсь съ новой знатью
 И крови слѣсъ угомонилъ.
 Я неизвѣстный стихотворецъ,
 Я просто Пушкинъ — не Мусинъ,
 Я самъ-большой, не царедворецъ:
 Я грамотѣй, я мѣщанинъ!

Видокъ Фигляринъ, сидя дома,
 Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганнибалъ

Былъ купленъ за бутылку рома
 И въ руки шкиперу попалъ.
 Сей шкиперъ былъ тотъ Шкиперъ славный,
 Кѣмъ наша двинулась земля,
 Кто придалъ мощно бѣгъ державный
 Кормѣ роднаго корабля.

Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ,
 И сходно купленный арабъ
 Возросъ усерденъ, не подкупенъ,
 Царя наперсникъ, а не рабъ.
 И былъ отецъ онъ Ганнибала,
 Предъ кѣмъ средь гибельныхъ пучинъ
 Громада кораблей вспылала
 И палъ впервые Наваринъ.

АРІОНЪ.

Насъ было много на челнѣ;
 Иные парусъ напрягали,
 Другіе дружно упирали
 Въ глубь мощныя веслы. Въ тишинѣ
 На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
 Въ молчаньи правилъ грузный чолнъ;
 А я — безпечной вѣры полнъ —
 Пловцамъ я пѣлъ.... Вдругъ доно волнъ
 Измялъ съ-налету вихоръ шумный...
 Погибъ и кормщикъ и пловецъ!
 Лишь я, таинственный пѣвецъ,
 На берегъ выброшенъ грозою,
 Я гимны прежніе пою,
 И ризу влажную мою
 Сушу на солнцѣ, подъ скалою.

* * *

О муза пламенной Сатиры!
 Прийди на мой призывный кличъ!
 Не нужно мнѣ гремящей лиры,
 Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!
 Не подражателямъ холоднымъ,
 Не переводчикамъ голоднымъ,
 И не поэтамъ мирныхъ дамъ,
 Готовлю язву эпиграммъ!
 Миръ вамъ смиренные поэты!
 Миръ вамъ несчастные глупцы!
 А вы, ребята подлецы,
 Впередъ всю вашу сволочь буду
 Я мучить казню стыда!
 А если же кого забуду.—
 Прошу напомнить, господа!
 О сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
 О сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
 Готовы отъ меня принять
 Неизгладимую печать!

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ.

Урну съ водой уронивъ, объ утесъ ее дѣва разбила.
 Дѣва печальна сидитъ, праздный держа черепокъ.
 Чудо! Не сякнетъ вода, изливаясь изъ урны разбитой:
 Дѣва, надъ вѣчной струей, вѣчно печальна сидитъ.

ОТРОКЪ.

Неводъ рыбакъ разстилалъ по берегу студенаго моря;
 Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!

Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
 Будешь умы уловлять, будешь помощникъ Царямъ.

РИФМА.

Эхо, бессонная Нимфа, скиталась по берегу Пеня.
 Фебъ, увидѣвъ ее, страстию къ ней воспылалъ.
 Нимфа плодъ понесла восторговъ влюбленнаго бога,
 Межъ говорливыхъ Наядъ, мучась, она родила
 Милую дочь. Ее пріяла сама Мнемозина.
 Рѣзвая дѣва росла въ хорѣ богинь Аонидъ,
 Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
 Музамъ мила; на землѣ Рифмой зовется она.

ТРУДЪ.

Мигъ вождедѣнный насталъ. Оконченъ мой трудъ
 многолѣтній.
 Что жъ непонятная грусть тайно тревожить
 меня?
 Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поден-
 щикъ ненужный,
 Плату пріявшій свою, чуждый работъ другой?
 Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
 Друга Авроры златой, друга Пенатовъ святыхъ?

НА ПЕРЕВОДЪ ПЛИАДЫ.

Слышу умолкнувшій звукъ божественной Эллинской
 рѣчи;
 Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

ИЗЪ ЗАПИСКИ КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Куда же ты? — Въ Москву, чтобъ графскихъ именинъ

Не прогулять мнѣ здѣсь. — Постой, а карантинъ?

Вѣдь въ нашей сторонѣ Индѣйская зараза:

Сиди, какъ у воротъ угрюмага Кавказа

Бывало, сиживалъ покорный твой слуга.

Что, братъ? ужъ не трунишь, тоска беретъ—ага!

10 октября 1830.

1831 г.

КРАСАВИЦА.

(ВЪ АЛЬБОМЪ Н. А. ГОНЧАРОВОЙ.)

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей:
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сѣнь исчезаетъ.

Куда бы ты ни поспѣшалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое бъ въ сердце ни питалъ
Ты сокровенное мечтанье;
Но встрѣтись съ ней, смущенный, ты,
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССИИ.

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?

Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
 Домашній старый споръ, ужъ взвѣщенный судьбою
 Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

Уже давно между собою
 Враждуютъ эти племена;
 Неразъ клонилась подъ грозою
 То ихъ, то наша сторона.

Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
 Кличливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?

Славянскіе ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ?
 Оно ль изсякнетъ? — вотъ вопросъ.

Оставьте насъ: вы не читали

Сіи кровавыя скрижали;
 Вамъ непонятна, вамъ чужда

Сія семейная вражда!

Для васъ безмолвны Кремль и Прага,
 Безмысленно прельщаетъ васъ

Борьбы отчаянной отвага —

И ненавидите вы насъ....

За что жъ? отвѣтствуйте: за то ли,

Что на развалинахъ пылающей Москвы

Мы не признали наглой воли

Того, подъ кѣмъ дрожали вы?

За то ль, что въ бездну повалили

Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,

И нашей кровью искупили

Европы вольность, честь и миръ?

Вы грозны на словахъ — попробуйте на дѣлѣ!

Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,

Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?

Иль Русскаго Царя уже бессильно слово?

Иль намъ съ Европой спорить ново?

Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?

Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?
Такъ высылайте жъ намъ, витицъ,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.

2 Августа. Село Царское.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Великій день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бѣдой Россіи угрожая;
Не вся ль Европа тутъ была?
А чья звѣзда ее вела!...
Но стали жъ мы пятою твердой,
И грудью приняли напоръ
Племень, послушныхъ волъ гордой,
И равенъ былъ неравный споръ.

И что жъ? свой бѣдственный побѣгъ,
Кичась, они забыли нынѣ;
Забыли Русскій штыкъ и снѣгъ,
Погребшій славу ихъ въ пустынь.
Знакомый пиръ ихъ манитъ вновь —
Хмѣльна для нихъ Славяновъ кровь.

Но тяжко будетъ имъ похмелье;
 Но дологъ будетъ сонъ гостей
 На тѣсномъ хладномъ новосельѣ,
 Подъ знакомъ Сѣверныхъ полей!

Ступайте жъ къ намъ: васъ Русь зоветъ.
 Но знайте, прошенные гости!
 Ужь Польша васъ не поведетъ:
 Черезъ ея шагнете кости!...»
 Сбылось — и, въ день Бородина,
 Вновь наши вторглись знамена
 Въ проломы падшей вновь Варшавы;
 И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
 Во прахъ бросаетъ стягъ кровавый —
 И бунтъ раздавленный умолкъ.

Въ бореньѣ падшій невредимъ;
 Враговъ мы въ прахъ не топтали;
 Мы не напомнимъ нынѣ имъ
 Того, что старыя скрижали
 Хранять въ преданіяхъ нѣмыхъ;
 Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
 Они народной Немезиды
 Не узрятъ гнѣвнаго лица,
 И не услышатъ пѣснь обиды
 Отъ лиры Русскаго пѣвца.

Но вы, мучители Палатъ,
 Легкоязычные витія,
 Вы, черни бѣдственный набатъ,
 Клеветники, враги Россіи!
 Что взяли вы?... Еще ли Россѣ
Большой, разслабленный колоссъ?
 Еще ли Сѣверная слава
 Пустая притча, лживый сонъ?

Скажите: скоро ль намъ Варшава
Предпишетъ гордый свой законъ?

Куда отвинемъ строй твердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Волянь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана?
Признавъ мятежныя права,
Отъ насъ отторгнется ль Литва?
Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
Сей пращуръ Русскихъ городовъ,
Сроднитъ ли съ буйною Варшавой
Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?

Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ
Смутили ль Русскаго Владыку?
Скажите, кто главою поникъ?
Кому вѣнецъ: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? Война, и морь,
И бунтъ, и виѣшнихъ бурь напоръ,
Ее, бѣснуясь, потрясали —
Смотрите жъ: все стоитъ она!
А вокругъ нея волненья пали —
И Польши участь рѣшена....

Побѣда! Сердцу сладкій часъ!
Россія, встань и возвышайся!
Греми восторговъ общій гласъ!...
Но тише, тише раздавайся
Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
Могучій мститель злыхъ обидъ,
Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
Кому Суворовскаго лавра
Вѣнокъ сплела тройная брань.

Возставъ изъ гроба своего,
 Суворовъ видитъ плѣнь Варшавы:
 Вострепетала тѣнь его
 Отъ блеска имъ начатой славы!
 Благословляетъ онъ, герой,
 Твое страданье, твой покой,
 Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
 И вѣсть триумфа твоего,
 И съ ней летящаго за Прагу
 Младаго внука своего.

19 ОКТЯБРЯ 1831 Г.

Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей
 Свою святую годовщину,
 Тѣмъ робче старый кругъ друзей
 Въ семью стѣсняется едина;
 Тѣмъ рѣже онъ; тѣмъ праздникъ нашъ
 Въ своемъ веселіи мрачнѣе;
 Тѣмъ глуше звонъ задравныхъ чашъ,
 И наши пѣсни тѣмъ грустнѣе.

Давно ль, друзья?... Но двадцать лѣтъ
 Тому прошло; и что же вижу?
 Того Царя въ живыхъ ужъ нѣтъ;
 Мы жгли Москву, былъ плѣнь Парижу,
 Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ,
 Воскресла Грековъ древнихъ слава,
 Съ престола палъ другой Бурбонъ,
 Отбунтовала вновь Варшава.

Такъ дуновенья бурь земныхъ
 И насъ нечаянно касались;

И мы средь пиршествъ молодыхъ
Душею часто омрачались;
Мы возмужали; рокъ судилъ
И намъ житейски испытанья;
И смерти духъ средь насъ ходилъ,
И назначалъ свои закланья.

Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ;
Шести друзей не узримъ болѣ;
Они, разбросанные, спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ;
Кто дома, кто въ землѣ чужой;
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой; —
И всѣхъ мы братски поминали.

И, мнится, очередь за мной....
Зоветь меня мой Дельвигъ милый,
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсень молодыхъ,
Пировъ и чистыхъ помышлений,
Туда, въ толпу тѣней родныхъ,
На вѣкъ отъ насъ ушедшій геній....

Тѣснѣй, о милые друзья,
Тѣснѣй нашъ вѣрный кругъ составимъ!
Почившимъ пѣснь окончилъ я:
Живыхъ надеждою поздравимъ —
Надеждой нѣкогда опять
Въ пиру Лицейскомъ очутиться,
Всѣхъ остальныхъ еще обнять —
И новыхъ жертвъ ужъ не страшиться.

ЭХО.

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубить ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ —

На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухъ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Ты внимлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ —

И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва. Таковъ
И ты, поэтъ!

ОТРЫВОКЪ.

Когда въ объятія мои
• Твой стройный станъ я заключаю,
И рѣчи нѣжныя любви
Тебѣ съ восторгомъ расточаю —
Безмолвно отъ стѣсненныхъ рукъ
Освобождая станъ свой глбкій,
Ты отвѣчаешь, милый другъ,
Мнѣ недовѣрчивой улыбкой.
Прилѣжно въ памяти храня
Измѣнъ печальныхъ преданья,
Ты безъ участя и вниманья —
Уныло слушаешь меня.

Клянѹ коварныя старанья
Преступной юности моей,
И встрѣчь условныхъ ожиданья
Въ садахъ, въ безмолвіи ночей;
Клянѹ рѣчей любовный шопоть,
И струнъ таинственный напѣвъ,
И ласки легковѣрныхъ дѣвъ,
И слезы ихъ, и поздній ропоть....

1832 г.

Р О Д Р И Г Ъ.

На Испанію родную
Призвалъ Мавра Юліанъ;
Графъ за личную обиду
Мститъ рѣшился Королю.

Дочь его Родригъ похитилъ,
Обезчестилъ древній родъ;
Вотъ за что отчизну предалъ
Раздраженный Юліанъ.

Мавры хлынули потокомъ
На Испанскіе берега —
Царство Готевъ миновалось,
И съ престола палъ Родригъ.

Готѣы пали не безславно:
Храбро билися они;
Долго Мавры сомнѣвались,
Одолѣеть кто кого.

Восемь дней сраженье длилось;
Споръ рѣшенъ былъ наконецъ:
Былъ на полѣ битвы пойманъ
Конь любимый Короля.

Шлемъ и мечъ его тяжелый
Были найдены въ пыли.

Короля почли убитымъ —
И никто не пожалѣлъ.

Но Родригъ въ живыхъ остался:
Бился онъ всё восемь дней;
Онъ сперва хотѣлъ побѣды,
Тамъ ужъ смерти лишь алкалъ.

И кругомъ свистали стрѣлы,
Не касаяся его;
Мимо дротики летали;
Шлема мечъ не разсѣкалъ.

На послѣдокъ, утомившись,
Соскочилъ съ коня Родригъ,
Мечъ съ запекшеюся кровью
Отъ ладони отклеилъ,

Бросилъ на земь шлемъ пернатый
И блестящую броню —
И, спасенный мракомъ ночи,
Съ поля битвы онъ ушелъ.

Отъ полей кровавой битвы
Удаляется Родригъ;
Короля опередила
Вѣсть о гибели его.

Стариковъ и бѣдныхъ женщинъ
На распутьяхъ видитъ онъ,
Всѣ толпой бѣгутъ отъ Мавровъ
Къ укрѣпленнымъ городамъ.

Всѣ, рыдая, молятъ Бога
О спасеньи Христіанъ;
Всѣ Родрига проклинаютъ —
И проклятья слышитъ онъ,

И съ поникшею главою
Мимо ихъ пройти спѣшитъ,
И не смѣетъ даже молвить:
Помолитесь за него.

Наконецъ на берегъ моря
Въ третій день приходитъ онъ —
Видитъ темную пещеру
На пустынномъ берегу.

Въ той пещерѣ онъ находитъ
Крестъ и заступъ — а въ углу
Трупъ отшельника и яму,
Имъ изрытую давно.

Тлѣнье трупа не коснулось;
Онъ лежитъ окостенѣвъ,
Ожидая погребенья
И молитвы Христіанъ.

Трупъ отшельника съ молитвой
Схоронилъ Родригъ-король,
И въ пещерѣ поселился
Надъ могилою его.

Онъ питаться сталъ плодами
И водою ключевой,
И себѣ могилу вырылъ,
Какъ предшественникъ его.

Короля въ уединеньи
Сталъ лукавый искушать,
И видѣньями ночными
Кроткій сонъ его мутить.

Онъ проснется съ содроганьемъ,
Полонъ страха и стыда;

Уноеніе соблазна
Сокрушаетъ духъ его.

Хочетъ онъ молиться Богу
И не можетъ: бѣсъ ему
Шепчетъ въ уши звуки битвы,
Или страстныя слова.

Онъ въ уныніи проводитъ
Дни и ночи недвижимъ,
Устремивъ глаза на море,
Поминая старину.

Но отшельникъ, чьи остатки
Онъ усердно схоронилъ,
За него передъ Всевышнимъ
Заступился въ небесахъ.

Въ сновидѣнныи благодатномъ
Онъ явился Королю,
Бѣлой ризою одѣянъ
И сіянемъ окруженъ.

И король, объятый страхомъ,
Ницъ повергся передъ нимъ,
И вѣщалъ ему Угодникъ:
Встань — и міру вновь явись.

Ты вѣнецъ утратилъ царскій;
Но Господь рукъ твоей
Дастъ побѣду надъ врагами,
А душѣ твоей покой.

Пробудясь, Господню волю
Сердцемъ онъ уразумѣлъ,

И, съ пустынею разставшись,
Въ путь отправился Король....

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Долго сихъ листовъ завѣтныхъ
Не касался я перомъ;
Виновать, въ столѣ моемъ
Ужъ давно безъ строкъ привѣтныхъ
Залежался твой альбомъ.
Въ именины, очень кстати,
Пожелать тебѣ я радъ
Много всякой благодати,
Много сладостныхъ отрадъ,
На Парнасѣ много грома,
Въ жизни много тихихъ дней,
И на совѣсти твоей
Ни одинаго альбома
Отъ красавицъ, отъ друзей.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большаго свѣта и Двора
Я сохранила взоръ холодный,
Простое сердце, умъ свободный
И правды пламень благородный —
И какъ дитя была добра,
Смѣялась надъ толпою вздорной,
Судила здраво и свѣтло,

И шутки злости самой черной
Писала прямо на-бѣло.

16 марта 1832.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Гонимый рока самовластьемъ
Отъ пышной далеко Москвы,
Я буду вспоминать съ участьемъ
То мѣсто, гдѣ цвѣтете вы.
Столичный шумъ меня тревожить;
Всегда въ немъ грустно я живу —
И ваша память только можетъ
Одна напомнить мнѣ Москву.

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
Волненіямъ любви безумно предаваться!
Спокойствіе мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться.
Нѣтъ, полно мнѣ любить! Но почему жъ порой
Не погружуся я въ минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдетъ передо мной
Младое, чистое, небесное созданье?
Пройдетъ и скроется!... Уже ль не можно мнѣ,

Глазами слѣдовать за ней, и въ тишинѣ
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцемъ ей желать всѣ блага жизни сей:
Веселья, миръ души, безпечные досуги,

Все... даже счастье того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги.

27 октября 1832.

А. Д. БАРАТЫНСКОЙ.

Когда-то, помню съ умиленьемъ,
Я смѣлъ васъ нянчить съ восхищеньемъ:
Вы были дивное дитя.
Вы расцвѣли — съ благоговѣньемъ
Вамъ нынѣ поклоняюсь я.
За вами сердцемъ и глазами
Съ невольнымъ трепетомъ ношусь,
И вашей славою, и вами,
Какъ нянька старая, горжусь.

ПОДРАЖАНІЕ ДРЕВНИМЪ.

1.

(ИЗЪ КСЕНОФОНТА КОЛОФОНСКАГО.)

Чистый лоснится полъ; стеклянные чаши блистаютъ
Всѣ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняетъ, зажмурясь,
Ладона сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,
Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
Свѣтлой, студеной воды, золотистые хлѣбы, янтар-
ный
Медъ и сыръ молодой—все готово; весь убранъ цвѣ-
тами

НАЧАЛО ПОВѢСТИ.

Въ Еврейской хижинѣ лампада
Въ одномъ углу горитъ;
Передъ лампадою старикъ
Читаетъ Библию. Съдые
На книгу падаютъ власы.
Надъ колыбелію пустой
Еврейка плачетъ молодая.
Въ другомъ углу, главой
Поникнувъ, молодой Еврей
Глубоко въ думу погруженъ.
Въ печальной хижинѣ старушка
Готовитъ скудную трапезу.
Старикъ, закрывъ святую книгу,
Застежки мѣдныя сомкнулъ.
Старуха ставитъ бѣдный ужинъ
На столъ и всю семью зоветъ:
Никто нейдетъ, забывъ о пищѣ.
Текутъ въ безмолвіи часы.
Уснуло все подъ сѣнью ночи;
Еврейской хижины одной
Не посѣтилъ отрадный сонъ.
На колокольнѣ городской.
Бьетъ полночь. — Вдругъ рукой тяжелой
Стучится къ нимъ — семья вздрогнула.
Младой Еврей встаетъ и дверь
Съ недоумѣньемъ отворяетъ —
И входитъ незнакомый странникъ....

1855 г.

В О Е В О Д А.

(изъ мицкевича.)

Поздно ночью изъ похода
Воротился Воевода.
Онъ слугамъ велитъ молчать;
Въ спальню кинулся къ постелѣ;
Дернулъ пологъ.... Въ самомъ дѣлѣ!
Никого; пуста кровать.

И мрачнѣе черной ночи,
Онъ потушилъ грозны очи,
Сталъ крутить свой сивый усъ....
Рукава назадъ закинулъ,
Вышелъ вонъ, замокъ задвинулъ,
«Гей, ты, кликнулъ, чортовъ кусъ!

«А зачѣмъ нѣтъ у забора
Ни собаки, ни затвора:
Я васъ, хамы!... Дай ружье;
Приготовь мѣшокъ, веревку,
Да сними съ гвоздя винтовку.
Ну, за мною!... Я жъ ее!»

Панъ и хлопецъ подъ заборомъ
Тихимъ крадутся дозоромъ
Входятъ въ садъ — и сквозь вѣтвей,
На скамейкѣ у фонтана,

Въ бѣломъ платьѣ, видятъ, панна —
И мужчина передъ ней.

Говоритъ онъ: «Все пропало,
Чѣмъ лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любилъ:
Бѣлой груди воздыханье,
Нѣжной ручки пожиманье —
Воевода все купилъ.

«Сколько лѣтъ тобой страдалъ я,
Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
Отъ меня ты отперлась.
Не искалъ онъ, не страдалъ онъ,
Серебромъ лишь побрацалъ онъ,
И ему ты отдалась.

«Я скакалъ — во мракѣ ночи
Милой панны видѣть очи,
Руку нѣжную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лѣтъ ей и веселья,
И потомъ навѣкъ бѣжать.»

Панна плачетъ и тоскуетъ,
Онъ колѣна ей цѣлуетъ,
А сквозь вѣтви тѣ глядятъ,
Ружья на земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполомъ зарядъ.

Подступили осторожно.
«Панъ мой, цѣлить мнѣ не можно,»
Бѣдный хлопецъ прошепталъ:
«Вѣтеръ что ли, плачутъ очи,

Дрожь беретъ; въ рукахъ нѣтъ мочи,
Порохъ въ полку не попалъ.)

— «Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мнѣ время!
Сыпь на полку.... Наводи....
Цѣль ей въ лобъ. Лѣвѣ.... выше.
Съ паномъ справлюсь самъ. Потише;
Прежде я; ты погоди.»

Выстрѣлъ по саду раздался,
Хлопецъ пана не дождался;
Воевода закричалъ,
Воевода пошатнулся....
Хлопецъ видно промахнулся:
Прямо въ лобъ ему попалъ.

БУДРЫСЪ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

(изъ мицкевича.)

Три у Будрыса сына, какъ и онъ, три Литвина.
Онъ пришелъ толковать съ молодцами.
Дѣти! сѣдла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи съ бердышами.

Справедлива вѣсть эта: на три стороны свѣта
Три замышлены въ Вильнѣ похода,
Пазъ идетъ на Поляковъ, а Ольгердъ на Прусаковъ.
А на Русскихъ Кестуть-воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранять васъ Литовскіе боги!).

Нынче самъ я не ѣду, васъ я шлю на побѣду,
Трое васъ, вотъ и три вамъ дороги.

Будетъ всёмъ по наградѣ: пусть одинъ въ Новѣградѣ
Поживится отъ Русскихъ добычей.

Жены ихъ, какъ въ; окладахъ, въ драгоцѣнныхъ наря-
дахъ;

Домы полны; богатъ ихъ обычай.

А другой отъ Прусаковъ, отъ проклятыхъ Крыжаковъ,
Можетъ много достать дорогаго:

Денегъ съ цѣлаго свѣта, суконъ яркаго цвѣта —
Янтарю — что песку тамъ морскаго.

Третій съ Пазомъ на Ляха пусть ударитъ безъ страха:

Въ Польшѣ мало богатства и блеску,

Сабель взять тамъ не худо; но ужъ вѣрно оттуда
Привезетъ онъ мнѣ на домъ невѣстку.

Нѣтъ на свѣтѣ Царицы краше Польской дѣвницы.

Весела — что котенокъ у печки —

И какъ роза румяна, а бѣла что смѣтана;

Очи свѣтятся будто двѣ свѣчки!

Былъ я, дѣти, моложе, въ Польшу съвздилъ я тоже.

И оттуда привезъ себѣ жонку;

Вотъ и вѣкъ доживаю, а всегда вспоминаю

Про нее, какъ гляжу въ ту сторонку.

Сыновья съ нимъ простились и въ дорогу пустились,

Ждетъ, пождетъ ихъ старикъ домовитый,

Дни за днями проводитъ; ни одинъ не приходитъ.

Будрысь думалъ: ужъ видно убиты!

Снѣгъ на землю валится, сынъ дорогою мчится,

И подъ буркою ноша большая.

«Чѣмъ тебя надѣлили? что тамъ? Ге — не рубли ли?»
— Нѣтъ, отецъ мой, Полячка младая. —

Снѣгъ пушистый валится, всадникъ съ ношею мчится,
Черной буркой ее покрывая.

«Что подъ буркой такое? Не сукно ли цвѣтное?»
— Нѣтъ, отецъ мой, Полячка младая. —

Снѣгъ на землю валится, третій съ ношею мчится,
Черной буркой ее прикрываетъ.

Старый Будрысъ хлопочеть, и спросить ужъ нехочеть,
А гостей на три свадьбы сзываетъ.

28 октября.

Г У С А Р Ъ.

Скребницей чистилъ онъ коня,
А самъ ворчалъ, сердясь не въ мѣру:
«Занесъ же вражій духъ меня
На распроклятую квартиру!»

«Здѣсь челоѣвка берегутъ,
Какъ на Турецкой перестрѣлкѣ;
Насилу щей пустыхъ дадутъ,
А ужъ не думай о горѣлкѣ.

«Здѣсь на тебя какъ лютой звѣрь
Глядитъ хозяинъ, а съ хозяйкой....
Не бось, не выманишь за дверь
Ее ни честию, ни нагайкой.

«То ль дѣло Кіевъ! Что за край!
Валятся сами въ ротъ галушки,

Виномъ хотъ пару поддавай,
А молодицы — молодушки!

«Ей ей, не жаль отдать души
За взглядъ красоти чернобривой.
Однимъ, однимъ не хороши....
— А чѣмъ же? Расскажи служивой. —

Онъ сталъ крутить свой длинный усъ
И началъ: «Молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ быть, не трусь.
Да глупъ, а мы видали виды.

«Ну, слушай: около Днѣпра
Стоялъ нашъ полкъ; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А мужъ-то померъ, замѣчай-ка.

«Вотъ съ ней и подружился я;
Живемъ согласно, такъ что любо:
Прибью — Марусенька моя
Словечка не промолвить грубо;

«Напьюсь — уложить, и сама
Опохмелиться приготовить;
Мигну бывало: ей, кума!—
Кума ни въ чемъ не прикословить.

«Кажись, о чемъ бы горевать?
Живи въ довольствѣ, безобидно!
Да нѣтъ: я вздумалъ ревновать.
Что дѣлать? врагъ попуталъ видно.

«Зачѣмъ бы ей, подумалъ я,
Вставать до пѣтуховъ! Кто просить?

Шалить Марусенька моя!
Куда ее лукавый носить?

«Я сталъ присматривать за ней.
Разъ я лежу, глаза прищуря
(А ночь была тюрьмы чернѣй
И на дворѣ шумѣла буря),

«И слышу! кумушка моя
Съ печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присѣла къ печкѣ, уголь вздула,

«И свѣчку тонкую зажгла,
Да въ уголокъ пошла со свѣчкой,
Тамъ съ полки скляночку взяла,
И сѣвъ на вѣникъ передъ печкой,

«Раздѣлась до нага; потомъ
Изъ склянки три раза хлебнула,
И вдругъ на вѣникъ верхомъ
Взвилась въ трубу и улизнула.

«Эге! смекнулъ въ минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!...
И съ печки слезъ — и вижу: склянка.

«Понюхалъ: кисло! что за дрянъ!
Плеснулъ я на полъ; что за чудо?
Прыгнулъ хватать, за нимъ лахань,
И оба въ печь. Я вижу: худо!

«Гляжу: подъ лавкой дремлетъ котъ;
И на него я брызнулъ склянкой —
Какъ фыркнетъ онъ! Я: брысь!... И вотъ
И онъ туда же за лаханкой.

«Я ну кропить во всё углы
Съ плеча, во что ужъ ни попало:
И все: горшки, скамьи, столы,
Маршъ! маршъ! все въ печку поскакало.

«Кой чортъ! подумалъ я: теперь
И мы попробуемъ! и духомъ
Всю склянку выпилъ; вѣрь не вѣрь —
Но къ верху вдругъ взвился я пухомъ.

«Стремглавъ лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу:
Правѣй! и на земь упадаю.

«Гляжу: гора. На той горѣ
Кипятъ котлы; поютъ, играютъ,
Свистятъ, и въ мерзостной игрѣ
Жида съ лягушкою вѣнчаютъ.

«Я плюнулъ и сказать хотѣлъ....
И вдругъ бѣжить моя Маруся:
Домой! кто звалъ тебя, пострѣлъ?
Тебя съѣдятъ! — Но я, не струся:

«Домой? да чорта съ два! Почему
Мнѣ знать дорогу! — Ахъ, онъ странный!
Вотъ кочерга, садись верхомъ
И убирайся, окаянный. —

«Чтобъ я, я сълъ на кочергу,
Гусаръ присяжный! Ахъ, ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура!

«Коня! — На, дурень, вотъ и конь. —
И точно: конь передо мною,

Скребеть копытомъ, весь огонь,
Дугою шея, хвостъ трубою.

«Садись. — Вотъ сѣлъ я на коня,
Ищу уздечки — нѣтъ уздечки.
Какъ взвился, какъ понесъ меня —
И очутились мы у печки.

«Гляжу: все также; самъ же я
Сажу верхомъ, и подо мною
Не конь, а старая скамья:
Вотъ что случается порою!»

И сталъ крутить свой длинный усъ,
Прибавя: «молвить безъ обиды,
Ты хлопецъ, можетъ быть не трусъ,
Да глупъ, а мы видали виды.»

СТРАННИКЪ.

(ИЗЪ ВУНЬЯНА.)

I.

Однажды, странствуя среди долины дикой
Незапно былъ объять я скорбію великой
И тяжкимъ бременемъ подавленъ и согбенъ,
Какъ тотъ, кто на судѣ въ убійствѣ уличенъ.
Потупя голову, въ тоскѣ ломая руки,
Я въ вопляхъ изливалъ души пронзенной муки
И горько повторялъ, метаясь какъ больной:
Что дѣлать буду я? что станетъ со мной?

II.

И такъ я, сѣтуя, въ свой домъ пришелъ обратно.
Уныніе мое всѣмъ было непонятно.

При дѣтяхъ и женѣ сначала я былъ тихъ,
И мысли мрачныя хотѣлъ таить отъ нихъ;
Но скорбь часъ отъ часу меня стѣснила болѣ —
И сердце наконецъ открылъ я по неволѣ.

«О горе, горе намъ! Вы, дѣти, ты, жена,
Сказалъ я, вѣдайте: моя душа полна
Тоской и ужасомъ; мучительное бремя
Тягчить меня. Идетъ!... Ужъ близко, близко время:
Нашъ городъ пламени и вѣтрамъ обреченъ;
Онъ въ угли и золу вдругъ будетъ обращенъ —
И мы погибнемъ всѣ, коль не успѣемъ вскорѣ
Обрѣсть убѣжище — а гдѣ?... О горе, горе!»

III.

Мои домашніе въ смущеніе пришли
И здравый умъ во мнѣ разстроенымъ почли.
Но думали, что ночь и сна покой цѣлебный
Охолодятъ во мнѣ болѣзни жаръ враждебный;
Я легъ, но во всю ночь все плакалъ и вздыхалъ,
И ни на мигъ очей тяжелыхъ не смыкалъ.
Поутру я одинъ сидѣлъ, оставя ложе.
Они пришли ко мнѣ; на ихъ вопросъ я тоже,
Что прежде говорилъ. Тутъ ближніе мои,
Не довѣряя мнѣ, за должное почли
Прибѣгнуть къ строгости. Они съ ожесточеньемъ
Меня на правый путь и бранью и презрѣньемъ
Старались обратить. Но я, не внемля имъ,
Все плакалъ и вздыхалъ, уныніемъ тѣснимъ.
И наконецъ они отъ крика утомились,

И отъ меня, махнувъ рукою, отступились
 Какъ отъ безумнаго, чья рѣчь и дикій плачь
 Докучны, и кому суровый нуженъ врачъ.

IV.

Пошелъ я вновь бродить — унынемъ изнывая.
 И взоры вокругъ себя со страхомъ обращая,
 Какъ рабъ, замыслившій отчаянный побѣгъ,
 Иль путникъ, до дождя спѣшащій на ночлегъ.
 Безсонный труженикъ, влача свою веригу,
 Я встрѣтилъ юношу, читающаго книгу.
 Онъ тихо поднялъ взоръ и спросилъ меня:
 О чемъ, бродя одинъ, такъ горько плачу я?
 И я въ отвѣтъ ему: познай мой жребій злобный;
 Я осужденъ на смерть и позванъ въ судъ загробный—
 И вотъ о чемъ крушусь; къ суду я не готовъ,
 И смерть меня страшитъ. «Коль жребій твой таковъ
 Онъ возразилъ, и ты такъ жалокъ въ самомъ дѣлѣ,
 Чего жъ ты ждешь? зачѣмъ не убѣжишь отсель?»
 И я: куда жъ бѣжать? Какой мнѣ выбрать путь?
 Тогда: «Не видитъ ли твой взоръ чего нибудь?»
 Сказалъ мнѣ юноша, вдаль указуя перстомъ.
 Я окомъ сталъ глядѣть болѣзненно отверзтымъ,
 Какъ отъ бѣльма врачомъ избавленный слѣпецъ:
 Я вижу нѣкій свѣтъ — сказалъ я наконецъ.
 «Иди жъ — онъ продолжалъ: держись сего ты свѣта;
 Пусть будетъ онъ тебѣ единственная мѣта,
 Доколѣ оныхъ вратъ еще ты не достигъ;
 Ступай!» И я бѣжать пустился въ тотъ же мигъ.
 Побѣгъ мой произвелъ въ семьѣ моей тревогу:
 И дѣти, и жена кричали мнѣ съ порогу,
 Чтобъ воротился я скорѣе. Крики ихъ
 На площадь привлекли пріятелей моихъ.
 Одинъ бранилъ меня, другой моей супругѣ

Совѣты подавалъ, иной жалѣлъ о другѣ;
 Кто поносилъ меня, кто на смѣхъ подымалъ,
 Кто силой воротить сосѣдамъ предлагалъ;
 Иные ужъ за мной гнались — но я тѣмъ болѣ
 Спѣшилъ перебѣжать городовое поле,
 Дабы скорѣй войти, оставя тѣ мѣста,
 Спасенія путемъ въ таинственны врата!...

26 іюля.

Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума;
 Нѣтъ, легче посохъ и сума,
 Нѣтъ, легче трудъ и гладь.

Не то, чтобъ разумомъ моимъ
 Я дорожилъ, не то, чтобъ съ нимъ
 Разстаться былъ не радъ.

Когда бъ оставили меня
 На волѣ, какъ бы рѣзво я
 Пустился въ темный лѣсъ!

Я пѣлъ бы въ пламенномъ бреду,
 Я забывался бы въ чаду
 Нестройныхъ, чудныхъ грезъ.

Силенъ и воленъ былъ бы я,
 Какъ вихорь, роющій поля,
 Ломающій лѣса,

И я бъ заслушивался волнь,
 И я глядѣлъ бы, счастья полнь,
 Въ пустыя небеса.

Да вотъ бѣда: сойди съ ума,
И страшень будешь, какъ чума;
Какъ разъ тебя запрутъ;

Посадятъ на цѣпь дурака,
И сквозь рѣшетку, какъ зверка, /
Дразнить тебя прійдутъ.

А ночью слышать буду я,
Не голосъ яркій соловья,
Не шумъ глухой лѣсовъ,

А крикъ товарищей моихъ,
Да брань зрителей ночныхъ,
Да визгъ, да звонъ оковъ.

Когда бъ не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здѣсь остался бъ — наслажденье
Вкушать въ невѣдомой тиши,
Забылъ бы всѣхъ желаній трепеть,
Мечтою бъ цѣлый міръ назвалъ —
И все бы слушалъ этотъ лепеть,
Все бъ эти ножки цѣловалъ....

1833. Дорога Сентябрь

1834 г.

МОЦКЕВИЧЪ.

Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужаго; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на Западъ — и благословеньемъ
Его мы проводили. Но теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,
Поетъ онъ ненависть: издалека
Знакомый голосъ злобнаго поэта
Доходитъ къ намъ!... О Боже! Возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу!

10 Августа 1834. Спб.

КЪ Н* * .

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
 Тебя мы долго ожидали;
 И свѣтель ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ,
 И вынесъ намъ свои скрижали.
 И что жъ? Ты насъ обрѣлъ въ пустынѣ подъ ша-
 тромъ,
 Въ безумствѣ суетнаго пира,
 Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
 Отъ насъ созданнаго кумира.
 Смугились мы, твоихъ чуждаяся лучей.
 Въ порывѣ гнѣва и печали
 Ты проклялъ насъ, бессмысленныхъ дѣтей,
 Разбивъ листы своей скрижали....
 Нѣтъ, ты не проклялъ насъ!... Ты любишь съ вы-
 соты
 Скрываться въ тѣнь долины малой,
 Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты
 Журчанью пчелъ надъ розой алой.

1835 г.

ПОЛКОВОДЕЦЪ.

У Русскаго Царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазь вѣнца хранится за стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
Своею кистию свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокой.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ Нимфъ, ни дѣвственныхъ
Мадоннъ,
Ни Фавновъ съ чашами, ни полногрудныхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ: а все плащи, да шпаги,
Да лица, полныя воиственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу,
И на знакомые ихъ образы гляжу,
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарѣлись, и никнуть въ тишинѣ
Главою лавровой.

Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда останавлиюсь предъ нимъ, и не свожу ,

Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ — густая мгла;
За нимъ — военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье —
Но Доу далъ ему такое выраженье.

О вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслию великой;
И въ имени твоёмъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною,
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ....
И долго укрѣпленъ мугущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ непоколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
И на полупути былъ долженъ наконецъ
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманнй глубоко, —
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ слышавшій впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти, —
Вотще! —

О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
 Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
 Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
 Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
 Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
 Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

Апрѣля 1835, св. Воскр. Сиб. мятель и морозъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Одно стихотвореніе, напечатанное въ моемъ журналѣ, навлекло на меня обвиненіе, въ которомъ долгомъ полагаю оправдаться. Это стихотвореніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько грустныхъ размышленій о заслуженномъ полководцѣ, который въ великій 1812 годъ прошелъ первую половину поприща, и взялъ на свою долю всѣ невзгоды отступленія, всю отвѣтственность за неизбѣжные уронъ, предоставляя своему безсмертному преемнику славу отпора, побѣдъ и полнаго торжества. Я не могъ подумать, чтобы тутъ можно было увидѣть намѣреніе оскорбить чувство народной гордости и стараніе унижить священную славу Кутузова; однако жъ меня въ томъ обвинили.

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою Россіи, съ памятью о величайшемъ событіи новѣйшей исторіи. Его титуло: спаситель Россіи; его памятникъ: скала Святой Елены! Имя его не только священно для насъ, но не должны ли мы еще радоваться, мы, Русскіе, что оно звучитъ Русскимъ звукомъ?

И могъ ли Барклай-де-Толли совершить имъ начатое поприще? Могъ ли онъ остановиться и предложить сраженіе у кургановъ Бородина? Могъ ли онъ послѣ ужасной битвы, *идѣ равенъ былъ неравный споръ*, отдать Москву Наполеону и стать въ бездѣйствіи на равнинахъ Тарутинскихъ? Нѣтъ! (Не говорю уже о превосходствѣ военнаго генія). Одинъ Кутузовъ могъ предложить Бородинское сраженіе; одинъ Кутузовъ могъ отдать Москву непріятелю; одинъ Кутузовъ могъ оставаться въ этомъ мудромъ, дѣятельномъ бездѣйствіи, усыпляя Наполеона на пожарищѣ Москвы и выжидая роковой минуты: ибо Кутузовъ одинъ облеченъ былъ въ народную довѣренность, которую такъ чудно онъ оправдалъ!

Неужели должны мы быть благодарны къ заслугамъ Барклая-де-Толли, потому что Кутузовъ великъ? Ужели послѣ двадцати-пяти-лѣтняго безмолвія, поэзіи не позволено произнести его имени съ участіемъ и умиленіемъ? Вы упрекаете стихотворца въ несправедливости его жалобъ; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оцѣнены, награждены. Такъ, но кѣмъ и когда?... Конечно не народомъ, и не въ 1812 году. Минута, когда Барклай принужденъ былъ уступить начальство надъ войсками, была радостна для Россіи, но тѣмъ не менѣе тяжела для его стоическаго сердца. Его отступленіе, которое нынѣ является яснымъ и необходимымъ дѣйствиємъ, казалось вовсе не таковымъ: не только ропталъ народъ, ожесточенный и негодующій, но даже опытные воины горько упрекали его и почти въ глаза называли измѣнникомъ. Барклай, не внушающій довѣренности войску, ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злорѣчіемъ, но убѣжденный въ самага себя, молча идущій къ сокровенной цѣли и уступающій

власть, не успѣвъ оправдать себя, передъ глазами Россіи, останется навсегда въ исторіи высоко-поэтическимъ лицомъ.

Слава Кутузова не имѣетъ нужды въ похвалѣ чьей бы то ни было; а мнѣніе стихотворца не можетъ ни возвысить, ни унижить того, кто низложилъ Наполеона и вознесъ Россію на ту ступень, на которой она явилась въ 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда въ смиренной хвалѣ моей вождю, забытому Жуковскимъ, соотечественники мои могли подозрѣвать низкую и преступную сатиру на того, кто нѣкогда внушилъ мнѣ слѣдующіе стихи, конечно недостойные великой тѣни, но искренніе и изліянныя изъ души.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главою....
Все спитъ кругомъ; однѣ лампы
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной.
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальнойъ изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Въ твоёмъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ Русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ

Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ — и спасъ....

Внемли жъ и днесъ нашъ вѣрный гласъ..
Возстанъ, спасай Царя и насъ,
О старецъ грозный! На мгновенье
Явись, у двери гробовой —
Явись, вдохни восторгъ и рвенье
Полкамъ, оставленнымъ тобой!

Явись и дланію своей
Намъ укажи въ толпѣ вождей
Кто твой наслѣдникъ, твой избранный!
Но храмъ въ моленье погруженъ
И тихъ твоей могилы бранной
Невозмутимый, вѣчный сонъ...

Т У Ч А.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.

Ты небо недавно кругомъ облежала,
И молнія грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный громъ,
А алчную землю поила дождемъ.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря промчалась,

И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

13 Апрѣля 1835.

ПИРЪ ПЕТРА ПЕРВАГО.

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ;
Въ Царскомъ домѣ пиръ веселой;
Рѣчь гостей хмѣльна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пируетъ Царь великій
Въ Петербургѣ-городкѣ?
Отчего пальба и клики
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русскій штыкъ, иль Русскій флагъ?
Побѣжденъ ли Шведъ суровой?
Мира ль просить грозный врагъ?

Иль въ отъятый край у Шведа
Прибыль Брантовъ утлый ботъ,
И пошелъ на встрѣчу *дяди*
Всей семьей нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь науки
Пѣсень хоръ и пушекъ громъ?

Годовщину ли Полтавы
 Торжествуетъ Государь,
 День, какъ жизнь своей Державы
 Спасъ отъ Карла Русскій Царь?
 Родила ль Екатерина?
 Имянинница ль Она,
 Чудотворца-Исполина
 Чернобровая Жена?

Нѣтъ! Онъ съ подданнымъ мирится;
 Виноватому вину
 Отпуская, веселится;
 Кружку пѣнитъ съ нимъ одну;
 И въ чело его цѣлуетъ,
 Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
 И прощенье торжествуетъ,
 Какъ побѣду надъ врагомъ.

Оттого-то шумъ и клики
 Въ Петербургѣ-городеѣ,
 И пальба, и громъ музыки,
 И эскадра на рѣкѣ;
 Оттого-то въ часъ веселой
 Чаша Царская полна,
 И Нева пальбой тяжелой
 Далеко потрясена.

Вновь я посѣтилъ
 Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
 Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
 Ужъ десять лѣтъъ ушло съ тѣхъ поръ, и много e
 Перемѣнилось въ жизни для меня,
 И самъ, покорный общему закону,

Перемѣнился я; но здѣсь опять
 Минувшее меня объемлетъ живо —
 И кажется вчера еще бродилъ
 Я въ этихъ рощахъ.

Вотъ смиренный домигъ,
 Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моею.
 Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
 Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
 Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
 И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
 Я сиживалъ недвижимъ и глядѣлъ
 На озеро, вспоминая съ грустью
 Иные берега, иныя волны...
 Межъ нивъ золотыхъ и пажитей зеленыхъ
 Оно, синѣя, стелется широко:
 Черезъ его невѣдомыя воды
 Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
 Убогій неводъ. По берегамъ отлогимъ
 Разсѣяны деревни; тамъ за ними
 Скривилась мельница, насилу крылья
 Ворочая при вѣтрѣ..

На границѣ
 Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
 Гдѣ въ гору подымается дорога,
 Изрытая дождями, три сосны
 Стоять, одна по-одаль, двѣ другія
 Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
 Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
 Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
 Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
 Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
 Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ же,
 Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
 Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
 Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,

Теперь младая роща разрослась,
 Зеленою семьей кусты тѣснятся
 Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
 Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
 Какъ старый холостякъ, и вокругъ него
 По прежнему все пусто.

Здравствуй, племя
 Младое, незнакомое! Не я
 Увижу твой могучій поздній возрастъ,
 Когда перерастешь моихъ знакомцевъ,
 И старую главу ихъ заслонишь
 Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
 Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
 Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
 Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
 Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
 И обо мнѣ вспоминать....

Въ разны годы
 Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
 Являлся я! Когда вы въ первый разъ
 Увидѣли меня, тогда я былъ
 Веселый юношей. Безпечно, жадно
 Я приступалъ лишь только къ жизни; годы
 Промчались — и вы во мнѣ пріями
 Усталого пришельца! Я еще
 Былъ молодъ, но уже судьба
 Меня борьбой не ровной истомила;
 Я былъ ожесточенъ! Въ уныньи часто
 Я помышлялъ о юности моей,
 Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
 О строгости заслуженныхъ упрековъ,
 О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
 За жаръ души довѣрчивой и нѣжной —
 И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства!

26 сентября 1833 года

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЕВОЙ ОДЪ.

(AD ROMULUM. II. Ч.)

Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ
Того съ кѣмъ первые походы
И браней ужась я дѣлилъ,
Когда за призракомъ свободы
Насъ Брутъ отчаянный водилъ;
Съ кѣмъ я тревоги боевыя
Въ шатрѣ за чашей забывалъ,
И кудри, плющемъ увитыя,
Сирійскимъ мурромъ умащалъ?

Ты помнишь часъ ужасной битвы,
Когда я, трепетный квирить,
Бѣжалъ, нечестно брося щитъ,
Творя обѣты и молитвы?
Какъ я боялся, какъ бѣжалъ!
Но Эрмій самъ незапной тучей
Меня покрылъ и вдалѣ умчалъ,
И спасъ отъ смерти неминучей.

А ты, любимецъ первый мой,
Ты снова въ битвахъ очутился....
И нынѣ въ Римъ ты возвратился,
Въ мой домикъ темный и простой.
Садись подъ сѣнь моихъ пенатовъ;
Давайте чаши! Не жалѣй
Ни винъ моихъ, ни ароматовъ!
Готовы чаши, мальчикъ? лей!
Теперь не кстати воздержанье:
Какъ дикій Скиѣъ хочу я пить,
И, съ другомъ празднуня свиданье,
Въ винѣ разсудокъ утопить.

LVII ОДА АНАКРЕОНА.

Что же сухо въ чашѣ дно?
 Наливай мнѣ, мальчикъ рѣзвой;
 Только пьяное вино
 Раствори водою трезвой.
 Мы не Скиѣы; не люблю,
 Други, пьянствовать безчинно;
 Нѣтъ! За чашей я пою,
 Иль бесѣдую невинно.

ИЗЪ АНАКРЕОНА.

(ОТРЫВОКЪ.)

Узнаемъ коней ретивыхъ
 Мы по выжженнымъ тавра́мъ;
 Узнаемъ Паряныя кичливыхъ
 По высокимъ каблукамъ:
 Я любовниковъ счастливыхъ
 Узнаю по ихъ глазамъ....
 Въ нихъ сіяетъ пламень томный —
 Наслажденій знакъ нескромный.

Богъ веселый винограда
 Позволяетъ намъ три чаши
 Выпивать въ пиру вечернемъ:
 Чаша первая Харитамъ
 Обнаженнымъ и стыдливымъ
 Посвящается; вторая

Краснощекому здоровью;
 Третья дружбѣ многолѣтней.
 Мудрый послѣ третьей чашы,
 Всѣ вѣнки съ главы слагая,
 Совершаетъ возліянье
 Благодатному Морфею.

ОДА LVІ (ИЗЪ АНАГРЕОНА.)

Порѣдѣли, побѣдѣли
 Кудри — честь главы моей.
 Зубы въ деснахъ ослабѣли.
 И потухъ огонь очей.
 Сладкой жизни мнѣ немного
 Провожать осталось дней;
 Парка счетъ ведетъ имъ строго,
 Тартаръ тѣни ждетъ моей.
 Страшенъ хладъ подземна свода:
 Входъ въ него для всѣхъ открытъ,
 Изъ него же нѣтъ исхода;
 Всякъ на вѣки тамъ забыть.

Юноша! скромно пируй, и шумную Вакхову влагу
 Съ трезвой струею воды, съ мудрой бесѣдой мѣшай.

МАЛЬЧИКУ.

(ИЗЪ КАТУЛЛА.)

Minister vetuli puer.

Пьяной горечью Фалерна
 Чашу мнѣ наполни, мальчикъ!

Я нынѣ пою;
Не розу Θεосскую,
Виномъ окропленную,
Стихами хвалю:
Но Розу счастливую,
На персяхъ увядшую
Элины моей....

ПОДРАЖАНІЕ АРАБСКОМУ.

Отрокъ милый, отрокъ нѣжный,
Не стыдись, на вѣкъ ты мой!
Тотъ же въ насъ огонь мятежный,
Жизнью мы живемъ одной.
Не боюсь я насмѣшекъ —
Мы сдвоились межъ собой:
Ты точь въ точь двойной орѣшекъ
Подъ одною скорлупой.

1856 г.

Д. В. ДАВЫДОВУ.

(ПРИ ПОСЫЛКѢ «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКАГО ВУНТА.»)

Тебѣ пѣвцу, тебѣ герою!
Не удалось мнѣ за тобою
При громѣ пушечномъ, въ огнѣ
Скакать на бѣшеномъ конѣ.
Наѣздникъ смирнаго пегаса,
Носилъ я стараго Парнасса
Изъ моды вышедшій мундиръ:
Но и по этой службѣ трудной,
И тутъ, о мой наѣздникъ чудной,
Ты мой отецъ и командиръ.
Вотъ мой Пугачъ: при первомъ взглядѣ
Онъ виденъ: плутъ, казакъ прямой;
Въ передовомъ твоёмъ отрядѣ
Урядникъ былъ бы онъ лихой.

1856. 18 января, Спб.

Когда за городомъ задумчивъ я брожу
И на публичное кладбище захожу —
Рѣшетки, столбики, нарядныя гробницы,
Подъ воими гниютъ всѣ мертвецы столицы,
Въ болотѣ кое-какъ стѣсненные кругомъ,
Какъ гости жадные за нищенскимъ столомъ;

Купцовъ, чиновниковъ усопшихъ мавзолеи,
 (Дешеваго рѣзца недѣпныя затѣи!)
 Надъ ними надписи и въ прозѣ и въ стихахъ
 О добродѣтеляхъ, о службѣ, о чинахъ;
 По старомъ рогачѣ вдовицѣ плачь амурный,
 Ворами со столбовъ отвинченныя урны,
 Могилы склизкія, рѣвующія тутъ,
 Которыя жильцовъ къ себѣ на утро ждуть —
 Такія смутныя мнѣ мысли все наводитъ,
 Что злое на меня уныніе находитъ,
 Хотъ плюнуть да бѣжать.

Но какъ же люблю мнѣ
 Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
 Въ деревнѣ посѣщать владбище родовое,
 Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ:
 Къ нимъ ночью темною не лезетъ блѣдный воръ.
 Близъ камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ
 мохомъ,
 Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
 На мѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
 Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ
 Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами
 Колеблясь и шумя....

14 марта 1836. Каменный Островъ.

ХУДОЖНИКУ.

(къ Гальбергу.)

Грустенъ и веселъ вхожу, ваятель, въ твою мастер-
 скую:

Гипсу ты мысли даешь, мраморъ послушенъ тебѣ:

Сколько боговъ, и богинь, и героевъ!... Вотъ Зевесъ
громовежець;

Вотъ изъ подлобыя глядитъ, дую въ цѣвницу, Са-
тиръ;

Здѣсь зачинатель Барклай, а здѣсь совершитель Ку-
тузовъ;

Тутъ Аполлонъ—Идеаль, тамъ Ниобея—Печаль....
Весело мнѣ! Но межъ тѣмъ, въ толпѣ молчаливыхъ
кумировъ,

Грустенъ гуляю: со мной добраго Дельвига нѣтъ;
Въ темной могилѣ почилъ художниковъ другъ и со-
вѣтникъ.

Какъ бы онъ обнялъ тебя, какъ бы гордился тобой!

25 марта.

ПОДРАЖАНІЕ ИТАЛІЯНСКОМУ.

(изъ Франческо Джіани.)

Какъ съ древа сорвался предатель ученикъ,
Лукавый прилетѣлъ, къ лицу его приникъ,
Дхнулъ жизнь въ него, взвился съ своей добычей
смердной,

И бросилъ трупъ живой въ гортань геенны гладной....
Тамъ бѣсы, радуясь и плеща, на рога
Пріяли съ хохотомъ всемірнаго врага,
И шумно понесли къ проклятому владыкѣ.
И сатана, привставъ, съ веселіемъ на ликѣ,
Лобзаниемъ своимъ насквозь прожегъ уста,
Въ предательскую ночь лобзавшія Христа

М О Л И Т В А .

Отцы-пустынники и жены непорочны,
 Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
 Чтобъ укрѣплять его средь дольныхъ бурь и битвъ,
 Сложили множество божественныхъ молитвъ;
 Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
 Какъ та, которую священникъ повторяетъ
 Во дни печальные Великаго поста;
 Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста --
 И падшаго свѣжить невѣдомою силой:
 «Владыко дней моихъ! Духъ праздности унылой,
 Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
 И празднословія не дай душѣ моей;
 Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже! прегрѣшенья,
 Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья.
 И духъ смиренія, терпѣнія, любви,
 И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.»

22 іюля 1836.

Когда великое свершилось торжество
 И въ мукахъ на крестѣ кончалось Божество,
 Тогда по сторонамъ животворяща древа,
 Марія-грѣшница и пресвятая Дѣва,
     Стояли двѣ жены
 Въ неизмѣримую печаль погружены.
 Но у подножія теперъ Креста честнаго,
 Какъ будто у крыльца правителя градскаго,
 Мы зримъ — поставлено на мѣсто женъ святыхъ —
 Въ ружьѣ и киверѣ два грозныхъ часовыхъ.
 Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?
 Или распятіе — казенная поклажа,
 И вы боитесь воровъ или мышей?

Иль мните важности придать Царю царей?
 Иль покровительствомъ спасаете могучимъ
 Владыку, терниемъ вѣнчаннаго колючимъ,
 Христа, предавшаго послушно плоть свою
 Бичамъ мучителей, гвоздямъ и копію?
 Иль опасаетесь чтобъ чернь не оскорбила
 Того, чья казнь весь родъ адамовъ искупила?
 Иль, чтобъ не потѣснить гуляющихъ господъ,
 Пускать не велѣно сюда простой народъ?

† іюня.

(ПЗЪ VI ППДЕМОСТЕ.)

Не дорого цѣню я громкія права,
 Отъ коихъ не одна кружится голова.
 Я не ропщу о томъ, что отказали боги
 Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги,
 Или мѣшать другъ съ другомъ воевать;
 И мало горя мнѣ — свободно ли печать
 Морочить олуховъ, иль чуткая ценсура
 Въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура.
 Все это, видите ль — слова, слова, слова! *)
 Иныя, лучшія мнѣ дороги права;
 Иная, лучшая потребна мнѣ свобода....
 Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа —
 Не все ли намъ равно? Богъ съ ними.... Никому
 Отчета не давать, себѣ лишь самому
 Служить и угождать; для власти, для ливреи
 Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
 По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
 Дивясь божественнымъ природы красотамъ,

*) Hamlet. Пр. Пушкин.

И предъ созданными искусства и вдохновенья
 Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья —
 Вотъ счастье! вотъ права!..

5 юля.

19 ОКТЯБРЯ 1836.

Была пора: нашъ праздникъ молодой
 Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
 И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
 И тѣсною сидѣли мы толпой.
 Тогда, душой безпечные невѣжды.
 Мы жили всѣ и легче и смѣлѣй,
 Мы пили всѣ за здравіе надежды
 И юности, и всѣхъ ея затѣй.

Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
 Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился;
 Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился:
 Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ;
 Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется;
 Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ;
 И рѣже смѣхъ средь пѣсень раздается;
 И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Всему пора. Ужъ двадцать пятый разъ
 Мы празднуемъ Лицея день завѣтный;
 Прошли года чредою незамѣтной;
 И какъ они перемѣнили насъ!
 Не даромъ, нѣтъ, промчалась четверть вѣка!
 Не сътуйте: таковъ судьбы законъ.
 Вращается весь міръ вокругъ человѣка,
 Уже ль одинъ недвижимъ будетъ онъ?

Припомните, о други, съ той поры.
 Когда нашъ кругъ судьбы соединили,
 Чему, чему свидѣтели мы были!....
 Игралища таинственной игры,
 Метались смущенные народы,
 И высились и падали цари;
 И кровь людей то славы, то свободы,
 То гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возникъ Лицей,
 Какъ Царь для насъ открылъ чертогъ Царицынъ —
 И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Кунницынъ
 Привѣтствіемъ межъ Царственныхъ гостей,
 Тогда гроза двѣнадцатаго года
 Еще спала; еще Наполеонъ
 Не испыталъ великаго народа —
 Еще грозилъ и колебался онъ.

Вы помните: текла за ратью рать;
 Со старшими мы братьями прощались,
 И въ сѣнь наукъ съ досадою возвращались,
 Завидуя тому, кто умирать
 Шелъ мимо насъ.... И племена сразились,
 Русь обняла кичливаго врага.
 И заревоу Московскимъ озарились
 Его полкамъ готовые снѣга.

Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
 Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался:
 Какой восторгъ тогда предъ Нимъ раздался!
 Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ Онъ,
 Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!
 Вы помните, какъ оживились вдругъ
 Сіи сады, сіи живыя воды,
 Гдѣ проводилъ Онъ славный свой досугъ!

И нѣтъ Его — и Русь оставилъ онъ,
 Внесенну Имъ надъ міромъ изумленнымъ;
 И на скалѣ, изгнанникомъ забвеннымъ,
 Всему чужой, угасъ Наполеонъ.
 И новый Царь, безстрашный и могучій
 На рубежѣ Европы бодро сталъ....

ПАМЯТНИКЪ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворной;
 Къ нему не заростетъ народная тропа;
 Вознесся выше онъ главою непокорной
 Наполеонова столпа.

Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
 Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ —
 И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
 Живъ будетъ хоть одинъ пѣитъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
 И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
 И гордый внукъ Славянъ, и Финъ, и нынѣ дикой
 Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
 Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
 Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ,
 И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна!
 Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;
 Хвалу и клевету приѣмля равнодушно
 И не оспаривай глупца.

СТИХОТВОРЕНІЯ

НЕИЗВѢСТНЫХЪ ГОДОВЪ.

РАЗСУДОКЪ И ЛЮБОВЬ.

Младой Дафнисъ, гоняясь за Доридой,
Постой, кричалъ, прелестная, постой!
Скажи люблю — и бѣгать за тобой
Не стану я, клянуса въ томъ Кипридой.
«Молчи, молчи!» разсудокъ говорилъ.
А плуть Эротъ: «скажи, ты сердцу милъ!»

Ты сердцу милъ! пастушка повторила,
И ихъ сердца огнемъ любви зажглись.
И палъ къ ногамъ красавицы Дафнисъ;
И страстный взоръ Дорида потушила!
«Бѣги, бѣги!» разсудокъ ей твердилъ,
А плуть Эротъ: «останься!» говорилъ.

Осталася, и трепетной рукою
Взялъ руку ей счастливый пастушокъ:
Взгляни, сказалъ, съ подругой голубокъ
Тамъ обнялись подъ тѣнью липъ густою!
«Бѣги, бѣги!» разсудокъ повторилъ;
«Учись отъ нихъ,» Эротъ ей говорилъ.

И нѣжная улыбка пробѣжала
Красавицы на пламенныхъ устахъ,

И вотъ она съ томленіемъ въ глазахъ
Къ любезному въ объятія упала....

«Будь счастлива!» Эротъ ей прошепталъ;
Разсудокъ что жъ? Разсудокъ ужъ молчалъ.

ДЕЛІЯ.

Ты ль передо мною,
Делія моя?
Разлучень съ тобою.
Сколько плакалъ я!
Ты ль передо мною,
Или сонъ мечтою
Обольстилъ меня?

Ты узнала ль друга?
Онъ не то, что былъ;
Но тебя, подруга,
Все жъ не позабылъ;
И твердитъ унылой:
Я любимъ ли милой,
Какъ, бывало, былъ?

Что теперь сравнится
Съ долею моею?
Вотъ слеза катится
По щекъ твоей....
Делія стыдится....
Что теперь сравнится
Съ долею моею?

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Пускай, не знаясь съ Апполономъ
 Поэтъ, придворный философъ,
 Вельможѣ знатному съ поклономъ
 Подноситъ оду въ двѣсти строфъ;
 Но я, любезный Горчаковъ,
 Не просыпаюсь съ пѣтухами,
 И напыщенными стихами,
 Наборомъ громозвучныхъ словъ,
 Я пѣть пустаго не умѣю
 Высоко, тонко и хитро;
 И въ лиру превращать не смѣю
 Мое гусиное перо!
 Нѣтъ, нѣтъ любезный князь, не оду
 Тебѣ намвремъ посвятить;
 Что прибыли соваться въ воду,
 Сначала не спросившись броду,
 И вслѣдъ Державину парить?
 Пишу своимъ я складомъ нынѣ
 Кой какъ стихи на имнины!

Что долженъ я, скажи, въ сей часъ
 Желать отъ чиста сердца другу?
 Глубоку ль старость, милый князь,
 Дѣтей, любезную супругу,
 Или богатства, громкихъ дней,
 Крестовъ, алмазныхъ звѣздъ, честей?
 Не пожелать ли, чтобы славой
 Ты увлеченъ былъ въ путь кровавой,
 Чтобъ въ лаврахъ и вѣнцахъ сіялъ,
 Чтобъ въ битвахъ громъ изъ рукъ металъ?
 И чтобъ побѣда за тобою,
 Какъ древле Невскому герою,
 Всегда, вездѣ летала вслѣдъ?

Не сладострастія поэтъ
 Такою пѣсенкой поздравить....
 Онъ лучше музъ на вѣкъ оставить....
 Дай Богъ любви, чтобъ ты свой вѣкъ,
 Питомецъ нѣжнымъ Эпигура,
 Проведъ межъ Вакха и Амура!
 А тамъ, когда Стигійскій берегъ
 Мелькнетъ въ туманномъ отдаленіи,
 Дай Богъ, чтобъ въ страстномъ упоеніи
 Ты съ томной сладостью въ очахъ,
 Изъ рукъ младаго Купидона,
 Вступая въ мрачный чолнъ Харона,
 Уснулъ.... Эллены на грудяхъ!

ВОСПОМНАНІЕ.

(къ пущинѣ.)

Помнишь ли, мой братъ по чашѣ,
 Какъ въ отрадной тишинѣ,
 Мы топили горе наше
 Въ чистомъ пѣнистомъ винѣ?
 Какъ, укрывшись молчаливо
 Въ нашемъ темномъ уголкѣ,
 Съ Вакхомъ нѣжились лѣниво,
 Школьной стражи вдалекѣ?
 Помнишь ли друзей шептанье
 Вкругъ бокаловъ пуншевыхъ,
 Рюмокъ грозное молчанье,
 Пламя трубокъ грошевыхъ?
 Закипѣвъ, о сколь прекрасно
 Токи дымные текли!...
 Вдругъ педанта гласъ ужасной

Намъ слышавшася вдали:
 И бутылки вмигъ разбиты,
 И бокалы все въ окно,
 Всюду по полу разлиты
 Пуншъ и свѣтлое вино.
 Убѣгаемъ торопливо;
 Вмигъ исчезъ минутный страхъ!
 Щекъ румяныхъ цвѣтъ игривой,
 Умъ и сердце на устахъ,
 Хохоть чистаго веселья,
 Неподвижный, тусклый взоръ —
 Измѣняли чадъ похмелья,
 Сладкой Бакха заговоръ!
 О друзья мои сердечны!
 Вамъ клянуся, за столомъ
 Всякій годъ, въ часы безпечны,
 Поминать его виномъ.

ПОГРЕБЪ.

О, сжальтесь надо мною
 Товарищи, друзья!
 Красоткой удалюю
 Въ конецъ измученъ я!
 Всечастно я тоскую;
 Горька моя судьба!
 Несите жъ круговую,
 Откройте погреба.
 Тамъ, тамъ во льду хранится
 Бутылокъ гордый строй,
 И портера таятся
 Боченокъ выписной.
 Нашъ Либеръ, заикаясь,

Къ нему покажетъ путь:
 Пойдемте всѣ, шатаясь,
 Подъ бочками заснуть!
 Въ нихъ сердца утѣшенье,
 Награда для пѣвцовъ,
 И мукъ любви забвенье,
 И жаръ моихъ стиховъ.

СТАРИЦА-ПРОРОЧИЦА.

(БАРОНУ ДЕЛЬВИГУ.)

На мосту стояла старица.
 На мосту чрезъ синій Волховъ;
 Подошелъ въ dospѣхахъ молодецъ,
 Молвилъ ей съ поклономъ:
 «Загадай ты мнѣ на счастье,
 Ворочусь ли черезъ Волховъ?
 За Шалонью враны каркаютъ,
 Плачеть въ теремѣ невѣста!
 — «Гой еси ты, красный молодецъ!
 Есть теперь одна невѣста,
 Есть одна — Святая Софія:
 Обручись ты съ ней душою,
 Уберися честно ранами,
 И омойся алой кровью.
 Обручись ты съ невѣстою:
 За Шалонью ляжъ костями.
 Если ты мечемъ не выроешь
 Сердцу вольному могилы,
 Не на вѣче, не на родину —
 А придешь ты не неволю!»

Трубы звучать за Шалонью рѣкой:
 Грозно взвѣваютъ Московскіе стяги!
 Съ радостнымъ вѣкомъ Софіи Святой
 Стала дружина и, — полный отваги,
 Ринулся съ берега всадниковъ строй:
 Съ шумомъ расхлынулись волны, вскипѣли;
 Двинулась пѣна сѣдая грядой;
 Строи смѣшались; мечи загремѣли;
 Искрятся молніи съ звонкихъ щитовъ;
 Съ трескомъ въ куски разлетаются брони....
 Кровь потекла.... Разъяренные кони
 Грудью сшибаютъ и топчутъ враговъ;
 Стелются трупы на берегъ Шалони....

Кровью дымилося поле; стихалъ
 Въ стонахъ прерывныхъ, и замеръ гласъ битвы.
 Теплою твоей, о Софія, молитвы
 Спасъ не услышалъ!...

На мосту стояла старица,
 На мосту чрезъ синій Волховъ:
 Не пройдетъ ли красный молодецъ
 Чрезъ широкій, синій Волховъ!
 Проѣзжало много всадниковъ,
 Много пѣшихъ проходило,
 Было много изувѣченныхъ
 И покрытыхъ черной кровью....
 Что, прошелъ ли добрый молодецъ?
 Не прошелъ ли онъ чрезъ Волховъ?

Я здѣсь, Инезилья,
 Стою подъ окномъ!

Объята Севилья
И мракомъ и сномъ!

Исполненъ отвагой,
Окутанъ плащемъ,
Съ гитарой и шпагой
Я здѣсь подъ окномъ!

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу!
Проснется ли старый —
Мечемъ уложу.

Шелковые петли
Есть оловко привѣсь....
Что жъ медлишь?... Ужъ нѣтъ ли
Соперника здѣсь?

Я здѣсь, Инезия,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ и сномъ!

СИРОТКА.

Мнѣ стала извѣстна
И какъ интересна,
Сиротка одна!
Не ловко признаться,
Легко догадаться
Гдѣ встрѣтилъ. Она
Чертами нѣжна.
На свѣтъ создана
Порой заблужденья;

На алыхъ устахъ,
 На бѣлыхъ плечахъ
 Сулитъ восхищенье.
 Задумчивый цвѣтъ
 Къ ненастью привыкшій,
 Съ головкой поникшей,
 Шестнадцати лѣтъ,
 Дитя наслажденья
 Въ ней все восхищенье
 (Въ томъ шлюсь на иныхъ)
 И ножка, и очи —
 Задатокъ для ночи
 Восторговъ прямыхъ!

Проклятый городъ Кишеневъ,
 Тебя бранить языкъ устанетъ!
 Когда нибудь на грѣшный кровъ
 Твоихъ запачканныхъ домовъ
 Небесный громъ конечно грянетъ,
 И не найду твоихъ слѣдовъ!
 Падутъ, погибнуть пламенѣя,
 И пестрый домъ Вареоломея,
 И лавки грязныя жидовъ.
 Такъ.
 Погибъ несчастливый Содомъ;
 Но съ этимъ милымъ городкомъ
 Я Кишеневъ ровнять не смѣю....

(1820—1823).

Смотрю печально, молчаливо,
 На твой исписанный альбомъ,

И мыслю о порѣ счастливой,
 Объ этомъ времени златомъ,
 Когда кипучіе набѣги
 Моей причудливой мечты
 Вносили дюжины элегій
 Въ такіе жъ пестрые листы;
 Когда на клятвы грѣховодникъ,
 Я въ звукахъ пламенныхъ стиховъ
 Ихъ расточалъ и былъ охотникъ
 До упоительныхъ грѣховъ.
 Теперь не то, — не тѣ ужъ грезы,
 Не тѣ лѣта, и я душой —
 Увы! — гожусь лишь для одной
 Звательной почтовой прозы
 Съ ея безгрѣшной чепухой.

Весь день, отъявленный лѣннинецъ,
 Не зная думъ другихъ и дѣлъ,
 Мечтаю я: гдѣ жъ тотъ счастливецъ,
 Кому падешь ты на удѣлъ;
 Кто въ поцѣлуяхъ этихъ губокъ —
 Саперницъ нѣжныхъ устъ харитъ —
 Въ самозабвеніи полный кубокъ
 Земнаго счастья осушить!
 Къ кому уста твои и очи,
 И замирающая грудь,
 Прильнуть во мракѣ тихой ночи
 И не дадутъ тебѣ заснуть!

• . .
 Клянусь заранѣ Гименея
 И грѣшную мечту лелѣя,
 И ея образъ твой чертя,
 Не сплю всю ночь, тоску тая,

Верчусь съ горячею подушкой,
И имъ люблюсь въ тайлѣ я,
Какъ запрещенною игрушкой
Порой любитъся дитя.

Я жизнь любилъ, когда, полна
Игривыхъ сладостныхъ мечтаній,
Она была озарена
Лучами яркихъ упованій
И наслажденьямъ отдана.
Я жизнь любилъ, доколѣ опытъ
И муки огненныхъ страстей
Не возбудили въ сердцѣ ропотъ,
Не изъяснили мнѣ людей
А нынѣ къ жизни равнодушный
Скучаю всѣмъ, и для меня,
Блеснувъ какъ метеоръ воздушный,
Исчезла прелесть бытія.
Ничто не тронетъ, не взволнуетъ
Души безчувственной моей
И объ утратѣ юныхъ дней
Она ужь больше не тоскуетъ.
Надеждъ обманчивые сны,
Веселья пламенные дни,
Любви таинственные ночи, —
Я васъ забылъ, — забылъ и васъ
Обворожительныя очи:
Пылъ прежнихъ чувствъ во мнѣ погасъ.
Я полюбилъ покой безстрастья
И благъ у жизни не прошу:
Я не пойму земнаго счастья,
Я сердце мертвое ношу.

ТЫ И Я.

Ты прозаикъ, я поэтъ;
 Ты богатъ, я очень бѣденъ;
 Ты румянъ, какъ маковъ цвѣтъ,
 Я, какъ смерть, и тощъ и блѣденъ.
 Не имѣя въ вѣкъ заботъ,
 Ты живешь въ огромномъ домѣ;
 Яжъ средь горя и хлопотъ,
 Провожу дни на соломѣ.
 Ъшь ты сладко всякій день,
 Тянешь вины на свободѣ
 И тебѣ не рѣдко лѣнь....

Тебѣ въ прощальныя мгновенья
 Стихи на память я пишу;
 Быть можетъ очень я грѣшу,
 Ввѣряя имъ мои мученья;
 Но что же дѣлать? — ничего
 Въ душѣ скрывать и не умѣю:
 И о прошедшемъ я жалѣю,
 И жаль мнѣ сердца твоего.
 Мнѣ грустно, другъ мой, что отнынѣ
 Жизнь потечетъ твоя въ пустынь,
 Гдѣ будутъ видѣть только глушь
 Твои голубенькіе глазки;
 Гдѣ думъ и чувствъ твоихъ и ласки
 Одинъ владѣтель будетъ — мужъ.
 И грустно мнѣ что этимъ ножкамъ
 Ужъ не гулять въ тиши ночей,
 При лунномъ свѣтѣ, по дорожкамъ

Тѣнистыхъ липовыхъ аллей.
 И мнѣ о многомъ грустно, грустно....
 Но какъ все это передать
 И какъ все выразить изустно,
 Что можетъ сердце волновать?
 Но я тоски моей не прячу
 И, разставаяся съ тобой,
 Я какъ ребенокъ горько плачу,
 Прекрасный другъ мой, ангелъ мой!

ДВѢ ЛИЦЕЙСКІЯ ЭПИГРАММЫ НА
 В. КЮХЕЛБЕКЕРА.

I.

НЕСЧАСТЬЕ КЛИТА.

Внукъ Тредьяковскаго Клитъ гекзаметромъ пѣсенки
 пишетъ,
 Противу ямба, хорей злобой ужасно дышетъ:
 Мѣра простая сія все портитъ по мнѣнію Клита,
 Смыслъ затмѣваетъ стиховъ и жаръ охлаждаетъ пѣта.
 Спорить о томъ я не смѣю; пусть онъ безвинныхъ
 поноситъ,
 Ямбъ охладилъ приемача, гекзаметры жъ онъ заморо-
 зитъ.

II.

Вотъ Виля — онъ любовью дышетъ;
 Онъ пѣсни пишетъ зло;
 Какъ Геркулесь, сатиры пишетъ,
 Влюбленъ, Какъ Буало.

НА ПУЧКОВУ.

Зачѣмъ кричишь ты что ты дѣва
 На каждомъ дѣвственномъ стихѣ?
 О вижу я, пѣвица Эва,
 Хлопочешь ты о женихѣ.

(1816 г.).

За ужиномъ обѣлся я
 Да Яковъ заперъ дверь оплошно
 Такъ было мнѣ, мои друзья,
 И Кюхельбекерно и тошно.

Меня въ бѣду повергъ
 У торгоша сего семь пятницъ на недѣлѣ;
 Его четвергъ на самомъ дѣлѣ
 Есть послѣ дождика четвергъ.

Больны вы дядюшка? — «Нѣтъ мочи
 Какъ беспокоюсь я! три ночи,
 Повѣрьте глазъ я не смыкалъ.
 — Да слышалъ, слышалъ; въ банкѣ игралъ.

(Въ Лицеѣ).

ЗАВѢЩАНІЕ.

Друзья, простите! завѣщаю
 Вамъ все, чѣмъ радъ и чѣмъ богатъ;

Обиды, пѣсни — все прощаю,
А мнѣ пускай долги простятъ.

(Въ Лицеѣ)

Всѣ говорятъ: онъ Вальтеръ-Скоттъ,
Но я повѣтъ — не лицемѣрю:
Согласенъ я — онъ просто скотъ,
Но что онъ Вальтеръ-Скоттъ — не вѣрю.

КЪ ИМЯНИНИЦѢ.

Хотя стишки на именины
Наташи, Софьи, Катерины
Уже не въ модѣ, можетъ быть;
Но я вашъ обожатель вѣрной,
Я въ знакъ послушности примѣрной,
Готовъ и ими вамъ служить....
Но предаю себя проежлятью,
Когда я знаю почему
Васъ окрестили *благодатью!*
Нѣтъ, нѣтъ по мнѣнью моему,
И ваша рѣчь, и взоръ унылый,
И ножка (смѣю вамъ сказать) —
Все это чрезвычайно мило,
Но пагуба, не благодать.

(1824—1826.)

НАДПИСЬ КЪ БЕСѢДКѢ.

Съ благоговѣйною душой
Приблизься, путникъ молодой,

Любви къ пустынному приюту!
 Здѣсь ею счастливъ былъ я разъ —
 Въ восторгѣ сладостномъ погасъ —
 И время самое для насъ
 Остановилось на минуту.

За Netty сердцемъ я летаю
 Въ Твери, въ Москвѣ —
 И R и O позабываю
 Для N и W.

1826).

Напрасно я бѣгу къ Сіонскимъ высотамъ,
 Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ;
 Такъ ревомъ яростнымъ пустыню оглашая,
 Взметая гривой пыль и гриву потрясая,
 И ноздри пыльные уткнувъ въ песокъ зыбучій.
 Голодный левъ слѣдитъ оленя бѣгъ пахучій.

Всегда такъ будетъ и бывало,
 Таковъ издревле бѣлый свѣтъ:
 Ученыхъ много, умныхъ мало,
 Знакомыхъ тьма, а друга нѣтъ!

Лизъ страшно полюбить —
 Полно нѣтъ ли тутъ обмана?
 Берегитесь: можетъ быть,
 Эта новая Діана
 Притаила нѣжну страсть,

И стыдливыми глазами
Ищетъ робко между вами
Кто бы ей помочь упасть
(1828?)

Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій
Надъ Ролленомъ опочилъ,
Дней новѣйшихъ Тредьяковскій
Колдовалъ и ворожилъ:
Дурень въ солнцу ставъ спиною,
Подъ холодный Вѣстникъ свой,
Прыскалъ мертвою водою,
Прыскалъ вѣжду живой.
(1828?)

РУССКОМУ ГЕСНЕРУ.

(В. И. Панаеву.)

Куда ты холоденъ и сухъ!
Какъ слогъ твой чопоренъ и блѣденъ!
Какъ въ изобрѣтеньяхъ ты бѣденъ!
Какъ утомляешь ты мой слухъ!
Твоя пастушка, твой пастухъ
Должны ходить въ овчиной шубѣ;
Ты ихъ морозишь на-легкѣ!
Гдѣ ты нашель ихъ? въ шустерь-клубѣ,
Или на Красномъ-кабачкѣ?
(1822?)

Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ,
 Что родомъ ты не русскій баринъ,
 Что на Парнасѣ ты цыганъ,
 Что въ свѣтѣ ты Видокъ Фигляринъ:
 Бѣда, что скученъ твой романъ.

Повѣрьте мнѣ — Фигляринъ моралистъ
 Намъ говоритъ преумиленнымъ слогомъ:
 Не должно красть; кто на руку нечистъ
 Передъ людьми, грѣшитъ и передъ Богомъ.
 Не надобно въ судѣ кривить душой,
 Не хорошо живиться клеветой,
 Временщику подслуживаться низко;
 Честь, братцы, честь дороже намъ всего! —
 Ну, чтожъ? Богъ съ нимъ! все это къ правдѣ близко,
 А кажется и ново для него

(1830?)

Глухой глухова звалъ къ суду судьи глухова.
 Глухой кричалъ: «мой имъ сведена корова.»
 — «Помилуй, возопилъ глухой тому въ отвѣтъ,
 Сей пустошью владѣлъ еще покойный дѣдъ.» —
 Судья рѣшилъ: «Почто итти вамъ братъ на брата?
 Не тотъ и не другой, а дѣвка виновата!»

Невѣдомскій поэтъ, невѣдомый ни кѣмъ
 Печатаеть стихи, невѣдомо зачѣмъ.

* * *

Мой другъ! остался я живымъ,
 Но былъ ужъ смерти подъ косою:
 Сазоновъ былъ моимъ слугою
 А Пешель докторомъ моимъ!

(1816 или 1817 г.).

О Н А.

«Печаленъ ты, признайся, что съ тобой?»
 — Люблю мой другъ! — «Но кто жъ тебя плѣнила!»
 — Она. — «Да кто жъ, Глицера ль, Хлоя, Лиля?»
 — О нѣтъ! — «Кому жъ ты жертвуешь душой?»
 — Ахъ, *сѣ!* — «Ты скромнень другъ сердечный!
 Но почему жъ ты столько огорченъ?
 И кто виной? Супругъ, отецъ, конечно....»
 Не то, мой другъ! — «Но что жъ?» — Я *сѣ* не *онъ!*

ТВОЙ И МОЙ.

Богъ вѣсть, за что философы, пѣнты
 На *твой* и *мой* давнымъ-давно сердиты.
 Не спорю я съ ученой ихъ толпой,
 Но и бранить причины не имѣю
 То, что даритъ мнѣ радость и покой.
 Что, ежели бъ ты не была *моею?*
 Что, ежели бъ я не былъ, Ниса, *твой?*

КЪ ПОРТРЕТУ КАВЕРНА.

Въ немъ пунша и войны кипитъ всегдашній жаръ.
 На Марсовыхъ поляхъ онъ грозный былъ воитель,
 Друзьямъ онъ вѣрный другъ, красавицамъ мучитель,
 И всюду онъ гусаръ.

ЭКСПРОМПТЪ НА А.

Въ молчаньи предъ тобой сижу.
 Напрасно чувствую мученье,
 Напрасно на тебя гляжу:
 Того ужъ вѣрно не скажу,
 Что говорить воображенье.

КЪ ППСЬМУ.

Въ немъ радости мои; когда померкну я,
 Пускай оно груди безчувственной коснется:
 Быть можетъ, милые друзья,
 Быть можетъ, сердце вновь забьется.

ЭПИТАФИЯ.

Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ:
 Творилъ онъ тяжкіе грѣхи.
 Пусть Богъ дѣла его забудетъ,
 Какъ свѣтъ забылъ его стихи.

И М Я П П П Ы.

Умножайте шумъ и радость;
 Пойте пѣсни въ добрый часъ:
 Дружба, грація и младость
 Имянинницы у насъ.
 Между тѣмъ дитя крылато,
 Васъ привѣтствуя, друзья,
 Втайнѣ думаетъ: когда-то
 Имянинникъ буду я?

Л П Л Ъ.

(МАРИИ СМИТЪ).

Лиля, Лиля, я страдаю
 Безотраднoю тоской,
 Я томлюсь, я умираю,
 Гасну пламенной душой,
 Но любовь моя напрасна:
 Ты смѣешься надо мной.
 Смѣйся, Лиля: ты прекрасна
 И безчувственной красой.

(1817?)

К. А. БАКУШНОЙ.

Что можемъ наскоро стихами молвить ей?
 Мнѣ истина всего дороже.
 Подумать не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;
 Подумавъ я скажу все тоже.

ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА.

Мараеъ онъ единымъ духомъ
 Листъ;
 Внимаеъ онъ привычнымъ ухомъ
 Свистъ;
 Потомъ всему терзаеъ свѣту
 Слухъ;
 Потомъ печатаеъ — и въ Лету
 Бухъ!

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ты правъ, несносенъ Фирсъ ученый,
 Педантъ надутый и мудреный;
 Онъ важно судить обо всемъ,
 Всего онъ знаетъ понемногу.
 Люблю тебя, сосѣдъ Пахомъ:
 Ты просто глупъ — и слава Богу!

Какъ брань тебѣ не надѣла!
 Разсчетъ коротокъ мой съ тобой:
 Ну, такъ, я празденъ, я безъ дѣла,
 А ты бездѣльникъ дѣловой.

Охотникъ до журнальной драки,
 Сей усыпительный зомль

Разводитъ опиумъ черниль
Слюнею бѣшеной собаки.

«Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный,
Эмилиѣй человѣкъ *пустой*.»
Да ты чѣмъ полонъ, шутъ нарядный?
А, понимаю: самъ собой;
Ты полонъ дряни, милый мой!

«Скажи, что новаго? — Ни слова. —
«Не знаешь ли, гдѣ, какъ и кто?»
— О братецъ! отвяжись: я знаю только то,
Что ты дуракъ, но это ужъ не ново.

ЭГЕЛЬСТРОМУ.

(1818 г.?)

О, Эгельстромъ! я восхищенный
Читалъ творенія твои:
Твой стихъ, лишь гениемъ внушенный
Блеститъ какъ солнце въ ясны дни.

Когда, соперникъ Ювенала,
Металъ ты громъ твоихъ стиховъ,
Коварна злоба трепетала,
Дрожалъ завистникъ Копыловъ.

Когда Анакреона лиру
Красѣ прелестной посвящалъ,

Тогда разнѣженному міру
Восторги сладостны внушалъ.

Когда ты Грею подражаешь,
Слезясь надъ гробовой доской,
Весь свѣтъ ты пѣснью огорчаешь —
Тогда стенаетъ все съ тобой.

Когда комедіей плѣнять насъ хочешь,
Что твой Мольеръ и что Крыловъ:
Съ тобой невольно захохочешь....
Сердись, какъ хочешь, Копыловъ!

Поэтъ, сынъ Феба вдохновенный,
Какъ милъ твой каждый стихъ.
Скажи почто, пѣвецъ смиренный,
Отъ свѣта ты скрываешь ихъ?

Пусти въ печать твои творенья,
Заслужишь множество вѣнцовъ —
Мы всѣ пожемъ отъ восхищенья!
О, Эгельстромъ! Ты царь пѣвцовъ.

ЭКСПРОМТЪ.

(написанный, вѣроятно въ 1833) *).

Полюбуйтесь же вы, дѣти,
Какъ въ сердечной простотѣ

(* Для объясненія этого стихотворенія помѣщенъ въ нашихъ примѣчаніяхъ, рассказъ М. Н. Лонгинова объ обстоятельствахъ и лицахъ, по поводу которыхъ написана эта шутка. (Изъ Библ. Записокъ, I, стр. 494).

Длинный князь играетъ въ *эти*,
Ть, ть, ть и *ть, ть, ть*.

Черноокая Р.
 Въ самовластной красотѣ
 Всѣ сердца плѣнила *эти*
Ть, ть, ть и *ть, ть, ть*.

О какія же здѣсь сѣти
 Рокъ намъ стелеть въ темнотѣ:
 Риѣмы, деньги, дамы *эти*
Ть, ть, ть и *ть, ть, ть*.

II. II.

Могуль забыть то сладкое мгновенье,
 Когда я вами жилъ и видѣлъ только васъ
 И вальса въ бѣшеномъ круженьѣ
 Завидовалъ свободѣ дерзкихъ глазъ?
 Я умолялъ: Постой чудесное мгновенье?
 Вели, чтобъ быстрый вальсъ вѣртелся не вертясь,
 Чтобъ я не опускалъ съ предестной вѣчно глазъ
 И чтобъ забвеніе крыломъ одѣло насъ!

КЪ ГР. КОЧУБЕЙ.

Простой воспитанникъ природы,
 Такъ я, бывало, воспѣвалъ
 Мечту прекрасную свободы
 И ею сладостно дышалъ....

Но васъ я вижу, вамъ внимаю....
И что же? слабый человекъ!
Свободу потерявъ на вѣкъ,
Неволю сердцемъ обожаю.

ЦИКЛОПЪ.

Языкъ и умъ теряя разомъ,
Гляжу на васъ единымъ глазомъ.
Единый глазъ въ главѣ моей.
Когда бъ судьбы того хотѣли,
Когда бъ имѣлъ я сто очей,
То всё бы сто на васъ глядѣли.

НА СТАТУЮ

ИЗОБРАЖАЮЩУЮ МАЛЬЧИКА ИГРАЮЩАГО
ВЪ БАБКИ

РАБОТЫ Н. ПИМЕНОВА *).

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой о колѣно
Бодро оперся, другой поднялъ мѣткую кость.
Вотъ ужъ прицѣлился... Прочь! раздайся народъ лю-
бопытный;
Врозь разступись; не мѣшай русской удалой игрѣ.

---

*) Это статуя выставленная въ Академіи Художествъ на вы-
ставкѣ октября мѣсяца 1836 г. При первомъ свиданіи съ художни-
комъ, А. С. Пушкинъ, въ энергическомъ порывѣ и съ намереніемъ
взять въ обѣ руки руку ваятеля, сказалъ
громко: Слава Богу, наконецъ и скульптура на Руси явилась
народною.

Н А С Т А Т У Ю

МАЛЬЧИКА ИГРАЮЩАГО ВЪ СВАЙКУ

РАБОТЫ А. ЛОГАНОВСКАГО **).

Юноша полный красоты, напряженья, усилія чуждый,
 Строемъ легокъ и могучь—тѣшился быстрой игрой!
 Вотъ товарищъ тебѣ, Дискоболъ! онъ достоинъ, клян-
 нуся,
 Дружно обнявшись съ тобой, послѣ игры отдыхать!...

ВЪ ***

Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки;
 Жестоки вы, Богъ вамъ судья!
 Вы говорите: я въ горячкѣ,
 Вы говорите: брежу я.
 За что же гнѣвъ такой? — Не знаю!
 Вѣдь я въ бреду, въ горячкѣ злой,
 И потому я повторяю
 Вамъ безпрестанно, что страдаю,
 Что я люблю васъ, ангель мой!

Статуя Г. Логановскаго выставлена была въ одно время со статуею Г. Пименова. (Сообщено Г. Пименовымъ).

ПЗЪ АЛЬБОМА.

Увы напрасно дѣвѣ гордой
Я предлагалъ свою любовь!
Ни наша жизнь, ни наша кровь
Ея души не тронетъ твердой.
Слезами только буду сытъ
Хоть сердце мнѣ печаль расколетъ....

ОТРЫВКИ

и

НЕОКОНЧЕННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ НЕИЗВѢСТНЫХЪ ГОДОВЪ.

1.

Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва,
Ни удивленья, ни напѣва,
Ни нуждъ, ни смѣха, ни труда.
Глупецъ кричитьъ. «*Куда, куда?*
Дорога здѣсь» — но ты не слышишь.
Идешь, куда тебя влекутъ
Мечты невольныя, Твой трудъ
Тебѣ награда — имъ ты дышишь,
А плодъ его бросаешь ты
Толпѣ — рабынѣ суеты....

2.

На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣрной:
— «Смотрите! Вы поэтъ; уклонкой лицемѣрной
Вы насъ морочите. Вамъ слава не нужна:
Смѣшной и суетной вамъ кажется она;
Зачѣмъ же пишете?» — Я? Для себя! — «На что же
Печатаете вы?» — Для денегъ! — «Ахъ, мой Боже!
Какъ стыдно!» — Почему жъ?...

3.

Я думалъ, сердце позабыло
Способность легкую страдать.
Я говорилъ: <тому, что было
Ужъ не бывать, ужъ не бывать!

Прошли любовныя печали,
Смирились легкія мечты....
Но вотъ опять затрепетали
Предъ мощной властью красоты!...

(1828?)

4.

Братъ милый! отрокомъ разстался ты со мной;
Въ разлукѣ протекли медлительные годы:
Теперь ты юноша и полною душой
Цвѣтешь для радостей, для свѣта, для свободы.
Какое поприще отверзлось предъ тобой!
Какъ много для тебя восторговъ, наслажденій,
И сладостныхъ заботъ, и милыхъ заблужденій....

(Вѣроятно 1821 года)

5.

НАЧАЛО ПОСЛАВІЯ КЪ О. О. МАТЮШКИНУ.

Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый,
Подъ сѣнью парусовъ и въ буряхъ посвѣдѣлый!
Спокойной пристани давно ли ты достигъ?
Давно ли тишины вкусилъ отрадный мигъ?
И снова ты бѣжишь Европы обветшалою....

6

Везувій зѣвъ открылъ—дымъ хлынулъ клубомъ, пламя
 Широко развилось какъ боевое знамя
 Земля волнуется съ колоннъ
 Кумиры падаютъ! стонъ
 . народъ, гонимый страхомъ
 (Подъ каменнымъ дождемъ)
 И воспаленнымъ прахомъ
 Бѣжитъ пожаръ блеща

7.

Ночь свѣтла; въ небесномъ полѣ
 Ходитъ Вesperъ золотой,
 Старый Дождь плыветъ въ гондолѣ
 Съ Догарессой молодой.

8.

— «Послушайте, я вамъ скажу про старину
 Про Игоря и про его жену,
 Про Новгородъ, про время золотое
 И наконецъ про Грознаго Царя» —
 Эхъ, бабушка, затѣяла пустое!
 Окончи лучше намъ «Илью-богатыря» *).

9.

«Что козырь?» — Черви. — «Мнѣ ходить.»
 — Я бью. — «Нельзя ли погодить?»

---

*) По замѣчанію П. В. Анненкова, эта шутка написана была еще въ Лицеѣ, и заключаетъ въ себѣ намекъ на сказку Карамзина: «Илья Муромецъ».

— Беру. — «Кругомъ насъ обыграла:
 Эй, смерть, ты право сплутовала.»
 — Молчи! ты глупъ и молоденежъ:
 Ужь не тебѣ меня ловить;
 Вѣдь мы играемъ не для денегъ
 А только вѣчность проводить!

(1823?)

10.

Подруга дней моихъ суровыхъ,
 Голубка дряхлая моя!
 Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
 Давно, давно ты ждешь меня.
 Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
 Горюешь, будто на часахъ,
 И медлятъ поминутно спицы
 Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
 Глядишь въ забытые ворота
 На черный, отдаленный путь:
 Тоска, предчувствіе, заботы
 Тѣснятъ твою всечасно грудь,
 То чудится тебѣ

11

Подъ хладомъ старости угрюмо угасалъ
 Единый изъ сѣдыхъ орловъ Екатерины.
 Въ крылахъ отяжелѣвъ, онъ небо забывалъ
 И Пинда острыя вершины.

Въ то время ты вставалъ: твой лучъ его согрѣлъ:
 Онъ поднялъ къ небесамъ и крылья и зѣницы —
 И съ шумной радостью взыгралъ и полетѣлъ
 Во срѣтенье твоей денницы.

Мордвиновъ! Не вотще Петровъ тебя любилъ:
Тобой гордится онъ и на берегахъ Коцита.
Ты лиру оправдалъ: ты ввѣкъ не измѣнилъ
Надеждамъ вѣщаго Пюта!....

Какъ славно ты сдержалъ пророчество его
Сіяя доблестью, и славой, и наукой,
Въ совѣтахъ недвижимъ у мѣста своего
Стоишь ты, новый Долгорукій!

Такъ съ вершины горъ скатяся,
Стоить сѣдой утесъ. Вотще берега трепещуть,
Вотще грохочетъ громъ, и волны вокругъ мутяся
И увиваются, и плещутъ!

Одинъ на рамена подъявши мощный трудъ
Ты зорко бодрствуешь надъ Царскою казною!
Вдовицы бѣдный лептъ, и дань Сибирскихъ рудъ
Равно священны предъ тобою ...

(1825?)

12.

Ты правъ, мой другъ — напрасно я презрѣлъ
Дары природы благосклонной;
Я зналъ досугъ, безпечныхъ Музъ удѣлъ
И наслажденье лѣнью сонной.

Я дружбу зналъ, и жизни молодой
Ей отдалъ вѣтряные годы,
Я вѣрилъ ей за чашей круговой
Въ часы веселій и свободы.

Младыхъ бесѣдъ оставя блескъ и шумъ,
Я зналъ и трудъ, и вдохновенье,

И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
Уединенное волненье!

Но все пропало! рѣзвый нравъ...
Душа часъ отъ часу нѣмѣеть.
Въ ней чувства нѣтъ. Такъ легкій листъ дубравъ
Въ ключахъ Кавказскихъ каменѣтъ.

13.

Воспоминаньемъ упоенный,
Съ благоговѣньемъ и тоской
Объемлю грозный мраморъ твой,
Кагула памятникъ надменный!
Не смѣлый подвигъ Россіянъ
Не слава, даръ Екатеринѣ,
Не Задунайскій великанъ
Меня воспаменяютъ нынѣ....

(1822?)

14.

Когда Владыко Ассирійскій
Народы казню казнилъ,
И Олофернъ весь край Азійскій
Его денницѣ покорилъ, —
Высокъ смиреньемъ терпѣливымъ
И крѣпокъ вѣрой въ Бога силъ,
Передъ Сатрапомъ горделивымъ
Израиль выи не склонилъ.
Во всѣ предѣлы Іудеи
Проникнулъ трепеть.... Іереи
Одѣли вретищемъ алтарь;
Главу покрывъ золой и прахомъ,
Народъ завылъ, объятый страхомъ,
И внялъ ему Всевышній Царь.

Пришелъ Сатрапъ къ ущельямъ горнымъ
 И зрять: ихъ узкія врата
 Замкомъ замкнуты непокорнымъ,
 Грозой грозитъ высота,
 И надъ тѣсниной торжествуя,
 Какъ мужъ на стражѣ, въ тишинѣ,
 Стоитъ, бѣдѣясь, Ветилуя
 Въ недостижимой вышинѣ!

Сатрапъ смутился...

15.

Печаленъ будетъ мой разсказъ!
 Давно, когда мнѣ въ первый разъ
 Любви повѣдали преданье,
 Я въ шумѣ радостномъ уныль —
 И на минуту позабыль
 Роскошныхъ оргій ликованье.
 Но быстрой, быстрой чередой
 Тогда смѣнялись впечатлѣнья!
 Веселье — тихою тоской,
 Печаль — восторгомъ упоенья.

16.

Блеститъ луна, недвижно море спитъ,
 Молчатъ сады роскошныя Гассана;
 Но ктоже тамъ во тьмѣ сидитъ
 На мраморѣ печальнаго фонтана?
 Арабъ-евнухъ, гарема стражъ сѣдой,
 И съ нимъ его товарищъ молодой.
 «Недугъ любви, недугъ тоски душевной
 Не отъ меня сокроешь ты.
 Твой мрачный взоръ, твой роютъ гнѣвный,

Твои свирѣпыя мечты
Уже давно мнѣ все сказали....

17

Французскихъ рифмачей суровый судія,
О классикъ Депрео, къ тебѣ зываю я!
Хотя постигнутый неумолимымъ рокомъ,
Въ своемъ отечествѣ престалъ ты быть пророкомъ,
Хоть дерзкихъ умниковъ простерлася рука
На лавры твоего густаго парика,
Хотя растрепанный новѣйшей вольной школой,
Къ ней въ гнѣвъ обратилъ ты свой затылокъ голый;
Но я молю тебя, поклонникъ вѣрный твой,
Будь мнѣ вожааемъ! Дерзаю за тобой
Занять кафедру ту, съ которой въ прежни лѣта
Ты слишкомъ превознесъ достоинство сонета,
Но гдѣ торжествовалъ твой здравый приговоръ
Минувшихъ лѣтъ глупцамъ, вранью тогдашнихъ поръ!
Новѣйшіе врали вралей старинныхъ стоятъ,
И слишкомъ ужъ меня ихъ бредни беспокоятъ!
Уже ли все молчать, да слушать?... О бѣда!
Нѣтъ, все имъ выскажу однажды навсегда.
О вы, которые восчувствовавъ отвагу,
Хватаете перо, мараєте бумагу,
Тисненью предавать труды свои слѣша
Постойте! Напередъ узнайте чѣмъ душа
У васъ исполнена....

18.

СЪ ПОРТУГАЛЬСКАГО: «GONZAGO».

Тамъ звѣзда зари возшла,
Пышно роза процвѣла:

Это время насъ, бывало,
Другъ ко другу призывало.

На постелѣ пуховой
Дѣва сонною рукой
Протирала темны очи,
Удаляя грезы ночи.

И являлася она
У дверей, иль у окна
Ранней звѣздочки свѣтлѣе,
Розы утренней свѣжѣе.

Лишь ее завижу я,
Мнилось, легче вкругъ меня
Воздухъ утренній струился;
Я вольнѣе становился.

Я красавицы моей,
Межъ овецъ деревни всей,
Зналъ любимую овечку
И водилъ ее на рѣчку.

На тѣнистые берега,
На зеленые луга;
Я поилъ ее, делѣялъ,
Передъ ней цвѣточки сѣялъ.

И пѣвалъ, бывало, ей
Предъ красавицей моей;
Она пѣснѣ улыбалась,
Но блаженство миновалось!

Гдѣ красавица моя?
Одинокій плачу я.
Замѣнили пѣсни нѣжны
Стонъ и слезы безнадежны.

19.

(ИЗЪ ALFIERI) *).

Сомнѣнье, страхъ, порочную надежду
 Уже въ груди не въ силахъ я хранить;
 Невѣрная супруга Филиппу —
 И сына я его любить дерзаю
 Но какъ же зрѣть его и не любить?
 Правъ пылкій, добрый, гордый, благородный,
 Высокій умъ съ наружностью прелестной...
 Прекрасная душа!... Зачѣмъ природа
 И небеса такимъ тебя создали?
 Что говорю? Ахъ, такъ ли я успѣю
 Изъ глубины сердечной милый образъ
 Искоренить? О, если пламень мой
 Подозрѣвать онъ станетъ! Передъ нимъ
 Всегда печальна я; но избѣгаю
 Я встрѣчи съ нимъ. Онъ знаетъ, что веселье
 Въ Испаніи запрещено. Кто можетъ
 Въ душѣ моей читать? Ахъ, и самой
 Не должно мнѣ!... И онъ, какъ и другіе,
 Обмѣняется — и станетъ, какъ другіе,
 Онъ убѣгать меня... Увы мнѣ, бѣдной!...
 Другаго нѣтъ мнѣ въ горѣ утѣшенья
 Окромя слезъ и слезы — преступленья!
 Иду къ себѣ: тамъ буду на свободѣ...
 Что вижу? Карлъ! Уйдемъ. Мнѣ измѣнить
 И рѣчь и взоръ — все можетъ. Ахъ, уйдемъ.

20.

Все жалобѣ, упреки, слезы — мочи нѣтъ;
 Откланяюсь пока, она мнѣ надоѣла;
 Къ тому жъ и безъ нее мнѣ слишкомъ много дѣла:

*) Монологъ Изобеллы изъ трагедіи: Филиппъ II.

Я отыскалъ за Каменнымъ мостомъ
 Вдову съ племянницей; пойду туда пѣшкомъ
 Подъ видомъ будто бы невиннаго гулянья.
 Ахъ, матушка! Предвижу увѣщанья!
 А, здравствуйте, шапан. — «Куда же ты? постой.
 Я шла къ тебѣ, мой другъ. Мнѣ надобно съ тобой
 О дѣлѣ говорить.» — Я зналъ. — «Имѣй терпѣнье,
 Мой другъ. Не нравится твое мнѣ поведенье....»
 А въ чемъ же? — «Да во всемъ; во-первыхъ ты жены
 Не видишь никогда — точь-въ-точь разведены:
 Адель всегда одна, все дома; ты въ каретѣ,
 На скачкѣ, въ оперѣ, на балахъ, вѣчно въ свѣтѣ;
 Или нельзя никакъ съ женою посидѣть?...

 21.

ПЕРЕВОДЪ XXIII ПѢСНИ АРЮСТОВА

ORLANDO FURIOSO. ОКТАВЫ 100—112.

100.

Предъ рыцаремъ блеститъ вода
 Ручей прозрачнѣе стекла.
 Природа милыми цвѣтами
 Тѣнистый берегъ убрала,
 И обсадила древесами.

101.

Луга палитъ полдневный зной,
 Пастухъ убогій спитъ у стада;
 Усталъ подъ латами герой:
 Его манитъ ручья прохлада.

Здѣсь мыслить онъ найти покой
 О черный день, о день несчастный!
 Приютъ несносный и ужасный
 Онъ здѣсь нашель.

102.

Гуляя, онъ на деревьяхъ
 Повсюду надписи встрѣчаетъ;
 Онъ съ изумленьемъ въ сихъ чертахъ
 Знакомый почеркъ замѣчаетъ.
 Невольный страхъ его влечетъ:
 Онъ руку милой узнаетъ.
 И въ самомъ дѣлѣ, въ жаръ полдневный,
 Медоръ съ Китайскою царевной,
 Изъ хаты пастыря сюда
 Самъ-другъ являлся иногда.

103.

Орландъ ихъ имена читаетъ
 Соединенны вензелемъ.
 Ихъ буква каждая гвоздемъ
 Герою сердце пробиваетъ.
 Стараясь горестъ усыпить,
 Онъ самъ съ собою лицемѣритъ,
 Не вѣрить хочетъ онъ, хотъ вѣрить:
 Онъ силится вообразить,
 Что вензеля въ сей рощѣ дикой
 Начертаны всѣ, можетъ быть,
 Другой, не этой Анжеликой.

104.

Но вскорѣ, витязь, молвилъ ты:
 «Однако жъ эти мнѣ черты

Знакомы очень... разумѣю:
Медоръ сей выдуманъ лишь ею.
Подъ этимъ прозвищемъ меня
Царевна славила, быть можетъ...
Такъ басней правду замѣня,
Онъ мыслить, что судьбѣ поможетъ.

105.

Но чѣмъ онъ болѣе хитритъ,
Чтобъ утушить свое мученье,
Тѣмъ пуще злое подозрѣнье
Возобновляется, горитъ.
Такъ въ сѣткѣ птичка, другъ свободы,
Чѣмъ больше бьется, тѣмъ сильнѣй,
Тѣмъ крѣпче путается въ ней;
Орландъ идетъ туда, гдѣ своды
Гора склонила на ручей.

106.

Кривой, бродящей павиликой
Завѣшенъ берегъ тѣнистыхъ волнъ.
Медоръ съ прелестной Анжеликой
Любили здѣсь, у свѣжихъ водъ,
Въ день жаркій, въ тихій часъ досуга,
Дышать въ объятіяхъ другъ друга.
И здѣсь ихъ имена кругомъ
Древа и камни сохраняли:
Ихъ мѣломъ, углемъ иль ножомъ
Вездѣ счастливцы написали.

107.

Туда пѣшкомъ печальный графъ
Идетъ, и надъ пещерой темной

Зреть надпись — въ похвалу забавъ.
Медоръ ее рукою томной
Въ тѣ дни стихами начерталъ —
Стихи, чувствъ нѣжныхъ вдохновенье,
Онъ по-Арабски написалъ —
И вотъ ихъ точное значенье:

108

«Цвѣты, луга, ручей живой,
Счастливый гротъ, прохладны тѣни —
Приютъ любви, забавъ и лѣни,
Гдѣ съ Анжеликой молодой,
Съ прелестной дочерью Голофрона,
Любимой многими — порой
Я зналъ утѣхи купидона! —
Чѣмъ, бѣдный, васъ я награжу,
Такъ часто вами охраненный?
Однимъ лишь только услужу —
Хвалою и просьбою смиренной!

109.

«Господъ любовниковъ молю
И дамъ, и рыцарей вельможныхъ,
Прищельцевъ здѣшнихъ идъ дорожныхъ,
Которыхъ въ сторону сію
Фортуна заведетъ случайно,
На воды, лугъ, на тѣнь и лѣсъ,
Зовите благодать небесъ:
Чтобъ Нимфы ихъ любили тайно,
Чтобъ пастухи къ нимъ никогда
Не гнали жадныя стада »

110.

Графъ точно такъ, какъ по-латынѣ
Зналъ по-Арабски; онъ не разъ
Спасался тѣмъ отъ злыхъ проказъ,
Но отъ бѣды не спасся нынѣ!

111.

Два, три раза, и пять, и шесть,
Онъ хочеть надпись перечестъ;
Несчастный силится напрасно
Сказать, что нѣтъ того, что есть.
Онъ правду видитъ ясно.
И нестершимая тоска,
Какъ бы холодная рука,
Сжимаетъ сердце въ немъ ужасно —
И наконецъ на свой позоръ
Вперилъ онъ равнодушный взоръ

112.

Готовъ онъ въ горести безгласной
Лишиться чувствъ, оставить свѣтъ;
Ахъ, вѣрьте мнѣ, что муки нѣтъ,
Подобной мукѣ сей ужасной!
На грудь опершись бородой,
Склонивъ чело, убитый, блѣдный,
Найти не можетъ рыцарь бѣдный
Ни вопля, ни слезы одной.

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ

ИЗЪ МАТЕРІАЛОВЪ П. В. АННЕНКОВА.

1.

Надо мной въ лазури ясной
Свѣтитъ звѣздочка одна;
Справа западъ темнокрасный,
Слѣва блѣдная луна.

2.

Стою печально на кладбищѣ,
Гляжу — кругомъ обнажено
Святое смерти пепелище,
И степью лишь окружено.
И мимо вѣчнаго ночлега
Дорога сельская лежитъ
                                          телѣга
                                          стучить.

3.

Стрекотунья бѣлобока
Подъ калиткою моей,
Скачетъ пестрая сорока
И пророчить мнѣ гостей.
Колокольчикъ небывалый
У меня звенить въ ушахъ...

Лучъ зари сіяетъ алой...
Серебрится снѣжный прахъ!

4.

Колокольчики звенять,
Барабанчики гремятъ,
А люди-то, люди —
Ай люшеньки-люли! —
А люди-то, люди
На цыганочку глядятъ;
А цыганочка-то пляшетъ,
Въ барабанчики-то бьетъ,
И шириночкой-то машетъ,
Заливается поетъ:
«Я пѣвунья, я пѣвица,
Ворожить я мастерица.»

5.

Только что на проталинахъ весеннихъ
Показались ранніе цвѣточѣки,
Какъ изъ царства воскомова,
Изъ душистой велейки медовой
Вылетаетъ первая пчелка.
Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ
О красной веснѣ развѣдать:
Скоро ли будетъ гостя дорогая,
Скоро ль луга зазеленѣютъ...
Распустятся клейкіе листочки...
Зацвѣтетъ черемуха душиста?...

6.

Тамъ на берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный,
Твое я имя повторялъ,

Тамъ часто я бродилъ уединенный,
И въ даль глядѣлъ... и милой встрѣчи ждалъ.

7.

И чувствую, душа
Твоей любви, тебя достойна;
Зачѣмъ же не всегда
Чиста, печальна и покойна?.

8.

Все въ жертву памяти твоей:
И голосъ лиры вдохновенной,
И слезы дѣвы воспаленной,
И трепеть ревности моей.

9.

Счастливъ, кто близъ тебя, любовникъ упоенный,
Безъ томной робости твой ловить свѣтлый взоръ,
Движенья милья, игривый разговоръ,
И слѣдъ улыбки незабвенной.

10.

Два чувства дивно близки къ намъ,
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу:
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.

11.

Забылъ и рошу, и свободу,
Невольникъ — чижикъ надо мной:
Зерно клюетъ, и брызжитъ воду,
И пѣснью тѣшится живой.

12.

«Все кончено: межъ нами связи нѣтъ.»
 Въ послѣдній разъ обнявъ твои колѣни,
 Произносилъ я горестныя пѣни:
 «Все кончено» — я слышу твой отвѣтъ.

О Д А

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ ГР. ДМ. ИВ. ХВОСТОВУ,

съ примѣчаніями автора.

Султанъ ярится ¹. Кровь Эллады
 И рѣзво скачетъ ² и кипитъ.
 Открылись Грекамъ древни клады ³,
 Трѣпещетъ въ Стиксѣ лютый Питъ ⁴.
 И се — летитъ предерзко судно
 И мечетъ громы обоюдно:
 Се Бейронъ, Феба образецъ,
 Притекъ — но недугъ быстропарный ⁵,
 Строптивый и неблагодарный,
 Взнесъ смерти на него рѣзецъ.

¹) Подражаніе г. Петрову, знаменитому нашему лирику.

²) Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмомъ Карловичемъ Кюхельбекеромъ въ стихотворномъ его письмѣ къ г. Грибоѣдову.

³) Подъ словомъ *клады* должно разумѣть правдивую ненависть нынѣшнихъ Леонидовъ, Ахиллесовъ и Мильтіадовъ къ жестокимъ чалмоноосцамъ.

⁴) Питъ, знаменитый Англійскій Министръ и извѣстный противникъ свободы.

⁵) Горячка.

Пѣвецъ безсмертный и маститый!
 Тебя Эллада днесъ зоветъ
 На мѣсто тѣни знаменитой,
 Предъ коей Церберъ днесъ реветъ!
 Какъ *здесь* ты будешь *тамъ* сенаторъ,
 Какъ *здѣсь* — почтенный литераторъ;
 Но новый лавръ тебя ждетъ тамъ,
 Гдѣ отъ крови земля промокла:
 Перикла лавръ, лавръ Ѳемистокла!
 Лети туда, Хвостовъ нашъ! самъ.

Вамъ съ Бейрономъ шипѣла злоба.
 Гремѣла и правдива лесть.
 Онъ Лордъ — Графъ ты! Поэты оба!
 Се, мнится, явне сходство есть —
 Никакъ! Ты съ вѣрною супругой ⁶⁾
 Подъ бременемъ судьбы упругой
 Живешь въ любви — и наконецъ
 Глубокъ онъ, но единообразенъ! ⁷⁾
 А ты глубокъ, игривъ и разенъ —
 И въ шалостяхъ ты впрямъ пѣвецъ.

А я — невѣдомый Пѣнта —
 Въ восторгѣ новомъ воспою
 Во слѣдъ Пѣнта знаменита
 Правдиву похвалу свою,
 Моляся кораблю бѣгущу
 Да Бейрона онъ узритъ кушу ⁷⁾.

⁶⁾ Во многочисленныхъ своихъ стихотвореніяхъ вездѣ называетъ онъ ее Темирою. (См. послѣд. замѣч. къ Одѣ: Заздрав. кубокъ).

⁷⁾ Подраженіе И. И. Дмитріеву:

Къ тебѣ я руки простиралъ.
 Уже изъ отческія кущи
 Взирая на суда бѣгущи.

И да блюдутъ твой мирный сонъ ⁸⁾
 Нептунъ, Плутонъ, Зевсъ, Цитерея,
 Гебея, Псиша, Кронъ, Австрея,
 Фебъ, Игры, Смѣхи, Вакхъ, Харонъ.

ПѢСЕЦКА, ЗАПИСАННАЯ ПУШКИНЫМЪ.

Какъ за церковь, за нѣмецкою,
 Добрый молодецъ Богу молится:
 Какъ не дай, Боже, молодую жену —
 Молодую жену во честной пиръ зовутъ,
 Меня молодца не примолвили;
 Молодую жену — въ новы саночки,
 Меня молодца на запяточки;
 Молодую жену — на широкій дворъ,
 Меня молодца за вороточки.

⁸⁾ Здѣсь поэтъ, увлекаясь воображеніемъ, видитъ уже великаго нашего лирика, погруженнаго въ сладкій сонъ и приближающагося къ берегамъ благословенной Эллады. Нептунъ усмиряетъ предъ нимъ продѣрзкія волны; Плутонъ исходитъ изъ преисподней бездны, дабы узрѣть того, кто ниспослетъ ему въ непродолжительномъ времени богатую жатву тѣней поклонниковъ лже-Пророка; Зевсъ улыбается ему съ небесъ; Цитерея (Венера) осыпаетъ цвѣтами своего любимаго пѣвца; Геба подымлетъ кубокъ за здравіе его; Псиша, во образѣ Ипполита Богдановича, ему завидуетъ; Кронъ удерживаетъ косу, готовую разить; Австрея предчувствуетъ возвратъ своего царствованія; Фебъ ликуетъ; Игры, Смѣхи, Вакхъ и Харонъ веселою толпою слѣдуютъ за судномъ нашего безсмертнаго Пѣвца.

ДОПОЛНЕНІЕ ¹⁾.

ПЗЪ А. ШЕПЪЕ.

Покровъ, упитанный язвительною кровью,
Кентавра мстящій даръ, ревнивою любовью
Алкиду переданъ. Алкидъ его пріялъ.
Въ божественной крови ядъ быстрый побѣждалъ.
Се—ярый мученикъ, въ ночи скитаясь, воетъ;
Стопами тяжкими вершину Эты роетъ;
Гнетъ, ломить древесна; исторженные пни
Высоко громоздитъ; его рукой они
Въ костеръ навалены; онъ ихъ зажегъ; онъ всходитъ;
Недвижимъ на кострѣ онъ въ небо взоръ возводитъ.
Подъ мышцей палица, въ ногахъ Немейскій левъ
Разостланъ. Дунулъ вѣтръ; поднялся свистъ и ревъ;
Треща горитъ костеръ, и вскорѣ пламя, воя,
Уноситъ къ небесамъ безсмертный духъ героя.

1825 г.

МОЛИТВА ЛЕЙБЪ-ГУСАРСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ.

Избави, Господи, ума такого,
Какъ у Александра Васильича Попова!
Слатвинскаго скромности,
Зубова томности,

---

¹⁾ Здѣсь мы помѣщаемъ стихотворенія, почему либо пропущенныя въ семьъ изданіи, или доставленныя по отпечатаніи этого тома.

Ильина чистоты,
 Тютчева красоты
 Любомірскаго чванства,
 К—на пьянства,
 Г—вой скупости;
 Х—на глупости,
 Суетливости Оффенберга,
 Разсудительности Унгернъ-Штернберга.,
 Чаадаева гордости,
 Ю-ва подлости,
 Крекшина службы
 Сабурова дружбы,
 Завадовскаго щедрости,
 Г—вой мерзости,
 Кнабенау усовъ,
 П—скихъ носовъ;
 Салтыкова дикости,
 Саломірскаго лихости,
 Слѣпцова смиренья,
 Кругликова пѣнья,
 Барятинскаго спросовъ,
 Рахманова вопросовъ,
 Модостова хвалы,
 И Микѣшина к. ы.

—
 * * *

Гауэншильдъ и Энгельгардъ,
 Карцовъ и Кошанской,
 И танцмейстеръ Эбергардтъ,
 И Эбергардтъ кавказскій ¹⁾,
 Всѣ, какъ отставной солдатъ,
 Тянутъ пѣсень унылу:
 Господа. !

¹⁾ Гувернеръ, находившійся въ лицѣ въ 1816 и 1818 г.; ач. передъ тѣмъ жившій гдѣ-то на Югѣ Россіи.

Боже мой, охъ Боже мой,
 Господи мой Боже!
 Вотъ проходитъ годъ шестой,
 И экзамень тоже.
 Чтожь? какой намъ аттестатъ
 Выдали насилу?—
 Господа. !

КЪ Г-ЖЪ ЭЛЬФРЕКТЪ.

Ни блескъ ума, ни стройность платья,
 Не могутъ васъ обворожить;
 Одни двоюродныя братья
 Узнали тайну васъ плѣнить,
 Лишили вы меня покоя,
 Но вы не любите меня;
 Одна моя надежда Зоя—
 Женюсь и буду вамъ родни.

—
 * * *

Сказали королю, что наконецъ
 Мятежный вождь Ріэго былъ удавленъ.
 «Я очень радъ», сказалъ усердный льстець;
 «Отъ одного мерзавца міръ избавленъ»
 Всѣ смолкнули, всѣ потупили взоръ—
 Всѣхъ удивилъ нежданный приговоръ.
 Ріэго былъ, конечно, очень грѣшенъ,
 Согласенъ я—но онъ за то повѣшенъ.
 Пристойно-ли, скажите, сгоряча
 Ругаться эдакъ намъ надъ жертвой палача?
 Самый государь такого добротства

Не захотѣлъ своей улыбкой одобрить.
 Лъстецы, лъстецы! старайтесь сохранить
 И въ самой подлости отѣнокъ благородства.

—
 * * *

Съ мольбой, съ зажженною свѣчкою
 Паду передъ иконою святою;
 Спасенъ я промысломъ благимъ ---
 Сазоновъ былъ моимъ слугою.
 А Пешель докторомъ моимъ.

НА ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ ЛУКУЛЛА.

Подражаніе Латинскому.

Ты угасалъ, богачъ молодой!
 Ты слышалъ плачь друзей печальныхъ,
 Ужь смерть являлась за тобой
 Въ дверяхъ сѣней твоихъ хрустальныхъ.
 Она, какъ втершійся съ утра
 Займодавецъ терпѣливой,
 Торча въ передней молчаливой
 Не трогалась съ ковра.

Въ померкшей комнатѣ твоей
 Врачи угрюмые шептались.
 Твоихъ нахлѣбниковъ, цирцей,
 Смущеньемъ лица омрачались;

Вздыхали вѣрныя рабы
И за тебя боговъ молили,
Не зная встрахѣ что судили
Имъ тайныя судьбы.

А между тѣмъ наслѣдникъ твой,
Какъ воронъ къ мертвечинѣ падкой,
Блѣднѣлъ и трясся надъ тобой,
Знобимъ стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургучъ
Пятналъ замки твоей конторы,
И мнилъ загрестъ отъ злата горы
Въ пыли бумажныхъ кучъ.

Онъ мнилъ: «теперь ужъ у вельможъ
«Не стану нянчить ребятишекъ;
«Я самъ вельможа буду тожъ;
«Въ подвалахъ, благо, есть излишекъ.
«Теперь мнѣ честность—трынь-трава!
«Жену обсчитывать не буду,
«И воровать уже забуду
«Казенныя дрова!»

Но ты воскресь. Твои друзья,
Въ ладоши хлопая, ликуютъ;
Рабы, какъ добрая семья,
Другъ друга въ радости цѣлуютъ;
Бодрится врачъ, поднявъ очки;
Гробовый мастеръ взоры клонитъ;
А вмѣстѣ съ нимъ прикащикъ гонитъ
Наслѣдника въ толчки.

Такъ жизнь тебѣ возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: безцѣнный даръ она;
Умѣй-же пользоваться ею;

Укрась ее; года летять,
Пора! Введи въ свои чертоги
Жену красавицу—а боги
Вашъ бракъ благословятъ.

Ноябрь 1835 годъ.

НА ПРОФЕССОРА.

Могу тебя измѣрить разумъ,
Мой другъ Чернякъ:
Ты математикъ—минусъ разумъ
Ты злой насмѣшникъ—плюсъ дуракъ

---

* * *

Ахъ, тошно, тошно! помогите!
— Да отчего же тошно вамъ?
Ужъ не отъ сладкаго ль — скажите?
«Такъ, такъ! отъ вашихъ эпиграммъ.»

ПСКОВЪ.

Среди песчаныхъ скалъ, на берегахъ Великой,
Гдѣ носить естество полночи образъ дикой,
Согбенный исполинъ, подъ тяжестью оковъ,
Съ поникнутой главой, стоитъ печальный Псковъ.
Лишенный честныхъ благъ народнаго правленья,
Сей градъ являетъ намъ видъ страшный разрушенья.
Унылые рабы, трепещущей пятой
Героевъ вольности тамъ топчуть прахъ святой!...
Все грустно, все молчить... Разбился жезлъ народа,
Бѣжитъ искусство прочь, и сѣтуетъ природа.

(1825 г.)

В. С. ФЛЛМОНОВУ,

ПРИ ПОЛУЧЕНІИ ПОЭМЫ ЕГО: «ДУРАЦКІЙ КОЛПАКЪ».

Вамъ, Музы, милыя старушки,
Колпакъ связали въ добрый часъ,
И, прицѣпивъ къ нему гремушки,
Самъ Фебъ надѣлъ его на васъ.
Хотѣлось въ томъ же миѣ уборѣ
Предъ вами нынче щегольнуть
И, въ откровенномъ разговорѣ,
Какъ вы, на многое взглянуть;
Но старый мой колпакъ изношенъ,
Хоть и любилъ его поэтъ;
Онъ по неволѣ мной заброшенъ:
Не въ модѣ нынче красный цвѣтъ.

И такъ, въ знакъ мирнаго привѣта,
Снимая шляпу, бью челомъ,
Узнавъ философа-поэта
Подъ осторожнымъ колпакомъ.

КЪ I * * * ВУ.

Страдалецъ произвольной муки,
Не сводишь ты съ нея очей.
Какъ Танталъ, жадно ловишь звуки
Ея младенческихъ рѣчей.

Невнятны ей твои страданья,
Языкъ любви ей не знакомъ,
Ей не понятны ни стенанья,
Ни блѣдность на лицѣ твоемъ.

Когда въ порывѣ страсти бурной,
Ты съ жаромъ руку жмешь у ней,
Ее пугаетъ взглядъ безумный
Мгновенный блескъ твоихъ очей.

Холодная въ твоей печали,
Ея душа тиха, ясна,
Какъ водъ въ недвижимомъ кристалѣ
Съ небесъ глядящая луна.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ тому I сочиненій А. С. Пушкина.

ИЗДАНІЯ СТИХОТВОРЕНІЙ ПУШКИНА.

1. *Стихотворенія Александра Пушкина. Спб. Въ тип. Деп. Нар. Пр. 1826. 8 д. л. XII и 192 стр.*

Предисловіе издателей:

•Собранныя здѣсь стихотворенія не составляютъ полнаго изданія всѣхъ сочиненій А. С. Пушкина. Его поэмы помѣщены будутъ со временемъ, въ особенной книжкѣ. Мы теперь предлагаемъ только то, что не могло войти въ собраніе собственно-называемыхъ поэмъ.

•Въ короткое время авторъ нашъ успѣлъ соединить голоса читателей въ пользу своихъ поэтическихъ дарованій. Мы считаемъ себя въ правѣ ожидать особеннаго вниманія и снисхожденія публики къ нынѣшнему изданію его стихотвореній. Любопытно, даже поучительно будетъ для занимающихся Словесностью, сравнить четырнадцатилѣтняго Пушкина съ авторомъ Руслана и Людмилы и другихъ поэмъ. Мы желаемъ, чтобы на собраніе наше смотрѣли, какъ на исторію поэтическихъ его досуговъ въ первое десятилѣтіе авторской жизни.

•Многія изъ сихъ стихотвореній напечатаны были прежде въ періодическихъ изданіяхъ. Иныя, можетъ быть, нами и пропущены. При всемъ томъ, это первое, въ нѣкоторомъ порядкѣ, собраніе наибольшихъ стихотвореній такого автора, котораго всѣ читаютъ съ удовольствіемъ. Какъ издатели, мы передъ нимъ и передъ публикою извиняемся особенно въ томъ, что, по недосмотрѣнію корректора, остались въ нашей книжкѣ значительныя типографическія ошибки.

Въ эту книжку вошли: 1) Элегіи (числомъ 17); 2) Разныя стихотворенія (24); 3) Эпиграммы и надписи (21); 4) Подражанія древнимъ (12); 5) Посланія (16); 6) Подражанія Корану (9).

2. *Стихотворенія Александра Пушкина. 2 ч. Спб. Въ тип. Деп. Нар. Просв. 1829. 224 и 176 стр.*

Въ 1-й ч. пьесы 1815—1824 и подражанія Корану; во 2-й пьесы 1825—1829 и разныхъ годовъ.

Тоже 3-я часть. Тамъ же. 1832. 8 д. л. 208 стр.

Пьесы (всего 53) 1829—1831 и разныхъ годовъ.

Тоже ч. 4-я. Спб. Въ тип. Росс. Академіи. 1835. 8 д. л. 189 и 2 неп. стр.

3. *Поэмы и Повѣсти Александра Пушкина.* 2 ч. Спб. 1835. 8 д. л. 232 и 221 стр.

ПОСМЕРТНЫЯ ИЗДАНІЯ.

1. *Сочиненія Александра Пушкина.* 8 ч. Спб. Въ тип. Экспедиціи заготовленія госуд. бумагъ. 1838, въ 8 д. л.—Съ портретомъ и факсимиле и статью Жуковского о смерти Пушкина.

Въ I томѣ Евгенийъ Онѣгинъ и драматическія произведенія. Во II—поэмы. Въ III и IV—стихотворенія. Въ V и VI—Исторія Пугачевского бунта. Въ VII и VIII—проза.

Дополнительные томы: IX, X и XI. Спб. 1841, въ 8 д. л. Изданіе И. Глазунова и М. Заицина.

2. *Сочиненія Пушкина, съ приложеніемъ матеріаловъ для его біографіи, портрета, снимковъ съ его почерка и съ его рисунковъ и проч.* Изданіе П. В. Анненкова. 6 т. Спб. 1855. Въ военной тип. 8 д. л.—*Седьмой дополнительный томъ.* Спб. 1857.

Т. I. Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина, съ приложеніями и 7 снимками.—Т. II. Стихотворенія 1814—1830 и неизвѣстныхъ одовъ.—Т. III. Стихотворенія 1831—1836, поэмы, сказки, пѣсни славянъ.—Т. IV. Евгенийъ Онѣгинъ и драматическія произведенія.—Т. V и VI. Произведенія въ прозѣ и Исторія Пугачевского бунта.—Т. VII. Дополненія къ 6 томамъ, не напечатанныя въ нихъ произведенія, алфавитный указатель ко всѣмъ томамъ и оглавленіе къ I тому.

3. *Сочиненія А. С. Пушкина* Изданіе Я. А. Исакова. Съ портретомъ Автора и факсимиле. 6 томовъ и Приложенія: библиографическій Указатель Соч. Пушкина, состав. Г. Н. Геннади; брошюра и Послѣдніе дни и кончина А. С. Пушкина. 8-о Спб. 1859—1860. Приложенія и Послѣдніе дни продавались отдѣльно

СОБРАНІЯ ПЕРЕВОДОВЪ СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА *).

1. *La Balalayka. Chants populaires russes et autres morceaux de poésie, traduits en verset en prose par Paul de Julvécourt. Paris, 1837, въ 8 д. л. XXII и 246.*

Здѣсь находимъ слѣдующія пьесы Пушкина, переведенныя отчасти прозой, отчасти стихами: *Les lutins, La rousalka, Le talisman, La châte noir, La promise, Le lutin de ma maison, Les remarques, Légende du fameux Oleg, Le noyé, Le festin de Pierre I, L'hiver, La jeune fille, Les Bohémiens (fragments).*

2. *Les poètes russes traduits en vers français, par le prince Elim Mestscherski. 2 v. Paris. 1846, въ 8 д. л.*

Во 2-й части, на стр. 3 — 30, помѣщены слѣдующія пьесы: *L'anniversaire de Borodino; La fille des eaux (Русалка); Une fête de Pierre I; Une matinée d'hiver; Le délibasch.*

3. *Oeuvres choisies de A. S. Pouchkine, poète national de la Russie, traduites pour la première fois en français par H. Dupont, professeur de littérature à l'institut des voies et communication de St. Pétersbourg. 2 v. Paris, 1847, въ 8 д. л. Въ 1-й ч. X и 400, во 2-й VIII и 388 стр.*

Въ 1-й части: предисловіе переводчика, очеркъ жизни Пушкина, переведенный изъ Современника 1838 года (т. X), письмо Жуковскаго о его смерти, и переводы въ прозѣ Евгенія Онѣгина, Бориса Годунова и Бахчисарайскаго фонтана.

Во 2-й части — поэмы: *Кавказскій плѣнникъ, Братья разбойники, Цыгане, Графъ Нулинъ, Домикъ въ Коломнѣ, Полтава, Анжело, Мѣдный всадникъ, Каменный гость* и нѣкоторыя изъ значительныхъ лирическихъ піесъ, числомъ 48. — Переводъ близокъ, но тяжелъ.

4. *Histoire intellectuelle de l'empire de Russie, par Tardif de Mello. Paris, 1854, въ 8 д. л.*

На стр. 65 — 104: изъ *Кавказскаго плѣнника* и *Руслана* отрывки въ стихахъ и прозѣ; *Братья разбойники* и *Сказка о золотомъ пѣтушкѣ* переведены вполне въ стихахъ; *Пиръ Петра Великаго* (стр. 199) и *19 октября 1825 года* также переданы въ стихахъ.

*) Указанія переводовъ сочиненій Пушкина были помѣщены въ Библиографическихъ Запискахъ, т. II, (1859. № 2, 3 и 4); здѣсь они передаются съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями.

5. *Poesie di Puschkin tradotte in versi italiani da Luigi de Manzini, consigliere di corte, celebrandosi l'anno XXV dell'istituzione dell'Universit à Imperiale in San Pietroburgo l'anno 1844.* St. Pet., 1844, въ 16 д. л. 30 стр.

Плохіе переводы нѣсколькихъ лирическихъ пьесъ Пушкина, между прочимъ *Утопленника* и *Наполеона*.

6. *Poesie di A. Puschkin, tradotte in italiano da M. Wahltsch* Odessa, 1855, въ 12 д. л. II и 32 стр.

Переводы въ стихахъ слѣдующихъ пьесъ:

1) Моцартъ и Сальери, 2) Пѣвецъ; 3) *Художникъ-варваръ, кистью сонной*; 4) Талисманъ; 5) *Я помню чудное мгновенье*; 6) Цыганы; 7) Въ альбомъ (*Что въ имени тебя моемъ*); 8) *Нить, не черкешенка она*; 9) *Ex ungue leonem*, и другія эниграммы.

7. *Imitazioni di poezie Russe di Ignatio Ciampi.* Firenze. 1855, въ 12 д. л. 24 стр.

Четырнадцать лирическихъ пьесъ Пушкина въ подражаніяхъ, стихами

8. *Alexander Puschkin's Dichtungen. Aus dem Russischen übersetzt von Dr. Robert Lippert. 2 B.* Leipzig, 1840, въ 8 д. л. Въ 1-й г. XVI и 315 стр. во 2-й г. 260 стр.

Въ началѣ: предисловіе, затѣмъ очеркъ жизни Пушкина. Здѣсь переведены стихами: Кавказскій плѣнникъ, Цыганы, Бахчисарайскій фонтанъ, Братья разбойники, Полтава, Графъ Нулинъ, Сказка о царѣ Салтанѣ (въ вольной передѣлѣ), Борисъ Годуновъ, Гусарь, Будрысь, Два ворона, Сербская пѣсня, Полководецъ. Переводъ нельзя назвать близкимъ, но стихи гладки, и Липпертъ первый издалъ вмѣстѣ такое значительное число переводовъ изъ Пушкина. — Въ томъ же году вышелъ другой сборникъ переводовъ Эльснера, тоже стихами, но бѣлыми, и вообще слабѣе переводовъ Липперта. Вотъ его заглавіе.

9. *Gedichte von Alexander Puschkin, aus dem Russischen übersetzt von E. v. O.* Berlin. 1840, въ 8 д. л. 6 и 228 стр.

• Содержаніе: Предисловіе (стр. 1—37), заключающее въ себѣ краткій очеркъ жизни Пушкина и письмо Жуковскаго о его смерти; Черная палъ, Клеветникамъ Россіи, Бородинская годовщина, Цыганы, Полтава.

10. *Alexander Puschkin's poetische Werke, aus dem Russischen übersetzt von Friedrich Bodenstedt. 3 B.* Berlin. 1854, въ 16 д. л. Въ 1-й ч. XVI и 318 стр., во 2-й 312, въ 3-й 328.

Это лучший и полнѣйшій сборникъ избранныхъ и главныхъ стихотворныхъ произведеній Пушкина въ нѣмецкомъ переводѣ хорошими стихами. Первая часть содержитъ въ себѣ избранныя лирическiя произведенiя, нѣкоторыя сказки и баллады и изъ поэмъ слѣдующiя: Бахчисарайскiй фонтанъ, Братья разбойники, Графъ Нулинъ и Полтава; во 2-й части весь Евгений Онѣгинъ, съ примѣчанiями переводчика, въ 3-й части драматическiя пьесы: Борисъ Годуновъ, Каменный гость, Моцартъ и Сальери и Русалка; затѣмъ биографическое извѣстiе о Пушкинѣ, письмо о смерти его и опредѣленiе его значенiя въ русской литературѣ. Въ дополненiи: Египетскiя ночи.—Литературная характеристика Пушкина написана съ знанiемъ русской литературы. Боденштедтъ былъ въ Россiи, изучилъ русскiй языкъ и самъ талантливый поэтъ.

11. *Beiträge zur Kenntniss der poetischen und wissenschaftlichen Literatur Russlands, von Dr. Rudolf Minzloff.* Berlin, 1854, въ 8 д. л. 204 стр.

Въ этой книгѣ собраны нѣмецкiе переводы нѣсколькихъ стихотворенiй и отрывокъ въ прозѣ русскнхъ писателей и между прочими Пушкина, именно его *Цыганы* и *три лирическiя пьесы*.

12. *Dichtungen von A. Puschkin und M. Lermontow. Deutsch von Theodor Opitz.* Berlin. Hoffman. 1859, въ 12 д. л.

Здѣсь переданы, въ стихахъ, поэмы: Кавказскiй плѣнникъ, Цыганы, Галубъ и 24 лирическiя пьесы.

13. *The Talisman. From the Russian of Alexander Puschkin. With other pieces.* St. Petersburg. 1835, въ 8 д. л. 14 стр.

Кромѣ Талисмана переведена еще одна пьеса: Русалка.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1812 годъ.

Въ прежнемъ нашемъ изданіи первою пьесою 1814 года помѣщено было на основаніи указанія П. В. Анненкова, стихотвореніе: Къ Сестрѣ (изд. 1855, т. II, стр. 1). Послѣ выхода I-го тома нашего изданія напечатана была въ Современникѣ (т. 97, 1863 г. № VII и VIII) статья В. Гаевского: Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія. Въ этой статьѣ, основанной на печатныхъ данныхъ о Пушкинѣ, на разборѣ лицейскихъ бумагъ и преданій, автографовъ и списковъ стихотвореній Пушкина и свидѣльствахъ, бывшихъ его товарищей, сообщены свѣдѣнія о времени появленія нѣкоторыхъ пьесъ и нѣкоторыхъ поправки текста. Мы воспользовались этими указаніями и размѣстили по годамъ нѣсколько пьесъ, отнесенныхъ въ прежнемъ изданіи къ пьесамъ неизвѣстныхъ годовъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что въ началѣ лирическаго отдѣла должны быть помѣщены пьесы «Къ Делии» и «Измѣны», написанныя Пушкинымъ въ 1812 году, въ которомъ уже составлялись въ лицеѣ рукописные журналы и сборники стихотвореній. Кстати выписываемъ слѣдующее мѣсто изъ первой статьи В. Гаевского (стр. 155—159) о первыхъ стихотворныхъ опытахъ Пушкина.

«Пушкинъ писалъ по-русски преимущественно прозою до 1814 года, и уже съ этого времени почти исключительно отдался поэзіи. Изъ прозаическихъ его опытовъ почти ничего не уцѣлѣло кромѣ небольшого отрывка изъ записокъ, напечатаннаго г. Анненковымъ въ біографіи поэта (стр. 22—27). Но, по рассказамъ товарищей его, онъ, въ первые два года лицейской жизни, написалъ романъ въ прозѣ: *Цыганъ* и вмѣстѣ съ М. Л. Яковлевымъ комедію: *Такъ водится въ свѣтъ*, предназначавшуюся для домашняго театра. Послѣ этихъ опытовъ, онъ началъ комедію въ стихахъ: *Философъ*, о которой упоминаетъ въ запискахъ, напечатанныхъ въ его біографіи г. Анненковымъ (стр. 23); но сочинивъ только два дѣйствія, охладѣлъ къ своему труду и уничтожилъ написанное. Въ то

же время онъ сочинилъ въ подражаніе Баркову, поэму *Монахъ*, которую также уничтожилъ, по совѣту одного изъ своихъ товарищей. Увлеченный успѣхомъ талантливаго и остроумнаго произведенія дяди, В. Л. Пушкина, *Опасный Сосѣдъ*, которое ходило тогда въ рукописи и съ жадностію читалось и перечитывалось, племянникъ пустился въ тотъ же родъ, и кромѣ упомянутой поэмы написалъ: *Тѣнь Баркова*, балладу, извѣстную по нѣсколькимъ спискамъ. Последнюю онъ выдавалъ сначала за сочиненіе князя Вяземскаго, но увидѣвъ, что она пользуется большимъ успѣхомъ, признался, что написалъ ее самъ. Это стихотвореніе, неудобное вполнѣ для печати, представляетъ мѣстами пародію на балладу Жуковскаго Громобой. Оно начинается описаніемъ, какъ

Однажды, зимнимъ вечеркомъ

сошлись

Поэтъ, корнетъ уланскій,
Московскій модный молодецъ,
Подъячій изъ сената,
Да третьей гильдіи купецъ,
Да пьяныхъ два солдата

Героя баллады, котораго Пушкинъ сравниваетъ съ поэтомъ Хвостовымъ «обиженнымъ природой».

Явилась тѣнь, идетъ къ нему
Дрожащими стопами,
Сіяя сквозъ ночную тьму
Огнистыми очами

6.

Что сдѣлалось съ дѣтиной тутъ?
Вѣщало привидѣнье.

7.

И страхомъ пораженный...,
Не могъ сказать ни слова,
Свалился на полъ, будто снопъ,
Къ портищамъ онъ Баркова.

8.

• Ты видишь, продолжалъ Барковъ: —
Я вмигъ тебя избавилъ,
Но слушай: изо всѣхъ пѣвцовъ
Ни кто меня не славилъ:
Ни кто такъ
Хвалы мнѣ ихъ не нужны
Лишь отъ тебя услуги жду —
Пиши въ часы досужны!
Возьми задорный мой гудокъ,
Играй какъ ни попало!
Вотъ звонки струны, вотъ смычокъ,
Ума въ тебѣ не мало.

9.

Не пой лишь такъ, какъ пѣлъ Бобровъ.
Ни Шелехова тономъ,
Шихматовъ, Палицынъ, Хвостовъ,
Прокляты Аполлономъ.
И что за нужда подражать
Безмысленнымъ поэтамъ?
Послѣдуй ты,
Моимъ благимъ совѣтамъ!
И будешь изъ пѣвцовъ пѣвецъ,
Клянусь
Ни чортъ, ни
Не вздремлютъ надъ тобою -

10.

— Барковъ! доволенъ будешь мной! —
Провозгласилъ дѣтина,
И вмигъ исчезъ призракъ ночной,

Впослѣдствіи, когда герой баллады попался въ бѣду, предъ нимъ снова

Баркова призракъ вдругъ предсталъ,
освободилъ его изъ-подъ стражи и сказалъ на прощанье:

• Поди (отверзта дверь была),
Тебѣ не помѣшаютъ!

Но знай что добрыя дѣла
награждаютъ:
Усердно ты воспѣлъ меня,
И вотъ за то награда! —
Сказалъ, исчезъ, — и здѣсь, друзья,
Кончается баллада.

Это Пироновское направленіе, которому отдали дань почти всѣ замѣчательные поэты, и которымъ увлекся 14-тилѣтній Пушкинъ. даю поводъ сказать о немъ въ одной изъ «національныхъ пѣсень» лица:

А нашъ французъ
Свой квалить вкусъ,
И м.....ну пореть.

Всѣ эти пять произведеній, по отзывамъ товарищей поэта, сочинены въ 1812, 1813 и не позже 1814 года, прежде упоминаемой въ его запискахъ и рассказанной г. Анненковымъ въ его біографіи (стр. 23 и 24) восточной сказки: *Фатама или разумъ человѣческій*, также не удѣлѣвшей. Содержаніе ея мы слышали съ нѣкоторыми подробностями: супруги просили у судьбы сына самаго разумнаго, каеихъ еще не бывали; но какъ въ природѣ все развивается въ ту или другую сторону, то имъ обѣщано, что сынъ ихъ родится необъясненно умнымъ, съ лѣтами же постоянно будетъ терять способности и, наконецъ, обратится въ дѣтство. Дѣйствительно, родившись, онъ былъ чрезвычайно ученъ, говорилъ по латыни, и едва выглянуль на свѣтъ, спросилъ: — *ubi sum?* и т. д.

1814 годъ.

— **Къ Сестрѣ** (стр. 7).

Первое извѣстное стихотвореніе Пушкина, сохраненное въ копіи сестрою его и переданное П. В. Анненковымъ въ его изданіи, т. II, стр. 1. Окончаніе пьесы см. въ Библиографическихъ Запискахъ 1858, № 10, стр. 309.

— **Къ Натальѣ** (стр. 52) и **Къ молодой актрисѣ** (стр. 54).

По указанію М. Н. Лонгинова эти пьесы относятся къ одной молодой актрисѣ, изъ крѣпостныхъ графа Варсоломея Василье-

вича Толстова, у котораго былъ домашній спектакль, посѣщаемый лицеистами.

— **Stances. Avez vous vu la tendre Rose.**

Изъ статьи В. Гаевского: Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія, въ Современникѣ т. 97 (1863, № 7), стр. 176. — Стансы эти написаны были къ княгинѣ А. М. Кантакузенъ, тогда княжнѣ Горчаковой.

1815 годъ.

— **Къ Галичу**, Александру Ивановичу (стр. 61)

— Въ Библиографическихъ Запискахъ 1858, № 10, сообщено изъ одного списка этой пьесы три стиха, слѣдующіе за стихомъ:
«Когда послыша славы гласъ»:

Покину кельи кровь пустынной,
Забывъ волшебный свой Парнассъ,
Златой досугъ и міръ невинной...

— **Казакъ** (стр. 70).

Росс. Музеумъ 1855, № 3 съ подписью: 1... 14 — 16. — Изд. 1855, II, 60.

Въ Библиографическихъ Запискахъ 1858 г. № 10, сообщена первоначальная редакція этого стихотворенія по рукописи, принадлежавшей И. И. Пущину, гдѣ при заглавіи приписка: «подражаніе малороссійскому» и въ концѣ: «А.... Аннибалъ—Пушкинъ. Любезному Ивану Ивановичу Пущину». Измѣненія начинаются послѣ втораго куплета.

Мѣткого копыя луною
Свѣтится конецъ;
Въ грудь упершись бороною
Задремалъ Донецъ....

Вѣрный конь, узды не чуя,
Шагомъ выступалъ.
Гриву долгую волнуя,
Углубился въ даль

Вотъ предъ нимъ двѣ, три избушки,
Выломанъ заборъ;
Здѣсь — дорога къ деревушкѣ,
Тамъ — въ дремучій боръ

Добрый конь остановился,
Мордой траву рвегъ;
Храбрый воинъ пробудился.
Вмигъ узду беретъ.

Сильно сжалъ коня ногою,
Шпорою кольнулъ;
И помчался конь стрѣлою,
Къ избамъ завернулъ.

- Не найду въ лѣсу дѣвицы,
Думалъ хватъ-Денись.
- Ужъ красавицы въ свѣтлицѣ
На ночь убрались!..

Глядь — анъ видитъ красну дѣву,
Черна бровь дугой
Конь тихонько къ лѣву, къ лѣву,
Прямо къ милой.... «Стой!

«Выдь, коханочка изъ дому,
Коню дай воды!»
— Нѣтъ! къ мужчинѣ молодому
Страшно подойти.

«Ахъ! небось, дѣвица красна
Съ другомъ подружись!
Чѣмъ любовь для насъ опасна?
Радость, не страшись!»

— Нѣтъ мнѣ мать говорила:
Бойся, дочь, мужчинъ!
Мать не разъ мнѣ то твердила,
Нѣтъ!.. Не безъ причинъ!

«Вѣрь, коханочка, пустое!
Милая небось!
Тратишь время золотое;
Выйди.... страхъ отбрось!

«Сядь на борзаго — не нуженъ
Мнѣ съ тобою домъ;
Буду съ милой неразлученъ;
Мураву найдемъ.»

Что же дѣвица? случилось
Что предвидить всякъ:
Дѣва робко согласилась,
Счастливь сталъ казакъ.

На коня посиѣшно сѣли;
Дружку другъ любилъ....
Жилъ въ ладу съ ней — двѣ недѣли.
Въ третью измѣнилъ!

Къ Живописцу. (Изъ Парни) стр. 79.

Въ рукописи второй куплетъ былъ слѣдующій:

Красу невинности небесной
Надежды робкія черты,
Улыбку Душеньки прелестной
И взоры юной красоты.

— **Роза** (стр. 80).

Въ рукописи послѣ 5-го стиха слѣдуетъ еще:

Вотъ жизни младость,
Не повторяй:
Такъ вянетъ радость!
Въ душѣ скажи и проч.

— **Старикъ** (стр. 80).

Въ Росс. Музеумѣ, ч. II, (1815, № 5), на стр. 142, гдѣ эта пьеса первоначально напечатана, она была въ слѣдующемъ видѣ:

Ужь я не тотъ философъ страстный
Что прежде такъ любить умѣлъ,
Моя весна и лѣто красно
Ушли— за тридевятъ земель!
Амуръ, свѣтъ возраста златова!
Боговъ тебя всѣхъ болѣ чтилъ;
Ахъ! еслибъ я родился снова
Ужь такъ ли бы тебѣ служилъ!

Гробъ Анакреона (стр 88).

Первоначальная редакція начала этой пьесы:

Темныхъ миртовъ занавѣса
Наклонилася къ водамъ
Въ ихъ сѣни, у края дѣса, —
Чью гробницу вижу тамъ?
Розы юныя алѣютъ
На покрытомъ камнѣ мхомъ;
Лавры цвѣтъ любви лелѣютъ,
И зефиры ихъ не смѣютъ
Свѣять трепетнымъ крыломъ.

Послѣ одиннадцатаго стиха:

Други! Други! въ сладкомъ мирѣ.
Здѣсь теосскій спитъ мудрецъ!
Посмотрите: на гробницѣ
Сынъ отрадъ изображень;
Здѣсь на вѣтреной цѣвницѣ
Рѣзвый нашъ Анакреонъ,
Красотой очарованный,
Нѣжно гимны ей поетъ,
Виноградомъ увѣнчанный
Въ чашу сокъ его лить.

Въ концѣ пьесы измѣнены два стиха:

Вотъ и Музы и Хариты
Пригорюнившись сидятъ
Плющемъ, розами повиты
Кажется въ слезахъ твердятъ:
Онъ исчезъ, какъ наслажденье....

— **Лицинію** (стр. 96).

Варианты изъ Росс. Музеума (1815, № 5), гдѣ впервые была напечатана эта пьеса:

1. Увѣнчанъ. .
2. Какъ ликторовъ полки
3. Съ покорностью ему умильный мешутъ взглядъ ..
4. Ждутъ въ тайномъ тренетѣ...
5. И дѣти малыя, и старцы съ сѣдиной
Стремятся всѣ за нимъ и взоромъ, и душой,
И даже слѣдъ колесъ въ грязи напечатлѣнный,
Какъ пѣкій памятникъ имъ кажется священный.

6. О Ромуловъ народъ! Предъ кѣмъ ты иалъ во прахъ?
Предъ кѣмъ возчувствовала столь низкій страхъ?
7. О срамъ...
8. Но кто подъ портикомъ съ руками за спиною.
Въ изорванномъ плащѣ и съ нищенской клюкою.
Повикнувъ головой, нахмурившись идетъ?
Не ошибаюсь я, философъ то Даметъ,
Даметъ! куда, скажи, въ одеждѣ столь убогой,
Средь Рима пышнаго бредешь своей дорогой?
— Куда? не знаю самъ. Пустыни я ищу,
Среди разврата жить ужъ больше не хочу,
Япетовыхъ дѣтей пороки, злобу вижу,
На вѣкъ оставлю Римъ: я людства ненавижу
Лицнй, добрый другъ! не лучше ли и намъ.
Отдавъ поклонъ мечтѣ, фортунѣ, суетамъ,
Сѣдаго старика примѣромъ научиться
Не лучше ли скорѣй со градомъ распространиться
9. Гдѣ все на откупѣ...
10. И жены, и мужа...
11. Другихъ неопытныхъ въ любовну ловятъ сѣтъ
12. Летитъ отъ старика любовь въ толпѣ веселй
13. Вельможей рабъ.
14. Оставля ложе сна съ зашѣвшимъ пѣтухомъ
Отъ знатныхъ къ богачамъ бѣгутъ изъ дома въ домъ
15. Докучныхъ риторовъ, Парнасскихъ Геростратовъ.
Въ деревню принесемъ отеческихъ пенатовъ.
Въ тѣнистой рощицѣ на берегу морскомъ
Найти не трудно намъ красивый, свѣтлый домъ
16. Въ тиши...
17. Свой духъ воспламеню Петрономъ, Ювеналомъ,
Въ гремящей сатирѣ порокъ изображу.
18. Дикіе.
19. Войны ужасный мечъ пріавъ въ кровавы длани
20. Речеть задумавшаясь въ мечтаньяхъ углубленъ.

1816 годъ.

— **Заздравный кубокъ** (стр. 107).

Есть списокъ этой пьесы (см. Библиографическія Записки, (1858, № 10, стр. 314), въ которомъ начало такое:

Кубокъ тяжелой
Полонъ давно,
Пѣною бѣлой
Блещетъ вино!

Здравіе славы
Выпью ли я?
Бранной забавы
Мы не друзья.

Вы Геликона
Давни жильцы,
За Аполлона
Пейте, пѣвцы.

— **Наѣздникъ** (стр. 125).

На стр. 127 послѣ стиха: «Предчувствую послѣдній бой», въ рукописи слѣдовали другіе четыре стиха:

Расторгну цѣль судьбы жестокой,
Влечу я съ братьями въ огонь;
Ударъ падеть... и одинокой
Въ долину выбѣжить мой конь.

Предполѣдній куплетъ за пѣсню былъ замѣненъ слѣдующими стихами:

«О вы, хранимые судьбами
Для сладостныхъ любви наградъ!
Люби безцѣнными слезами
Благословится вашъ возвратъ.
Въ минуты сладкаго спасенья,
О други, вспомните пѣвца!»

— Мѣсяцъ (стр. 134).

П. В. Анненковъ въ своемъ изданіи опустилъ изъ этой пьесы слѣдующее четверостишіе, напечатанное въ посмертномъ, потому что онъ не нашелъ его въ *исправленной* рукописи Пушкина:

Что вы восторги сладострастья
Предъ тайной прелестью отрадь,
Прямой любви, прямого счастья?
Примчатся ль радости назадъ?

— Подражаніе (стр. 140).

Въ Библиографическихъ Запискахъ (1858, № 10), былъ сообщенъ другой списокъ этого стихотворенія «вѣроятно первой редакціи» какъ сказано тамъ:

Я видѣлъ смерть; она безмолвно сѣла
У мирнаго порога моего.
Я видѣлъ гробъ; открылась дверь его:
Душа, померкнувъ, охладѣла...
Покину скоро я друзей,
И жизни горестной моей
Никто слѣдовъ ужъ не примѣтитъ;
Послѣдній взоръ моихъ очей
Луча безсмертія не встрѣтитъ.
И погасающій свѣтильникъ юныхъ дней
Ничтожества спокойный мракъ освѣтитъ.
Прости печальный міръ, гдѣ темная стезя
Надъ бездной для меня лежала.
Гдѣ вѣра тихая меня не утѣшала,
Гдѣ я любилъ, гдѣ мнѣ любить нельзя!
Прости свѣтло дня, прости небесъ завѣса,
Нѣмая почи мгла, денницы сладкій часъ,
Знакомые холмы, ручья пустынный гласъ,
Безмолвіе таинственнаго лѣса,
И все прости въ послѣдній разъ!
А ты, которая была мнѣ въ мірѣ богомъ,
Предметомъ тайныхъ слезъ и горестей залогомъ,
Прости! Минуло все, ужъ гаснетъ пламень мой,
Сложу я въ хладную могилу
И смерти сумракъ роковой
Съ мученьями любви покроетъ жизнь унылу!

Къ чему, веселые друзья,
Мое тревожить васъ молчанье?
Запѣвъ послѣднее прощанье,
Ужъ Муза смолкнула моя.
Напрасно лиру взялъ я въ руки
Бряцать веселье на пирахъ,
И на ослабленныхъ струнахъ
Искалъ потерянные звуки.
Богами вамъ еще даны
Златые дни, златые ночи,
И на любовь устремлены
Огнемъ исполненные очи!
Играйте, пойте, о друзья! и проч.

Въ изд. 1826 г. стр. 3, сокращено.

— Къ Морфею. (стр. 141.)

Эта пьеса, напечатанная впервые въ Полярной Звѣздѣ 1824 г. есть передѣлка слѣдующей пьесы, помѣщенной въ посмертномъ изданіи:

Сну.

Знакомецъ милый и старинной,
О сонъ хранитель добрый мой!
Гдѣ ты? Подъ кровлею пустынной
Мнѣ ложе стелеть ужъ покой
Въ безмолвной тишинѣ ночной,
Прійди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови,
До утра только дай отраду
Моей мучительной любви!
Сокрой отъ памяти унылой
Разлуки грустный приговоръ;
Пускай увижу милый взоръ,
Пускай услышу голосъ милой.
Когда жъ умчится ночи мгла
И ты мои покинешь очи
О если бы душа могла
Забить любовь до новой ночи!

— Князю Шаликову (Петру Ивановичу), писателю (ум. въ 1853 г.) стр. 143.

Вставка, послѣ осьмага стиха — изъ Библиографическихъ Записокъ 1858, стр. 318.

Мы обозначали это стихотвореніе какъ посвященное Князю Шаликову на основаніи указателя П. В. Анненкова (т. VII, стр. 177), но не имѣемъ подтвержденія на это и ужъ никакъ не можемъ согласить съ временемъ написанія пьесы (1819 г.) одного стиха изъ вставки, сообщенной Библиографическими Записками:

•И нынѣ въ юности прекрасной...•

Князь Шаликовъ умеръ въ 1853 году 84-хъ лѣтъ .. Или слово юности — описка?

— Пѣвецъ. (стр. 146)

Вариантъ 8-го стиха въ Сѣв. Наблюдателѣ ч. I (1817, № 1), стр. 14.

Прискорбную ль улыбку замѣчали.

Посланіе къ князю А. М. Горчакову. (стр. 147.)

Въ Современникѣ 1856, № 11, гдѣ впервые помѣщено это посланіе М. Н. Лонгиновымъ, 9-й стихъ читается такъ:

И розно нашъ оставимъ въ жизни слѣдъ.

— Отрывки изъ посланія къ Юшкову. (стр. 150.)

Изъ матеріаловъ П. В. Анненкова, стр 5 и примѣчаній втораго тома, стр. 148 и слѣдующихъ. — Сельцо *Заларьино*, къ которому относятся эти воспоминанія, находится около села Вязёмы, верстахъ въ сорока отъ Москвы, по смоленской дорогѣ: оно было куплено бабушкою поэта, Марьей Алексѣвной Ганнибалъ и продано въ 1811 году, когда Пушкина повезли въ Лицей. (См. Матеріалы, стр. 5).

— Боже Царя храни. (стр 152.)

По свидѣтельству В. Гаевского (Современникъ 1863, № 8, стр 372). эта пьеса написана въ 1816 году къ празднованію дня основанія лицея и была пропѣта воспитанниками на праздникѣ, на го-лось англійскаго народнаго гимна «God save the king», въ подражаніе которому и сочинена.

— Къ Наташѣ. (стр. 133.)

Эта Наташа была горничная фрейлины княжны Волконской, жившей въ царскосельскомъ дворцѣ. Пущинъ рассказываетъ въ своихъ Запискахъ о лицѣхъ, въ Атенеѣ (1859, № 8, стр. 21), что Пушкинъ однажды проходя къ музыкѣ темнымъ дворцовымъ корридормъ хотѣлъ ее поцѣловать, но вмѣсто нея поцѣловалъ княжну. Пьеса написана по тому поводу. что Наташа, слѣдуя за дворомъ, должна была переселиться въ Петербургъ.

— Къ Машѣ. (стр. 154.)

Пущинъ въ своихъ Запискахъ говоритъ, что въ числѣ знакомыхъ директора лицея Энгельгардта, у котораго иногда собирались лицеисты было и пріѣзжавшее на короткое время изъ Москвы семейство Дельвига, восьмилѣтней сестрѣ котораго, баронессѣ Марьѣ Антоновнѣ, Пушкинъ написалъ 22 дек. 1815 г. посланіе: «Вамъ восемь лѣтъ, а мнѣ семнадцать было», а въ слѣдующемъ году стихотвореніе къ *Машѣ*.

— Пуншева пѣсня. (стр. 154.)

Этотъ переводъ сообщенъ былъ П. В. Анненковымъ въ VII томѣ его изданія (стр. 17) и найденъ въ бумагахъ сохранившихся у С. А. Соболевскаго отъ Льва Сергѣевича Пушкина, который быть можетъ и перевелъ эту пьесу — а не Александръ Сергѣевичъ, котораго не узнаешь въ этихъ небрежныхъ стихахъ. Печатаемъ эту пьесу только потому, что она была въ изданіи П. В. Анненкова.

1817 годъ.

— Къ Дельвигу. (Любовью, дружествомъ и лѣнью). (стр. 161.)

Это передѣлка предъидущей пьесы, сообщенной въ посмертномъ изданіи.

Въ Библиографическихъ Запискахъ 1858 г., № 11, стр. 332, сообщенъ (изъ списка) отрывокъ этой пьесы слѣдующій за двѣнадцатымъ стихомъ:

*
Пѣвецъ! въ безвѣстности глух ой
Живи подъ дружественной сѣнью;

Страшисъ увидѣть свѣтъ; неопытной душой
Не жертвой ослѣпленью!
Воспитанный въ тиши, не знавъ грозныхъ бѣдъ,
Съ любовью, дружествомъ и лѣнью
Въ единеніи ты счастливъ, — ты поэтъ!
Но для меня прошли, увяли наслажденья!

Въ томъ же спискѣ послѣ двадцать-четвертаго стиха слѣдуетъ еще ненапечатанный стихъ:

И были дни мои посвящены покою.

Тамъ же сообщено нѣсколько вариантовъ, но изъ списка

— Сновидѣніе (Изъ Вольтера). (стр. 167.)

Изд. посм. IX, 395.—Изд. 1855, II, 168. Объ этомъ мадригалѣ и о четырехъ русскихъ переводахъ его см брошюру С. Д. Полторацкаго: Матеріалы для Словаря русскихъ писателей.—Русскіе Переводчики Вольтера. Выпускъ I. М 1858, въ 8-ю д л.

— Къ товарищамъ передъ выпускомъ. (стр. 167.)

Въ Библиографическихъ Запискахъ 1858, стр. 334 сообщенъ между прочими варианты стиховъ 19—22:

Лишь я судьбѣ во всемъ послушный,
Безпечный лѣни вѣрный сынъ,
Къ честямъ ничтожнымъ равнодушный
Я тихо задремалъ одинъ.

— Разлука (В. К. Кюхельбекеру). (стр. 170.)

Въ Невскомъ Зрителѣ ч. II, (1820, № 4), стр. 66, гдѣ впервые напечатано это стихотвореніе первый стихъ читается такъ:

Въ послѣдній разъ въ тиши единенья.

И послѣ четвертаго стиха:

И такъ они прошли—лѣта соединенія,
И такъ разорванъ онъ—нашъ братскій вѣрный кругъ!
Прости! хранимый тайнымъ небомъ,
Не разлучайся, милый другъ,
Съ фортуной, дружествомъ и Фебомъ...

— Безвѣріе. (стр. 171.)

Въ Библиографическихъ Запискахъ 1838 г., стр. 334, сообщень по списку слѣдующій отрывокъ, замѣняющій 5 и 6 стихи (Котораго вся жизнь и проч.):

Смирите гордости жестокой изступленье.
Имѣть онъ права на ваше снисхожденье,
На слезы жалости. Внемлите брата стонъ.
Несчастный — не злодѣй, собою страждеть онъ
Кто въ мірѣ усладить души его мученья?
Увы, онъ перваго лишился утѣшенья.

Тамъ же есть слѣдующее окончательное двустистиіе, неналечтанное въ прежнихъ изданіяхъ.

И что зоветъ его къ пустынѣ гробовой,
Кто вѣдаетъ? но тамъ лишь видитъ онъ покой.

— **Къ Каверину**, Павлу Петровичу (стр. 173.)

Это стихотвореніе сохранилось въ одномъ спискѣ въ такомъ видѣ:

Къ Каверину.

Прости, любезный мой Каверинъ,
Минутной рѣзвости нескромные стихи,
Люблю я первый, будь увѣренъ,
Твои гусарскіе грѣхи.
Прослыть апостоломъ Зенонова ученья
Быть можетъ хорошо, но ни тебѣ, ни мнѣ
Я знаю, что страстей волненье
И шалостей, и заблужденья
Приличны нашихъ дней блистательной мечтѣ;
Пускай умно, хотя неосторожно,
Дурачиться мы будемъ иногда,
Пока безъ лишняго труда
Дурачиться намъ будетъ можно;
Всему пора, всему свой мигъ,
Все чередой идетъ опредѣленной:
Смѣшонъ и вѣтряный старикъ,
Смѣшонъ и юноша степенной
Насытятся жизнію у юныхъ дней въ гостяхъ,
Простились мы навѣкъ съ веселіемъ шумливымъ,
Съ Венерой пылкою и Влехомъ молчаливымъ,

Вздохнемъ объ нихъ какъ объ друзьяхъ,
И старость посѣтимъ съ поклономъ молчаливымъ.
Теперь въ безопасности живи,
Люби друзей, храни о нихъ воспоминанье,
Молись и Вакху, и Любви,
И черни презирай ревнивое роптанье.
Она невѣдаетъ что дружно можно жить
Съ стихами, съ картами, съ Платономъ и бокаломъ.
Что рѣзвыхъ шалостей подѣ легкимъ покрываломъ
И умъ возвышенный и сердце можно скрыть.

— Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ (стр. 545).

Напечатано было въ берлинскомъ изданіи Стихотвореній Пушкина 1861 г. и въ статьѣ В. Гаевского, въ Современникѣ т. 97 (1863, № 8) стр. 392.

•Эта невинная шутка надѣлала было большихъ хлопотъ поэту: стихотвореніе, какъ объяснено въ примѣчаніи къ нему со словъ одного изъ упомянутыхъ лицъ (стр. 228), было написано на дежурствѣ графа Завадовскаго и поднято Пашковымъ, который вступился за честь своего обиженнаго носа и обѣщаль «поколотить» Пушкина. Но Завадовскій, польщенный упоминаніемъ о его щедрости, принялъ стихи на себя, чтобъ избавить Пушкина отъ непріятности, и ссора угрожала дуэлью. Это дошло до свѣдѣнія командира гвардейскаго корпуса И. В. Васильчикова, который созвалъ офицеровъ для объясненія съ цѣлью помирить ихъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что благо-разумная партія признала его пустымъ, а противная, боясь высказаться, промолчала, и тѣмъ согласилась съ первой. Въ числѣ обиженныхъ былъ и Каверинъ, которому Пушкинъ вслѣдствіе этого писалъ:

Забудь, любезный мой Каверинъ,
Минутной рѣзвости несеромные стихи:
Люблю я первый, будь увѣрень,
Твои гусарскіе грѣхи...

— Въ альбомѣ Зубову. (стр. 177.)

Въ изданіи П. Анненкова т. II, стр. 171, была сообщена другая, вѣроятно первоначальная редація этой пьески:

Пройдетъ любовь, умрутъ желанья,
Разлучитъ насъ холодный свѣтъ;
Кто вспомнить тайныя свиданья,

Мечты, восторги прежнихъ лѣтъ?
Позволь въ листахъ воспоминанья
Оставить имъ свой легкой слѣдъ.

— Къ молодой вдовѣ. (стр. 177)

В. Гаевскій въ статьѣ своей о лицейскихъ стихотвореніяхъ, между прочимъ пишетъ:

«Въ семействѣ Энгельгардта, состоявшемъ изъ жены и пятерыхъ дѣтей, жила овдовѣвшая незадолго передъ тѣмъ *Марія Смитъ*, урожденная *Chagon-Lagose*, вышедшая впоследствии замужъ за Паскаля. Весьма миловидная, любезная и остроумная, она умѣла оживлять и соединять собиравшееся у Энгельгардта общество. Пушкинъ, который немедленно началъ ухаживать за нею, написалъ къ ней довольно нескромное посланіе: *Къ молодой вдовѣ*, напоминающее заглавіемъ и отчасти мыслию эротическое посланіе Вольтера *une jenne veuve*. Но вдова, не успѣвшая забыть мужа и готовившаяся быть матерью, обидѣлась, показала стихотвореніе своего вздыхателя Энгельгардту, и это обстоятельство было главною причиною непріязненныхъ отношеній между ними, продолжавшихся до конца курса. Къ г-жѣ Смитъ написаны еще Пушкинымъ Слово Милой и Лилѣ (Лила, Лила, я страдаю...).

— Couplets и Съ позволенія сказать. (стр. 184.)

Пьески, написанные Пушкинымъ для литературныхъ бесѣдъ, бывшихъ въ Царскомъ Селѣ у барона Тепперъ де-Фергюсона. Вторая пьеска не сохранилась въ рукописи, но записана со словъ лицейскихъ товарищей его и напечатана В. Гаевскимъ въ *Современникѣ*, т. 97 (1863, № 8), стр. 386.

— Отъ всеобщей, вѣчеръ, идя домой... (стр. 545.)

Сохранилось въ Запискахъ Пущина (см. *Современникъ*, т. 97, 1863, № 8, стр. 387), по словамъ котораго «Пушкинъ, сидя съ нимъ въ Лицеѣ у окна библіотеки, бывшей любимымъ сборнымъ мѣстомъ воспитанниковъ и находившейся въ залѣ надъ аркою, соединяющей дворецъ и зданіе лицея, увидѣлъ двухъ женщинъ, которыя спорили, выходя отъ всеобщей, и написалъ по этому случаю стихотвореніе».

— Гауеншильдъ и Энгельгардтъ. (стр. 545)

Изъ статьи В. Гаевского въ *Современникѣ*, т. 97 (1863, № 8),

стр. 397. «Отставной солдатъ» былъ лицейскій дядька Прокофій. Пѣсня писана и пѣлась въ лицейѣ, а записана Пушкинымъ 19 окт. 1836 г., въ кругу товарищей, собравшихся для празднованія лицейской годовщины и сохранилась въ тетради бывшаго лицейскаго товарища Пушкина М. Л. Яковлева.

1818 годъ.

— Мечтателю. (стр. 192.)

Вариантъ 4-го стиха въ журналѣ Сынъ Отечества, ч. 50 (1818, № 51), стр. 273.

«И въ сердцѣ кладное страданіе таить.

И 11-го и 12-го стиховъ:

На ложѣ медленно растерзанный тоской,
Забывъ надежду и покой.»

— Къ портрету Жуковскаго. (стр. 198.)

Въ Благонамѣренномъ, 1818, ч. 3, было напечатано:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ время въ таинственную даль...
Услыша ихъ воспламенится младость,
Безмолвная утѣшится печаль
И рѣзвая задумается радость.

— Жуковскому. (стр. 194.)

Въ Сынѣ Отечества, ч. 74 (1821, № 52), стр. 276.—Въ началѣ и въ концѣ находятся стихи, отброшенные въ послѣдствіи. Вотъ начало:

«Когда младымъ воображеньемъ
Твой гордый геній окрылень,
Тревожить лѣни праздный сонъ,
Томясь мятежнымъ упоеньемъ;
Когда возвышенной душой
Летя къ мечтательному міру,
Ты держишь на колѣняхъ лиру»....

Послѣ 9-го стиха:

• Не для подкупленныхъ судей
Ревнивыхъ милостью своей. •

Окончаніе:

• Смотри, какъ пламенный поэтъ.
Внимаемъ сладкимъ упоенный,
На свитокъ генія склоненный,
Читаетъ повѣсть древнихъ лѣтъ!
Онъ духомъ тамъ, въ дыму столѣтій:
Предъ нимъ волнуются толпой
Злодѣйства, мрачной славы дѣти,
Съ сынами доблести прямой;
Отъ сна воскресими вѣками
Онъ бродитъ тайно окруженъ,
И благодарными слезами
Карамзину приноситъ онъ
Живой души благодаренье
За мигъ восторга золотой,
За благотворное забвенье
Безплодной суеты земной:
И въ немъ трепещетъ вдохновенье. •

1819 годъ.

— Н. В. Всеволожскому. (стр. 198.)

Вариантъ начала изъ списка:

Прости, счастливый сынъ пировъ,
Балованный дитя свободы;
И таеъ отъ нашихъ береговъ,
Изъ области крылатой моды,
Ты скачешъ въ мирную Москву,
Гдѣ наслажденьямъ знаютъ цѣну,
Безпечно дремлютъ на яву,
И въ жизни любятъ перемѣну?
Въ сей Азіятской сторовѣ,
Насъ увѣряютъ, жпзнь—игрушка
Въ почтенной кичеѣ, въ шушунѣ,
Мосева премилая старушка;

Разнообразной и живой
Она плѣняетъ пестротой, и т. д.

Вариантъ 49-го стиха:

И тучной знатности похмеле.

— В. В. Энгельгардту. (стр. 200.)

стихи въ посмертномъ изданіи были:

Меня зовутъ холмы, луга,
Тѣнисты клены огорода,
Пустынной рѣчки берега...

— Уединеніе. (стр. 203.)

Въ рукописныхъ стихахъ называется «Деревня»; написано въ Михайловскомъ.

— Бнязю Горчакову (Александрѣ Михайловнѣ). (стр. 207.)

Въ Раутѣ, Сборникѣ 1854 г. (М), вв. III, стр. 248, съ незначительными вариантами и съ слѣдующимъ окончаніемъ, сообщеннымъ изъ списка этой пьесы и по предположенію П. В. Анненкова принадлежащимъ Пушкину:

Но я не тотъ! мои златые годы,
Безумства жарь, веселость, острота,
Любовь стиховъ, любовь моей свободы, —
Проходитъ все, какъ легкая мечта:
Такъ иногда, за чашей ликованья,
Найдешь меня, объятаго тоской,
Задумчива, съ понижею главой —
И ты поймешь души моей страданья!

— Мнѣ бой знакомъ — люблю языкъ мечей... (стр. 209.)

— Пародія на стихи Жуковскаго. (стр. 210.)

«Это пародія на стихотвореніе Жуковскаго «Тѣньность», написанное бѣлыми стихами, которыхъ Пушкинъ не жаловалъ въ молодости, хотя и написалъ ими въ лицей двѣ пьесы. «Бова» и «Фіалъ Анакреона». Жуковскій отъ души смѣялся надъ пародіею молодого поэта, но предрекалъ ему время, когда онъ перемѣнитъ мнѣніе свое о бѣломъ стихѣ. (См. берлинское изданіе Стих. Пушкина 1861, стр. 216).

— Здорово Юрьевъ — именинникъ... (стр. 210)

Оба стихотворенія нигдѣ не были напечатаны и получены издателемъ отъ Федора Филипповича Юрева.

— Экспромптъ Гнѣдичу. (стр. 210.)

Взять изъ Библиографич. Записокъ М. Н. Лонгинова (въ Современникѣ т. LXII, 1857, стр. 267), гдѣ переданъ рассказъ Я. Н. Толстова о собраніяхъ у Н. В. Всеволожскаго въ Петербургѣ, въ которыхъ участвовалъ Пушкинъ (1818—1820 г.) и которые назывались обществомъ *зеленой лампы*. — Однажды (у Я. Н. Толстова) Гнѣдичъ читалъ отрывки изъ своего перевода Иліады. Въ нѣкоторыхъ стихахъ замѣчали шероховатость. Пушкинъ молчалъ и зѣвалъ. Гнѣдичъ, подошедши къ нему, сказалъ: «Укажите мнѣ А. С. стихи, которые вамъ нравятся?» Пушкинъ отказывался. Гнѣдичъ настаивалъ; тогда Пушкинъ произнесъ экспромптъ.»

1820 годъ.

— Погасло дневное свѣтило .. (стр. 211)

Варианты въ Сынѣ Отечества ч. 65 (1820, № 46). стр. 271.

Ст. 6-й. волшебные. Вариантъ; роскошные

Ст. 7-й. Съ невольнымъ трепетомъ туда стремлюся я,
Сердечной думой упоенный.

Ст. 10-й. Смущенный духъ во мнѣ кипить и замираетъ.

Ст. 12-й. Прегниихъ. Вариантъ: юныхъ.

Ст. 17-й. Неси меня корабль, неси къ предѣламъ дальнимъ.

Ст. 22-й. Нѣжныя. — Вариантъ: милыя

Ст. 31. Порочныхъ, Вариантъ: мятежныхъ.

— Черная шаль. (стр. 217.)

Вариантъ 4-го стиха: Гляжу я безмолвно на черную шаль..

— Къ этому же году относится ода его: Вольность.

1821 годъ.

— Муза. (стр. 224.)

П. В. Анненковъ сообщилъ изъ черновой рукописи нѣкоторые первоначальные стихи, непопавшіе въ печать, именно:

2-й. Она трествольную цѣвницу мнѣ вручила.

7-й. И пѣсни легкія весельяхъ пастуховъ.

13 и 14. И дивно оживленъ божественнымъ дыханьемъ,
Тростникъ меня плѣнялъ своимъ очарованьемъ.

— Я пережилъ свои желанья... (стр. 225)

Въ Новостяхъ Литературы, кн. VI, (1823 г. № 48), стр. 144, вариантъ втораго куплета:

Безмолвно жребію послушный,
Влачу страдальческій вѣнецъ:
Живу печальный, равнодушный,
И жду: прійдетъ ли мой конецъ ?

— Не давно я въ часы свободы... (стр. 228.)

Написано по случаю выхода книги Дениса Васил. Давыдова: Опытъ теоріи Партизанскаго дѣйствія, 1821. — Въ этой пьесѣ недостаетъ 8-го стиха, котораго нѣтъ и въ сочиненіяхъ Давыдова ч. II (М. 1860), стр. 176, изданныхъ сыномъ его, имѣвшимъ въ рукахъ автографъ Пушкина.

— Чаадаеву. (стр. 229.)

Варианты изъ Сына Отечества т. 72, (1821, № 35). стр. 82.

Стр. 230 стихъ 21 вмѣсто потаенный — разъяренный

Стр. 230 стихъ 32 *глупца* философа, который..

Стр. 231 стихъ 22 вмѣсто разговоры — приговоры

и въ слѣдующемъ вмѣсто посмотримъ—поспоримъ.

— Въ моей чернилицѣ. (стр. 231.)

Послѣ стиховъ :

Сокровища мои
На днѣ твоёмъ таятся....

пропущено мѣсто, изъ котораго П. В. Анненковъ нашель въ рукописяхъ только слѣдующее отрывочное четверостишіе:

Прозрачный, легкій дымъ
Носился надъ тобою
И съ трепетомъ живымъ
Въ немъ быстрой чередою...

— Элегія. (Умолкну скоро я...) (стр. 238.)

Изд. 1826, 15. — Изд. 1829, 108. — Изд. посм. IX, 455. — Изд. 1855, II, 121. Въ рукописи, по замѣчанію П. В. Анненкова есть послѣ стиха: «Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной» еще четверостишіе:

«Не бойся вѣтреныхъ невѣждъ,
Не бойся клеветы ревливой...
Не обмани монахъ надеждъ
Своею скромностію пугливой».

— Гробъ Юноши. (стр. 240.)

Изд. 1826, 16. — Изд. 1829, 109. — Изд. 1838, III, 185. — Изд. 1855, II, 291. — П. В. Анненковъ предполагаетъ, что эта пьеса написана на смерть Николая Александровича Корсакова, лицейскаго товарища Пушкина, умершаго во Флоренціи въ 1820 г.

— Овидію. (стр. 241)

Въ Библиографическихъ Запискахъ 1858 г. № 11, стр. 342 сообщенъ слѣдующій вариантъ послѣднихъ двухъ стиховъ посланія изъ рукописнаго списка:

Но не унижилъ вѣкъ измѣной беззаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной.

— Алексѣеву. (Николаю Степановичу). (стр. 247.)

Въ Полярной Звѣздѣ 1825 г. стр. 109, съ слѣдующимъ окончаніемъ, выкинутымъ въ послѣдующихъ изданіяхъ:

И что жъ? Измѣной хладнокровной
Я ль стану дружеству вредить,
И снова тактики любовной
Уроки хитрые твердить?
Люби, ласкай свои желанья,
Надеждъ, сердцу слѣпо вѣрь.

Увы! Пройдутъ любви мечтанья
И будешь то, чѣмъ я теперь.

— **Дѣва.** (стр. 250.)

Вариантъ 8-го стиха въ журналѣ: Соревнователь, т. 29, (1825, № 3) стр. 295: Жуждать вокругъ нея ревнивыя мольбы.

— **Діонея.** (стр. 250.)

Въ Новостяхъ Литературы, т. XI, (1825, Апрель), стр. 50 отсюда въ посм. изданіи, т. IX, 456, подъ названіемъ *Антологическій отрывокъ* и съ слѣдующимъ началомъ, отброшеннымъ Пушкинымъ въ другихъ изданіяхъ:

Подруга милая, я знаю отчего
Ты съ нынѣшней весной отъ нашихъ игръ осталась!
Я тайну сердца твоего
Давно, повѣрь мнѣ, угадала:
Кларисъ въ тебя влюбленъ; онъ молодъ и не разъ
Украдкою вдвоемъ я замѣчала васъ....

И далѣе какъ въ пьесѣ Діонея, только вмѣсто этого имени стояло въ передслѣднемъ стихѣ: «Галатее.»

Въ исправленномъ видѣ и подъ названіемъ *Діонея* пьеса напечатана въ изданіи 1826 г. 128 и 1829 г. 126. — Въ изданіи 1855, II, 296 — обѣ редакціи.

— **Красавица передъ зеркаломъ.** (стр. 250.)

Въ Соревнователѣ первый стихъ:

«Мила красавица когда свое чело»...

— **Отрывокъ** (Г-жѣ Эльфректъ). (стр. 545.)

Написано въ Кишеневѣ про жену одного изъ тамошнихъ чиновниковъ, Эльфректа, у которой была племянница, Зоя, дѣвушка, некрасивая собою (См. Русс. Архивъ 1866 г. стр. 1157).

— **И нѣкии духъ повѣялъ невидимо.** (стр. 251.)

Эта пьеса напечатана вполнѣ въ Берлинскомъ изданіи 1861, № 22

— **Сказали разъ царю что наконецъ....** (стр. 545.)

Было сообщено г. Гербелемъ въ журналѣ: Модный Магазинъ, 1863 г. № 2.

Къ этому же году относится эпитаграмма: Иной ичѣлъ мою Аглаю... помѣщенную въ библиографич. Запискахъ и слѣдующія пьесы: 1) Кинжалъ, 2) Еврейкѣ и 3) Десятая Заповѣдь.

1822 годъ.

— Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный. (стр. 252.)

Черновой оригиналь той же пьесы подъ названіемъ *Отрывокъ* помѣщенъ въ посм. изданіи, IX, 168 и обѣ пьесы въ изданіи 1853, II 323 и 334.

Вотъ этотъ первоначальный отрывокъ:

Ты сердцу не понятный мракъ,
 Приютъ отчаянья слѣпаго,
 Ничтожество, пустой призракъ,
 Не жажду твоего покрова!
 Мечтанье жизни разлюбя,
 Счастливыхъ дней не знавъ отъ вѣка,
 Я все не вѣрую въ тебя :
 Ты чуждо мысли челоуѣка,
 Тебя страшится гордый умъ
 Такъ путникъ, съ вышины внимая
 Ручьевъ Альпійскихъ вѣчный шумъ
 И взоры въ бездну погружая,
 Невольнымъ ужасомъ томимъ,
 Дрожитъ, колеблется; предъ нимъ
 Предметы движутся, темнѣютъ,
 Въ немъ чувства хладныя нѣмѣютъ,
 Кругомъ оплота ищетъ онъ,
 Все мчится, меренетъ, исчезаетъ....
 И хладный обморока сонъ
 На край горы его бросаетъ....
 Но, улетѣвъ въ міры иныя,
 Уже ли съ ризой гробовой
 Всѣ чувства брошу я земныя?
 И чуждъ мнѣ станеть міръ земной?
 Уже ли тамъ, гдѣ все блистаетъ
 Нетлѣнной славой и красой,
 Гдѣ чистый пламень пожираетъ
 Несовершенство бытія,
 Минутныхъ жизни впечатлѣній

Не сохранить душа моя:
 Не буду вѣдать сожалѣній,
 Тоску любви забуду я?
 Любви! Но что же за могилой
 Переживетъ еще меня?
 Во мнѣ бессмертна память милой;
 Что безъ нея душа моя?

Вы насъ увѣрили, поэты,
 Что тѣни тайною толпой
 Отъ береговъ печальной Леты
 Слетаются на брегъ земной;
 Онѣ уныло посѣщаютъ
 Мѣста, гдѣ жизнь была милѣй
 И въ сновидѣньяхъ утѣшаютъ.
 Сердца покинутыхъ друзей...
 Онѣ, бессмертіе вкушая,
 Въ Элизій поджидаютъ ихъ,
 Какъ въ праздникъ ждетъ семья родная
 Замедлившихъ гостей своихъ...

Мечты поэзіи прелестной,
 Благословенныя мечты!
 Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный,
 И ваши тайные цвѣты.

— **Друзьямъ.** (стр. 253.)

Въ Полярной Звѣздѣ. 1824, стр. 24, 4-й стихъ.

При блескѣ чашъ, при звукѣ лиръ.

Піеса эта была написана въ слѣдствіе прощальнаго обѣда, даннаго къ Кишеневѣ, у М. А. Полторацкаго по случаю отъѣзда одного изъ знакомыхъ Пушкина, Валерія Тимофѣевича Кежа. Объ этомъ см. въ статьѣ В. Горчакова о Пушкинѣ въ Моск. Вѣдомостяхъ 1858 г. № 19, стр. 81.

— **Адели.** (стр. 254.)

По словамъ П. А. Плетнева, стихотвореніе это написано къ дочери того самаго А. Л. Давыдова (декабриста и двоюроднаго брата извѣстнаго партизана Д. В. Давыдова), къ которому адресовано посланіе Пушкина, начинающееся стихомъ: «Нельзя, мой толстый Аристипъ».

(См. Берлинское изданіе стпх. Пушкина 1861, стр. 150).

— Изъ письма къ Якову Николаевичу Толстому.
(стр. 260)

Слова : «лампада наша» относятся къ веселому обществу, собиравшемуся подъ названіемъ: *Зеленая Лампа* у А. В и Н. В Всеволожскихъ. Калмыкъ (въ послѣднемъ стихѣ) былъ мальчиѣ — слуга Всеволожскихъ.—Объ этомъ см. статью П. В. Бартенева въ Моск. Вѣдомостяхъ 1855 г. № 142, стр. 583 и дополнительную замѣтку В Журавлева тамъ же, № 143

— Эспромптъ. (стр. 262.)

Сообщенъ издателю княземъ Н. А. Долгоруковымъ.

— Отрывокъ изъ записки къ В. П. Горчакову.
(стр. 263.)

Изъ статьи В. П. Горчакова о пребываніи Пушкина въ Кишеневѣ въ Моск. Вѣдомостяхъ 1858, № 19. — Послѣдніе стихи относились къ балу, назначенному у одного изъ Кишеневскихъ богатей, Е. К. Варεоломея.

1823 годъ.

— Телѣга жизни. (стр. 264.)

Вариантъ второй строфы изъ Моск. Телеграфа, т. I (1825, № 1)
стр. 43 :

Съ утра садимся мы въ телѣгу,
Мы погоняемъ съ ямщикомъ,
И презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ : «валяй по всѣмъ по тремъ!»

— Элегія *). (стр. 265.)

Во 2-мъ стихѣ въ Полярной Звѣздѣ 1824, «несчастное,» вмѣсто «безумное».

---

*) Въ берлинскомъ изданіи стих. Пушкина 1861, стр. 151 сказано что эта элегія и слѣдующее за нею стихотвореніе, относятся къ г-жѣ Ризничъ, а стихъ: «Скажи еще: соперникъ вѣчный мой»... къ г. Сабаньскому.

Въ Литерат. Листкахъ 1824, № 4, стр. 143 варианты:

Стихъ 9-й «чувства» вмѣсто: «разумъ».

Ст. 10 и 11 рифмы: «безумной» и «шумной» вм. «несчастной» и «страстной».

Ст. 12. «угрюмъ» — вмѣсто «одинъ».

Ст. 15. «уйти» — вмѣсто «бѣжать».

Ст. 4-й. съ конца: «Но ты вѣрна» — вмѣсто «но я любимъ».

— Демонъ. (стр. 267.)

Въ Мнемозинѣ ч. III, (1824), стр. II-й варианты:

Ст. 2-й, «наслажденія» — вмѣсто «впечатлѣнія».

Ст. 9, «и упоеній» — вмѣсто и «наслажденій».

Ст. 22, «съ насмѣшкою» — вмѣсто «насмѣшливо».

— Княгиня Елена Александровна Голицына, рожденная Салтыковой. (стр. 268)

Въ Карманной книжкѣ для любителей рус. старины и словестности на 1830 г., стихъ 9-й:

Вновь лиръ слезъ и тайной муки...

1824 годъ.

— Элегія на кончину тетюшки. (стр. 304.)

Было напечатано въ Современникѣ 1854 № 9, въ статьѣ В. Гаевского: Дельвицъ, стр. 18 и въ Библиографич. Запискахъ 1858, ст. 366.

Къ этому же году относится пьеска: «Напрасно ахнула Европа»... и шуточные стихи, присланные Пушкинымъ изъ командировки для истребленія саранчи, по порученію, данному ему начальствомъ, подъ которымъ онъ тогда состоялъ:

Саранча
Летѣла, летѣла
И сѣла;
Сидѣла, сидѣла
Все сѣла,
И вновь улетѣла.

См. объ этомъ статью *К. Зеленецкаго*, въ Москвитянинѣ 1854, III (№ 9), отд. V, стр. 41, и его же Замѣтку въ Библиографическихкихъ Запискахъ 1858 г. № 5, стр. 137.

1825 годъ.

— **Къ А. П. Кернъ.** (стр. 310.)

Анна Петровна Кернъ, въ послѣдствіи замужемъ за Виноградскимъ, напечатала въ Библиотекѣ для Чтенія 1859, № 3 «Воспоминанія о Пушкинѣ».

— **Н. Н. при посылкѣ ей Невскаго Альманаха.** (стр. 327.)

Въ изданіи соч. Пушкина 1835, II, въ примѣчаніи стр. 412, П. В. Анненковъ выписывая два стиха эниграммы въ послѣдствіи измѣненныя

Василья Пушкина, кова
К... дальній вамъ родня,

прибавляетъ «По одному письму Пушкина мы узнаемъ, что точки должны были читаться: «Маркова, Княжевичъ дальній вашъ родня». Все это измѣнено изданіемъ 1829 г. и его Вел* .. и Х***ова вѣроятно должны быть *Вельяшева* и *Хвостова*. Графъ Д. И. Хвостовъ, напечаталъ впервые въ Невскомъ Альманахѣ 1825 г. известное свое «Посланіе къ Н. Н. о наводненіи Петрополя». Имя *Вельяшева* не входитъ въ стихъ; — вѣроятно надо читать: *Великопольскаго*.

— **Псковъ**

Среди песчанныхъ скалъ, на берегахъ Великой,
Гдѣ носить естество полночи образъ дной.
Согбенный исполинъ, подъ тяжестью оковъ,
Съ поникнутой главой стоитъ печальный Псковъ...
Лишенный честныхъ благъ народнаго правленья,
Сей градъ являетъ намъ видъ страшный разрушенья...
Унылыя рабы, трепещущей пятой
Героевъ вольности тамъ топчутъ прахъ святой..
Все грустно, все молчить... разбился жезлъ народа,
Бѣжить искусство прочь и сѣтуеть природа.

(Изъ рус. Архива 1869, стр. 1725 съ замѣткою что эти стихи писаны около 1825 г.).

1827 годъ.

— К. А. Тимашевой. (стр. 346.)

Пьеса эта напечатана у насъ такъ какъ она сообщена С. Д. Полторацкимъ въ газетѣ Наше Время 1862 г. № 228, съ автографа Пушкина; до сихъ поръ оно перепечатывалось съ искаженіями.

Относительно стиха: «Соперницы Запретной Розы» сказано въ примѣчаніи П. В. Анненкова въ его изданіи сочиненій Пушкина: «Въ Московскомъ Телеграфѣ 1826 г. № 5, часть VIII, было стихотвореніе *Запретная роза*, подписанная буквою В. Оно можетъ служить нѣкоторымъ объясненіемъ термина въ пьесѣ Пушкина».

Въ тогдашнихъ альманахахъ находимъ стихотворенія съ подписью *К. Т—шевой*. Въ Литерат. Газетѣ 1831, № 12 нашлась ея пѣсня, о которой упоминаетъ П. В. Анненковъ и въ которой въ послѣдствіи придѣланъ извѣстный припѣвъ: «ты не повѣришь какъ ты мила»; она напечатана съ слѣдующею подписью: *К....а Т...шева*, т. е. *Катерина Тимашева*.

— Эпитафія младенцу Волконскому. (стр. 356.)

Написана на смерть сына князя Сергѣя Григорьевича Волконскаго.

1828 годъ.

Не пой красавица при мнѣ... (стр. 359)

Въ берлинскомъ изданіи стих. Пушкина сказано что происхождение этой пьесы слѣдующее: Грибоѣдовъ, возвратясь изъ Грузіи, сообщилъ одинъ грузинскій мотивъ нашему извѣстному композитору, покойному Глинкѣ, который записалъ его — и сыгралъ его при-

lib.pushkinskiydom.ru

педшему къ нему Пушкину. Тому такъ понравилась музыка, что онъ тутъ же написалъ къ ней слова

— **И. В. Сленину.** (стр. 362.)

Ив. Васил. Сленинъ былъ извѣстный книгопродавецъ, издатель Истории Карамзина.

— **Посланіе И. Е. Великопольскому.** (стр. 363)

Иванъ Ермолаевичъ Великопольской, стихотворецъ, умъ въ 1868 г

Ты помнишь ли, ахъ, ваше благородье. Пародія (стр. 377.)

Изъ статьи В. Гаевского: Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ Отеч. Запискахъ т. 139 (1861, № 14), стр. 36.

Эта пародія французской пѣсни: «T'en souviens tu, disait un scriteaine» была пропѣта на лицейской годовщинѣ, которую праздновали въ Петербургѣ у Тыркова, у котораго собрались лицейскіе товарищи Дельвигъ, Илличевскій, Яковлевъ, баронъ Корфъ, Стевель, Комовскій и Пушкинъ, написавшій и протоколъ этой сходимы. Мы сообщили его при прозаическихъ отрывкахъ (т. IV),

— **Воспоминаніе.** (стр. 378.)

Въ изданіи П. В. Анненкова въ I томѣ, стр. 197 находится слѣдующее окончаніе этой пьесы, отброшенное Пушкинымъ въ печати :

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы !
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.
И нѣтъ отрады мнѣ — и тихо предо мной
Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя — два данные судьбой
Мнѣ Ангела, во дни былые !
Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ
И стерегутъ.... и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба !

— В. С. Филимонову. (стр. 545)

Влад. Серг. Филимоновъ, авторъ поэмы Дурацкій Колпакъ, романа Непостижимая и проч. сконч. въ 1858 г.

1829 годъ.

— **Дорожныя жалобы.** (стр. 385.)

Въ 8 куплетъ, въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ, 1832, гдѣ эта пьеса была напечатана, безъ подписи Пушкина, два послѣдніе стиха:

Объ отставкѣ, объ невѣстѣ
О деревнѣ помышлять!

— **Стансы** (Брожу ли я ..) (стр. 399.)

Въ Матеріалахъ г. Анненкова (стр. 230) есть четверостишіе, выкинутое самимъ Пушкинымъ:

Кружусь ли я въ толпѣ мятежной,
Вкушаю ль сладостный покой,
Но мысль о смерти неизбежной
Вездѣ близка, всегда со мной.

— **Собраніе насѣкомыхъ.** (стр. 402.)

Въ альманахѣ Подснѣжникъ 1830, стр. 18, гдѣ появилась эта эпиграмма вмѣсто 9 и 10 стиховъ напечатано:

Вотъ*** тощая пивка
Вотъ*** мелкая казавка.

Въ Литературной Газетѣ т. II (1830 № 43), стр. 36, она перепечатана съ слѣдующею припискою:

«Сіе стихотвореніе, напечатанное въ Альманахѣ: *Подснѣжникъ*, нынѣшняго года, обратило на себя всеобщее вниманіе. Всѣ журналы отозвались о немъ, и большею частію неблагоклонно. Оно удостоилось двухъ пародій, помѣщенныхъ въ *Вѣстникъ Европы* и въ *Моск. Телеграфъ*. Пародія Вѣстника отличается легкимъ

lib.pushkinskiydom.ru

остроуміемъ; пародія Телеграфа — полноюго смысла и строгою грамматическою и логическою точностію. Здѣсь мы помѣщаемъ сіе важное стихотвореніе, исправленное сочинителемъ. — Въ непродолжительномъ времени выйдетъ оно особою книгой, съ предисловіемъ, примѣчаніями и біографическими объясненіями, съ присовокупленіемъ всѣхъ критикъ, коимъ оно подало поводъ, и съ опроверженіемъ оныхъ. Изданіе сіе украшено будетъ искусно хромофотографированнымъ изображеніемъ насѣкомыхъ. Цѣна съ пересылкою 25 руб. — Изд. 1832, 203. — Изд. посм. III, 242. — Изд. 1855, II, 492. — Въ Библиографическихъ Запискахъ 1858, № 11, стр. 345 указаны имена, скрытыя подъ звѣздочками; но 9-й стихъ, въ которомъ обыкновенно подражывался Олинъ, тамъ переданъ такъ:

«Вотъ Т — въ чорная мурашка».

— Эпиграммы. (стр. 403.)

Во 2-й эпиграммѣ стихъ 2-й въ Моск. Телеграфѣ ч. 26 (1829) — «на сатпра я напалъ».

Въ изданіи 1855, II, стр. 495 въ примѣчаніи сказано что въ рукописи притчи: Сапожникъ, есть эпиграфъ:

«Но видно по всему, что онъ семинаристъ. Дм.»

Послѣдняя эпиграмма: «Рѣшилъ Фигляринъ вдохновенный», была сообщена въ Библиогр. Запискахъ 1858 г. № 11, гдѣ сказано что этимъ четверостишіемъ обыкновенно въ рукописныхъ сборникахъ оканчивается «Моя родословная», къ которой она, вѣроятно не принадлежитъ.

Къ этому году относятся двѣ надписи къ картинкамъ изъ «Онѣгина», приложеннымъ къ «Невскому Альманаху» (См. Полярную Звѣзду. 1859 и берлинское изданіе стих. Пушкина, стр. 49).

1830 годъ.

— Отвѣтъ. (стр. 406)

Въ изданіи 1855, т. II, въ примѣчаніи (стр. 535) выражена основательная догадка, что пьеса относится къ Е. Н. У—вой, (т. е. Ушаковой), которой написано въ альбомѣ одно изъ стихотвореній 1829 года.

— Стансы. (стр. 406.)

П. В. Анненковъ замѣчаетъ, что эта пьеса порождена, какъ извѣстно, голосомъ одного высокаго духовнаго лица, отвѣчавшаго на стихотвореніе Пушкина : «26 мая 1828» — поучительной передѣлкой его. Передѣлка эта напечатана была въ журналѣ : Звѣздочка (1848 г. № 10) и перенечатана въ примѣчаніи П. В. Анненкова, стр. 535, 2 тома.

Это «духовное лицо» былъ покойный митрополитъ московскій Филаретъ.

— Отвѣтъ Анониму. (стр. 411)

Анонимъ этотъ былъ Ив. Александровичъ Гуляновъ, филологъ, членъ росс. академіи, умершій въ 1841 г. Его «Пославіе къ Пушкину» было напечатано въ Москвитянинѣ 1842, т. III, 150 и перепечатано П. В. Анненковымъ въ его Матеріалахъ, стр. 247.

— Мадона. (стр. 412.)

Сонетъ этотъ былъ вписанъ Пушкинымъ въ альбомъ Ю. Н. Бартенева, откуда напечатанъ въ Русс. Архивѣ 1863 г. № 1, стр. 20. Помѣчено «30 Августа 1830. Москва. Въ память любезному Юрію Никитичу Бартеневу.

Вписываемъ стихи, представляющіе варианты :

Но множествомъ картинъ *безсмертныхъ* мастеровъ
Украсить я *давно* желалъ мою обитель.

Пречистая и съ ней *играющій* спаситель.

Желанія мои свершились: творецъ...

— Герой. (стр. 414.)

Напечатано въ Современникѣ т. V, (1837, № 1), стр. 143, съ слѣдующей припиской :

«Редакція получила это стихотвореніе отъ М. П. Погодина при слѣдующемъ письмѣ :

«Посылаю вамъ стихотвореніе Пушкина : «Герой». Кажется, никто не знаетъ, что оно принадлежитъ ему. Пушкинъ прислалъ мнѣ оное во время холеры въ 1830 г., изъ Нижегородской своей деревни, а вотъ что написалъ объ немъ : » — «Напечатайте, гдѣ

хотите, хоть въ «Вѣдомостяхъ», но прошу васъ и требую, именемъ нашей дружбы, не объявлять никому моего имени. Если Московская цензура не пропуститъ ее, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени и не моей рукою переписанную. — «Я напечаталъ стихи тогда въ Телескопѣ (Т. I, 1831 г № 1, стр. 46, безъ подписи), и свято хранилъ до сихъ поръ тайну. Кажется, должно перепечатать ихъ теперъ. Разумѣется, ни кому не нужно припоминать, что число, выставленное Пушкинымъ подъ стихотвореніемъ, послѣ многозначительнаго *Утѣшься*, 29 Сентября 1830, есть день прибытія Государя Императора въ Москву, во время холеры».

— Элегія (Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье...) (стр. 417)

Въ примѣчаніи изданія 1855 г. П. В. Анненковъ говоритъ, что въ рукописи первый стихъ читается:

Протекшихъ лѣтъ безумство и веселье,

начало второй строфы такъ :

Но не хочу еще я, други, умирать;
Я жить хочу, чтобъ мыслить и мечтать.

— Осеннее чувство. (стр. 420.)

Москвитянинъ 1841, № 1, съ замѣткою издателя: «Эти стихи удержались въ моей памяти изъ одного стихотворенія, которое Пушкинъ читалъ мнѣ наизусть въ Петербургѣ въ 1828 г. и которое онъ хотѣлъ назвать, кажется, Осеннее чувство. М. П.» Въ послѣднемъ изданіи оно напечатано вмѣстѣ съ пьесой *Осень*, потому что заключаетъ въ себѣ первую мысль, набросокъ этой пьесы.

— Осень. (стр. 420.)

Изд. 1855, II, 517. Въ примѣчаніи стр. 540 издатель говоритъ:

«Въ рукописи стихотвореніе носитъ приписку: *Отрывокъ* и имѣетъ XII строфъ вмѣсто одиннадцати, данныхъ посмертнымъ изданіемъ. Пропускъ произошелъ отъ того, что одиннадцатая строфа, дѣ Пушкинъ говоритъ о поэтическихъ видѣніяхъ, приносимыхъ ему осенью, зачеркнута въ оригиналѣ самимъ авторомъ, при перепискѣ стихотворенія. Вотъ она :

•Стальные рыцаря, угрюмые Султаны,
Монахи, карлики, Аралскіе царп
Гречанки съ четками, Корсары. Богдыханы.
Испанцы въ епанчахъ, жида. богатыри,
Царевны плѣнныя, графини. великаны,
И вы любимицы златой моей зари —
Вы, барышни мои, съ открытыми плѣчами,
Съ висками гладкими и томными очами.»

Стихотвореніе имѣетъ еще эпиграфъ въ рукописи:

•Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ въ умъ.»

Державинъ.

— **Ночью, во время, безсонницы.** (стр 424.)

Въ примѣчаніи изданія 1855 г. сказано:

Въ рукописи пьеса эта имѣетъ заглавіе: «Стихи, сочиненные ночью во время безсонницы» и помѣтку: «Октябрь 1830, Болдино.» Въ черновой рукописи послѣдній стихъ читается еще: «Смысла я въ тебѣ ищу» вмѣсто: «Темный твой языкъ учу...» какой вѣроятно, явился уже при перепискѣ стихотворенія.

— **Пажъ. или пятнадцатый годъ.** (стр. 426.)

Въ спискахъ этой пьесы есть еще два куплета (передъ послѣднимъ) которые мы не рѣшились вставить въ текстъ:

Вечоръ она мнѣ величаво
Клялась что если буду вновь
Глядѣть налѣво и направо,
То дастъ она мнѣ яду, — право,
Вотъ какова ея любовь!

Она строга, властолюбива.
Но я дивлюсь ея уму,
И ужасъ какъ она ревнива,
За то со всѣми горделива
И мнѣ доступна одному.

— **Пѣсня** (Пью за здравіе Мери). (стр. 427.)

П. В. Анненковъ указалъ, что эпиграфъ взятъ изъ пѣсни англійскаго поэта Barry Cornwall, которой подражалъ Пушкинъ.

— **Романсъ** (Предъ испанкой благородной). стр 428.

Въ рукописи нѣтъ заглавія. П. В. Анпенковъ предполагаетъ что пѣса писана въ Болдинѣ.

— Подражаніе Данту. (стр. 429)

П. В. Анпенковъ относитъ первый отрывокъ къ 1830, а второй къ этому же году только потому, что нѣтъ точныхъ указаній, прибавляя хотя и имѣемъ нѣкоторый поводъ думать, что онъ можетъ относиться къ 1832 году Въ рукописи нѣтъ заглавія.

— Моя родословная. (стр. 433.)

Отеч. Записки, т. 43, (1845 г. № 4), отд. VI, стр. 118 и 119.
— Изданіе П. В. Анпенкова, VII, 39. — Въ Библиографич. Запискахъ 1858 г. № 11 помѣщены слѣдующія дополнителныя строфы, неводшедшія въ наше изданіе

Послѣ 4-го стиха.

Я не лейбъ-кучерь, не ассесоръ:
Я по кресту не дворянинъ
Не академикъ, не профессоръ,
Я просто — русской мѣщанинъ.
Понятна мнѣ временъ превратность,
Не прикословлю, право, ей;
У насъ нова рожденьемъ знатность
И чѣмъ новѣе тѣмъ знатнѣй.

Послѣ 8-го стиха.

Не торговалъ мой дѣдъ блинами
Въ князя не прыгалъ изъ хохловъ,
Не пѣлъ на клиросѣ съ дячками.
Не ваксилъ сапоговъ.
И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ
Нѣмецкихъ пудренныхъ дружинъ.
Куда жь мнѣ быть аристократомъ?
Я, слава Богу, мѣщанинъ!

Послѣ стиха 28-го.

Его примѣръ будь намъ наукой.
Не любить спора властелинъ.
Не всякъ князь Яковъ Долгорукой.
Счастливъ покорный мѣщанинъ

Мой дѣдъ когда ., поднялся
Средь Петергофскаго дворца,
Какъ Минникъ вѣренъ оставался
Паденью Т П...
Попали въ честь тогда О.
А дѣдъ мой въ крѣпость, въ карантинъ,
И присмирѣлъ нашъ родъ суровый,
И я родился мѣщанинъ.

Подъ гербовой моей печатью и т д

— На переводъ *Иліады*. (стр. 437.)

Въ альманахѣ Альціона 1832 г. первый стихъ

Слышу божественный звукъ воскреснувшей эллинской рѣчи.

Къ этому году принадлежитъ эпиграмма на Булгарина :

«Не то бѣда что ты полякъ...»

1831 годъ.

— *Бородинская годовщина*. (стр. 441.)

Появилась въ книжкѣ: На взятіе Варшавы; три стихотворенія. В. Жуковского и А. Пушкина. Сиб. въ Военной. тѣл. 1831. 8^о

Переводы ея:

1) *Drei Gedichte des Alex. Puschkin und Wassil. Schukowski Aus dem Russischen übersetzt von L. Schneider*, въ 8-ю д. л., 14 неп. стр. безъ означенія мѣста и времени печати.

Содержаніе: Клеветникамъ Россіи и Бородинская годовщина; объ пьесы переведены плохими стихами.

2) *Der Polen-Aufstand und Warschau's Fall. 1831. In drei Gedichten von A. Puschkin, W. Schukowski und A. Chomjakow (nach dem Russischen)*. St. Pct. 1831, въ 4-ю д. л., 8 стр. Переводъ въ стихахъ.

3) Нѣмецкій, въ стихахъ, въ книгѣ: *Bunte Skizzen aus Ost und Süd, von F. Tietz*. 1838 Th. I. Кромѣ того переводы Липперта (см. выше стр. IV) и Эльспера (см. стр. V),

4) *Aux détracteurs de la Russie* (Клеветникамъ Россіи) *traduit de Pouschkine, par le traducteur du Чернецъ. М., chez Semen.* 1839, въ 8 д. л., 9 р.

Перепечатано въ книгѣ: *Essais poétiques par le prince N. B. Galitzin St. Pét.* 1849, въ 8 ю д. л.

Переводъ этотъ, въ стихахъ, понравился Пушкину, и онъ написалъ къ князю Николаю Борисовичу Голицыну благодарственное письмо по французски (см. № 16 Библиографическихъ Записокъ 1858 г., столб. 197).

5) *Aux colomniateurs de la Russie; par A. Tsourikoff, d'après Pouschkine.* М. 1839, въ 8-ю д. л. 14 стр.

Переводъ г. Цурикова тоже въ стихахъ. но лучше предыдущаго.

6) Есть еще французскій переводъ, въ стихахъ, князя *Е. Мещерскаго* въ его книгѣ: *Les poètes Russes, ч. 2, (Paris, 1846).*

1833 годъ.

— Странникъ. (стр. 465.)

Въ Библиографич. Запискахъ 1858, № 11, стр 346, замѣчено было, что это переложение въ стихи начала сочиненія Буньяна: *The pilgrims progress from this world to that which is to come.*

Замѣтимъ также, по указанію П. В. Анненкова, что вмѣсто 14-го стиха въ рукописи былъ другой зачеркнутый поэтомъ:

• Показася спасеня тѣсныхъ вратъ ты не достигъ. »

Последніе два стиха въ рукописи были слѣдующіе:

• Дабы скорѣй узрѣть, оставя тѣ мѣста
Спасеня узкій путь и тѣсныя врата. •

1834 годъ.

— Къ Н**. (стр. 471.)

Изд. 1855, III, 42. Въ Матеріалахъ (стр. 181) помѣщено слѣдующее окончаніе этой пьесы, зачеркнутое Пушкинымъ въ рукописи:

Таковъ прямой поэтъ. Онъ сѣтуетъ душой
На пышныхъ играхъ Мельпомены —
И улыбается забавѣ площадной,
И вольности лубочной сцены.

То Римъ его зоветъ, то гордый Иліонъ,
То скалы старца Оссіана.
И съ дѣтской легкостью, межъ-тѣмъ, летаетъ онъ
Во слѣдъ Бовы иль Еруслана.

Въ одномъ письмѣ Гоголя, напечатанномъ въ Библ Запискахъ т. II, стр. 304) сказано, что это стихотвореніе относится къ императору Николаю и написано по случаю поздняго выхода государя на балъ въ Анничковскомъ дворцѣ, послѣ чтенія Иліады.— Предполагали также что оно написано къ Гнѣдичу.

1835 гсдѣ.

— ... **Вновь я посѣтилъ** .. (стр. 479)

Пьеса эта отнесена издателями посмертнаго изданія соч. Пушкина къ *тремъ послѣднимъ* его стихотвореніямъ; но въ рукописи находившейся въ рукахъ послѣдняго издателя, П. В. Анненкова есть помятка: *26 Сентября 1855 г.* — Въ изд. 1855, III, 52. Въ примѣчаніи отмѣчены измѣненія Современника сравнительно съ черною рукописью. — Въ рукописи зачернены три стиха, послѣ пятнадцатаго :

«Ни утреннихъ ея дозоровъ.
А вечеромъ при завываньи бури
Ея разказовъ, мною затверженныхъ
Отъ малыхъ лѣтъ, но никогда не скучныхъ.»

Современникъ для пополненія перваго изъ этихъ четырехъ стиховъ, прибавляетъ слово : *Вотъ*, а слѣдующій за нимъ уже начинаетъ такъ : «И холмъ лѣсистый», между тѣмъ какъ въ рукописи, тотчасъ за приведеннымъ четверостишіемъ, читается прямо : «Вотъ холмъ лѣсистый».

Въ Матеріалахъ, стр. 116 сообщенъ еще отрывокъ изъ этой пьесы, припечатанный у насъ въ концѣ.

Стихотворенія неизвѣстныхъ годовъ.

— Я здѣсь Инезилья... 501.

Въ изд. П. В. Анпенкова I, 312. Мысль пьесы или вѣрнѣе первый стихъ, послужившій ей мотивомъ, занятъ у англійскаго оэта Берри Корнуэля; сообщенный П. В. Анпенковымъ переводъ англійской серенады показываетъ, что Пушкинъ заимствовалъ только первый стихъ. Совершенно вѣроятно предположеніе издателя; что эта серенада назначалась для «Каменнаго гостя», для пѣсни Лауры, которой недостаетъ въ текстѣ этой драматической сцены.

— Проклятый городъ Кишеневъ. (стр. 503).

Въ Рус. Архивѣ 1863, № 5, ст. 384, откуда мы заимствовали эти стихи, сказано, что они записаны, не совсемъ вѣрно, по преданіямъ жителей Кишенева и говорить, были отданы Ф. Вигелю — Варфоломей былъ богатый молдаванъ, котораго домъ отличался затѣями. (См. Пушкинъ въ Южной Россіи, П. Бартенева, стр. 84 и въ перепечаткѣ. въ Рус. Архивѣ 1866, № 8 и 9).

— Смотрю печально, молчаливо.. (стр. 503).

Русская рѣчь 1864, № 95.

— Весь день отъявленный лѣннинецъ.. (стр. 504).

Въ Русской Рѣчи 1861, № 95 и въ Русскомъ Словѣ 1861, №

— Я жизнь любилъ, когда полна.. (стр. 505).

Въ газетѣ Наше Время 1860, № 3, гдѣ однако не указано отъ кого получена эта пьеса.

→ Ты и Я (стр. 506).

Было напечатано въ Библиографическихъ Запискахъ.

— Тебѣ въ прощальныя мгновенья. (стр. 506).

Сообщено въ Развлеченіи 1860 г. № 26 г. Грековымъ, получившимъ его отъ Е. А. Баратынскаго.

— На выздоровленіе Дукулда (стр. 545)

Въ Моск. Наблюдателѣ 1835, т. iv стр: 191 и въ Библ: Запискахъ 1859.

— Двѣ лицейскія эпиграммы: На В. Кюхельбекера (стр. 507), и

— На Пучкову (стр. 508)

Всѣ три эпиграммы взяты изъ статьи В. Гаевского въ Современникѣ т. 79. (1863, № 7) стр. 143 и 148.

— За ужиномъ объѣлся я... (стр. 508).

Н. И. Гречъ привелъ это четверостишіе въ своихъ Запискахъ (Рус. Вѣстникъ, т. 75-й, 1868, № 6-й стр. 388) послѣ слѣд. строкъ: «Пушкинъ любилъ Кюхельбекера, но жестоко надъ нимъ издѣвался. Жуковский былъ званъ куда-то на вечеръ и не явился. Когда его спросили зачѣмъ онъ не былъ, онъ отвѣчалъ: «мнѣ что-то нездоровилось ужъ наканунѣ, къ тому пришелъ Кюхельбекеръ и я остался дома» Пушкинъ написалъ на это эпиграмму. См. также Рус. Архивъ 1866, № 8, ст. 1162.

— Меня въ бѣду повергъ (стр. 508)

Русская рѣчь 1861, № 95.

— Больны вы дядюшка и Завѣщаніе. (стр. 508).

Изъ статьи В. Гаевского въ Современникѣ т. 97, (1863, № 7), стр. 143.

— Всѣ говорятъ: онъ Вальтеръ-Скоттъ. (стр. 509).

Русская Рѣчь 1851, № 25

— На профессора. (стр. 550).

— Ахъ тошно, тошно помогите (стр. 550).

Обѣ пьесы сообщены Кн. Н. А. Долгоруковымъ.

— Съ мольбой, съ зажженной свѣчою.... (стр. 545).

Въ Русскомъ Инвалидѣ 1857. № 277 было разсказано, со словъ одного лицейскаго товарища Пушкина, что эта эпиграмма написана имъ во время болѣзни и когда дядька его, Сазоновъ, былъ

уличень въ смертоубійствѣ, а лечилъ его докторъ Пешель. Первые стихи эпиграммы были переданы такъ:

Завтра съ восковой свѣчей
Паду предъ алтаремъ святымъ,
Спасень... и проч.

См. объ этомъ также въ статьѣ В. Гаевского въ Современникѣ т. 97, (1863, № 7) стр. 151, выноска.

— Эспромптъ. (Полюбуйтесь же вы дѣти....) стр. 518.

Для объясненія этого стихотворенія перепечатываемъ изъ Библиографическихъ Записокъ (т. I, стр. 495) слѣдующій анекдотъ:

«Извѣстно, что Пушкинъ очень любилъ карточную игру и особенно ощущенія ею доставляемыя, такъ что по временамъ довольно сильно предавался этой страсти. Однажды, если не ошибаюсь, въ 1833 году лѣтомъ когда онъ жилъ на Черной рѣчкѣ (Мат. для біогр. Пушкина П. В. Анненкова, стр. 359), на одной изъ сосѣднихъ дачъ вечеромъ собралось довольно большое общество и въ томъ числѣ Пушкинъ. Всѣ гости были охотники до картъ, а потому они вскорѣ расположились вокругъ зеленого стола и одинъ изъ нихъ началъ метать банкъ. Всѣ игроки совершенно погрузились въ свои ставки и расчеты, такъ что вниманіе ихъ ничѣмъ пельзя было отвлечь отъ стола, на которомъ рѣшалась участь многочисленныхъ понтеровъ.

«Въ это время въ калитку полисадника, въ который выходили открытыя окна и балконныя двери дачи, вошелъ молодой человѣкъ очень высокаго роста, закутанный въ широкій плащъ. Увидя играющую компанію, онъ незамѣтно для занятыхъ своимъ дѣломъ игроковъ, не снимая ни шляпы, ни плаща, вошелъ въ комнату и остановился за спиной одного изъ понтеровъ.

«Такая нецеремонность въ обращеніи не покажется удивительною, если мы скажемъ читателямъ, что молодой человѣкъ этотъ былъ кн. С. Г. Г., хорошій пріятель Пушкина и прочихъ лицъ, бывшихъ въ комнатѣ. Г. и теперь извѣстенъ въ обществѣ любезностію, остроуміемъ и талантами: онъ очень пріятный музыкантъ и стихотворецъ, написавшій нѣсколько преостроумныхъ эпиграммъ и дружокъ очень милыхъ пьесъ. Въ то время онъ былъ въ числѣ многочисленныхъ почитателей дѣвицы Р., принадлежавшей къ лучшимъ украшеніямъ Петербургскаго общества по замѣчательной

красотѣ, плѣнительной любезности и свѣтлому уму *). Должно замѣтить, что дня за два до описываемаго вечера, Г. находился въ томъ же обществѣ, которое сошлось теперь на Черной рѣчкѣ, выигралъ около тысячи рублей, именно у банкюмета, державшаго теперь банкъ, и что выигрышь этотъ остался за нимъ въ долгу.

Г., подошедши къ столу, простоялъ нѣсколько минутъ всё таки никѣмъ не замѣченный и наконецъ, взявши со стола какую-то карту, бросилъ ее и закричалъ: «ва банкъ!» Всѣ подняли глаза и увидѣли со смѣхомъ и изумленіемъ неожиданнаго гостя въ его странномъ костюмѣ. Начались привѣтствія; но банкюметъ, озадаченный ставкою Г., всталъ и отвелъ его немного въ сторону, спросилъ: да ты на какія деньги играешь? «На *эти* или на *тѣ*? Подъ *этими* онъ разумѣлъ ставку нынѣшняго вечера, а подъ *тѣми* свой долгъ. Г. отвѣтилъ ему: «это всё равно: и на *эти* и на *тѣ*, и на *тѣ*, *тѣ*, *тѣ*.» Игра продолжалась, но Пушкинъ слышалъ отвѣтъ Г. *тѣ*, *тѣ*, *тѣ* его очень забавляло, и онъ шутя написалъ стихи.

• Точки въ 5-мъ стихѣ обозначаютъ ту особу, о которой мы говорили выше. Намъ остается только прибавить, что рассказанный здѣсь анекдотъ и стихи Пушкина сообщены намъ самимъ Г., которому они были адресованы. •

Михаилъ Лонгиновъ.

— Н. Н. Могу ль забыть то сладкое мгновенье. (стр. 519).

Сообщено издателю Княземъ Николаемъ Александровичемъ Долгоруковымъ.

— На статуу изображающую мальчика играющаго въ бабки (стр. 520).

Эта пьеса сообщена издателю сочиненій Пушкина покойнымъ ваятелемъ академикомъ Н. Пименовымъ.

— Къ **. — Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки. (стр. 521).

*) Къ ней написалъ Пушкинъ прелестные стихи: «Въ тревогѣ пестрой и безплодной и пр.» (Соч. Пушкина нашего изданія, т. I, стр. 452) Въ послѣдствіи та-же особа была другомъ Гоголя, который велъ съ ней постоянную переписку; много писемъ Гоголя къ ней помѣщено въ изданіи его сочиненій, напечатанномъ г. Кулишомъ. Прим. М. Н. Л.

Въ Рус. Словѣ 1861, № 1, стр. 1.

— Изъ альбома (Увы! напрасно дѣвѣ гордой). стр. 522.

Изъ Библиографич. Записокъ т. III, (1861).

Отрывки неизвѣстныхъ годовъ.

— 7. Ночь свѣтла, въ небесномъ полѣ... (стр. 525.)

Изд. П. В. Анненкова, т. VII, стр. 98. Этотъ отрывокъ найденъ въ старой книгѣ у Льва Сергѣевича; онъ переданъ въ Библиографическихъ запискахъ 1858, № 1, въ такомъ видѣ:

Догорала молодая
Въ голубомъ зенрѣ
Блещеть мѣсяцъ золотой
Старый дождь плыветъ въ гондолѣ
Съ догаресой молодой

— 10. Подруга дней моихъ суровыхъ... (стр. 526).

Стихотвореніе, написанное, вѣроятно около 1826 года, напечатано въ Матеріалахъ, стр. 5. Оно относилось къ нянѣ Пушкина Арины Родіоновны, скончавшейся въ 1828 году, 70 лѣтъ.

— 11. Подъ кладомъ старости угрюмо угасаль (стр. 526).

Стихотвореніе это найдено П. В. Анненковымъ.

— 12. Ты правъ, мой другъ, — напрасно я пре-
рѣль... (стр. 527).

Пьеса изъ Матеріаловъ, стр. 88, гдѣ выражено предположеніе, что она написана какъ отзывъ на письмо, полученное Пушкинымъ и заключавшее въ себѣ упреки поэту, «раболѣпствующему предъ обычаями и привычками толпы».

— Ода его сіятельству гр. Хвостову. 541.

Сообщивъ эту оду, П. В., Анненковъ (Соч. Пушкина, т. VII, стр. 105), замѣчаетъ, что эта «поддѣлка подъ извѣстныя «Оды» гр. Хвостова и подъ многословныя *замычанія*, которыми онъ сопровождалъ ихъ. (См. Соч. Гр. Хвостова) написана вся рукою Пушкина, но еще неизвѣстно принадлежитъ ли ему дѣйствительно.

Мы знаем по опыту, что множество чужихъ стихотвореній были переписаны рукою Пушкина и въ послѣдствіи считались его произведеніями. Время происхожденія этой пьесы должно отнести къ 1824 году. Байронъ или Бейронъ уже слегъ тогда въ могилу, уступая свое мѣсто новому цѣнту, а ссылка на стихотворное письмо Кюхельбекера къ Грибоѣдову, напоминаетъ намъ извѣстное замѣчаніе Пушкина про бывшего своего товарища: «только въ его голову могла войти мысль воспѣвать Грецію славяно-русскими стихами.» (См. Соч. Пушкина, изд 1853, т. I, стр. 91.

~~~~~

-

ОПЕЧАТКИ ВЪ I-мъ ТОМѢ.

		<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
Стр.	4, стихъ 12	сверху стр: всѣ	все
—	10, — 6	снизу — прилѣту	прилечу
—	12, — 4	— — те бѣогвѣтъ	тебѣ отвѣтъ
—	13, — 9	сверху — отгелъникъ	отшельникъ
—	21, — 10	— — Радъ	Радъ
—	23, — 7	— — раскашлявшисъ	раскашлявшисъ
—	36, — 2	снизу — отважпъ	отважно
—	37, — 6	сверху — нижней	нажней
—	— — 4	снизу — наперстникъ	наперникъ
—	114, — 13	сверху — забвень	забвенье
—	121, — 3	снизу — мой	мои
—	165, — 13	сверху — Тамъ, тамъ, меч- таль, я насла- жденъе;	Тамъ, тамъ, меч- таль я, насла- жденъе.
—	185, — 2	снизу — взоръ	взоръ
—	188, — 9	сверху — горить	ѣпить
—	— — 7	снизу — привѣтствовалъ	привѣтствовать
—	208, — 6	сверху — Бутурлингъ	Бутурлинъ
—	231, — 3	снизу — Дони	Гони
—	244, — 10	сверху — согрѣтыя	согрѣтые
—	268, — 4	снизу — обвороженный	обвороженный,
—	270, въ примѣчаніи	1322	1822
—	307, стихъ 1	сверху — олгихъ	долгихъ
—	344, — 4	— — перелестью	прелестью
—	351, — 13	— —	пропущено въ началѣ стиха Съ
—	355, въ заглавіи:	9 октября	19 октября
—	377,	Sauvièns	Souviens
—	380, въ заглавіи	Ангаръ	Анчаръ.
—	390, стихъ 2	снизу — сордце	сердце

		<i>Напечатано:</i>		<i>Должно быть:</i>	
— 401,	-- 4	сверху	— докучной одой	докучной одой.	
— —	— 5	—	— давно	давно,	
— —	— 12	—	— и суета	и суета...	
— 406,	— 6	снизу	— иль празднои ску-	иль празднои ску-	
			ки.	ки,	
— 421,	— 5	сверху	— соргѣта	согрѣта	
— 431,	— 12	снизу	— разбилося	разбилосья	
— 432,	— 2	сверху	— когтями	когтями;	
— 481,	— 13	снизу	— Весельиъ	Весельмъ	
— 497,	— 16	—	— не спросившисъ	не спросившисъ	
— 500,	послѣднiй стихъ		не неволю	на неволю	
— 507,	въ заглавiи		Кюхелбекера	Кюх-льбекера	
— 508,	стихъ 4	сверху	— объѣлся я	объѣлся я,	
— —	— 5	—	— оплошно	оплошно —	
— —	— 13	—	— .Нѣтъ мочи	Нѣтъ мочи	
— 518,	— 7	—	— хочешъ,	хочешъ,	
— 519,	— 7	снизу	— вѣртелся	вертѣлся	
— 525,	— 8	—	— старину	старину,	
— 532,	— 4	сверху	— дерзаю	дерзаю,	
— 543,	— 3	—	— Австрей,	Астрей.	

Въ примѣчанiяхъ:

		<i>Напечатано:</i>		<i>Должно быть:</i>	
Стр IX,	строк. 9	сверху	пѣсенъ	пѣсень	
— XI,	стихъ 15	—	свѣтлицѣ	свѣтлицы	
— XX,	въ стр. 8	снизу	(стр. 161	(стр. 161)	
— —	— 7	—	въ посмертномъ)	въ посмертномъ	
— XXI,	стихъ 5	—	соединенiя	соединенья	
— XXV,			Къ портрету Жу-	Къ портрету Жу-	
			ковскаго(стр.198)	ковскаго(стр.193)	
— XXVI,	стихъ 8	—	скачешъ	скачешъ	
— XXVII,	строк. 13	—	Михайловну	Михайловичу.	
— XXX,			Овидiю (стр. 241)	Овидiю (стр. 244)	
— XXXI,	строк. 12	сверху	остала	отстала.	

УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНІЙ.

А.

Аглаѣ (къ). «И вы повѣрить мнѣ могли».	241
Адели. «Играй Адель».	254
Аввилонъ	277
Актрисѣ (къ молодой)	54
Алксѣеву «Мой милый, какъ несправедливы»	247
Алексѣеву. (изъ письма къ Н. С.)	340
Альбомныя пьесы:	
1. «Вотъ Зина вамъ совѣтъ»,	334
2 Вульфъ, Е. П.	309
3. «Въ тревогѣ пестрой и безплодной» (А. О. См —ой).	452
4. «Гонимый рока самовластьемъ» Гончаровой Н. Н. «Красавица»	453 439
6. «Долго сихъ листовъ завѣгныхъ»	452
7. Zubову А. Н.	177
8 Илличевскому	169
9 Пушкину, И. И. «Взглянувъ когда нибудь»	168
10. Ризничъ «На языкѣ, тебѣ невнятномъ»	271
11. Сосницкой	194
12 «Увы напрасно дѣвъ гордой»	522
13. Ушаковой	401
14. «Что въ имени тебѣ моемъ»	383
15. Шербинину «Житье тому, любезный другъ»	189
Alfieri (изъ). Отрывокъ, «Сомнѣнье, страхъ».	532
Амуръ и Гиеней	144
Анакреона, Ода LVI. «Порѣдѣли, побѣдѣли»	484
— Ода LVII «Что же сухо въ чашѣ дно»	483
— Отрывокъ, «Узнаемъ коней ретивыхъ»	483
— Подражаніе	372
Ангель	341
Андрей Шенье «Межъ тѣмъ какъ изумленный міръ»	320
— — Подражаніе А. Шенье «Ты вянешь и молчишь».	297

Андрея Шенье (изъ) «Покровъ упитанный»	545
Анониму, (отвѣтъ) (И. А. Гулянову)	411
Анчаръ	380
Аристарху, (Моему, Н. Ѳ. Кошанскому).	102
Аристарху. Первое Посланіе.	298
Аристарху. Второе Посланіе. На скользкомъ поприщѣ	302
«Аристъ намъ обѣщаль трагедію такую» (Эпиграмма)	73
Аріонъ	435
Аріостова пѣснь. Orlando furioso 100 — 112	533
«Ахъ тетушка! ахъ Анна Львовна.	304
Ахъ тошно, тошно помогите	550

Б.

Бакуниной (К. А.) «Что можемъ наскоро стихами молвить ей».	515
Баратынской (А. Д.). Когда-то, помню съ умиленьемъ	454
Баратынскому «Сія пустынная страна	254
— «Стихъ каждой повѣсти твоей».	327
— «Я жду обѣщанной тетради».	254
Батюшкову. (къ) «Въ пещерахъ Геліяона»	69
— «Филосовъ рѣзвый и питъ».	29
Безвѣріе	171
«Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье» (Элегія)	417
Блаженство	18
«Блестить луна, недвижно море спитъ» «Отрывокъ».	529
«Близъ мѣсть, гдѣ царствуетъ Венеція златая»	349
«Богъ веселый винограда»	483
«Богъ помочъ вамъ, друзья мои» (19 октября 1827 г.)	355
«Боже! Царя храни»	152
«Больны вы дядюшка» . . .	508
Бородинская годовщина	441
«Братъ милый! отрокомъ разстался ты со мной» «Отрывокъ»	524
«Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ» (Стансы.)	399
«Быть можетъ ужъ недолго мнѣ (П. А. Осппову)	309
Будрысь и его сыновья. (Изъ Мицкевича.)	459
Буньянъ (изъ) Странникъ	465
Бура. «Ты видѣлъ дѣву на скалѣ»	306
«Бывало прежнихъ лѣтъ герой» (Эпиграмма)	74
«Была пора: нашъ праздникъ молодой», 19 Октября 1836 г.	492
«Былъ и я среди Донцовъ» «Отрывокъ»	386

«Быть можетъ ужъ недолго мнѣ (П. А. Осиповой).	309
Бѣсы. «Мчатся тучи, вьются тучи»	418

В.

Взхичическая пѣсня.	314
«Вамъ восемь лѣтъ» (М. А. Дельвигъ)	101
Вдовѣ, (къ молодой) (Маріи Смитъ).	177
«Везувій зѣвъ открылъ», (отрывокъ)	525
Великопольскому И. Е (посланіе)	363
Вельможѣ (къ), К. Н. Б. Юсупову.	407
Венерѣ отъ Лансы.	22
«Вертоградъ моей сестры». (Подражаніе)	305
Веселый пиръ.	277
«Весь день отъявленный лѣнивецъ»	504
«Взглянувъ когда нибудъ на тайный сей листь» (И. И. Пушкину).	168
Вино. (Подражаніе древнимъ.) «Злое дитя, старикъ молодой».	455
Виноградъ.	216
Вишня.	98
«Вновь я посѣтилъ».	479
Вода и вино.	72
Воевода. (Изъ Мицкевича)	457
Возвращеніе Государя изъ Парижа (на).	85
Возрожденіе.	207
«Возстань, о Греція, возстань».	269
Война.	242
Волконской (Кн. З. А.). «Среди разсѣянной Москвы».	346
Волконскому, младенцу (Эпитафія).	356
«Воронъ къ ворону летить».	372
Вольтеръ (изъ) Стансы	166
— — Сновидѣніе	167
«Воспитанный подъ барабаномъ» «Эпиграмма»	340
Воспоминаніе. «Когда для смертнаго умоляетъ шумный день»	378
Воспоминаніе, (къ Пушкину). «Помнишь ли мой братъ по чашѣ»	498
«Воспоминаемъ упоенный» «Отрывокъ»	528
Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ.	
«Воспомянѣми смущенный».	397
«Навись покровъ урюмой ноци».	90
Вотъ «Видя — онъ любовью дышитъ» (Эпиграмма на Кюхель-бекера.)	507
«Вотъ Зина вамъ совѣтъ» (въ альбомѣ)	334

«Вотъ мой каминъ; (къ Юшкову)	151
«Всеволожскому. (Н. В). «Прости, счастливый сынъ пировъ.»	198
«Всегда такъ будетъ и бывало.»	510
«Все въ жертву памяти твоей» (Отрывокъ)	540
«Все въ ней гармонія, все диво (въ альбомъ Н. А. Гончаровой)	439
«Все жалобы, упреки» Отрывокъ	532
«Все кончено: межъ нами связи нѣтъ.» Отрывокъ	541
«Всѣ говорятъ ояъ Вальтеръ Скоттъ.»	509
Вульфъ (изъ письма къ) «Здравствуй Вульфъ.»	286
Вульфъ Е. Н. въ Альбомъ. «Если жизнь тебя обманеть.»	309
«Въ Еврейской хижинѣ лампада.»	456
«Въ крови горитъ огонь желанья.» (Подражаніе.)	305
«Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой.»	216
«Въ молчаньи предъ тобй сижу» (Экспромптъ)	514
«Въ надеждѣ славы и добра.» (Стансы)	336
«Въ началѣ жизни школу помню я. (Подражаніе Данту)	429
«Въ немъ пунша и войны.» (Къ портрету Каверина.)	514
«Въ отдаленія отъ васъ» (Е. К. Ушаковой.)	377
«Въ печальной праздности я лиру забывалъ» (Къ ней.)	179
«Въ пещерахъ Геликона (къ Батюшкову)»	69
«Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ» (Чаадаеву)	229
«Въ тревогѣ пестрой и бесплодной.» (Въ альбомъ А. О. С—ой).	452
«Въ часы забавъ, иль праздной скуки.» «Стансы.»	406
Выздоровленіе	191
«Вы избалованы природой;» Е. Н. Ушаковой.	401
«Вы съединить могли.» (въ альбомъ (И. Я Сосницкой.)	194
Вяземскаго (къ портрету).	249
Вяземскому. Огвѣтъ на его стихи	357

Г.

Галичу. (къ) Посланіе «Гдѣ ты, лѣннинецъ мой.»	63
— — «Пусеай угрюмый рифмотворъ.»	61
Гальбергу (къ) Художнику	488
Гауеншильдъ и Энгельгардъ	546
Гафиза (изъ). «Не плѣняйся бранной славой.»	388
Герой. «Да, слава въ прихотяхъ вольна.»	414
Геснеру—русскому. Панаеву	511
Синкѣ Ѳ. Н. «Когда средь оргій жизни шумной.»	264
«Глухой глухова звалъ къ суду судья глухова.»	512
Гвѣздичу. Экспромптъ «Съ тобою въ споръ я не вступаю.»	210
Голицыной (А. И.). «Краевъ чужихъ неопытный любитель.»	183

Голицыной (Е. А.). «Давно объ ней воспоминанье»..	268
Голицыну, (А. Н.) Надгробная надпись .	270
Гонзаго (изъ). Съ португальскаго. (Отрывокъ)	530
«Гонимый рока самовластьемъ» (въ альбомъ).	453
Гончаровой Н. А. «Все въ ней гармонія, все диво».	439
Горацию—подражаніе. «Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ»	482
«Горишь ли ты, лампада наша» (Изъ письма Я. И. Толстому)	260
Городокъ.	32
«Городъ пышный, городъ бѣдный»	357
Горчаковой Княгинѣ А. М. Stances	57
Горчакову. В. П. (Отрывокъ). «Зима мнѣ рыхлоу стѣною»	263
Горчакову (Кн. А. М.) 1. «Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатою весной»	147
2. «Питомецъ модъ, большаго свѣта другъ»	207
3. «Пускай, не знаясь съ Аполлономъ»	497
Готовцевой (А. Н.). Отвѣтъ	362
Гревеницу Барону П. Б. Mon portrait	56
Гречанкѣ.	285
Гробъ Анакреона.	83
Гробъ юноши	240
Гульянову. И. А. «О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье»	411
Гусаръ	461

Д.

Даве (То Даве, esq.)	378
«Давно объ ней воспоминанье» (Е. А. Голицыной)	268
Давыдову (А. Л.). «Нельзя, мой толстый Аристиппъ».	271
Давыдову (Д. В.) «Тебѣ пѣвцу, тебѣ герою»	487
«Даръ напрасный, даръ случайный». (26 Мая 1828.)	379
«Два чувства дивно близки къ намъ» Отрывокъ	540
Движеніе.	328
Делибашъ.	391
Деліи (къ)	3
Делія	496
Дельвигу: 1. «Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ увидѣлъ предъ собою»	160
2 «Другъ, Дельвигъ, мой Парнасскій братъ».	225.
3. Загадка	401
5. «На мосту стояла старица»	500
6. «Послушай, Музы невинныхъ»	67
7. «Прими сей черепъ»	350

7 Старица Пророчица	500
Дельвигъ (Баронессѣ (Марьѣ Антоновнѣ)	101
1. «Вамъ восемь лѣтъ, а мнѣ семнадцать было.»	101
2. «Вчера мнѣ Маша приказала.»	154
Демонъ.	267
Джіани. (Изъ Франческо) «Какъ съ древа сорвался»	489
Діонея.	250
«Для береговъ отчизны дальней»	427
Добрый человѣкъ.	516
Добрый совѣтъ. Изъ Парни	178
«Долго сихъ листовъ завѣтныхъ» (въ альбомѣ.)	452
Домовому.	205
Донъ.	389
Дорида. «Въ Доридѣ нравятся и локоны златые»	212
Доридѣ Подражаніе Шенье. «Я вѣрю; я любимъ; для сердца нужно вѣрить»	213
Дорожныя жалобы.	385
Дочери Карагеоргія.	216
«Другъ, Дельвигъ, мой Парнасскій братъ» (къ Дельвигу)	223
Другу стихотворцу. (къ).	10
Дружба	327
Друзьямъ. «Богами вамъ еще даны.»	141
«Вчера былъ день разлуки шумной».	253
Дѣва. «Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой».	250

Е.

«Его стиховъ плѣнительная сладость». (Къ портрету Жуков- скаго.)	193
Елисаветъ Алексѣевнѣ (Императрицѣ).	209
«Если жизнь тебя обманетъ». (Въ альбомѣ Е. Н. Вульфъ)	309
«Есть въ Россіи городъ Луга»,	195
«Есть роза дивная, она.»	345
Ея глаза.	357
Ех ungue leonem	330

Ж.

Жалоба (С-ину.) «Вашъ дѣдъ портной»	262
Желаніе. «Кто видѣлъ край»	223

Желаніе. «Медлительно влекутся дни мои».	131
Желаніе славы.	306
Желаніе «Христось воскресь! Питомецъ Феба».	149
Живописцу (къ).	79
«Живъ, живъ Курилка!».	326
«Житѣе тому, любезный другъ», (въ альбомъ М. А. Щербинину.)	189
Жуковскому: 1. «Благослови, поэтъ! Въ типѣ Парнасской сѣни»	156
2. Къ портрету его	193
3. На изданіе книжекъ: для немногихъ	194

3.

«Забудь, любезный мой Каверинъ» (Ш. П. Каверину)	173
«Забыль и рошу, и свободу» «Отрывокъ»	540
«Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый.» (Ө. Ө. Матюшкину).	524
Завѣщаніе (мое) друзьямъ.	74
Завыщаніе. «Друзья! простите, завѣщаю	508
Загадка (При посллкѣ Дельвигу бронзоваго сфинкса.)	401
Заздравный кубокъ.	107
«За Netty сердцемъ я летаю».	510
Записка къ пріятелю. «Сегодня я поутру дома».	218
Записки къ пріятелю (изъ) «Куда же ты».	438
Застольная нѣсня: «Здорово Юрьевъ именинникъ» (Экспромить)	210
«За ужиномъ объѣлся я».	508
«Зачѣмъ безвременную скуку» (А. П. Плещееву.)	248
«Зачѣмъ кричишь ты что ты дѣва». (На Пучкову.)	508
«Здорово Юрьевъ именинникъ» (Ө. Ф. Юрьеву)	210
«Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой! (Изъ письма къ Вульфъ.)	286
Земля и море .	222
«Зима мнѣ рыхлою стѣною» (В. П. Горчакову.)	263
«Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ».	395
Зимнее утро	396
Зимній вечеръ.	318
Зимняя дорога.	331
Золото и булатъ.	355
«Зорю бьютъ.... Изъ рукъ моихъ» отрывокъ .	388
Зубову, (въ альбомъ.) «Когда погаснутъ дни мечтанья».	177

И.

• Издревле сладостный союзъ» (къ Языкову.)	285
Измѣны	4
Изъ письма. «Есть въ Россіи городъ Луга»	195
Иличевскому. Въ Альбомѣ	169
Имянины.	515
Имяниницѣ (къ)	509
• И недовѣрчиво, и жадно» (Отвѣтъ А. М. Готовцевой).	362
Иностранкѣ. (Въ альбомѣ Г-жѣ Ризлиць.)	271
• И вѣжій духъ повѣялъ невидимо».	251
Испанскій романсъ	272
Истина.	116
Исторія стихотворца.	516
• И ты любезный другъ, оставилъ» (къ Н. Г. Ломоносову.)	26
«И чувствую, душа» «Отрывокъ.»	540

Б.

Каверину. (къ) П. П. 1 «Забудь, любезный мой Каверинъ,»	173
2. Къ портрету его.	514
Кавказъ.	391
Казакъ.	70
«Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я».	358
«Какъ брань тебѣ не надобла».	516
• Какъ сатирой безымянной». (Эпиграмма)	404
Какъ съ древа сорвался предатель ученикъ». (Изъ Ф. Джіани).	489
Калмычкѣ	389
Капризъ. «Румяный критикъ мой»	424
Картина (недоконченная).	206
Катенину. 1) «Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ».	227
2) (Отвѣтъ), «Напрасно пламенный поэтъ».	381
Катулла (изъ) Мальчику.	484
Каченовскому. (Эпиграмма.)	262
Кернь (къ А. П.), «Я помню чудное мгновенье;»	310
«Клеветникамъ Россіи.	439
«Клянусь четой и нечетой».	289
«Кобылица молодая». (Подражаніе Анакреону.)	372
Коварность.	287
«Когда бъ не смутное влеченье.»	469
«Когда бывало, встарину». (Е. Н. Ушакову.)	345

• Когда великое свершалось торжество .	430
• Когда владыко Ассирійскій, «Отрывокъ.»	528
«Когда въ объятія мои.» (Отрывокъ.)	446
• Когда за городомъ задумчивъ я брожу .	487
• Когда къ мечтательному міру . (Жуковскому.)	194
• Когда погаснуть дни мечтанья. (Зубову А. Н.)	177
• Когда сожмешь ты снова руку » (Н. И. Кривцову)	190
• Когда средь оргій жизни шумной» (Ө. Н. Глинкѣ.)	264
• Когда твои младыя лѣта .	384
• Когда-то, помню съ умиленьемъ». (А. Д. Баратынской.)	454
Козлову. • Пѣвецъ! Когда передъ тобой .	308
• Колокольчики звенять . «Отрывокъ»	539
Кольна (Подражаніе Оссіану)	13
Конрадъ Валенродъ (отрывокъ).	366
Жочубей (къ Гр.). «Простой воспитанникъ природы»	519
Кошанскому (Моему Аристарху.) .	102
• Краевъ чужихъ неопытный любитель . (Къ А. И. Голицыной.)	183
Красавица. • Все въ ней гармонія, все диво .	439
Красавица передъ зеркаломъ	250
Красавицѣ, которая нюхала табакъ	22
Кривцову. Н. И. «Когда сожмешь ты снова руку»	190
— «Не пугай насъ, милый другъ» .	201
• Критонъ, роскошный гражданинъ . «Отрывокъ.»	387
Кромѣшникъ.	367
• Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ .	343
«Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ . (Изъ Горациа)	482
• Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ . (П. А. Катенину)	227
• Куда ты холоденъ и сухъ . (В. И. Панаеву.)	511
Couplets. Quand un poète en son extâse	184
• Къ Е. . . ву: Страдалецъ произвольной муки .	552
Къ ней. • Въ печальной праздности я лиру забывалъ .	179
— «Эльвина, милый другъ!»	107
Къ Н. «Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ .	471
Къ тебѣ собирался я давно» (Къ Языкову)	347
• Къ чему холодныя сомнѣнья? (Чаадаеву)	214
Къ*** «Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки»	521
Къ *** «Не спрашивай зачѣмъ унылой думой» .	182
Къ *** . «Прости мнѣ, милый другъ» (Городокъ)	32
Къ *** «Счастливъ, кто избранъ своею правдою» .	360
Кюхельбекеру В. К. 1. Разлука	170
2. «Ты въ страсти горестной» . . .	192

Кюхельбекеру. В. К. Двѣ эпиграммы: 1. Несчастье Клита	507
2. «Вотъ Виля».	507
— Мечтателю	192

Л.

Леда, (Кантата.)	50
Лидинскѣ. «Я знаю, Лидинька, мой другъ».	220
Лидѣ (письмо къ) (Подражаніе Парни.) «Лишь благосклон- ный мракъ раскинетъ».	162
Лидѣ (посланіе). «Тебѣ, наперсница Венеры».	105
«Лизѣ страшно полюбить»	510
Лилѣ «Лила, Лила, я страдаю» (Маріи Смитъ)	515
Литературное извѣстіе.	403
Лицейскія годовщины. См. Октябрь 19	311, 355, 444, 492
Лицинію.	96
Ломоносову (къ Н. Г.), «И ты любезный другъ, оставилъ».	26
«Лузъ звенить, стрѣла трепещетъ» «Эпиграмма»	355
«Любви, надежды, гордой славы». (къ П. А. Чаадаеву.)	188
Любезный имянникъ (къ Пушкину).	59
«Любимецъ вѣтренникъ Лаисъ». (Къ О. О. Юрьеву)	186
«Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный»	252
«Любовь одна веселье жизни хладной».	136
Любопытный (Эпиграмма). «Что жъ новаго?— Ей Богу ничего»	373

М.

Мадона. «Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ»	412
Мальчику, (изъ Катулла).	484
Марота, (изъ), Старикъ	80
«Мальчикъ! Солнце встрѣтить должно. (Эксиромптъ).»	262
«Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ». (Эпиграмма.)	404
Матюшкину. «Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый».	524
Машѣ (къ). Сестрѣ Дельвига «Вчера мнѣ Маша приказала»	154
Мая 26-го 1828. «Даръ напрасный»	379
«Меня въ бѣду повергъ.»	508
Мечтатель. «По небу крадется луна,	81
Мечтателю. «Ты въ страсти горестной» (Кюхельбекеру).	192
Мицкевича. (изъ) Будрысь и его сыновья	459
— «Воевода».	457
— Отрывокъ изъ поэмы Копрадъ Валенродъ	366
Мицкевичъ. «Онъ между нами жилъ».	470
«Мнѣ бой знакомъ».	209

- Мнѣ видится мое селенье » (къ Юшеву)	150
« Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки. » (Къ ***)	521
« Могуль забыть то сладкое мгновенье »	519
Моей чернильницѣ (къ)	231
Моему Аристарху.	102
« Мой другъ, забыты мной слѣды » (Элегія)	239
« Мой другъ, не славный я поэтъ, » (въ альбомъ А. Д. Иллч- чевскому)	169
- Мой другъ! остался я живымъ »	513
« Мой милый, какъ несправедливы ». (Н С. Алексѣеву)	247
- Мой первый другъ, мой другъ бездѣнный ». (Н. И. Пущину.)	338
Мой портретъ (mon portrait).	56
Молдавская пѣснь. Черная Шаль	217
Молитва Лейбъ-Гусарскихъ Офицеровъ	545
Молитва. « Отцы-пустынники »	490
Молодой актрисѣ (къ)	54
Молодой вдовѣ (къ). (Маріи Смитъ.)	177
Монастырь на Казбекѣ	392
Mon portrait. (Борону П. О. Гревеницу)	56
Мордвинову. « Подъ хладомъ старости угрюмо угасаль » Отрывокъ	526
Морфею (къ)	141
Морю (къ)	273
Моя родословная « Смиясь жестоко надъ собратомъ ».	433
Моя эпитафія	74
Муза. « Въ младенчествѣ моею она меня любила ».	224
Мѣсяць	134

Н.

Н*** (къ) « Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ »	471
На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 г.	85
На выздоровленіе Лукулла.	548
Надгробная надпись Кн. А. Н. Голицыну.	270
« Надо мной въ лазури ясной » « Отрывокъ »	538
Надпись къ бесѣдкѣ.	509
« На лирѣ, скромной, благородной ».	209
« На мосту стояла старица ». (Барону Дельвигу.)	500
На переводъ Иліады.	437
Наперсникъ.	359
« Наперсница волшебной старины »	227
Наполеонъ.	234
Наполеонъ на Эльбѣ.	88

«Напрасно видишь тутъ ошибку» • Отрывокъ •	387
«Напрасно, пламенный поэтъ,» (Катенину.)	381
• Напрасно я бѣгу къ Сіонскимъ высотамъ •	510
На Профессора	550
На Пучкову	508
Наслажденіе. «Въ неволѣ скучной увядаетъ» . . .	165
На статую изображ. «Мальчика играющаго въ бабки»	520
На статую изображ. «Мальчика играющаго въ свайку»	521
Наташѣ (къ). «Такъ, и мнѣ узнать случилось,»	52
Наташѣ (къ). «Вянетъ, вянетъ лѣто красно»	153
Начало повѣсти. «Въ Еврейской хижинѣ лампада» .	456
Начало посланія къ Ѳ. Ѳ. Матюшкину • Отрывокъ •	524
• На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла» . (Отрывокъ.)	390
Наѣздникъ. «Глубокой ночи на поляхъ»	125
• На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣрной» . «Отрывокъ» .	523
• На языкѣ тебѣ невнятномъ» (Въ альбомѣ Г-жѣ Ризничъ.)	271
• Невѣдомскій поэтъ» . . .	512
«Недавно я въ часы свободы» .	228
• Недавно я стихами какъ-то свиснулъ» . (Ех. ungue leonem)	330
• Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума»	468
Недоконченная картина	206
«Не дорого цѣню я громкіе права» . изъ VI Пиндемонте.	491
• Нельзя, мой толстый Аристиппъ» . (А. Л. Давыдову.)	271
«Ненастный день потухъ» .	266
• Не плѣвайся бранной славой» . (Изъ Гафиза.)	388
• Не пой красавица, при мнѣ» .	359
• Не пугай насъ, милый другъ» . (И. И. Кривцову.)	201
Нереида. «Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду» .	213
«Не розу Паеосскую» . . .	485
• Не спрашивай зачѣмъ унылой думой» . (Къ ***)	182
Несчастье Клита. (Эпиграмма на Кюхельбекера.)	507
«Не то бѣда Авдей Флюгаринъ» .	512
• Ни блескъ ума, ни стройность платья» . (Г-жѣ Эльфректъ.)	547
Новоселье.	432
«Ночной Зефиръ» (романсъ)	272
Ночь. «Мой голосъ для тебя» .	267
«Ночь свѣтла, въ небесномъ полѣ» . Отрывокъ.	325
Ночью, во время бессонницы.	424
Н. Н. «Могу ль забыть то сладкое мгновенье» .	519
Н. Н. (При посылѣ ей Невскаго Альманаха.)	327
Н. Н. (къ) «Счастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ»	402
• Нѣтъ не Черкешенка она:» (Ѳ. Тум анскому.)	333

«Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати».	262
«Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу».	453
«Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ».	433
«Нѣтъ, я не льстецъ, когда Царю». (Стансы).	437
Нянѣ. «Подруга дней моихъ суровыхъ». Отрывокъ.	526

О.

Обваль	393
«Обиженный журналами жестоко». (Эпиграмма.)	403
Объясненіе	474
Овидію (къ).	244
Ода. Гр Хвостову .	541
«Однажды, странствуя среди долины дикой». (Странникъ.)	465
Оды Анакреона: Отрывокъ.	483
— LVI «Порѣдѣли, побѣлѣли».	484
— LVII «Что же сухо въ чашѣ дно».	483
«О двѣ роза, я въ оковахъ».	213
Окно.	133
«О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье». (И А. Гулянову.)	411
Октября 19. (Лицейскія годовщины). 1823. «Ровняетъ лѣсъ багряный свой уборъ»	311
— — 1827. «Богъ помочъ вамъ, друзья мои».	355
— — 1831. «Чѣмъ чаще празнуетъ Лицей».	444
— — 1836. «Была пора: нашъ праздникъ молодой»	492
Олеговъ щить .	394
Ольга. «Ольга, вѣстница Кипрады».	219
«О Муза пламенной сатиры»	436
Она. «Печаленъ ты, признайся»	513
Опытность.	21
Опять на родинѣ. («Вновь я посѣтилъ»).	479
«Опять я вашъ, о юные друзья».	135
Орлову. А. Ѳ. «О ты, который сочеталъ».	187
Осгаръ.	45
Осеннее утро	131
Осеннее чувство,	420
Осень. «Октябрь уже наступилъ».	420
Осиповой. (къ А. И.) «Я васъ люблю, хоть я бѣшусь»	288
Осиповой (П. А.) «Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ»	309
Отвѣтъ Анониму (И. А. Гулянову)	411
Отвѣтъ А. П. Готовцевой.	362
Отвѣтъ Катенину	381

Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь Е. И. В. Государыни Елисаветы Алексѣевны.	209
Отвѣтъ О. Туманскому	333
Отвѣтъ. «Я васъ узналъ, о мой оракулъ»	406
«Отраднѣмъ ангеломъ на землю онъ явился» (А. Н. Голицыну.)	270
«Отрокъ милый, отрокъ нѣжный» (Подражаніе арабскому.)	486
Отрокъ. «Неводъ рыбакъ разстилялъ»	436
Отрывки: 1 «Быль и я средѣ Донца въ»	386
2. «Критонъ роскошный гражданинъ»	387
3 «Напрасно видишь тутъ ошибку»	387
4. «Зорю бьютъ... Изъ рукъ моихъ»	388
Отрывки изъ Посланія къ Юшкову.	150
Отрывки мелкіе (черновыя наброски), изъ Матеріаловъ для біографіи Пушкина. П. В. Анненкова.	
1. „Надо мной въ лазури ясной“	538
2. „Стою печально на кладбищѣ“	538
3. „Стрелотунья бѣглобока“	538
4. „Колокольчики звенять“	539
5. „Только что на проталинахъ весеннихъ“	539
6. „Тамъ на берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный“	539
7. „И чувствую, душа“	540
8 „Все въ жертву памяти твоей“	540
9. „Счастливъ, кто близъ тебя, любовникъ, упоенный“	540
10. „Два чувства дивно близки къ намъ“	540
11. „Забылъ и рощу, и свободу“	540
12. „Все кончено: межъ нами связи нѣтъ“	541
Отрывки и неоконченныя стихотворенія неизвѣстныхъ годовъ:	
1 „Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва.“	523
2. „На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣрной“	523
3. „Я думалъ, сердце позабыло“	524
4 „Братъ милый! Отрокомъ разстался ты со мной“	524
5 Начало посланія къ О. О. Матюшкину	524
6. „Везувій зѣвъ открылъ“	525
7. „Ночь свѣтла; въ небесномъ полѣ“	525
8. „Послушайте, я вамъ скажу про старину.“	525
9. „Что козырь? — Черви“	525
10. „Подруга дней моихъ суровыхъ“	526
11 „Подъ хладомъ старости“ «Мордвинову»	526
12. „Ты правъ, мой другъ“	527
13. „Воспомянѣемъ упоенный“	528
14 „Когда Владыко Ассирійскій“	528
15. „Печалень будетъ мой рассказъ“	529

16. «Блеститъ луна»,	529
17. «Французскихъ рифмачей суровый судя.»	530
18 Съ Португальскаго «Gonzago»	530
19. Изъ Alfieri. Сомнѣнне, страхъ, порочную надежду.	532
20. Все жалобы, упреки, слезы—мочи нѣтъ;	532
21. Переводъ XXIII пѣсни Ариостова Orlando furioso октавы 100—112	533
Отрывокъ изъ анакреона.	483
Отрывокъ изъ записки В. П. Горчакову	263
Отрывокъ изъ письма С. А. Соболевскому.	339
Отрывокъ изъ поэмы Конрадъ Валенродъ. Мицкевича	366
Отрывокъ. «Когда въ объятія мои».	446
Отрывокъ. «На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла»	390
Отрывокъ Г-жѣ Эльфрктъ	547
«Отъ меня вѣчоръ Лейла»	485
«Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая міръ» . (Н. Б. Юсупову.)	407
«О ты, которая изъ дѣтства» Элегія	188
«О ты, который сочеталъ» (къ А. Ѳ. Орлову)	187
«Охотникъ до журнальной драки»	516
«О, Эгельстромъ! я восхищенный» .	517

II.

Пажъ, или пятнадцатый годъ	426
Памятникъ «Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный	494
Панаеву В. И. «Куда ты холоденъ и сухъ»	511
Парни (изъ) Добрый Совѣтъ	178
Пародія на стихотвореніе Жуковскаго «Тлѣнность»	210
— «Ты помнишь ли, ахъ, ваше благородіе» .	377
Переводъ XXIII пѣсни Ариостова «Orlando furioso» Октавы 100—42	533
Переводъ Илиады (на)	437
«Передъ гробницею святой»	476
«Печалень будетъ мой рассказъ» Отрывокъ	529
Пиндемонте (изъ VI)	491
Пирующіе студенты, «Друзья, досужій часъ насталь»	23
Пиръ Петра Перваго	478
Письмо къ В. Л. Пушкину. (Тебѣ, о Несторъ Арзамаса.)	128
Письмо къ Лидѣ (Подражаніе Парни)	162
Письму, (къ) «Въ немъ радости мои»	514
«Питомецъ модъ, большаго свѣта другъ». (Князю А. М. Горчакову	207

Платонизмъ (Лидинскѣ)	220
Плещееву А. П. «Зачѣмъ безвременную скуку».	248
• Повѣрьте мнѣ — Фигляринъ моралистъ.	312
• Погасло дневное свѣтило.	211
Погребъ. «О, жальтесь надъ мною»	409
Подражанія.	
1) Анакреону. «Кобылица молодая».	372
2) «Арабскому. «Отрокъ милый, отрокъ нѣжный».	486
3) Оссіану. Кольна.	13
4) «Вертоградъ моей сестры».	305
5) «Въ крови горитъ огонь желанья».	305
6) Гораціевой одѣ.	482
7) Данту. «Въ началѣ жизни шею помню я».	429
8) Древнимъ. а) изъ Кекиффона Колофонскаго	454
б) изъ Аэнея.	455
в) Юнъ Хиосскій. (Вино.)	455
9) Италіанскому (изъ Франческа Джани)	480
10) Корану	289
11) Парни «Лишь благосклонный мракъ раскинетъ».	162
12) — «Прозерпина»	275
12) — Фавнъ и Пастушка	101
13) Португальскому	330
14) Французскому. (Эпиграмма).	73
15) Шенье. «Ты вянешь и молчишь».	297
16) Шенье «Я вѣрю, я любимъ».	213
17) «Я видѣлъ смерть, она сидѣла».	140
• Подруга дѣй моихъ суровыхъ, (нянѣ) «Отрывокъ».	326
• Подъ вечеръ осенью пенасной». (Романъ)	27
• Подъ небомъ голубымъ струны своей родной». (Элегія.)	333
«Подъ хладомъ старости угрюмо угасаль». (Мордвинову) (Отрывокъ).	326
• Подъѣзжая подъ Ижору»	364
«Покойникъ Клинъ». (Эпитафія).	514
Полководецъ.	472
• Полюбуйтесь же вы, дѣти. (Экспромтъ.)	318
• Помнишь ли, мой братъ по чашѣ», (къ Пушкину.)	498
Портрету (къ) П. А. Вяземскаго	249
— Жуковскаго.	193
— Каверина.	514
Портретъ «Съ своей пылающей душой». (А. Ѳ. З. . й)	358
«Порѣдѣли, побѣдѣли». Ода L. I. (Изъ Анакреона.)	484
«Послушай, Музы невинныхъ» (къ Дельвигу) . . .	67